

Фонд
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«Университет»

Серия: «Патриоты Отечества»

**ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН –
государственный и военный деятель
Российской империи**

К 170-летию со дня рождения

Коллективная монография

Под общей редакцией

Виктора Петровича Сальникова

доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

**ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ**

Санкт-Петербург
2018

“UNIVERSITY”
Foundation for Science and Education in the Field
of Law Enforcement

Series: Patriots of the Homeland

**GENERAL KUROPATKIN –
State and Military Leader
of the Russian Empire**

170th Anniversary of his Birth

Collective monograph

Edited by
Victor Petrovich Sal’nikov
Doctor of Law, Professor,
Distinguished Fellow of Science and Honorary Fellow
of Higher Professional Education of the Russian Federation

St. Petersburg
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г34

Серия: «Патриоты Отечества»

Автор и руководитель проекта – **Сальников Виктор Петрович**,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; О.А. Белозерова, И.В. Белоконь, О.А. Гоков, Н.В. Григорьева, С.В. Моисеев, Н.Ю. Николаев, Ю.Г. Попов, Р.Ю. Почекаев, В.П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2018. – 370 с. – (Серия: «Патриоты Отечества»).

Монография посвящена 170-летию со дня рождения видного государственного и военного деятеля Российской империи, патриота Отечества Алексея Николаевича Куропаткина [17(29).03.1848 – 16.01.1925]. Впервые усилиями группы авторов при поддержке фонда «Университет» осуществлен проект, раскрывающий не только малоизвестные стороны многогранной деятельности генерала, но и страницы его биографии. Представленный материал также знакомит читателя с новыми данными и современным научным подходом к интерпретации ряда важных событий конца XIX – начала XX вв., включая русско-японскую войну (1904-1905), что меняет сложившееся в XX в. представление о роли А.Н. Куропаткина в истории и заставляет обратиться к его военно-историческому наследию и научным трудам последних лет его жизни.

Издание предназначено для всех интересующихся военно-политической историей, отечественных вооруженных сил и историей России в целом.

Рецензенты:

Захарцев Сергей Иванович, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук;

Ковалёв Сергей Николаевич, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института «Военной истории» Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, доктор исторических наук, полковник.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040481-7-7

© Фонд «Университет», 2018
© Коллектив авторов, 2018
© В.П.Сальников, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Series: Patriots of the Homeland

Author and Manager – **Victor Petrovich Sal'nikov**
Doctor of Law, Professor,
Distinguished Fellow of Science and Honorary Fellow
of Higher Professional Education of the Russian Federation

General Kuropatkin – State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth: Collective monograph / Ed. by V.P. Sal'nikov; O.A. Belozerova, I.V. Belokon, O.A. Gokov, N.V. Grigorieva, S.V. Moiseev, N.Yu. Nikolaev, Yu.G. Popov, R.Yu. Pochekeyev, V.P. Sal'nikov. – St. Petersburg: Foundation «University», 2018. – 370 p. – (Series: Patriots of the Homeland).

This monograph is dedicated to the 170th anniversary of birth of a prominent state and military figure of the Russian Empire and patriot of the Homeland Alexei Nikolayevich Kuropatkin [17(29).03.1848 – 16.01.1925]. For the first time, the efforts of the group of authors with the support of the «University» Foundation carried out a project that reveals not only the little-known aspects of the multifaceted activity of the General, but also pages of his biography. The presented material also introduces the reader to new data and modern scientific approach to the interpretation of a number of important events of the late 19th and early 20th centuries, including the Russo-Japanese War (1904-1905), which changes the 20th century-representation of the role of A.N. Kuropatkin in history makes us turn to his military-historical heritage and scientific works of the last years of his life.

This publication is intended for all who are interested in the military and political history, domestic armed forces and the history of Russia as a whole.

Reviewers:

Zakhartsev Sergey Ivanovich, Lead Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law;

Kovalyov Sergey Nikolayevich, Lead Researcher, Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Doctor of History, Colonel.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040481-7-7

© «University» Foundation, 2018
© Team of Authors, 2018
© V.P. Sal'nikov, 2018

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозерова Ольга Александровна, историк-исследователь, независимый консультант, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия); E-mail: oab1991@yahoo.com – введение (в соавт.), главы 6-10, 12, 13 (в соавт.), 15;

Белоконь Ирина Васильевна, заместитель председателя Омской областной организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ, кандидат исторических наук (г. Омск, Россия); E-mail: irinabelokon@mail.ru – глава 3;

Гокон Олег Александрович, историк-исследователь, кандидат исторических наук, доцент (г. Харьков, Украина); E-mail: gokovoa@gmail.com – глава 5;

Григорьева Нина Васильевна, заведующая библиотекой г. Зеленогорск, краевед (г. Зеленогорск, Ленинградская область, Россия) – глава 13;

Моисеев Сергей Владимирович, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Барнаул, Россия); E-mail: moiseev-tpg@gambler.ru – глава 4;

Николаев Николай Юрьевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института, кандидат исторических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия); E-mail: niksam@mail.ru – глава 2;

Попов Юрий Григорьевич, историк-краевед, кандидат технических наук (г. Санкт-Петербург, Россия); E-mail: kraeved-porov@mail.ru – глава 11;

Почакаев Роман Юлианович, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия); E-mail: ropot@mail.ru – глава 1;

Сальников Виктор Петрович, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант (г. Санкт-Петербург, Россия); E-mail: fonduniver@bk.ru – от редакции, введение (в соавт.), глава 13 (в соавт.).

ABOUT AUTHORS

Belozerova Olga Alexandrovna, Ph.D., Research Historian, Independent Consultant (St. Petersburg, Russia); E-mail: oab1991@yahoo.com – Introduction (w/co-author), Chapters 6-10, 12, 13 (w/co-author), 15;

Belokon Irina Vasilievna, Deputy Chairman of the Omsk Regional Organization of the Trade Union of Public Education and Science of the Russian Federation, Ph.D. in History (Omsk, Russia); E-mail: irinabelokon@mail.ru – Chapter 3;

Gokov Oleg Aleksandrovich, Research Historian, Ph.D. in History, Associate Professor (Kharkov, Ukraine); E-mail: gokovoa@gmail.com – Chapter 5;

Grigorieva Nina Vasilevna, Local Historian, Library Director (Zelenogorsk City, Leningrad Region, Russia) – Chapter 13;

Moiseyev Sergey Vladimirovich, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ph.D. in History, Associate Professor (Barnaul, Russia); E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru – Chapter 4;

Nikolaev Nikolay Yurievich, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Volzhsky Polytechnic Institute, Ph.D. in History, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia); E-mail: nikcam@mail.ru – Chapter 2;

Popov Yuri Grigorievich, Ph.D. in Engineering, Local Historian (St. Petersburg, Russia); E-mail: kraeved-popov@mail.ru – Chapter 11;

Pochekayev Roman Yulianovich, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, St. Petersburg National Research University, Higher School of Economics, Ph.D. in Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia); E-mail: ropot@mail.ru – Chapter 1;

Sal'nikov Viktor Petrovich, Editor in Chief, «Legal Science: History and the Presence» Journal; Doctor of Law, Professor, Distinguished Fellow of Science and Honorary Fellow of Higher Professional Education of the Russian Federation, Lieutenant General (St. Petersburg, Russia); E-mail: fonduniver@bk.ru – From the Editor, Introduction (w/co-author), Chapter 13 (w/co-author).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	11
Введение.....	15

А.Н. Куропаткин – государственный деятель

1. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина	29
2. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г.	48
3. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина	71

А.Н. Куропаткин – востоковед, дипломат

4. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876–1877 гг.	87
5. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и их влияние на формирование его взглядов на политику Российской империи относительно Персии	103

Личность в истории. Генерал А.Н. Куропаткин накануне и в период русско-японской войны (1904-1905)

6. Генерал Куропаткин – реальный или вымышленный образ?.....	124
7. Военный министр А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны в связи с боксерским восстанием	157
8. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905)	183
9. Генерал А.Н. Куропаткин во главе Маньчжурской армии в начальный период русско-японской войны (1904 – 1905) и «двоевластие» на театре военных действий.....	200
10. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире.....	234

Малоизвестные страницы жизни А.Н. Куропаткина в Шешурино

11. Опыт историко-краеведческого изучения жизни и деятельности А.Н. Куропаткина в имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии.....	254
---	-----

Приложение

12. Личный фонд А.Н. Куропаткина в Российском государственном военно-историческом архиве.	318
13. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина	321
14. Скрещение судеб: Куропаткин и другие.....	325
15. Выставка отдела рукописей Российской Национальной библиотеки: К 170-летию со дня рождения военного министра Алексея Николаевича Куропаткина	331
Библиография	353

CONTENTS

From the Editor	11
Introduction	15

Kuropatkin as Statesman

1. Political structure and law of Turkmen in scientific works and state activity of A.N. Kuropatkin	29
2. Kuropatkin and The Hague Peace Conference of 1899	48
3. “Civilization Faults” and “Yellow Danger” in the context of geopolitical views and ideas of A.N. Kuropatkin	71

Kuropatkin as Orientalist and Diplomat

4. Military and Diplomatic mission of Kuropatkin to Yattisar in 1876-1877.	87
5. General Kuropatkin’s trips to Persia in 1895 and 1897 and their impact on the formation of his views regarding Persia.....	103

Personality in History. General Kuropatkin prior and during the Russo-Japanese War (1904-1905)

6. General Kuropatkin – Real or Fictional Image?	124
7. Minister of War Gen. Kuropatkin during the Boxer’s Rebellion in China prior the Russo-Japanese War	157
8. Position and views of the War Minister A.N. Kuropatkin in connection with the decision of the Manchurian question on the eve of Russo-Japanese War	183
9. General Kuropatkin at Commander of the Manchurian Army during the initial period of the Russo-Japanese War and «duality in power» at the theater of military operations	200
10. General Kuropatkin about the Portsmouth Peace Treaty	234

Unknown Pages of the Life of Kuropatkin in Sheshurino

11. Historical and Regional Essay on the Life and Work
of Alexey Kuropatkin in his Sheshurino Estate
in Kholmshy District, Pskov Province 254

Appendices

12. Personal Archive of Gen. Kuropatkin at the Russian State
Military History Archive (РГВИА), Moscow 318
13. Chess of General A.N. Kuropatkin 321
14. At the Crossing of Destinies: Kuropatkin and others 325
15. Exhibition at the Russian National Library Department
of Manuscripts: 170th Anniversary of Birth
of Minister of War Alexey Kuropatkin 331
- Bibliography 353

ОТ РЕДАКЦИИ

В марте 2018 года исполнилось 170 лет со дня рождения генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, военного министра Российской империи (1898–1904) Алексея Николаевича Куропаткина (17(29).03.1848 – 16.01.1925).

В связи со знаменательной датой фонд «Университет» предпринял публикацию серии статей, посвященных этому видному военному и государственному деятелю Российской империи конца XIX – начала XX вв., часть которых вошла в предлагаемую вниманию читателя коллективную монографию, раскрывающую малоизвестные стороны его деятельности.

Интерес исследователей, военных кругов и общественности к личности, деятельности и наследию А.Н. Куропаткина по прошествии времени не угасает. Появляются не только научные, но и краеведческие и публицистические работы, в которых отмечается новый подход к интерпретации военной и государственной деятельности генерала. Новые данные и исследования о его жизни в имении Шешурино и о его семье раскрывают личность А.Н. Куропаткина в неожиданных для современного читателя ракурсах. А.Н. Куропаткин сегодня предстает как профессиональный военный, разведчик, исследователь, востоковед, геополитик, дипломат, военный администратор, ученый, просветитель и общественный деятель. В недавно переизданных военно-исторических работах и дневниках А.Н. Куропаткина очевидна актуальность многих поставленных и рассмотренных им вопросов, высказываний и выводов.

Однако очевидно, что влияние исторических и политических установок прошлого остается еще сильным. Искусственно и необоснованно созданный в советское время образ генерала заслонил собой выдающегося военного и государственного деятеля и патриота России. К сожалению в существующих биографических очерках и в информационной сети продолжает встречаться много неточностей, умолчаний и необоснованной критики, а о судьбе семьи генерала очень не многое известно.

Имя генерала в общественном сознании соотносится с русско-

японской войной (1904–1905). В связи со 100-летней годовщиной этой войны проведенный опрос населения и статистический анализ показали, что только около трети россиян имели в той или иной степени представление о событиях той войны и ее итогах и ассоциировали их преимущественно с началом войны (Чемульпо), с обороной крепости Порт-Артур и Цусимским сражением¹. Виновником военных неудач многими считался и до сих пор считается генерал А.Н. Куропаткин, сначала как военный министр, затем как командующий Маньчжурской армией. Как справедливо отмечают военные историки, «ассоциация с образом бездарного царского генерала» и «схематизм, далекий от объективного подхода», является унижительным для генерала А.Н. Куропаткина, который имел несомненные военные заслуги перед Россией². Новейшие исследования подтверждают это.

В последние годы стала раздаваться критика в адрес генерала и в связи с подавлением Среднеазиатского восстания 1916 года, при этом ряд фактов умалчивается или претерпевает искажение, забываются многие обстоятельства и достижения. В период с 22.07.1916 по 05.06.1917 генерал А.Н. Куропаткина принял назначение Туркестанским генерал-губернатором³ и командующий войсками Туркестанского военного округа, а также войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска (земли которого располагались на территории современного юго-восточного Казахстана и северной Киргизии). Его резиденция находилась в Ташкенте, откуда он управлял всем Туркестанским краем, в который в начале XX в. входили: Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская, Ферганская области и Хивинское ханство и Бухарский эмират. Судя по приводимой в данном издании карте-схеме видно, какое важное стратегическое положение занимал Туркестанский край.

¹ Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 27.

² Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М., 1997 // URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kuropat05.php.

³ «Числящийся по генеральному штабу, главнокомандующий армиями Северного фронта, Генерал-Адъютант, Генерал-от-Инфантерии Куропаткин назначается Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска, с зачислением по Семиреченскому казачьему войску и с оставлением по генеральному штабу и Генерал-Адъютантом» // Русский инвалид. 03 августа (21 июля) 1916.

После 1917 г. А.Н. Куропаткин в течении нескольких лет, даже находясь под арестом, работал над научным трудом, который считал наиболее важным из последних своих работ «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению», состоявший из 9 глав и выполненный им по первоисточникам, в том числе дневникам, которые он вел при посещении Семиречья в 1876, 1879, 1880 и 1916 гг. В первый раз А.Н. Куропаткин посетил Семиречье в чине поручика в 1870 г. Со временем также забывается, что будучи на посту Начальника Закаспийского края (1890–1898) А.Н. Куропаткин основал несколько городов, поселков, построил дороги и Закаспийскую железную дорогу, а также расширил столь важные для торговли посевы хлопчатника и шелка.

Генерал Куропаткин был назначен членом Государственного совета с 1906 г., но в заседаниях Государственного совета, по занимаемой должности военного министра, он участвовал с 1898 г. На картине И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения» (Русский музей, Санкт-Петербург) генерал Куропаткин изображен сидящим вторым во втором ряду слева, левой рукой опираясь на саблю.

Портрет генерала Алексея Николаевича Куропаткина, выполненный в качестве этюда для картины «Торжественное заседание Государственного Совета...», был создан в 1901–1903 гг. И.Е. Репиным и поступил в Картинную галерею Псковского музея-заповедника в 1930 г. из Государственного Русского Музея. В заседании Государственного Совета принимало участие шестьдесят важных государственных деятелей того времени. В настоящее время портрет выставлен в парадном зале Картинной галереи Псковского музея.

Генерал А.Н. Куропаткин собрал ценную библиотеку (около двенадцати тысяч томов), в которую вошли документы по истории русско-турецкой, русско-японской и англо-бурской войн, а также военная и другая литература. Часть этой библиотеки в настоящее время находится в отделе рукописных и редких книг Псковского музея-заповедника.

Несомненно, что жизнь таких людей, как А.Н. Куропаткин, заслуживает внимания и памяти и является примером служения и любви к отечеству. Не все дела свершаются, как они задуманы, но нельзя не отдать должное цельности характера, высоким идеалам, преданности своему делу и горячему желанию генерала служить во славу и процветание своей Родины. Историк нашего времени А.В. Ремнев

(Омский Государственный Университет), в результате своих исследований сделал вывод о неординарности А.Н. Куропаткина как личности, ученого, выдающегося знатока Востока и геополитика, являвшего собой новый тип российского государственного деятеля, и был одним из первых, кто обратил внимание на то, что Алексей Николаевич Куропаткин все еще остается недооцененным как государственный и военный деятель и представитель геополитической науки.

Несомненно, генерал А.Н. Куропаткин заслуживает внимания современников. На службу Отечеству он отдал 60 лет своей жизни и остался верным своей присяге и долгу до конца своих дней.

Редакция надеется, что предлагаемая вниманию коллективная монография будет встречена с интересом как историками, так и широким кругом читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография посвящена 170-летней годовщине со дня рождения государственного и военного деятеля Российской империи, автора военно-исторических и военно-географических трудов генерала Алексея Николаевича Куропаткина. Авторы раскрывают наименее исследованные стороны его жизни и деятельности как государственного деятеля, геополитика, востоковеда, дипломата и командующего Маньчжурской армией в русско-японскую войну (1904–1905), а также ученого, просветителя и патриота – человека, всю свою жизнь неустанно работавшего и верившего в светлое будущее своей Родины. Цель монографии познакомить читателя со взглядами А.Н. Куропаткина на важные государственные вопросы в связи с Йеттишаром, Персией, Туркестаном и Дальним Востоком, а также с малоизвестным последним периодом его жизни в родовом имении Шешурино.

Генерал Куропаткин (17(29) марта 1848 г., г. Витебск¹ – 16 января 1925 г., с. Шешурино) – один из виднейших представителей своего времени. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина до недавнего времени рассматривалась преимущественно в связи с событиями русско-японской войны (1904–1905) и трактуется как отечественными, так и зарубежными исследователями неоднозначно. Исследования, касающиеся деятельности А.Н. Куропаткина (или упоминающие его) в своем большинстве характеризуются тенденциозностью по отношению к генералу, основанной на определенном ряде широко известных и цитируемых, но небеспристрастных публикаций периода той войны и послевоенных лет, а также на воспоминаниях и критике его главного оппонента С.Ю. Витте² и на образе, созданном в

¹ Место рождения А.Н. Куропаткина часто указывается с. Шешурино. Н.В. Коломыцева обнаружила архивный документ, свидетельствующий о том, что место рождения генерала был г. Витебск. Этот факт подтверждается Ю.Г. Поповым.

² О публицистической деятельности С.Ю. Витте см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. Он же. С. Ю. Витте – мемуарист.

советский период с «легкой руки» историка М.Н. Покровского.

Военный историк П.А. Зайончковский отмечал, что некоторые исследователи «весьма примитивно делили тех или иных исторических деятелей на “хороших” и “плохих”, игнорируя при этом всю сложность и противоречивость, присущую человеческой натуре»¹. В последнее время резкие суждения в адрес А.Н. Куропаткина стали смягчаться и появляется все больше работ, посвященных ему очевиден процесс изменения отношения научных кругов к его деятельности, благодаря новым источникам и подходам, что нашло отражение в последних публикациях и ряде телевизионных проектов.

Тем не менее до сих пор оценка деятельности А.Н. Куропаткина и неточная или ошибочная информация о нем (в том числе биографическая) большей частью дублируется без должного научного интереса к нему, как военному, который занимал важнейшие государственные посты на протяжении почти 20 лет и который один из немногих знал всю совокупность условий обороны государства. В стороне остается и верификация имеющихся фактов и конкретный анализ условий, в которых он исполнял свои должностные обязанности. Обращает на себя внимание все еще схематичное, часто противоречивое отображение и интерпретация личности А.Н. Куропаткина за исключением ряда авторов (П.Н. Симанский, П.А. Зайончковский, И.В. Деревянко, А.В. Ремнев, Д.Б. Павлов, Е.Ю. Сергеев, И.В. Лукоянов и др.).

В целом, можно сказать, что на А.Н. Куропаткина даются отдельные ссылки по ходу повествования о военных действиях или в связи с той или иной ситуацией, однако сам он и его взгляды, позиция и деятельность, за исключением отдельных работ в этом направлении, не явились объектом специального научного исследования в нем видели преимущественно чиновника и бюрократа из высшего эшелона имперской власти. Точка зрения самого генерала часто воспринималась как субъективная или оправдательная, а его личности приписывались не свойственные ей характеристики, что на протяжении XX в. оказалось зафиксированным в исторической памяти.

Публикации в ряде изданий журнала «Красный архив» материалов по таким темам, как: Гагская конференция 1898 г., боксерское восстание в Китае (1899-1902), последовавший Дальневосточный конфликт, деятельность «Безобразовской клики» и учреждение

СПб., 1994. Он же. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999 и др.

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 27.

наместничества на Дальнем Востоке (30.07.1903) накануне русско-японской войны, а также частей дневников А.Н. Куропаткина (1922, 1925, 1927, 1935), подготовленных к печати М.Н. Покровским, С.Л. Будкевичем и А.М. Зайончковским и другими, сделала доступной эту бесценную документальную информацию для широких кругов и способствовала поддержанию интереса к дальнейшим исследованиям в этих направлениях в России и за рубежом.

Однако многие годы имя А.Н. Куропаткина, его дела и заслуги оставались забытыми несколькими поколениями советской эпохи. Находилась в забвении и его могила на берегу озера Наговье. Первым о месте упокоения генерала в 1946 г, почти через двадцать лет после его смерти, заинтересовался Д.К. Кунстман. В 1964 г. шесть выпускников основанной А.Н. Куропаткиным Наговской сельскохозяйственной школы, спустя 50 лет, приехали в Шешурино для того, чтобы на собранные ими деньги установить надгробную плиту на могиле А.Н. Куропаткина с надписью: «Высокая честь любить землю и научно уметь трудиться на ней» слова, которые генерал имел обыкновение повторять своим ученикам. Только в марте 1998 г. с участием администрации и историка-краеведа Ю.Г. Попова на могиле был установлен памятник с новой надписью и ограда, и в памятные даты теперь звучит салют. Небольшая опубликованная Военно-историческим журналом (ВИЖ) в 1965 г. статья Д. К. Кунстмана¹, лично знавшего генерала, стала своего рода возрождением памяти о нем. С тех пор ВИЖ опубликовал не одну статью о А.Н. Куропаткине.

Важным событием, которое изменило представление наших современников о А.Н. Куропаткине и привлекло внимание исследователей к его государственной и военной деятельности, явилось издание в 1992–1996 гг. ранее не публиковавшихся частей его дневников и воспоминаний, подготовленных к печати И.В. Карпеевым и Е.Ю. Сергеевым. Впервые, благодаря этим исследователям, увидел свет дневник А.Н. Куропаткина, который он вел во время своего посольства в Японию в середине 1903 г. (известный как «Японские дневники»), а также фрагменты воспоминаний А.Н. Куропаткина «70 лет моей жизни», работу над которыми генерал не успел закончить². Согласно М.Н. Покровскому

¹ Кунстман Д.К. О последних годах жизни А.Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. 1965. № 6. С. 116–117.

² Дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 / публ. подгот. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Исторический архив. М., 1992. № 1. С. 159–172; Из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина (1867–1882) / Публ. подгот. И.В. Карпеев // Исторический архив. М., 1994. № 4. С. 185–195; Японские

«Японские дневники», считались утеряными, однако впоследствии они были обнаружены генералом А.М. Зайончковским. Незадолго до смерти А.Н. Куропаткина А.М. Зайончковский приезжал к нему в его имение Шешурино, и они совместно работали над воспоминаниями А.Н. Куропаткина и над рядом материалов для Центрархива. После смерти А.Н. Куропаткина в 1925 г. остался большой архив, в том числе более 150 дневников, которые он вел около 50-ти лет¹. Общеизвестно, что рабочие тетради и дневники А.Н. Куропаткина – это уникальный и достоверный источник, проливающий дополнительный свет на многие исторические события, однако они остаются изученными все еще не в полной мере.

В конце XX – начале XXI вв. интерес исследователей к личности, деятельности и теоретическому наследию А.Н. Куропаткина возрос в связи с отмечающимися годовщинами важных исторических событий (Гаагская конференция, русско-японская война, подписание Портсмутского мирного договора, Среднеазиатское восстание 1916 г. и др.) Были переизданы некоторые труды А.Н. Куропаткина. После почти столетия «невнимания» к генералу появились статьи (А.В. Шаров, Н.В. Ильина, В.А. Авдеев, В.Н. Зуев, А.Н. Свириденко, А.В. Ремнев, А. Васильев, А. Аспидов, а также Н.В. Коломыцева² и др.). В 2003 г.

дневники А.Н. Куропаткина / публ. подг. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. М., 1995. Том VI. С. 393–444; «Как я стал офицером»: из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина «70 лет моей жизни» // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 67-93 и др.

¹ Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М. 1997.

² Шаров А.В. Забытый генерал Куропаткин // Коммунист вооруженных сил. 1991. № 12. С. 61–67; Ильина Н.В. Накануне первой русской революции (Из переписки русских военных деятелей А.Н. Куропаткина и А.Ф. Редигера в 1905 г.) // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 93–95; Авдеев В.А. Терновый венец генерала А.Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 68–75; Зуев В.Н. Генерал Куропаткин. К 150-летию со дня его рождения. // Россия и АТР. 1998. № 2. С. 81-93; Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // Вестник Челябинского Университета. 1999. № 2 (10). С. 104–116; Ремнев А.В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. М., 2004. № 9. С. 32–34; Васильев А. «Алжирия», или Североафриканский вояж капитана Куропаткина // Родина. М, 2013. № 6. С. 88-90; Витол А.В. Генерал А.Н. Куропаткин – писатель и востоковед // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 17–19 мая 2017 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. I. С. 482-491; – см. также: Зуев В. Генерал от поражений // Советский патриот. 1991. № 48; Аспидов А. Высокая честь любить Россию // Санкт-Петербургские ведомости. № 207. 03 ноября 2006; Генерал, краевед, просветитель: к 165-летию со дня рождения А.Н. Куропаткина:

вышел очерк Ю.Ф. Субботина¹, который, представил квинтэссенцию сложившихся представлений о А.Н. Куропаткине на тот момент. В 2010 г. на базе вышеупомянутых публикаций журнала «Красный архив» были переизданы дневники генерала со вступительной статьей О.Р. Айрапетова², в которой рассматривались проблемы русско-японской войны, на фоне чего была дана преимущественно в «традиционном» ключе критика в отношении А.Н. Куропаткина, однако автор подверг сомнению принятую оценку личности и деятельности генерала.

Отдельные сведения из послужного списка генерала Куропаткина, о его назначениях, почетных званиях и наградах дают отдаленное представление о его многосторонней деятельности: генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902), почетный член академий: Николаевской Генерального штаба (Императорской Николаевской военной) (с 23.10.1898); Императорской Военно-медицинской (с 12.11.1898), Николаевской инженерной (с 21.12.1898), Михайловской артиллерийской (с 1.3.1899) и Александровской военно-юридической (с 23.6.1901) и др.; почетный старик и почетный казак многих станиц казачьих войск, как: Семиреченского, Сибирского, Оренбургского, Донского, Амурского и Терского; почетный гражданин города Плевны. Кавалер всех российских орденов – до ордена Св. Александра Невского (1896) и алмазными знаками к нему (1904), в том числе Св. Георгия 3-й (1881) и 4-й степеней (1876) и Золотой сабли «За храбрость» (1877), и многих высоких других и иностранных наград.

Боевой четырежды раненый офицер, прошедший через все войны своего времени, герой Плевны, Иметли и Геок-Тепе, первый русский, объехавший почти всю Кашгарию, генерал, возглавивший Маньчжурскую армию в 1904–1905 гг., участник Первой мировой войны, в 1916 г. стоявший во главе армий Северного фронта, а затем, как наиболее сведущий авторитет, в связи со Среднеазиатским восстанием, Туркестанский генерал-губернатор (1916-1917), командующий войсками Туркестанского военного округа и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска, А.Н. Куропаткин отдал на службу отечеству почти 60 лет жизни.

библиограф. указ. лит. / под ред. В.И. Павлова; сост. Е.Г. Киселева / Вступ. ст. Н.В. Коломьцевой. Псков, 2013. С. 25–37.

¹ Субботин Ю.Ф. Куропаткин и Дальневосточный конфликт // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX начале XX в. Очерки. М., 2003. С. 125-168.

² Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010.

В энциклопедиях, биографических очерках и статьях, посвященных А.Н. Куропаткину, много неточностей и умолчаний, а о его личной жизни и судьбе близких родственников почти ничего неизвестно. При жизни А.Н. Куропаткина дважды ошибочно публиковались посвященные ему некрологи: один – после взятия Плевны в 1877 г., когда он получил сильную контузию и его сочли убитым (в № 220 и № 228 «Московских Ведомостей» сообщалось о смерти капитана Куропаткина). Второй появился 10 февраля 1921 г. В нем сообщалось, что генерал был убит бандитами у себя в имении, что послужило основанием публикации историком М.Н. Покровским части дневников генерала при его жизни. Биографию этого незаурядного человека и историю его семьи еще предстоит написать, хотя начало этому уже было положено Ю.Г. Поповым¹, сотрудниками Государственного архива Псковской области (ГАПО) Н.В. Коломыцовой², Т.А. Климентьевой³ и другими.

Отец А.Н. Куропаткина Николай Емельянович Куропаткин (1817–1877) сын бывшего крепостного Екатериновской губернии ставшего унтер-офицером Емельяна Куропаткина. Окончив школу военных кантонистов, а затем школу топографов, он в 1833 г. начал службу в роте топографов Военно-топографического депо. В 1844 г. он получил офицерский чин прапорщика и право на личное дворянство, а затем в 1849 г. – подпоручика, в 1854 г. – поручика и в 1859 г. – штабс-капитана. С 1852 г. Николай Емельянович преподавал топографию в Санкт-Петербургском кадетском корпусе. В конце своей жизни он занимал должность почетного мирового судьи и в течение многих лет до своей кончины был председателем Холмской уездной управы.

А.Н. Куропаткин по матери происходил из большой дворянской семьи, многие представители которой проявили себя на государственной службе, но большинство отдавало предпочтение армейской или военно-морской службе. Мать Александра Павловна Куропаткина (ур. Арбузова) принадлежала к старинному русскому роду, восходящему

¹ Попов Ю.Г. 1) Куропаткин в Шешурино. Торопец, 1998; 2) Куропаткин и Шешурино. Документы, воспоминания, публикации. Торопец; 2002; 3) Шешуринский шатер генерала Алексея Николаевича Куропаткина. СПб, 2017; и др

² Коломыцева Н. В. Алексей Николаевич Куропаткин // Александро-Невские чтения; сост. протоиер. О.Г. Тэор. Псков, 2010. № 2; Свет славы небесной. С. 19-27.

³ Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России // Научно-практический, историко-краеведческий журнал г. Псков. 2006. № 25. С. 156–158.

к концу XVI в. и включавшему четыре ветви со 164-мя именами поколенной росписи. Среди них выделялась холмская ветвь, известная со времен Литовской войны и захвата г. Холма войсками Стефана Батория в 1581–1582 гг. А.П. Куропаткина дочь капитана-лейтенанта Павла Петровича Арбузова (ум. 1837), который в 1803–1806 гг. участвовал в первом русском кругосветном плавании на шлюпе «Нева» под командованием капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского, и сестра контр-адмирала А.П. Арбузова (1810–1878), прославившегося при обороне Петропавловска-Камчатского в годы Крымской войны. Она принадлежала к крупным землевладельцам и перед своей кончиной в 1908 г. владела 1500 десятинами земли. Арбузовы породнились с такими фамилиями, как Калитины, Куропаткины, Шаховские, Кожины, Пуцины, Зеленые и др. Большинство семей Куропаткиных и Арбузовых были многодетными, имевшими по 6–8 детей, и главным в жизни их потомков также была военная служба. Среди них наиболее известны двоюродные братья А.Н. Куропаткина подполковник П.П. Калитин (1846–1877), погибший в Стара Загора в русско-турецкую войну и ставший национальным героем Болгарии, и генерал-лейтенант П.П. Калитин (1853–1927)¹.

Краеведческие исследования сохранили бесценную и уникальную информацию о семье А. Н. Куропаткина и о его последних годах жизни. В частности, усилиями Ю.Г. Попова сохранены данные о жизни А.Н. Куропаткина и его подвижнической просветительской деятельности в Холмском уезде в период жизни генерала в унаследованном им от матери имении Шешурино, недалеко от г. Торопец (Тверская область, ранее Псковская губерния). Благодаря ему «Шешуринский период» жизни А.Н. Куропаткин предстает в другом, многогранном измерении. После событий октября 1917 г. генерал занялся научной работой и поставил перед собой одной из задач способствовать тому, чтобы жители Псковской губернии могли обеспечить себя хлебом и другими необходимыми продуктами, а не ввозить их. Это была не только забота о людях, но необходимая мера в случае военных действий.

А.Н. Куропаткин состоял в переписке с многими учеными, военными и общественными деятелями, также сотрудничал с Центральным Географическим музеем и другими организациями. В письме

¹ Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России...; Калитины: страницы жизни / Публ. Д.Ю. Логунова. Челябинск, 2012; Генерал Калитин: страницы жизни / Подг. Д.Ю. Логунов. Челябинск, 2014.

к Б.Н. Моласу из Шешурино от 20 февраля 1922 г. генерал писал: «Похлопочите, чтобы «учёный паёк» был за мною закреплен с непрерывным пребыванием в Шешурино для продолжения моих научных работ. Дабы Центральный Географический музей имел прямое обоснование хлопотать за меня, прилагаю к сему письму перечень моих уже напечатанных трудов. Из них «Алжирия» и «Кашгария» географического характера. Первый из этих трудов есть результат моего годовичного пребывания в Алжире в 1874–1875 годах. Второй труд основан на собранных мною сведениях за время посольства в Кашгарии к Якубеку – правителю Кашгарии, исполнен мною в 1876–1817 годах. От ИРГО получил за «Алжирию» серебряную, за «Кашгарию» золотую медали»¹. Работая в своей библиотеке в Шешурино, в 1917–1922 гг. он написал и опубликовал несколько трудов по разным темам, из которых «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению», состоящий из 9 глав и выполненный по первоисточникам (в том числе дневникам генерала, которые он вел при посещении Семиречья в 1876, 1879, 1880 и 1916 гг. и по собранным им лично редким данным), генерал считал наиболее важным. Последний раз А.Н. Куропаткин посетил Семиречье в качестве Туркестанского генерал-губернатора в разгар Среднеазиатского восстания 1916 г. В вышеупомянутом труде он преследовал две главные задачи: «1) примирить русское население в 300 тысяч душ с киргизами (1 млн. душ) и 2) освободить трудовое русское и киргизское население от кабалы со стороны многочисленных хищников, ставших между производителями и потребителями»².

С переходом в 1917 г. власти в руки Советов и после упразднения Александровского комитета о раненых (1918), членом которого он состоял, А.Н. Куропаткин поступил на должность консультанта при Правлении Семиреченской железной дороги. Однако в сентябре 1918 г. он в качестве заложника был арестован и доставлен в Петроград и некоторое время находился в тюрьме в Великих Луках, но и там он продолжал работу над своим трудом, важность которого была признана также Советской властью. По ходатайству Союза служащих на Семиреченской железной дороге он был освобожден с разрешением возвратиться в Шешурино и продолжить научную работу с использованием своей большой библиотеки. В прошении Союза служащих от 24 сентября 1918 г., № 574, поданном на имя Председателя

¹ Попов Ю.Г. Шешуринский шатер... С.94-95.

² Там же. С. 68-69.

Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией отмечалось, что А.Н. Куропаткин «постоянно защищал беднейшее земледельческое и кочевое население Туркестанского края от эксплуатации скупщиками и посредниками-спекулянтами»¹. Уволенный в отставку 24 января 1918 г., генерал писал: «17 марта мне исполнилось 70 лет. Остаток своей жизни я посвятил ученым работам в Шешуринской библиотеке по Туркестанскому краю, важность которой признается Советской властью. Но нужда заставила меня приняться за физический труд». 31 октября 1918 г. им было подано прошение о создании трудовой артели из 9 душ, в которую входила и его невестка Ольга Ивановна Куропаткина². А.Н. Куропаткин владел в Холмском уезде земельным участком около 500 десятин, из которых до 100 десятин входили в состав школьного участка основанной им Наговской сельскохозяйственной школы, носившей его имя.

Деятельность А. Н. Куропаткин в этот период была также направлена на подъем образования и культуры населения Холмского уезда. В январе 1919 года он получил приглашение от уездного отдела народного образования взять на себя труд по организации музея в Холме. Эта информация стала известна благодаря опубликованного Ю.Г. Поповым черновика письма генерала В.И. Ленину от 15 декабря 1919 г.³ в связи с тяжелым физическим состоянием его сына Алексея (28 лет, окончившего Санкт-Петербургский университет, математический факультет, химическое отделение), содержащегося в то время под арестом в Москве на Лубянке, а также из ряда анкет, которые ему, приходилось заполнять в то время. Осталось пока неизвестным, было ли письмо отправлено и был ли получен ответ. Генерал узнал о том, что его сын был расстрелян 13/14 января 1920 г.⁴ (декрет об отмене расстрелов вышел несколько дней спустя 17.01.1920). из письма его жены О.И. Куропаткиной (ур. Люся Кубинек, 1896 г.р.), которая осталась с двумя малолетними сыновьями Алексеем (1916) и Георгием (31.12.1918 г.р., Петроград). О судьбе ее и ее детей до сих пор достоверно ничего не известно. Навещая мужа в Москве на Лубянке, она останавливалась на квартире семьи Федоровых, где в то время жил Алексей Федоров, в доме, построенным известным архитектором Львом Кекушевым по адресу: ул. Пречистенка, д. 28, кв. 3

¹ Попов Ю.Г. Шешуринский шатер... С. 60.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 69.

⁴ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3051. Письма Куропаткиной Ольги Ивановны Куропаткину Алексею Николаевичу. 1915–1924 и б/д.

(некоторое время проживала в том же доме в кв. 10)¹.

А.Н. Куропаткин состоял в браке дважды. Его первая жена Клара Эмилия Цецилия Эрнестовна Куропаткина, урожденная фон Прюссинг (1861–после 1919), была дочерью военного (майора в отставке) и жила в имении Рокачёво (около 20 км от Шешурино). Детей у них не было. Брак был расторгнут 02.05.1890, но они остались в дружеских отношениях. Согласно Ю.Г. Попову, сотрудница ГАПО Н.В. Коломыцева обнаружила черновик биографии К.Э. Прюссинг, датированный 30 октября 1919 г., в котором сообщалось, что она закончила Петербургскую консерваторию, давала уроки музыки, последние годы жила в деревне, имела имение и 902 десятины земли. Помогала населению передачей части своих земель и помещения для Потребительского общества, а также оборудовала школу с полной обстановкой. В последнее время жила с приемной дочерью Евгенией Михайловной Максютенко по адресу: г. Холм, Большая улица, дом Лавровой². Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Вторая жена – Александра Михайловна Куропаткина, урожденная Тимофеева (1859–?). В первом браке – Щербинская. Брак с потомственным дворянином Николаем Степановичем Щербинским, действительным статским советником, камергером Двора Его Императорского Величества, правителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (30.08.1881–5.01.1883), мировым судьей города Самарканда³, был расторгнут 02.05.1890. В браке с А.Н. Куропаткиным родился сын Алексей (29.02.1892–13(14)?..01.1920). В метрической книге Сергиевского всей Артиллерии Собора за 1892 г. указаны воспитанниками тайный советник Я.А. Веретенников и жена действительного статского советника О.Н. Рукавишникова⁴. В биографическом

¹ Там же. Л. 35А.

² Попов Ю.Г. Шешуринский шатер... С. 165-166.

³ Н.С. Щербинский был переведен в Туркестанский край 17 сентября 1867 г. Находясь в Болгарии, 4 апреля 1870 г. он был пожалован в звание камер-юнкера двора, 21 октября 1870 г. был произведен в титулярные советники, с 19 ноября 1880 г. в статские советники, с 28 марта 1882 г. за отличие в действительные статские советники. Г.П. Федоров писал: «Я забыл упомянуть, что вскоре после кончины Кауфмана правитель канцелярии Каблуков вышел в отставку, и на его место был назначен камергер Щербинский, человек прекрасно образованный, деловой, джентльмен и хорошо знакомый с краем, ибо раньше служил в Зеравшанском округе и Семиреченской области». (См.: Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1910 года) / URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Fedorov_G_P/text3.htm)

⁴ Там же. С. 70.

очерке А.Н. Куропаткина, включенном в иллюстрированную хронику русско-турецкой войны (1877-1878), было указано, что «по происхождению он потомственный дворянин Витебской губернии»¹. В 1896 г. А.Н. Куропаткин и его сын Алексей были внесены в дворянскую родословную книгу Псковской губернии.

Ю.Г. Попов писал, что, по словам очевидцев, ни К.Э. фон Прюссинг, ни А.М. Куропаткина на похоронах генерала не присутствовали. В письмах А.М. Куропаткиной к А.Н. Куропаткину, в письмах самого генерала и в письмах их невестки О.И. Куропаткиной, есть указания на то, что А.М. Куропаткина была к тому времени больна. Жила она в Петрограде по адресу: ул. Фурштадская, дом 49, кв. 7 и помогала невестке и своим двум внукам. Известия от нее А.Н. Куропаткин получал, но переписка велась в основном через О.И. Куропаткину, которая, до расстрела своего мужа А.А. Куропаткина, с детьми жила рядом с ней по адресу: ул. Таврическая, дом 19, кв. 16., а после сообщала, что собиралась переехать на городскую квартиру генерала по адресу: Петроград, ул. Кирочная, д. 32, кв. 30. Вместе с О.И. Куропаткиной жила ее родная сестра Ядвига Ивановна (Вися).

А.Н. Куропаткин состоял в дружественных отношениях со многими известными семьями, как, например: Урусовых, Юсуповых, Бобринских, Трубецких, Палицыных, Кушелевых, Ховеных, Шаховских, Лианозовых, Сиверс, Козловых, Набоковых, Рукавишниковых, Зыбиных, Остен-Сакен, Шарых и др. О.Н. Рукавишникова (как упоминалось выше), была крестной матерью его сына Алексея; баронесса Остен-Сакен² крестной матерью его младшего внука Георгия,

¹ «Подполковник Куропаткин, начальник штаба 16-й пехотной дивизии» // Иллюстрированная хроника войны. Прил. к «Всемирной иллюстрации», 1878, Т 2, № 70, С. 153-154. Гравюра – Подполковник Куропаткин (рис. П.Ф. Борель, грав. Ю. Барановский) // Там же. С. 160.

² Баронесса Остен-Сакен. Предположительно Екатерина Кирилловна (ур. Зыбина). (09.12.1846-1923) Место рождения семейное имение Иваново (Псковская губерния). Муж генерал от инфантерии Альфонс Эрнст Рудольфович Остен-Сакен (9.04.1846-1911), председатель Петербургского военно-окружного суда (19.08.1894-13.09.1906), постоянный член Главного военного суда (13.09.1906), Главный военный прокурор и начальник Главного военно-судного управления (29.04.1908-1911). Дети Максимилиан (1876-1900) и Лев (1879-?) – известные музыканты. Не исключены и другие версии, в том числе, что это жена барона Владимира Федоровича фон дер Остен-Сакен (30.05.1860-1920, Москва) генерал-майора, заведующего охраной Императорского Таврического дворца, в свое время адъютанта А.Н. Куропаткина и долгое время служившего, занимая разные должности, непосредственно в его подчинении.

а крестным отцом был записан А.Н. Куропаткин¹. Генерал поддерживал переписку с видными учеными, исследователями, путешественниками и государственными деятелями не только в России, но и за ее пределами. В минуты отдыха он любил слушать классическую музыку и вокальные исполнения (есть свидетельства, что в конце своей жизни он научился и неплохо играл на скрипке), увлекался шахматами, любил конную верховую езду. А.Н. Куропаткин свободно говорил на немецком и французском, знал английский и турецкий языки.

Многое о жизни и деятельности генерала предстоит узнать, в частности как о геополитике, разведчике и дипломате в вопросах связанных с Кульджой, Персией (в 1895 г. А.Н. Куропаткин возглавлял чрезвычайное посольство в Тегеран, для сообщения персидскому шаху о вступлении на престол Николая II), Закаспийской областью (позднее Туркестан) и Японией, несмотря на то что работа в этих направлениях ведется, и частично эти вопросы затрагиваются в данной монографии.

В настоящее время уже установлена роль А. Н. Куропаткина в образовании особого «разведочного отделения» в рамках военного ведомства и что, в результате его инициативы и одобренного императором рапорта, 20 января 1903 г. можно считать «днем рождения» русской военной контрразведки.

О роли А.Н. Куропаткина в создании в России первого мемориального музея в честь А.В. Суворова в Санкт-Петербурге пока мало известно. Одними из первых об этом писали историк-краевед Г.И. Меерович и сотрудница музея Л.К. Маковская. Н.Г. Рогулин опубликовал сведения о том, что А.Н. Куропаткин был удостоен одной из 15 серебряных медалей «В память учреждения Суворовского музея в Петербурге». Помимо него подобную медаль получили Д.А. Милютин, М.И. Драгомиров, великие князья Николай Николаевич (младший) и Михаил Николаевич, а также ряд других лиц. Золотая медаль была изготовлена только для Николая II. Как военный министр А.Н. Куропаткин курировал создание Суворовского музея, который находился в ведении Николаевской Академии Генерального Штаба, и работу «Суворовской комиссии». Перенос церкви из имения Суворовых Кончанское также происходил при нем в рамках подготовки к 100-летию со дня кончины А.В. Суворова. То, что генерал был ктиторм Суворовской церкви, передавалось в музее как легенда, пришедшая от старых сотрудников. Деятельность военного министра

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3051. Л. 111.

в увековечивании воинской славы и памяти погибших в сражениях также выделялась Н.Г. Роголиным. Тем не менее, инициатива и вклад А.Н. Куропаткина в строительство и создание этого музея в полной степени до сих пор не исследованы. Об участии генерала в открытии Ортопедической клиники Военно-медицинской академии (за исключением отдельных фотодокументов¹) и о его работе в Красном Кресте и в Александровском Комитете о раненых практически ничего не известно.

Несмотря на значимость личности и деятельности генерала для российской истории второй половины XIX – первой четверти XX вв., историки обратили внимание на это относительно недавно. Диссертационные исследования [Р.В. Сапрыкин (Саратов, 2003), А.В. Папазов (М., 2012), И.В. Белоконь (Омск, 2012) и О.А. Белозерова (СПб, 2015)] – пока те немногие работы, посвященные непосредственно А.Н. Куропаткину. Со временем наблюдалась эволюция во взглядах и оценках самих авторов: Р.В. Сапрыкин и А.В. Папазов опубликовали фрагменты архивных документов, освещающих этапы деятельности А.Н. Куропаткина, несвязанные с русско-японской войной. Предметно стали изучаться различные периоды жизни и деятельности генерала. Историк А.В. Ремнев (Омск, 2004), чья работу продолжила И.В. Белоконь (Омск, 2012), впервые исследовал деятельность А.Н. Куропаткина как имперского идеолога и геополитика.

Выделяются объективностью подхода и широкой источниковой базой работы А.В. Ганина, посвященные восстанию 1916 г. в Семиреченской области (Туркестане). А.Н. Куропаткина до конца его дней не оставляли забота и поиск путей избежать в будущем ужасов и последствий подобных событий, о чем свидетельствует написанный им уже в советское время вышеупомянутый труд «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению», который до сих пор не введен в научный оборот.

Все вышесказанное – лишь отдельные штрихи и далеко неполные данные о жизни и деятельности А.Н. Куропаткина. Публикации и исследования последних лет постепенно изменяют «традиционное» представление о генерале Куропаткине, и тенденция к отходу от

¹ См.: ЦГА КФФД. П. 423 сн. 5. Группа профессоров, преподавателей, слушателей и гостей в день 10-летия Ортопедической клиники Военно-медицинской академии профессора Г.И. Турнера; сидит слева первый – профессор В.М. Бехтерев; третий – военный министр (в 1898-1904 гг.) А.Н. Куропаткин; четвертый – профессор Г.И. Турнер; справа крайний – В.А. Оппель (1910 г.).

устоявшихся в советское время точек зрения очевидна, но работа предстоит большая. Остается верить, что эта коллективная монография, названия глав которой говорят сами за себя, явится очередным шагом в этом направлении.

В письмах невестки генерала О.И. Куропаткиной к нему есть свидетельство, что в конце 1918 г. генерал получил письмо с Кубы, в котором его просили дать автограф для включения в альбом «больших людей за последнее десятилетие»¹, но ни в Санкт-Петербурге, ни где-либо в России нет ни одного места, где бы была увековечена память А.Н. Куропаткина.

Авторы и редакция надеются, что ознакомившись с предлагаемыми в данной монографии материалами читатель узнает больше о А.Н. Куропаткине, а также о его деятельности и взглядах во время поездок в Йеттишар, Персию и пребывания в Туркестанском крае, в связи с Первой Гаагской конференцией, русско-японской войной и в последние годы его жизни в с. Шешурино – одним словом сможет оценить истинный масштаб личности Алексея Николаевича Куропаткина, тем самым почтив его память.

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3051. Л. 91.

А.Н. КУРОПАТКИН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

1. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина

Алексей Николаевич Куропаткин известен не только как государственный деятель и военачальник, но и ученый, исследования которого представляли собой не официальные отчеты о служебных командировках или мемуары после выхода в отставку, а полноценные научные труды, которые были интересны и полезны как для военных, так и для деятелей науки, а в ряде случаев – и для широкой общественности¹.

Так сложилось, что многие годы службы А.Н. Куропаткина оказались связаны с Востоком и, в первую очередь, с Туркестанским краем – начиная со службы в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне в 1866–1871 гг. и заканчивая постом генерал-губернатора в том же Туркестане в 1916–1917 гг. К этому же направлению можно отнести его поездку в Алжир в 1874–1875 гг. и, в какой-то степени – заведование Азиатской частью Главного штаба в 1878–1879 гг.² Наиболее значительные этапы его служебной биографии нашли отражение в научных трудах, причем нередко его последующая карьера в той или иной степени оказывалась связанной с его предыдущей научной деятельностью.

Так, например, исследование А.Н. Куропаткина об Алжире, появившееся в 1875 г. по итогам его участие во французской военно-научной экспедиции, убедило военное руководство в том, что он обладает достаточно необходимой военной и научной подготовкой, широким

¹ Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Автореф. ... канд. ист. наук. – Омск, 2012. С. 13.

² Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. С. 135; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015. С. 43-44; Столетие Военного министерства. – Т. III. Отд. VI. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год / Сост. Н.М. Затворницкий. – СПб.: Типография товарищества М.О. Вольф, 1911. С. 282-283.

кругозором и дипломатическим опытом, уделяет внимание особенностям географии, традиций и обычаев населения. Эти качества и навыки А.Н. Куропаткина послужили причиной того, что именно на него пал выбор в качестве главы российской дипломатической миссии в Кашгарию (Джетышар) к эмиру Якуб-беку¹.

По итогам этой миссии появилась целая серия работ, наиболее фундаментальная из которых – «Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля» (1879). Как представляется, именно в этой работе впервые проявился талант А.Н. Куропаткина как ученого, старавшегося дать наиболее полную характеристику исследуемого региона, начиная с географии и экономики и заканчивая такими специфическими аспектами как государственное устройство и правовая система². Не ограничиваясь собственными наблюдениями, исследователь учитывал все ранее вышедшие работы, посвященные Кашгарии, что обеспечило полноту и объективность его научных работ. Высокое качество исследования о Кашгарии подтверждается и тем, что она была вскоре переведена на английский язык, причем автор перевода охарактеризовал книгу как «ценный научный труд», а самого А.Н. Куропаткина – как «выдающегося офицера русского Генерального штаба»³.

Этот же подход А.Н. Куропаткин использовал и в исследовании Туркмении и туркмен⁴, с которыми он также неоднократно взаимодей-

¹ Моисеев С.В. Дипломатическая и научная миссия А. Н. Куропаткина в Кашгарию в 1876-1877 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. – Вып. II. – 2000. С. 96-97; Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. – Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1946. С. 15-16.

² Почекаев Р.Ю. Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты) // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докладов Международной научно-практической конференции. Москва, 18 сентября 2015 г. – М.: Б.и., 2016. С. 172-176.

³ Kurapatkin, A.N. Kashgaria (Eastern or Chinese Turkistan): Historical and Geographical Sketch of the Country; Its Military Strengths, Industries and Trade / Transl. from Russ. by W.E. Gowan. – Calcutta: Thacker, Spink and Co., 1882. P. 1

⁴ Понятие «Туркмения» в эпоху А.Н. Куропаткина являлось достаточно условным, хотя и употреблялось в официальной документации и научной литературе. Оно являлось названием не государства, а лишь территории, на которой проживали туркмены. Туркмены в рассматриваемый период представляли собой конгломерат племен (текинцы, йомуды, гокланы, сарыки, салоры и др.), причем разные роды одних и тех же племен могли находиться в подданстве одновременного у Бухарского эмирата, Хивинского ханства,

ствовал в течение своей военной службы: в Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 гг., затем – в качестве начальника Закаспийской области¹. В результате появляются его работы «Туркмения и туркмены» (сначала публиковалась в «Военном сборнике» за 1879 г., затем в том же году вышла отдельным изданием) и «Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880-1881 гг.)».

Стоит отметить, что, в силу особенностей географического и политического положения Туркмении и образа жизни самих туркмен, представления о них в XIX в. европейцев (в т.ч. русских) были довольно отрывочными и исчерпывались записками нескольких ученых и дипломатов, побывавших в этом регионе (в частности, Н.Н. Муравьев, К.К. Боде, позднее – П.М. Лессар), а также ряда пленников, проводивших некоторое время среди туркмен (француз Г. де Блоквиль, британец Э. О’Доннван, прапорщик Гюзельханов). Их работы, по сути, представляли собой частные наблюдения и впечатления авторов, тогда как А.Н. Куропаткин в своих трудах опирался и на более ранние работы, и на сведения информаторов, и, наконец, на собственный опыт взаимодействия с туркменами.

Как и при изучении Кашгарии, А.Н. Куропаткин уделил внимание самым разным аспектам – географическому и климатическому положению Туркмении, особенностям экономической и общественной жизни, а также и той сфере, которая представляет основной интерес в рамках настоящего исследования – политическому устройству туркмен

Ирана, Российской империи, некоторые роды определенное время находились на службе и у более отдаленного Кокандского ханства. Также использовался термин «независимая» или «вольная Туркмения» применительно к туркменам Ахалтекинского и Мервского оазисов.

Туркмены впервые обратились к России по поводу вступления в ее подданство еще в 1714 г., однако процесс этот был приостановлен разгромом и уничтожением экспедиции князя А. Бековича-Черкасского хивинцами в 1717 г. В дальнейшем часть туркмен провозгласила своим ханом казахского султана Пирали, который был сыном Нурали, хана казахского Младшего жуза, находившегося в составе Российской империи. На этом основании император Александр I в начале XIX в. признал этих туркмен своими подданными. Фактически вхождение Туркмении в состав Российской империи началось во второй половине XIX в. В связи с этим интерес исследователей, в т.ч. генерала А.Н. Куропаткина, к различным аспектам жизни туркмен является вполне объяснимым и обоснованным.

¹ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. С. 135; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг. С. 44; Столетие Военного министерства. – Т. III. Отд. VI. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. С. 283.

и правовому регулированию отношений среди них. Безусловно, исследователь не ставил целью дать полную характеристику политического строя туркмен или реконструировать их систему права, однако его сведения по этим вопросам представляются весьма ценными. Они органично дополняют формируемое им целостное представление о Туркмении и туркменах. Кроме того, что не менее важно, эти сведения имели не только научный характер, но и практическое значение, причем, как мы намерены показать ниже, сам А.Н. Куропаткин использовал их впоследствии в своей государственной деятельности.

Как же Куропаткин описывает политическое устройство туркмен в своих трудах?

Прежде всего, он отмечает отсутствие у них «собственного организованного правительства», т.е. полноценных институтов власти в их европейском понимании. Туркмены очень долго сохраняли родоплеменное деление – на «роды», «отделения» и «подроды» (или, согласно терминологии А. Вамбери, «халки», «тайфе» и «тире»), но при этом никакого полноценного управления этими родоплеменными подразделениями не осуществлялось. Формально властные функции осуществляли аксакалы, которыми становились самые богатые или самые храбрые представители родов, причем некоторые наиболее влиятельные из них принимали ханский титул. Однако их влияние А.Н. Куропаткин характеризует как «ничтожное», отмечая практически полное отсутствие возможностей обеспечить выполнение их приказов и распоряжений другими членами рода. В результате единственной возможностью ханов и аксакалов сохранять влияние и признание со стороны членов родов – это «потакать» образу жизни туркмен, в т.ч. постоянным набегам и грабежам¹.

Несмотря на то, что все туркмены очень близки друг другу по языку, образу жизни и системе ценностей, сообщает А.Н. Куропаткин, между различными племенами издавна существовали враждебные отношения, результатом чего становились постоянные межродовые конфликты, набеги и войны. Особенно обостренные отношения существовали между наиболее многочисленными и сильными племенами – йомудами и текинцами². Эта вражда не позволяла туркменам сплотиться

¹ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. – СПб.: Типография В.А. Политики, 1879. С. 30, 32; Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. – Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1946. С. 31, 32.

² Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Т. II. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. – СПб.: Изд. В. Березовский,

против внешних врагов, к числу которых относились практически все соседние государства – Бухарский эмират, Хивинское ханство, Иран, Россия, на которых туркмены также постоянно организовывали набеги с целью захвата добычи и пленников.

Нестабильность политической ситуации заставляла отдельные роды и племена туркмен добровольно обращаться к тому или соседнему государству с предложениями принять их подданство. В результате часть племен подчинялась Бухаре, часть – Хиве, часть – Ирану, а некоторые роды признавали власть и Российской империи. Однако, учитывая невысокий уровень политического развития туркмен и отмеченное выше практически полное отсутствие собственных органов власти, такое подданство сохранялось, пока государство-сюзерен обеспечивало прочный контроль над туркменами. Если же этот контроль ослабевал, то государства сюзерены «всегда платили дорогой ценой»¹.

Так, сами туркмены неоднократно подчеркивали тесные связи с Хивинским ханством (в 1870-е гг. они упоминали, что пребывали в хивинском подданстве уже более ста лет), однако этот факт не обеспечивал их лояльности ханам Хивы, которую туркмены несколько раз захватывали и подвергали разграблению². А в 1855 г. текинцы разгромили войско хивинского хана, причем сам монарх погиб³. Тем не менее, впоследствии те же текинцы вновь признавали власть хивинских ханов – так, в 1876 г. Ахал-теке изъявил верность Хиве, ее правитель направил в оазис своего наместника, которого местные жители тут же признали... одним из своих ханов⁴! На наш взгляд, этот случай лишний раз подчеркивает невысокий уровень властных институтов в Туркмении – коль скоро ханом мог стать даже и не представитель местной правящей элиты.

Аналогичной противоречивой позиции туркмены придерживались и в отношении Ирана, власть которого также признавали некоторые роды, проживавшие на границе с этим государством. Но при этом сами же туркмены говорили, что «ни один перс не может войти в земли туркмен иначе как на веревке». Яркий пример истинности такого отношения туркмен к Ирану – события 1860 г., когда многотысячная персидская

1910. С. 122; Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 33.

¹ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 32.

² Там же. С. 46.

³ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. – СПб.: Изд. В. Березовский, 1899. С. 96.

⁴ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 50.

армия выступила с намерением вернуть под свою власть Мерв, однако было разгромлено туркменами, которые захватили столько пленников, что цена персидского раба на бухарских рынках составляла не более 7,5 руб. После этих побед туркмены возомнили себе непобедимыми, грозой хивинцев и персов, а после первой неудачной Ахалтекинской экспедиции 1879 г. – и русских¹.

Будучи кочевниками, туркмены весьма своеобразно понимали институт подданства, признавая его только тогда, когда государство сюзерен обеспечивало покровительство им и уплачивало им «денежные субсидии в той или иной форме». Если они считали, что эти обязательства нарушаются, они спокойно перекочевывали в пределы другого соседнего государства, при этом формально не отказываясь от подданства первого. В результате многие туркменские роды становились «двухданниками»². Это наблюдение А.Н. Куропаткина представляет тем больший интерес, что подобное явление «двоеданничества» неоднократно отмечалось исследователями и в отношении других кочевых народов – монголов, алтайцев, казахов и др.³.

Одной из основных причин противоречивого отношения туркмен к институту подданства (наряду с природной независимостью этого народа) А.Н. Куропаткин считает именно вышеупомянутое отсутствие сильной власти в туркменских родах и племенах. Следствием этого нередко становились ситуации, когда туркменские ханы, аксакалы или иные выборные представители туркменских родов вели переговоры с тем или иным государством о принятии подданства, а их сородичи в это же время совершали набеги на владения этого же государства⁴! В итоге А.Н. Куропаткин сделал вполне обоснованный вывод о том, что ни один официальный предводитель туркмен не может выражать волю всего рода или племени и не в состоянии гарантировать, что все члены соответствующего рода или племени будут соблюдать заключенный международный договор, принесенную присягу верности и т.д. Реальная власть другого государства над туркменами может быть достигнута только после трудной и кровопролитной

¹ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. С. 96, 101; см также 94-95.

² Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 32, 43.

³ См., например: Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. – Барнаул: Азбука, 2003.

⁴ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 40.

борьбы¹. В качестве примера он ссылался на добровольное вхождение Мерва в состав России в январе 1884 г., когда большинство населения решило принять российское подданство, а затем 4 хана и 24 уполномоченных (по одному от каждых 2 000 кибиток) присягнули в Асхабаде на верность империи – такое единодушие, по мнению исследователя, было достигнуто лишь из-за успехов Ахалтекинской экспедиции генерала М.Д. Скобелева 1880–1881 гг. А гарантией сохранения верности Мерва, по мнению А.Н. Куропаткина, стало то, что вскоре после принесения присяги в городе появился русский гарнизон: 4 пехотных роты, 2 сотни казаков и 4 орудия².

Таким образом, обращая внимание на особенности политического устройства и, в какой-то мере, политической культуры туркмен, А.Н. Куропаткин в значительной степени оправдывает жесткие (и даже жестокие) меры российских войск в отношении враждебных родов и племен, не забывая, впрочем, отметить, что, изъявив верность после кровопролитных военных кампаний, туркмены сохраняют ее и отличаются весьма высокой степенью преданности и лояльности к своим прежним победителям. Неслучайно в Русском Туркестане только туркмены имели национальные иррегулярные «милицейские» формирования, отличаясь высокой храбростью и дисциплинированностью³. Потомственный туркменский родоплеменной предводитель Йомуд-хан Караш-хан-оглы (Н.Н. Йомудский) приводит пример такой верности в отношении самого А.Н. Куропаткина: некий Куль-батыр Сердар отважно сражался против колонны А.Н. Куропаткина во время Ахалтекинской экспедиции 1881 г., затем преданно служил ему на должности помощника пристава и, в конце концов, лично был приглашен им в качестве члена чрезвычайного съезда народных судей в Асхабаде, учрежденного самим же Куропаткиным⁴.

Наряду с особенностями политического устройства туркмен А.Н. Куропаткин обращал внимание и на особенности правового

¹ Там же. С. 42-43.

² Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С. 216, 220; см. также: Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. С. 149.

³ Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. – СПб.: Военная типография, 1902. С. 5, 10-11, 33; см. также Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер. с англ. Н.В. Банниковой. – М.; Рязань: П.А. Трибунский, 2013. С. 164-165.

⁴ Караш Хан Оглы (Йомуд-хан [Йомудский Н.Н.]) Местный суд в Закаспийской области (Народный суд). Историко-критический очерк. – Ташкент: Типография ОГПУ Туркеспублики, 1922. С. 31.

регулирования отношений в Туркмении. Учитывая уже неоднократно отмеченную выше слабость родоплеменных предводителей и даже ханов, основу правового регулирования составляли не их приказы и распоряжения (как в оседлых государствах Центральной Азии), а народные обычаи «деба», а также – религиозные нормы¹. При этом А.Н. Куропаткин отмечает, что если раньше туркмены были довольно равнодушны к вопросам веры, то в начале XX в. мусульманское духовенство (в первую очередь, бухарские муллы) «продолжает работать над укреплением магометанства там, где таковое еще не твердо, а именно среди киргизского и туркменского населения». В результате ситуация стала существенно меняться: туркмены стали гораздо более религиозными, соблюдали предписания шариата, а многие даже отправляются в хадж в святые места, что, конечно же, не отвечало русским интересам, поскольку тормозило процесс интеграции туркмен в имперское политико-правовое пространство².

Несмотря на отсутствие формального законодательства у туркмен, А.Н. Куропаткин дает ценную характеристику правоотношений в отдельных сферах, порой сопровождая ее туркменскими поговорками, которые, на наш взгляд, обогащают его сведения, отражая не только право и правоотношения, но и особенности правосознания туркмен. В ряде случаев он также описывает особенности характера туркмен, которые также влияли на систему правоотношений среди них. Надо отметить, что оценка А.Н. Куропаткиным личных качеств туркмен не отличалась благожелательностью, с которой он, в принципе, относился к этому народу. По его словам они были «жестоки, вероломны, лгуны, завистливы и прожорливы»³.

Подчеркиваемая им вероломность и лживость туркмен проявилась, в частности, в том, что они не соблюдали, как уже было отмечено, международных соглашений. Соответственно, они являлись и ненадежными партнерами в договорных отношениях не только в международно-политической, но и гражданской сфере. Подробных сведений о регулировании гражданско-правовых отношений А.Н. Куропаткин не

¹ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 32.

² Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Т. II. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. С. 121.

³ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С. 94; Лессар П.М. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) // Записки Кавказского отдела Императорского русского исторического общества. – Кн. XIII. – 1884. С. 164.

приводит (вероятно, в силу их неработанности), тем не менее, отдельные частнопровые институты он упоминает. Во-первых, он говорит о постоянной торговле туркмен с Бухарой и Хивой – преимущественно рабами, которых они захватывали на персидских и российских границах. Активная торговля велась Бухарой и Хивой через Мерв, но к 1870-м гг. политическая нестабильность в этом владении привела к прекращению торговых отношений¹. Кроме того, установление российского протектората над Хивой лишило туркмен крупнейшего рынка сбыта рабов, поскольку Гандемианским договором между Россией и Хивой от 12 августа 1873 г. предусматривалось уничтожение рабства в ханстве и освобождение всех невольников. А Афганистан и Иран приблизительно с этого же времени стали лучше обеспечивать охрану своих границ, что также привело к уменьшению захвата их подданных туркменами². Торговые отношения все же имели место и в других сферах помимо работорговли. Так, ведя переговоры о вступлении в российское подданство, туркмены гарантировали русским властям безопасность и охрану караванных путей, взамен прося оказывать покровительство их торговцам, прибывающим в российские владения – следовательно, среди туркмен были и лица, занимающиеся торговлей³.

Помимо торговли среди туркмен имели распространение такие отношения как договор найма: кочевники, лишившиеся своего скота, поступали на работу в качестве пастухов. Также действовал институт аренды: туркмены Мерва, нуждаясь в дополнительных территориях, арендовали земли, принадлежавшие персидской провинции Келат, и платили «натуральную» арендную плату: с каждых 7 батманов выращенного там зерна один передавался наместнику Келата⁴.

По-видимому, имело место и представление о давности владения: текинцы обосновывали свои права на территории своих кочевков, ссылаясь на жалованные грамоты прежних властителей – вплоть до Чингис-хана и персидского Надир-шаха⁵.

Семейные отношения в Туркмении носили патриархальный характер, и женщины должны были вести все домашнее хозяйство, тогда как мужчины в этом отношении отличались «большой ленью» и никак в домашних делах не участвовали. Тем не менее, в отличие от

¹ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 48.

оседлых государств Центральной Азии, туркменки не были бесправными и зависимыми: они не должны были закрывать лицо перед посторонними, участвовали в принятии решений на родоплеменных собраниях, а при нападении врагов наравне с мужчинами с оружием в руках обороняли родные селения. Тем не менее, в отношении семьи у мужа и отца была вся полнота власти. Туркмен мог безнаказанно убить своего ребенка, а жену – в случае супружеской измены¹.

А.Н. Куропаткин приводил интересные сведения о правовом положении различных слоев туркменского общества. Родоплеменной элиты, строго говоря, как класса в современном понимании этого термина, насколько можно сделать вывод из сведений исследователя, в Туркмении не существовало, поскольку и аксакалы, и ханы выбирались населением и не имели четко определенных полномочий. Поэтому А.Н. Куропаткин делил туркмен на две основных категории – кочевых и полуоседлых. Последние занимались земледелием, однако, как отмечал исследователь, оседание на землю не являлось в глазах туркмен признаком более высокого статуса и «цивилизованности». Напротив, земледелием или пастушеством по найму (с проживанием на одном месте) занимались наиболее бедные члены рода, по какой-либо причине терявшие скот и рассматривавшие свой «полуоседлый» статус как временное явление². Помимо этого, постоянное проживание на одном месте также воспринималось и как источник опасности: такой туркмен был привязан к земле и в случае нападения врага не мог спасти семью и имущество. Впрочем, утверждать, что «полуоседлые» жители были неполноправными, нет оснований: как и кочевники, они обладали всеми правами и имели оружие (по наблюдению А.Н. Куропаткина, даже пахари выходили на работу с ружьями)³.

Однако именно кочевники являлись наиболее привилегированными членами общества, участвовали в собраниях и выборах аксакалов и ханов, военных походах и грабительских набегах (аламан). И именно эта сфера, пожалуй, наиболее тщательно регламентировалась: такие набеги были тщательно организованы, во время их проведения выбранным начальникам подчинялись беспрекословно, существовали четкие правила распределения добычи⁴.

¹ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С. 94.

² Там же. С. 93.

³ Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 33-34, 39.

⁴ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С. 93.

При этом исследователь приводил интересную поговорку: «Туркмен на лошади не знает ни отца, ни матери»¹. По-видимому, несмотря на высокую степень патриархальности семейных отношений, принадлежность к профессиональной группе (военному или возрастному союзу) была приоритетной по отношению к семейной принадлежности. На это же указывали и сведения А.Н. Куропаткина о том, что нередко в одном роду и даже в одном семействе могли быть как кочевые, так и «полуоседлые» туркмены – например, отец и сыновья, или несколько братьев, ведущие различный образ жизни². Это позволяет сделать вывод, что родовая или семейная поддержка, позволяющая разорившемуся сородичу поднять свой уровень благосостояния, не была развита – по крайней мере, в описываемый А.Н. Куропаткиным период.

Наиболее бесправной частью населения были рабы, в огромном количестве захватывавшиеся туркменами. Большая часть пленников, как уже отмечалось, обычно продавалась в Бухару и Хиву, и в Туркмении их оставалась довольно незначительное количество. Так, к рытью колодцев на караванных путях привлекались рабы-персы, которые были «очень искусны в этой работе». Также рабы использовались «для черных работ», а в городах как Мерв – еще и как ремесленники³.

Тот факт, что едва ли не основным занятием туркмен являлись набеги на соседей (аламан), обусловил особенности их отношений в уголовно-правовой сфере. Ни грабеж, ни убийство не считались тяжкими преступлениями и не влекли суровых наказаний. А участие в грабительских набегах, захват добычи и пленников, напротив, являлись признаком храбрости, удачливости. После удачного набега туркмен повышал свое благосостояние, приобретал имущество и рабов и имел «возможность некоторое время ничего не делать». Более того, именно наиболее активные и удачливые участники набегов выдвигались сородичами в аксакалы и ханы. Эту систему ценностей ярко отражает еще одна поговорка, цитируемая А.Н. Куропаткиным: «Где город, там нет волка, где туркмен, там нет мира»⁴.

Другая поговорка – «Кто взялся за рукоять сабли, тот не ищет более никакого предлога», впрочем, противоречит сообщению исследователя

¹ Там же. С. 93-94.

² Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 36.

³ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С. 85, 93.

⁴ Там же. С. 93, 94.

о том, что участники аламана на самом деле использовали различные обоснования для оправдания своих враждебных действий и против других туркменских родов, а также против соседних государств. Так, ограбить, пленить и даже убить русского или другого европейца можно было на том основании, что он «гяур» (неверный), перса – как шиита, хивинца, бухарца или афганца – из-за «давних кровавых счетов»¹.

С такой позицией связано и еще одно интересное наблюдение А.Н. Куропаткина: разные роды и племена туркмен (равно как и их соседи и постоянные соперники курды) практически не обеспечивали охраны своих границ от набегов врагов. Для них более привлекательным было именно совершить ответный набег в порядке отмщения. И любое убийство в рамках подобного набега, таким образом, трактовалось как «отплата кровью за пролитую кровь», т.е. некая разновидность талиона².

В начале исследования упоминалось, что А.Н. Куропаткин не ограничивался фиксацией сведений о политическом устройстве и правоотношениях туркмен для чисто научных целей. Он использовал эту информацию и в своей практической деятельности в различные периоды.

Еще в 1887 г., служа в Главном штабе, он делал доклад о нецелесообразности присоединения Туркмении к Туркестанскому краю, составленному из бывших частей Бухарского и Хивинского ханств, которые весьма существенно отличались от туркмен по системе управления и правовому регулированию, и настаивал на особом управлении туркменами из Асхабада, а не из Самарканда, как предлагалось другими. Он допускал объединение Туркмении с другими регионами Русской Центральной Азии – но лишь с течением времени и после окончательного вхождения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в состав России³.

Во время управления Закаспийской областью в 1890–1898 гг. А.Н. Куропаткин провел ряд преобразований в системе власти и суда в регионе, в т.ч. и непосредственно среди туркмен – с учетом своих

¹ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.) С. 94; Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 32-33.

² Куропаткин А. Туркмения и туркмены. С. 33, 39.

³ Почкаев Р.Ю. Российские и британские путешественники об административных преобразованиях Якуб-бека в Восточном Туркестане (1860–1870-е гг.) // Общество и государство в Китае. – Т. XLVII. – Ч. 1. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 299-303; см. также: Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. С. 184.

знаний об особенностях их системы управления и права.

Необходимо отметить, что ко времени, когда А.Н. Куропаткин стал начальником Закаспийской области, единственным правовым актом, регламентировавшим деятельность судебных органов в ней, являлось «Временное положение об управлении Закаспийского военного отдела» 1874 г., тогда как в положениях, введенных в действие уже в период его преобразования в область («Временные положения» 1882 и 1891 гг.) содержались только общие принципы организации администрации региона, которые автоматически могли быть истолкованы и в отношении организации судебной деятельности. Соответственно, возглавив Закаспийскую область, А.Н. Куропаткин столкнулся с многочисленными проблемами, связанными с деятельностью судов. Как он сам писал столичным властям, на его имя приходили многочисленные жалобы на решения судов – в особенности, если участниками имущественных споров или уголовных дел являлись представители разных аулов и племен, либо если это были споры о земле, воде, семейных правах, среди которых было «немало сложных и запутанных»¹.

А.Н. Куропаткин решил устранить эти пробелы в законодательстве и в течение 1892–1894 гг. издал ряд собственных приказов, которые позволили более эффективно выстраивать деятельность судов различного уровня. При этом он учитывал как раз особенности административных, правовых и судебных традиций туркмен.

В частности, 1 января 1892 г. начальник Закаспийской области издал указ, чтобы народные суды туркмен (т.е. низовая судебная инстанция, судьи которой избирались самим населением) при разрешении споров о пользовании водой он рекомендовал руководствоваться принципами пользования водой, которые действовали до захвата Геок-тепе русскими, т.е. установлением российского правления в Туркмении². Но он фактически применил тот же подход, который действовал в Туркестанском крае в отношении водопользования: в условиях отсутствия четкого регулирования этой сферы имперскими нормативно-правовыми актами местные власти пришли к необходимости сохранения традиционных форм водопользования и решения связанных с ним споров³.

¹ Цит. По: Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. С. 192.

² Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. – СПб.: Сенатская типография, 1909. С. 131.

³ Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. С указаниями, опубликованными по октябрь 1903 г., решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения. Сост.

Тогда же он предписал, чтобы суды не принимали к рассмотрению иски и уголовные дела, если соответствующие нарушения имели место до включения Туркмении в состав Российской империи. Отныне любой ответчик в суде мог доказать, что его обвиняют в деянии, совершенном во времена «туркменчилика», и судьи просто-напросто прогоняли истца¹.

Учитывая, что туркмены традиционно не признавали власти своих выборных аксакалов и ханов, А.Н. Куропаткин совершенно обоснованно полагал, что, аналогичным образом, они не станут выполнять решения выборных судей, если сочтут их несправедливыми. Именно поэтому в 1894 г. начальник области организовал съезд уездных начальников, на котором был разработан проект нового «Временного положения об управлении Закаспийской области». В этом документе А.Н. Куропаткин предпринял попытку улучшить судебную систему, предписав народным судам туркмен с выборными судьями действовать под надзором участкового пристава; апелляционной инстанцией должен был стать уездный съезд народных судей, председателем которого являлся уже уездный начальник. Впоследствии центральные власти подвергли предложения А.Н. Куропаткина критике, заявив, что они противоречат п. 3 ст. 21 Временного положения 1891 г., согласно которому уездные начальники не имели права осуществлять суд, имея только функцию надзора за народными судами. Соответственно, положение не было утверждено, однако А.Н. Куропаткин, исходя не из политики центральных органов власти, а из насущных потребностей управляемой им области, решил провести реформу суда в соответствии со своим проектом – правда, на уровне одного только Мервского уезда².

В то же время жалобы на решения народных судов продолжали поступать на имя А.Н. Куропаткина в немалом количестве. До 1894 г. он перепоручал их разбор судной комиссии области, однако работавшие там юристы, получившие образование в российских университетах, естественно, не учитывали туркменских правовых реалий. Поэтому они опирались исключительно на предоставленные им письменные материалы, не исследуя обстоятельств дела и не заслушивая участников дел и свидетелей, что приводило к принятию комиссией

Б.Н.Каплун. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1903. С. 143, § 256.

¹ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. С. 131.

² Там же. С. 130.

ошибочных решений¹.

В связи с этим А.Н. Куропаткин в январе 1894 г. учредил в качестве эксперимента чрезвычайный съезд народных судей в Асхабаде, который состоял из председателя судной комиссии области, его помощника – офицера, владеющего восточными языками и 4 судей из «почетных туземцев». Именно этот суд должен был теперь разбирать жалобы на решения народных судов, ранее поступавшие на имя начальника области. Первое заседание суда состоялось 24 января 1894 г., и поскольку он продемонстрировал свою эффективность, было решено проводить съезды дважды в год – в июне и декабре, причем численность судей постоянно увеличивалась: после второго съезда – до 7 судей, а затем – и до 15. Все эти судьи назначались из «почетных туземцев от уездов, приставских участков и районов области»².

А.Н. Куропаткин сам оценивал свое детище как «весьма полезное и симпатичное учреждение», считая, что его деятельность позволит туркменам не смиряться с решениями народных судов на основе архаичных порядков³ – в деятельность которых, как он отмечал, имперская администрация не вмешивалась⁴. Тем самым начальник области, с одной стороны, учитывал правовые традиции самих туркмен, с другой – постепенно приобщал их к мысли о большей справедливости имперского законодательства, поощряя обращение в инстанции, во главе которых стояли имперские чиновники. По сути речь шла о правовой модернизации туркменского общества⁵.

Центральные власти Российской империи, естественно, не одобрили его самовольные действия. Позиция властей была выражена сенатором К.К. Паленом, проводившим в 1908 г. сенатскую ревизию Туркестанского края, включая и Закаспийскую область. К.К. Пален с возмущением писал о самоуправстве А.Н. Куропаткина, действия которого нарушали действующие в Закаспийской области правовые акты, в результате чего, наряду с официальными инстанциями, – новая, «без

¹ Там же. С. 132.

² Там же.

³ Караш Хан Оглы (Йомуд-хан [Йомудский Н.Н.]) Местный суд в Закаспийской области (Народный суд). С. 29.

⁴ Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Т. II. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. С. 139; см. также Белоконов И.В. Туркестан в геополитических и колониальных конструкциях А.Н. Куропаткина // Омский научный вестник. – 2008. – № 6 (74). С. 66.

⁵ Караш Хан Оглы (Йомуд-хан [Йомудский Н.Н.]) Местный суд в Закаспийской области (Народный суд). С. 29, 31.

определенных прав и юрисдикции и, притом, в отступление от принятой системы, в составе судей исключительно по назначению»¹.

Представители же местного населения, в т.ч. и сами туркмены, оценивали эту инстанцию совершенно иначе. Вышеупомянутый Йомуд-хан Караш-хан-оглы высоко оценивал значение чрезвычайного съезда народных судей, считая, что там «атмосфера чище», чем в народных судах, во главе стоит беспристрастный и просвещенный имперский чиновник с юридическим образованием, а помогают ему местные судьи – «люди отличные и самой высокой марки», некоторые из которых, как уже упоминалось, были приглашены к участию в работе съезда лично А.Н. Куропаткиным. С сожалением Йомуд-хан отмечал, что после ухода А.Н. Куропаткина с поста начальника области в съездах стали участвовать судьи с куда более сомнительными моральными качествами, что привело к существенному снижению эффективности их работы².

Еще одним прямым отражением учета туркменских правовых реалий А.Н. Куропаткиным во время управления Закаспийской областью стала организация еще одного особого судебного органа – кяризного суда, который разбирал споры, связанный с кяризами – колодцами для искусственного орошения. Действовали такие суды в каждом уезде в составе помощника начальника уезда, 5 выборных судей (по одному от каждых 25 кяризовладельцев) и уездный техник по ирригации. Участие последнего, по всей видимости и объясняет причину появления столь специфической судебной инстанции: особенности, связанные с ирригационной деятельностью требовали работы в соответствующем суде именно специалистов, разбирающихся в данной области; поэтому такие суды решали вопросы, связанные как с исками о праве собственности или пользования кяризами, так и технические вопросы их эксплуатации³.

Уже став военным министром, А.Н. Куропаткин продолжал активно интересоваться проблемами правового регулирования отношений среди туркмен, по-прежнему принимая во внимание особенности их правосознания и отношения к различным противоправным деяниям. Так, во время служебной поездки в Туркестанский край в 1901 г. он

¹ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. С. 132.

² Караш Хан Оглы (Йомуд-хан [Йомудский Н.Н.]) Местный суд в Закаспийской области (Народный суд). Историко-критический очерк. С. 31.

³ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. С. 133-134.

инспектировал суд и тюремные учреждения Закаспийской области, обсуждая с прокурором и его заместителем проблемы привлечения туркмен к ответственности за убийства. Как мы помним, в своих работах он писал, что туркмены не считали убийство серьезным преступлением, поэтому приучать их иначе оценивать это деяние, по мнению военного министра, следовало постепенно и проявлять «снисходительное отношение» при суде над убийцами. Куропаткина очень порадовало, что прокурор оказался солидарен с ним, заявив, что наказывает убийц из числа туркмен не несколькими годами каторгами, а лишь несколькими месяцами тюрьмы, приучая пока местное население к мысли о неотвратимости наказания за убийство. Этот разговор также убедил А.Н. Куропаткина, что все еще не следует расширять полномочия народных судов, предоставив им право разбирать дела об убийствах (официально такие преступления разбирали именно имперские судебные инстанции на основе российского законодательства)¹.

В начале XX в. представители российской прессы не раз обращались к А.Н. Куропаткину как признанному эксперту по туркменам и Туркмении, и он давал соответствующие комментарии, в т.ч. и по вопросам, связанным с политико-правовыми реалиями традициями и реалиями региона. При этом он не упускал случая продемонстрировать свои знания их обычаев и традиций, а также сослаться на свой длительный опыт управления туркменами в качестве начальника Закаспийской области (или «Закаспийского края», как он предпочитал именовать этот регион, подчеркивая, что в период управления областью он обладал высокой степенью самостоятельности – большей, нежели его преемники, когда область была в ведении Туркестанского генерал-губернатора).

В 1909 г. стало известно о планах туркмен-йомудов напасть на персидскую провинцию Астрабад (в это время в Иране происходила революция, что, естественно, привело к ослаблению охраны границ). В российской прессе поспешили назвать эти действия мятежом и обсуждали карательные меры в отношении участников набега. Однако А.Н. Куропаткин (в это время – член Государственного совета) напомнил общественности и властям о древней традиции туркмен – аламане, заявив, что он планировался и в данном случае. Что же касается карательных мер, то он отметил, что, еще будучи начальником Закаспийской области, советовал начальникам Красноводского уезда

¹ Там же. С. 133.

(населенного именно йомудами) воздерживаться от приказов, за невыполнение которых они не имели возможности наказать¹. Как мы отметили выше, до вхождения Туркмении в состав Российской империи аналогичным образом поступали и выборные туркменские начальники – как писал тот же Куропаткин.

В 1908 г., во время вышеупомянутой ревизии сенатором К.К. Паленом Туркестанского края А.Н. Куропаткин, как и ряд других политических и общественных деятелей, не упустил возможности прокомментировать ход и результаты этого мероприятия. Полагаем, его комментарий (и довольно резкий) вызвали негативные оценки К.К. Паленом организации административной и судебной власти в Закаспийской области – в частности, вышеупомянутые упреки в самовольном создании новых судебных структур, не предусмотренных действующим имперским законодательством. А.Н. Куропаткин предпочел обойти стороной эти спорные моменты, прокомментировав одно из замечаний К.К. Палена о том, что жалобы на решения народных судов, подававшиеся туркменами на его имя, он передавал на рассмотрение судной комиссии, которая зачастую принимала по ним ошибочные решения. С возмущением А.Н. Куропаткин парировал: «Моя система управления: при мне каждый туркмен имел свободный доступ ко мне. С каждой нуждой туземцы могли обращаться ко мне непосредственно. При мне не было и не могло быть ни одного из тех случаев, которые раскрыла ревизия гр. Палена»².

В своей более поздней работе «Задачи русской армии» А.Н. Куропаткин сам признавал, что в Закаспийской области существовали проблемы в сфере управления и суда. Он ставил это в вину своим преемникам: за десять лет, начиная с 1898 г., в области сменилось семь начальников, каждый из которых, управляя ей не более полутора-двух лет, не провел ни одной ревизии уездов и приставств, а также и народных судов, что не было ни разу сделано и туркестанскими генерал-губернаторами³.

Комментируя результаты ревизии К.К. Палена, А.Н. Куропаткин

¹ Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер. с англ. Н.В. Банниковой. – М.; Рязань: П.А. Трибунский, 2013. С. 39-40.

² Генерал А.Н. Куропаткин о Туркестанской ревизии // Туркестанский сборник. – Т. 495. – Ташкент: Б.и., 1908. С. 127.

³ Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Т. II. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. С. 128-129; см. также К.Т. Восстание туркмен-йомудов // Туркестанский сборник. – Т. 506. – Ташкент: Б.и., б.г. С. 26-27.

продемонстрировал интервьюировавшим его журналистам письмо от туркмен Закаспийской области, которые выражали сожаление о его отсутствии в крае и сообщали, что просили власти назначить именно его туркестанским генерал-губернатором¹. Как известно, этот пост Алексей Николаевич получил, однако – при таких обстоятельствах, при которых уже не имел возможности проявить свой интерес к Туркмении и ее политико-правовым реалиям. События мощного восстания 1916 г., охватившего практически всю Русскую Центральную Азию, не позволили ему продолжить реформы в Туркмении, заставив его целиком сосредоточиться на проблеме восстановления порядка в крае и в протекторатах – Бухаре и Хиве². По всей видимости, единственным его решением, в котором он учитывал особенности политико-правового сознания туркмен, стало распоряжение введения особого управления в туркменских областях, в которых только что было подавлено восстание³. Последовавшие революционные события положили конец в 1918 г. служебной военной и государственной деятельности А.Н. Куропаткина. Генерал придерживался прогрессивных воззрений и не сочувствовал большевикам. Характерно, что после февральской буржуазной революции, в период с 6 марта по 15 мая 1917 г., он отмечал в своем дневнике, что «глубоко сочувствовал новому строю жизни России» и «радовался революционному движению и перевороту»⁴.

В заключение следует отметить, что материалы А.Н. Куропаткина о политическом устройстве и праве туркмен (как и о Туркмении и туркменах в целом) можно без преувеличения охарактеризовать как уникальные и весьма ценные. Прежде всего его труды – это сочетание результатов тщательного анализа более ранних работ и собственного опыта взаимодействия с туркменами при самых разнообразных обстоятельствах – от враждебных действий до управления их областями в качестве начальника Закаспийской области и туркестанского генерал-губернатора. Затем, своей целью Алексей Николаевич видел не просто схоластическое описание государственности и права туркмен, а

¹ Генерал А.Н. Куропаткин о Туркестанской ревизии. С. 128-129.

² См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. С. 167-169.

³ Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). С. 195.

⁴ [Покровский М.] Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. – 1927. – № 1 (20). С. 59, 61; см. также: Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. С. 313-333.

подготовку сведений практического характера, которые, как мы попытались показать выше, он сам учитывал в своей деятельности. Это обусловило, во-первых, четкую систематизацию информации, во-вторых, ее объективность: А.Н. Куропаткин не выказывает себя ни проводником идеи «просветительской миссии» европейцев в отношении «отсталых азиатов» (т.н. «ориентализма») и не преувеличивает успехи российской администрации в деле «цивилизаторства» туркмен, ограничиваясь констатацией фактов и собственными выводами и рекомендациями на их основе. Наконец, к числу несомненных достоинств проанализированных работ А.Н. Куропаткина, следует отнести его способность простым и понятным языком донести до читателя аналитическую информацию, которая в полной мере отражала специфику и, до некоторой степени, противоречивость политического и правового устройства этого народа. Именно это делает работы А.Н. Куропаткина доступными для различных читательских кругов и аудиторий и актуальными вплоть до настоящего времени.

2. А.Н. Куропаткин и Гагская мирная конференция 1899 г.

Имя Алексея Николаевича Куропаткина в массовом сознании ассоциируется преимущественно с русско-японской войной 1904–1905 гг. Многие специалисты-историки продолжают рассматривать фигуру Куропаткина сквозь призму «злополучного Мукдена», затмившего его предыдущую блестящую армейскую карьеру, энергичную деятельность во главе военного министерства и плодотворное научно-публицистическое творчество. В последнее время стали появляться работы, в которых присутствует не только известная реабилитация Куропаткина-полководца, но и попытка рассмотреть его как незаурядного военного и государственного деятеля рубежа XIX–XX вв.¹ «Белые пятна» в политической биографии генерала исчезают медленно, продолжая опираться на инерцию устоявшихся историографических

¹ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – СПб., 2015. – 36 с.; Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А.Н. Куропаткина в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 154-163; Белоконов И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Специальность 07.00.02 – Отечественная история.– Омск, 2012. – 23 с.

клише. Так, практически неизвестным остается участие Куропаткина в проведении Гаагской мирной конференции 1899 г., хотя еще в начале 1930-х гг. были опубликованы документы, подтверждавшие немалую роль военного министра в инициировании «первого парламента мира» и составлении для него программы¹. Отечественные исследователи указывают на безусловную сопричастность генерала к самому значительному акту государственного миротворчества рубежа XIX–XX вв., однако в качестве отдельной проблемы ее не рассматривали². В Зарубежная историография имя Куропаткина в контексте мирной конференции, как правило, упоминает мимоходом, или совсем не говорит о нем³. Подобное исследование позволило бы раскрыть малоизвестные страницы истории первой конференции мира, и по новому взглянуть на фигуру одного из инициаторов ее проведения – военного министра Российской империи генерала Алексея Николаевича Куропаткина.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась повсеместным ростом вооружений, военных бюджетов и милитаризацией общественного сознания⁴. По словам видного ученого-правоведа конца XIX в. Л.А. Камаровского: «Под милитаризмом следует разуметь подчинение всех сторон и функций государственной жизни целям войны и, притом, не только в военное, но и в особенности в мирное время. В наши дни это подчинение достигло таких размеров, что все иные и при этом

¹ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. // Красный архив. – 1932. – Т. 1-2 (50-51). – С. 64-96; Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. // Красный архив. – 1932. – Т. 5-6 (54-55). – С. 49-79.

² Николаев Н.Ю. Выработка Россией программы к Гаагской конференции 1899 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4, История. Философия. Вып. 4. – Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 23-24; Рыбаченок И.С. Россия и Гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 172-174; Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. – М.: РОСПСЭН, 2005. С. 17-18.

³ Barcroft S. The Hague Peace Conference of 1899 // *Irish Studies in International Affairs*. – Vol. 3. – No. 1. – 1989. – P. 55-68; Davis C.D. The United States and the First Hague Peace Conference. – N. J., Ithaca, Cornell University Press, 1962. – P. 45; Dülffer J. Die Haager Friedenskonferenzen von 1899 und 1907 im internationalen Staatensystem // *Die Friedens-Warte*. – Bd. 74. – 1999. – H. 1-2. – S. 106; Eyffinger A. The 1899 Hague Peace Conference. The Parliament of Man, the Federation of the World. – The Hague ; Boston : Kluwer Law International, 1999. –P. 21; Ford T. The Genesis of the First Hague Peace Conference // *Political Science Quarterly*. – Vol. 51. – №. 3. – P. 359; Morrill L. D. Nicholas II and the Call for the First Hague Conference // *The Journal of Modern History*. – Vol. 46. №. 2. – 1974. – P. 298.

⁴ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – Изд. 2-е доп. – М.: АН СССР, 1951. С. 46-47, 59-62.

главнейшие функции общественного организма остаются парализованными и отсюда – общий застой и недовольство»¹. Камаровскому беспокойно вторил известный публицист Л. З. Слонимский: – «Многолетние непрерывные усилия правительств в погоне за обеспечением боевой готовности колоссальных армий и флотов и за всевозможными техническими усовершенствованиями военного дела создали положение, опасное не только для общего внешнего мира, но и для внутреннего развития и благосостояния народов»².

Эпоху «вооруженного мира» принято начинать с середины XIX в., то есть со времени, когда межгосударственные конфликты приобрели невиданный прежде размах и степень технологизации³. По мнению У. Макнила, изменение традиционных форм войны началось с 1840-х гг., заметно усилившись в следующем десятилетии, когда Крымская война в полной мере продемонстрировала кризис привычных способов ведения боевых действий⁴. Американский историк называл этот период «начальной фазой индустриализации войны», рассматривая его как «сложную синергию» технического прогресса, масштабных общественных изменений, макроэкономического развития и колониальной экспансии. Развитие новых видов транспорта позволило значительно облегчить трудности снабжения, и передвижения армий. Новые коммуникационные возможности позволили отказаться от присущих средневековью и раннему Новому времени способов комплектования войск и способствовали переходу ко всеобщей воинской повинности. «Характерный лишь для варварских обществ далекого прошлого, – писал Макнил, – идеал «каждый мужчина – воин» вновь стал возможным в самых технологически продвинутых странах мира»⁵. В результате с 1869 по 1897 гг. мирный состав армий шести ведущих стран Европы (России, Франции, Великобритании, Германии, Италии и Австро-Венгрии) увеличился более чем на 40%, и составил около 3 млн. человек. Общая численность военнообязанных пяти европейских держав (за исключением Англии), составляла почти 18 млн. человек,

¹ Камаровский Л. А. Вопрос о сокращении вооружений // Русская мысль. 1899. № 5. С. 74.

² Слонимский Л.З. Вооруженный мир и проекты разоружения // Вестник Европы. – 1898. – № 10. С. 778.

³ Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 110-113.

⁴ Макнил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество XI-XX веках. – М.: Территория будущего, 2008. С. 254.

⁵ Там же.

увеличившись с 1869 г. на 185 %. По подсчетам Камаровского, в случае войны только на содержание солдат этим государствам пришлось бы тратить от 6 до 11 млн. руб. ежедневно¹.

Российские посланники за рубежом постоянно сообщали министру иностранных дел М.Н. Муравьеву о новых программах усиления армии и флота, принимаемых иностранными правительствами². В этих условиях российское правительство прилагало титанические усилия, чтобы приумножить свой военный потенциал, пострадавший в результате Крымской войны. Ответом на рост военных расходов Германии и Великобритании стало увеличение статьи соответствующих расходов и в российском бюджете³. По данным «Государственной росписи доходов и расходов» с середины 1890-х гг. прослеживался непрерывный рост расходов Военного и Морского министерств. С 1897 г. в русской армии приступили к первой очереди перевооружения магазинными 3-х линейными винтовками системы С. И. Мосина образца 1891 г., а также легкими полевыми 3-х дюймовыми скорострельными пушками. В следующем году наступила вторая очередь перевооружения новыми винтовками. Помимо этого были увеличены оклады содержания строевых офицеров. В 1894 г. правительство выделило 326 млн. рублей для пополнения Тихоокеанской эскадры, а в начале 1898 г. Николай II подписал новый указ об увеличении на 90 млн. рублей ассигнований на нужды военного судостроения. В итоге накануне 1898 г. «в разгаре было выполнение нескольких военных и военно-морских программ, принятых за несколько лет до этой даты»⁴.

В 1898 г. государственные расходы по военному министерству равнялись 288,8 млн. руб., что составляло около 21,4% от общей суммы обыкновенных расходов. В тот же год на морское ведомство было израсходовано приблизительно 83,1 млн. руб., что, в свою очередь, составляло порядка 5% от общего итога обыкновенных расходов⁵. Непомерные военные ассигнования, помноженные на слабость финансовой системы

¹ Камаровский Л. А. Вопрос о сокращении вооружений. С. 76-77.

² Деша д.с.с. Крупенского, Рим 4 (16) августа 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4681. – Л. 11-13; Деша д.т.с. Струве, Гаага 6 (18) августа 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4681. – Л. 14-16 об.

³ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 441-445.

⁴ Шаццлло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1992. С. 10-12, 25, 65.

⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий: 1881-1903. – М.: Мысль, 1973. С. 78-83, 156-167.

и отставание российской оборонной промышленности от ведущих мировых держав не только отражались на степени боеготовности армии, но и «требовали от руководства страны сдержанности, осторожности в политике на международной арене»¹. Описывая внешнеполитическое положение Российской империи в конце XIX в. Куропаткин писал: – «Настало время «вооруженного мира», при котором все державы усиленно вооружались на суше и на море. Державы, более сильные культурой и богатые, легче чем Россия выдержали это положение»². В итоге, неспособность России и других государств выдерживать всё возрастающее бремя военных расходов стало одной из важнейших побудительных причин созыва Гаагской мирной конференции 1899 г. И одну из важных ролей в этом знаменательном политическом действе история отвела Алексею Николаевичу Куропаткину.

Замысел первого «парламента мира», на наш взгляд, возник как результат смещения целого ряда объективных и субъективных факторов, личных инициатив и государственных интересов. Информированные современники, а затем российские и зарубежные исследователи считали инициаторами конференции целый ряд известных общественных и государственных деятелей. В числе «крестных отцов» Гаагской конференции называли и автора фундаментального антивоенного труда И.С. Блюха, высокопоставленного чиновника МИД А.К. Базили, вездесущего С.Ю. Витте и даже самого Николая II³. Безусловно, идеи разоружения витали в недрах российского (и не только российского) дипломатического и военного ведомств задолго до артикуляции их Куропаткиным⁴. В этом смысле, попытки выявить «истинного и самого первого инициатора» мирной конференции в известной степени представляются нам тщетными и отчасти даже надуманными. Однако, участие военного министра в зарождении идеи (согласно

¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М.: Международные отношения, 1999. С. 48.

² Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. С. 110

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. // Красный архив. –1932. – Т. 1-2 (50-51). С. 64-65; Николаев Н.Ю. Идеи пацифизма и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Философия. – Волгоград: ВолГУ, 2000. – Вып. 5. С. 54-55; Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – Волгоград, 2001. С. 19-22.

⁴ Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. С. 20-30.

И.С. Рыбаченок в «зерне замысла») является бесспорным.

Точкой отсчета будущего Гаагского собрания принято считать 28 февраля (12 марта) 1898 г., когда недавно назначенный на должность военного министра А. Н. Куропаткин представил Николаю II всеподданнейший доклад. В нем он предложил совместно с Австро-Венгрией подписать конвенцию о взаимном непринятии на вооружение скорострельных пушек в течение 10 лет. В это время в германской армии появилась новая полевая 77-миллиметровая пушка образца 1896 г., скорострельность которой увеличилась в сравнении с предыдущими образцами в 3-5 раз. Франция, ревниво следившая за военными достижениями своего восточного соседа, тут же форсировала собственное перевооружение новыми артиллерийскими орудиями¹. Одновременно в России и Австро-Венгрии проходили опыты по созданию аналогичных типов скорострельных пушек². В качестве главного аргумента в пользу заключения такого соглашения Куропаткин называл значительную экономию государственных средств. По подсчетам военного ведомства подобное мероприятие по усилению артиллерийского парка обошлось бы государственной казне России в сумму порядка 130 млн. рублей. Расходы Австрии составили бы приблизительно 100 млн. рублей. На вопрос императора советовался ли генерал со своим предшественником П.С. Ванновским, Куропаткин ответил, что идея принадлежала ему. Мысль о заключении конвенции появилась у него в ходе работы над докладом, когда он «записывал в конспекте разные цифровые данные о полевых скорострельных орудиях и огромных, вызываемых перевооружением, расходах». Куропаткин высказал свое предложение «осторожно», опасаясь, что Николай II осудит его «за слишком смелую мысль»³. Император не только одобрил это предложение, но и горячо поддержал военного министра⁴. В ответ Куропаткин указал,

¹ Шокарев Ю.В. Артиллерия. – М.: АСТ, 2001. – С. 144-147; Robinson J., Robinson J. Handbook of Imperial Germany. Bloomington : – AuthorHouse, 2009. – P. 319-323.

² Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881-1903. С. 162-163.

³ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 55

⁴ Современники и ряд современных исследователей считали, что позитивное отношение Николая II к идее проведения мирной конференции было вызвано впечатлениями от встреч с известным русско-польским промышленником и пацифистом И. С. Блюхом. См. Бюлов Б. Воспоминания. – М.-Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. С. 126; Истягин Л.Г. Иван Блюх и российская инициатива по ограничению вооружений в конце XIX в.: актуальные аспекты исторического опыта // Пути к безопасности. – 2002. – № 1-2 (23-24). С 73-74; Dungen van den

что «подобный почин есть общий шаг, если не к общему разоружению, то, по крайней мере, к временной приостановке истощающих Европу расходов на вооруженные силы и средства». По окончании доклада Николай II поручил Куропаткину обсудить вопрос о скорострельных пушках с М.Н. Муравьевым¹.

Разговор с императором воодушевил генерала и сразу после его окончания он направился к руководителю российской дипломатии, который отнесся к его идее «очень сочувственно, даже радостно». По мнению Муравьева, в условиях активной дальневосточной экспансии публичная демонстрация Россией миролюбия способствовала бы укреплению ее авторитета в Европе. В тот же день Куропаткин составил письмо с подробным изложением содержания военной конвенции. Сам автор оценивал его как написанное «горячо и убедительно»². В своем письме военный министр отмечал, что скорострельность вновь введенной в Германии и проектируемой в России полевой пушки (приблизительно 6 выстрелов в минуту) внушало огромную тревогу не только по причине невиданных до этого людских потерь, но и материальных затрат: – «Если, с одной стороны, противник будет осыпан массой снарядов, то, с другой стороны, весь комплект снарядов при увлечении этою быстротой действия может быть израсходован в один час времени»³. Автор письма обращал внимание Муравьева на чрезвычайно быстрое развитие технического прогресса, из-за чего еще недавно современные виды оружия быстро устаревали. Создавался порочный круг, так как бесконечные новации в вооружениях требовали постоянного увеличения военных расходов. В Европе сложилось крайне опасное состояние «вооруженного мира», а готовность великих держав к столкновению между собой «доведена до небывалой и чудовищной степени». Выходом из создавшегося положения, по мнению военного министра, могла стать либо война, либо миротворческая инициатива одной из великих держав. В заключение Куропаткин подчеркнул, что «ныне настала весьма благоприятная минута сделать этот важный почин именно нам и австрийцам»⁴.

Итоговые предложения главы военного ведомства сводились к следующему: русско-австрийскую военную конвенцию о непринятии

P. From St. Petersburg to The Hague : Bloch and the First Hague Peace Conference (1899) // The Future War. – The Hague : Kluwer Law International, 2000. P. 69-83.

¹ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 55-56.

² Там же. С. 56.

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 71.

⁴ Там же. С. 71-72.

скорострельных полевых пушек надлежало заключить на срок 10 лет; скорострельными признавались полевые пушки, делавшие более 3-х выстрелов в минуту; оба государства сохраняли право вводить скорострельные пушки крепостного и осадного типа и на флоте; одновременно Россия и Австрия договаривались не препятствовать дальнейшему продолжению военно-технических разработок в этой области, а за Веной сохранялось право вооружить армии полевыми гаубицами¹.

В своем дневнике Куропаткин отметил, что глава российской дипломатии отнесся к его письму благосклонно: – «В Госуд. совете граф Муравьев очень хвалил мое письмо об ограничении вооружений. Говорил, что многие выражения прямо пойдут в переговоры»². В то же время, прошедшее заседание показало, что Министерство иностранных дел готово пойти даже дальше идей, высказанных Куропаткиным. Так, Муравьев предложил «привлечь к приостановке вооружений на 10 лет все континентальные государства: Германию, Австрию, Францию, Турцию, славянские государства», оставив тем самым в изоляции Англию. Такое изменение первоначальной идеи вызвало недовольство Куропаткина, который заявил, что на первых порах вполне достаточным было бы подписания русско-австрийского соглашения о неприятии на вооружение полевых скорострельных орудий. Аргументом в пользу своего проекта он считал прежде всего большую легкость его осуществления³.

С. Ю. Витте, занимавший в то время пост министра финансов, представил события в несколько ином свете. По его воспоминаниям «около середины 1898 г.» у него состоялся разговор с Муравьевым, пожелавшим узнать мнение Витте относительно предложения Куропаткина³. Свой ответ Витте высказал в достаточно резкой форме, найдя рассуждение военного министра «невозможным». По его мнению, Австрия «отвергнет такое предложение и, пожалуй, даже деликатно посмеется над нами», а в целом данная инициатива лишь продемонстрирует Европе политическую несостоятельность России. Вместо заключения русско-австрийской конвенции Витте предложил установить общий предел вооружений, так как население европейских государств изнемогало под гнетом военных расходов, порождавших нищету и социальный протест. Свои мысли он излагал «весьма подробно и энергично» и по собственному признанию произвел на собеседника «значительное

¹ Там же. С. 72-73.

² Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 56.

³ Там же. С. 56-57.

впечатление». «Я мог, – самодовольно заключил Витте, – произвести на него это впечатление тем более, что хотя мои мысли мои не представляли ничего особенно нового, но для Муравьева, при полной его некультурности в серьезном смысле этого слова, многие из моих мыслей являлись совершенно новыми»¹. Таким образом, если верить мемуарам будущего творца Портсмутского мира, именно он внушил графу Муравьеву мысль отказаться от достижения австро-русского соглашения, поставив во главу угла более масштабную проблему всеобщего разоружения. В дальнейшем министр иностранных дел лишь развил идею, предложенную ему Витте.

Независимо от того, имел ли место разговор между Витте и Муравьевым, к апрелю 1898 г. проект заключения русско-австрийской конвенции Куропаткина был фактически отвергнут. В представленной министерством иностранных дел записке от 24 марта (5 апреля) 1898 г., отмечалось, что несмотря на всю тяжесть военных расходов, Австро-Венгрия «не решится заключить отдельного помимо Германии соглашения с державой, стоящей вне Тройственного союза, по вопросу о взаимных боевых средствах»². Взамен отечественные дипломаты предложили созвать международную конференцию для обсуждения вопроса о неувеличении и даже о возможном сокращении количества армейских соединений, а также «сумм, ежегодно на содержание и вооружение их ассигнуемых». При этом отмечалась выгода для России соглашения об уменьшении войсковых формирований, «ввиду численного превосходства, пропорция которого осталась бы неизменной». Кроме того, в МИД считали, что на предполагаемой конференции необходимо поставить вопрос о средствах мирного решения вооруженных конфликтов³.

В дальнейшем военный министр сам отказался от поддержки своего двустороннего проекта, тем более, что царь не без влияния Александры Федоровны, склонялся к тому, чтобы положить доклад о русско-австрийской конвенции «под сукно»⁴. Куропаткин поспешил поздравить Николая II, когда тот показал ему проект циркуляра иностранным послам о созыве конференции по разоружению: – «Я поздравил от души государя, высказав, что брошено в мировую ниву великое семя,

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Т. 1. – Изд. 2-е. – М.: Ленинград, 1924. С. 130-131.

² К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 76

³ Там же. С. 76-77.

⁴ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 57-59.

что, хотя, быть может, придется и долго ждать, но плод, тоже великий, незаметно явится». Тем не менее, генерал все же упомянул, что идея созыва мирной конференции родилась из его письма Муравьеву о скорострельных пушках. Эти слова Куропаткина легко приписать его тщеславию или желанию присвоить себе чужие лавры. Однако на наш взгляд, такие обвинения не справедливы. Несмотря на то, что изначальный почин военного министра был вскоре забыт, его значение от этого не уменьшилось. Предложением генерала был дан ход развитию важной международной инициативы сокращения вооружений и мирного улаживания вооруженных конфликтов.

В начале августа Куропаткин сообщил руководителю внешнеполитического ведомства о планируемом Германией значительном усилении армии. Полученные от военного министра сведения Муравьев использовал в качестве дополнительного аргумента в пользу скорейшей реализации российской мирной инициативы. По его мнению, рост вооружений в Германии вызвал бы недовольство её ближайших союзников – Италии и Австро-Венгрии, «уже изнемогающих от гнета военных расходов». В самой Германии данные меры правительства породили общественное недовольство. Глава МИД предложил использовать возникшую ситуацию «чтобы заявить свету о великодушном намерении вашего императорского величества упрочить мир иными средствами и облегчить народам бремя бесконечных вооружений, к коим вынуждает их политика Германии»¹. 12 (24) августа 1898 г. всем аккредитованным в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств министром иностранных дел М. Н. Муравьевым была передана циркулярная нота, в которой предлагалось созвать международную конференцию для обсуждения вопроса о разоружении держав и упрочнении всеобщего мира². Основное внимание в этом документе обращалось на финансовые затруднения, которыми сопровождался рост вооружений. Циркулярная нота была полна общих рассуждений о необходимости скорейшего уменьшения бремени военных расходов и «охранения всеобщего мира», но не содержала никаких конкретных указаний на программные положения грядущего мероприятия. Копия циркуляра

¹ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 79; Всеподданнейшая записка 9 августа 1898 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). – Ф. 151 (Политархив). – Оп. 482. – Д. 4684. – Л. 19-20.

² Приложенный к ней [к записке Муравьева 9 августа] проект сообщения иностранным представителям. Высочайше утвержденный 11 августа и разосланный 12 августа 1898 г. за № 651 // АВПРИ. – Ф.151. – Оп. 482. – Д. 4684. – Л. 21-23.

была разослана всем членам правительства, включая Куропаткина¹.

Реакция на российское предложение иностранных правительств было далеко не столь положительной, как на то рассчитывали в Санкт-Петербурге. Если общественность в подавляющем большинстве приветствовала идею разоружения, то государственные мужи, особенно представлявшие великие державы, отреагировали на августовский циркуляр достаточно настороженно² [31, с. 44-45; 32, с. 92-95].

В российском правительстве было также немало сомневающихся в достижении заявленных циркуляром миролюбивых целей. В своем дневнике Куропаткин констатировал разнообразие мнений – «большинство одобряет, но некоторые, напр. Игнатьев, Ванновский и даже Обручев – в сомнениях. Думают, что не выиграем»³. Генерал отмечал неожиданность циркуляра для многих высокопоставленных чиновников и неподдельное ликование истинных поборников мира (например, А.П. Ольденбургского). Даже российская печать, отмечал министр, отнеслась к мирной инициативе «довольно сдержанно»⁴.

В сентябре 1898 г. Куропаткин резюмировал общественно-политическую реакцию на российскую мирную инициативу. По его мнению, восторженное восприятие циркуляра населением контрастировало с прохладным отношением к нему правительств. Генерал считал, что положительное отношение общественности во многом основывалась на завышенных ожиданиях, особенно в области разоружения. Такая реакция, в случае неисполнения заявленных циркуляром целей, могла быстро смениться всеобщим разочарованием, которое, как считал министр, необходимо было предупредить заранее. Куропаткин выделил основные причины настороженного отношения к российскому предложению на правительственном уровне: во-первых, это неожиданность заявления Муравьева; во-вторых, нежелание поступиться своими политическими интересами, в том числе территориальными претензиями к соседям, (примером могли служить французские притязания на Эльзас

¹ Список г. министров коим препровождена за № 651 копия записки о всеобщем мире // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4687. – Л. 4 об.

² Николаев Н.Ю. Германия и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2005. – Вып. 10. С. 44-45; Николаев Н.Ю. Европейское общественное мнение и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2003. Вып. 8. С. 92-95.

³ Новые материалы о Гагской мирной конференции 1899 г. С. 57.

⁴ Там же.

и Лотарингию); третьей причиной являлось подозрение в неискренности мирных устремлений России¹.

По мнению генерала, для положительного решения поставленных на конференции задач, прежде всего в области ограничения вооружений, необходимо выполнение определенных геополитических условий, в числе которых Куропаткин называл: 1) распад Австро-Венгрии; 2) занятие Россией проливов (прежде всего Босфора); 3) возвращение Франции отторгнутых от нее в результате войны с Пруссией Эльзаса и Лотарингии. Военный министр предлагал отдать Германии немецкие земли Австрии, взамен потребовав возврата французам Эльзаса и Лотарингии. При этом он не рассчитывал, что Берлин добровольно согласится на подобный обмен. Следовало предъявить это требование в наиболее благоприятный момент, когда Германия будет втянута в неизбежную войну «с Англией и Америкой за промышленные и колониальные интересы»².

Отношение великих держав к циркуляру, по мнению Куропаткина, было вызвано как внешнеполитическими расчетами, так и социально-экономическим положением. Он считал, что Россия выиграла бы от сокращения вооружений с военно-экономической точки зрения. С внешнеполитических позиций мирная инициатива оценивалась им скорее отрицательно. Уменьшение военных сил могло негативно сказаться на успехе российской экспансии на Дальнем Востоке и продолжавшейся борьбе за черноморские проливы. Франция оценивалась министром как наименее страдавшая от социально-экономических издержек гонки вооружений. Однако принципиальная позиция в эльзас-лотарингском вопросе не позволяла Парижу согласиться с идеей приостановки вооружений. Германия, сравнительно легко переносившая бремя военных расходов, в своей внешней политике была поставлена в «тяжелую необходимость отчаянной самообороны». Негативное отношение Берлина к августовскому циркуляру министр объяснял личными качествами императора Вильгельма II, эксцентричная натура которого не терпела чужой славы и популярности. Австрия и Италия, по его мнению, изнывали под «тягостью вооружения» и были бы рады избавиться от него. Однако членство в Тройственном союзе и военно-политический контроль Германии мешали им поддержать российскую мирную инициативу. Великобритания в силу своего островного положения и разнообразия своих геополитических интересов не

¹ Там же. С. 60.

² Там же. С 58-59.

способна была отказаться от развития флота. Малые государства, писал Куропткин : – «Будут рады и счастливы менее тратить на военное дело, лишь бы им гарантировали существующее для них международное и территориальное положение»¹.

В октябре 1898 г. генерал посетил Вену, где общался с военным министром Австро-Венгрии Э. фон Кригхаммером и начальником австрийского Генштаба Ф. фон Беком-Ржиковским. В обоих случаях он отметил озабоченность и сдержанность в комментариях своих австрийских коллег. Военный министр Австро-Венгрии прямо заявил, что его страна слишком отстала от России, потому им не только нельзя разоружаться, но «даже уменьшить вооружений». Вместе с тем, Вена была готова отказаться от принятия на вооружение автоматических ружей и скорострельных орудий².

Со сдержанным удивлением отреагировало на августовскую ноту и союзное французское правительство³. По словам Куропаткина, неожиданность российской инициативы породило в Елисейском дворце подозрения в тайном русско-германском сговоре⁴. Поддержка ближайшего союзника была слишком важна и потому улаживать возникшее недоумение были направлены главы военного и внешнеполитического ведомств. Генерал утверждал, что сам предложил императору урегулировать возникшие разногласия посредством консультаций со своим французским коллегой Ш. Шануаном. Для переговоров в Париже им предлагались следующие «основания»: во-первых, затронутые августовским циркуляром вопросы, следовало решать постепенно, на основе разработанной в ходе длительных согласований программы; во-вторых, российскую мирную инициативу необходимо было расценить как начальный этап длительного процесса всеобщего умиротворения; в третьих, реализуемыми задачами на предстоящей конференции могло бы стать запрещение особенно разрушительных и антигуманных видов вооружений (автоматических ружей, воздушных шаров, сильно действующих взрывчатых веществ)⁵. В конце сентября 1898 г. Куропаткин сделал доклад императору, в котором озвучил предварительные предложения военного министерства – отказ от некоторых видов вооружений, определение на известный срок численного состава

¹ Там же. С. 60-61.

² Там же. С. 63-64.

³ Депеша князя Урусова, Париж 20 августа (1 сентября) 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4689. – Л. 79-83.

⁴ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 83.

⁵ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 58.

армии и размеров военного бюджета¹. К тому времени, Куропаткин понял бесперспективность проекта заключения русско-австрийской конвенции и предлагал одновременно с реализацией августовского циркуляра начать перевооружение русской армии скорострельными пушками².

Предложения военного министра, высказанные им вовремя поездки во Францию (24 октября – 1 ноября 1898 г.), фактически повторяли идеи его всеподданнейшего доклада царю. Во-первых, это непринятие ружей автоматической системы, во-вторых, – ограничение употребления в полевой войне взрывчатых веществ и, в третьих, в качестве перспективных задач предполагалось определить на известный срок численность армейских соединений и размер военных бюджетов. Французское правительство беспокоили некоторые пункты августовского циркуляра, по которым оно хотело получить от Куропаткина подробные объяснения. Опасения Шануана были связаны с начавшимся в то время процессом принятия на вооружение французской армией новой скорострельной 75-ти миллиметровой полевой пушки образца 1897 г., воспрепятствовать которому вполне могла предстоящая мирная конференция. Шануан ожидал со стороны России «тяжелых требований, кои оказались бы невыполнимыми для Франции», но российский эмиссар заверил его в отсутствии намерений препятствовать перевооружению союзной армии, а также ознакомил французского коллегу с предложениями своего ведомства к проекту программы. Одновременно генерал сумел избежать обсуждения вопросов, касавшихся военно-морского флота, заметив, что заявления по этой проблеме будут сделаны позднее. В беседе с президентом Третьей республики Ф. Фором Куропаткин подтвердил, что Россия на предстоящей конференции не намерена обсуждать эльзас-лотарингский вопрос, поднимать проблему принятия на вооружение скорострельных пушек и сокращения численности армии³.

В свою очередь французский военный министр не только одобрил программные предложения Куропаткина, но и высказал ряд конструктивных замечаний. Он обратил особое внимание на необходимость расширения сферы действия «гуманитарного права» на морские

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 58, 62.

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 81-88; Копия секретного письма ген. Куропаткина министру иностранных дел из Парижа 27 сентября (9 октября) 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4711. – Л. 48-49.

сражения. В частности, Шануан предложил распространить решения Женевской конвенции 1864 г. на морские войны, объявив нейтральными госпитальные суда¹. В дальнейшем русское правительство, в том числе и по инициативе военного министра, еще не раз проводило консультации с Парижем с целью сближения взаимных взглядов и позиций².

Л. Телешева рассматривала французскую миссию Куропаткина как циничное доказательство нежелания России добиваться разоружения³. С.С. Ольденбург также отмечал известное несоответствие между идеями августовского циркуляра и пояснениями российского военного министра генералу Шануану⁴. На наш взгляд, поездку Куропаткина в Париж следует рассматривать скорее как удачный дипломатический маневр: он добился главного – одобрения Францией российской мирной инициативы. Слова же Куропаткина о том, что царское правительство далеко от мысли о разоружении, были не столько выражением его личной позиции, сколько озвучиванием формального содержания циркуляра от 12 августа. В самом деле, при детальном рассмотрении можно заметить, что слово «разоружение» в этом документе даже не упоминается. Его формулировки позволяли трактовать текст неоднозначно. В результате, общественности в циркуляре виделось начало всеобщего разоружения, правительства же усматривали в нем лишь декларативное желание временно приостановить гонку вооружений.

Одновременно в министерстве иностранных дел активно разрабатывалась программа мирной конференции. Важную роль в этом процессе сыграл известный юрист Ф.Ф. Мартенс. В октябре 1898 г. он представил записку, в которой подробно изложил «черновой» вариант программы предстоящей конференции. В своем проекте Мартенс сделал основной акцент на обсуждение механизмов предупреждения и мирного урегулирования межгосударственных конфликтов. Проблему разоружения он предложил разрешить в форме пропорционального уменьшения вооруженных сил и временного неувеличения имеющихся армий. По мнению Мартенса, российскому правительству в качестве жеста

¹ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 88-89.

² Секретная телеграмма Урусова, Париж 28 апреля (10 мая) 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 66-66 об.; Выписка из инструкции 23 апреля 1899 г., составленная для сообщения французскому правительству // АВПРИ. Ф. 184. (Посольство в Лондоне). – Оп. 520. – Д. 924. – Л. 19-27.

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 68.

⁴ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Феникс, 1992. С. 101-102.

доброй воли следовало заявить о намерении уменьшить в следующем году количество рекрутов на треть или даже наполовину. Тем самым Россия не только продемонстрировала бы серьезность своих намерений, но и показала искреннюю готовность к практическим шагам на ниве миротворчества¹.

Записка Мартенса вызвало энергичное обсуждение в правительственных сферах, к которому по просьбе Муравьева присоединилось и военное ведомство². Куропаткин, признавая «правильность общих соображений» Мартенса, не соглашался с его предложением «об уменьшении в 1899 г. размера обычного ежегодного контингента новобранцев». В то же время полностью эту идею генерал не отвергал, не исключая выдвижения Россией подобного предложения в несколько измененной форме. По мнению военного министра, сокращение численности «ежегодного комплекта новобранцев» возможно лишь на одну четвертую часть, и то при условии параллельного проведения такого же мероприятия всеми великими державами. Куропаткин предлагал провести уменьшение количества призывников в течение четырех лет. Касаясь содержания программы будущей мирной конференции, министр считал, что она должна ограничиваться «преимущественно областью применения усовершенствованного оружия и сильнодействующих разрушительных средств», а также обсуждением вопроса о возможности установления фиксированного размера военного бюджета и предельной численности армии³. В качестве собственных дополнений к записке, Куропаткин озвучил свои прежние идеи о запрете принимать на вооружение новое автоматическое оружие, по меньшей мере, в течение 10 лет, а также ограничить употребление новых, более разрушительных взрывчатых составов. Также, он предлагал включить в программу вопрос об «ограничении определенными цифрами состава армии и военных бюджетов»⁴. Вопросы мирного разрешения конфликтов («об отстранении опасности войны»), военный министр считал пока недостаточно определенными и потому воздерживался от каких-либо рекомендаций⁴. Сохранившиеся черновые материалы проекта российской программы позволяют сделать вывод, что

¹ Записка тайного советника Мартенса // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4709. – Л. 33-42 об.

² Письмо Муравьева Куропаткину и Тыртову от 14 ноября 1898 г. // АВПРИ. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 3-4.

³ . Выписка из секретного письма военного министра от 30 ноября 1898 г. № 227 // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4712. – Л. 32-33.

⁴ [Проект программы] // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4709. – Л. 18-24 об.

мнение военного министра, безусловно, учитывалось при обсуждении вопросов, касавшихся его компетенции¹.

Международная обстановка летом-осенью 1898 г. складывалась таким образом, что всякое желание ускорить начало работы мирной конференции выглядело по меньшей мере несвоевременным. Кризис в англо-французских отношениях, вызванный разделом Судана и борьбой за верховья Нила, существенно охладил миролюбивые настроения, царившие в Петербурге. Нарастали также русско-германские противоречия, связанные со стремлением Берлина проникнуть в запретный для него до того времени Ближний Восток. В ноябре 1898 г. сильно обострились русско-английские отношения в связи с активной ближневосточной и дальневосточной политикой Российской империи². Тревожные ожидания царили в высших сферах власти. Куропаткин описывал свои разговоры с Муравьевым, в которых предостерегал о том, что в случае, если не будут предприняты должные дипломатические усилия, Россия может оказаться перед лицом войны с целой коалицией мировых держав, включая и ближайшего ее союзника – Францию³.

К началу 1899 г. миролюбивый настрой заметно снизился даже у Николая II, который поддерживал инициативу проведения конференции с самого ее начала. По словам Куропаткина, царь признался ему, что из-за «нахального» отношения Германии к российскому предложению он даже «раскаивается, что сделал этот шаг». Военному министру пришлось убеждать императора, «в необходимости относиться терпеливо к результатам великого шага, им сделанного». Генерал призывал его довольствоваться на первых порах малым, но «твердо верить в окончательный исторический результат мирных предложений»⁴.

30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) Муравьевым был вручен представителям иностранных государств новый циркуляр. В нем впервые официально была заявлена программа, которую Россия предполагала рассмотреть на предстоящем мирном форуме. Главные положения этой программы сводились к следующему: 1) сохранение на определенный срок существующей численности вооруженных сил, а также суммы военных бюджетов, изучение возможности их будущего сокращения;

¹ Материалы для проекта программы конференции, на основании сообщения 12 августа 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4712. – Л. 2-12.

² К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С. 89-90.

³ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 64-65.

⁴ Там же. С. 66-67. Миролюбивые сентенции министра вполне органично сочетались с его опасениями относительно уменьшения военных расходов (см. Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С. 67).

2) запрещение принятия на вооружение нового огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и пороха, если их разрушительный эффект сильнее существующих; 3) ограничение в использовании уже состоящих на вооружении разрушительных взрывчатых веществ и запрещение «пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным удобным способом»; 4) запрещение использования в морских сражениях подводных лодок и строительства военных судов с таранами; 5) руководство в морских сражениях постановлениями Женевской конвенции 1864 г. с добавлением к ней дополнительных постановлений 1868 г.; 6) распространение статуса нейтралитета на те суда и шлюпки, которые занимаются во время морского сражения спасением утопающих; 7) пересмотр принятой в 1874 г. на Брюссельской конференции итоговой декларации о законах и обычаях войны; 8) распространение с целью предотвращения вооруженных конфликтов посредничества, третейского суда и института «добрых услуг», их согласование и регламентация¹.

После опубликования декабрьского циркуляра, в правительственных сферах началось детальное обсуждение намеченных в нем вопросов для выработки согласованной позиции заинтересованных министерств по изложенным пунктам программы, а также составление ведомственных инструкций российским делегатам. 1 февраля 1899 г. состоялось совещание начальников штабов западных военных округов под председательством начальника Главного штаба В. В. Сахарова. В ходе заседания была выработана специальная позиция военного министерства по блоку вопросов, обозначенных в декабрьском циркуляре, но в некоторых аспектах с ним не совпадающая. Так, на совещании было указано на необходимость откорректировать положение о запрете подводных лодок из-за возражений Франции, чьи интересы в данном случае существенно ущемлялись. Была высказана рекомендация не поднимать совсем этот вопрос на предстоящей конференции, так как подводные лодки необходимы тем морским державам, которые «по некоторым причинам не обладают достаточным шлюпным флотом». По мнению российских генералов, было необходимо безотлагательно проинформировать французское правительство по основным пунктам программы для ее согласования. Эти два предложения отвечали интересам Франции как союз-

¹ Циркулярное сообщение министра иностранных дел пребывающим в С.-Петербурге представителям иностранных государств от 30-го декабря 1898 г. // Правительственный вестник. 1899. – 12 (24) января. – С. 1-2.

ницы России и вызвали особое одобрение Николая II¹. В итоговом заключении присутствовали следующие пожелания: 1) установить на срок 5-10 лет некоторое процентное отношение численности армии в мирное время к общему количественному составу населения; 2) на такой же срок определить постоянное процентное отношение военного бюджета к общегосударственному; 3) не принимать на вооружение в течение 10 лет новых образцов магазинных винтовок; 4) объявить неизменным существующий на тот момент артиллерийский парк (правда, при этом оговаривалось, что государствам, находившимся на стадии перевооружения новыми видами орудий, или проводящим изыскания в этой области, дается право на их завершение); 5) установить предельное численное отношение артиллерийских орудий на 1000 пехотинцев; 6) положить конец различным усовершенствованиям взрывчатых составов и веществ в артиллерии; 7) запретить применять в полевой войне взрывчатые вещества, ограничив их применение лишь крепостными войсками; 8) запретить использование метательных снарядов с воздушных шаров².

Министерство иностранных дел после получения известия о проходившем в военном ведомстве совещании начальников штабов западных округов незамедлительно поспешило высказать свою точку зрения на предложения генералов³. Замечания, представленные Муравьевым, затрагивали практически все предложения Главного штаба. Например, соображение военных об установлении на 5-10 лет определенного процентного отношения количества «полевых войск мирного состава» к общей численности населения страны и военного бюджета к общегосударственному было признано идеей, выгодной для России (для подтверждения этого вывода приводились данные статистики), но едва ли достижимой на конференции. К неудачным предложениям было отнесено одобренное совещанием право государств закончить перевооружение или продолжать изыскания в этой области. В то же время отечественные дипломаты оправдывались по поводу включения в декабрьский циркуляр предложения запретить использование подводных лодок в морских сражениях. Главной причиной такого промаха они называли неосведомленность о новых французских изобретениях в

¹ Об этом свидетельствовали собственноручные пометы Николая II.

² Журнал совещания для предварительного изучения вопросов об ограничении вооружений, возбужденных циркуляром МИД 30-го декабря 1898 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4737. – Л. 36-59.

³ [Письмо Куропаткина к Муравьеву] // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 22.

этой сфере. Теперь после получения новых сведений российское внешнеполитическое ведомство целиком и полностью поддерживало тезис об исключении этого вопроса из программы мирной конференции. Вместе с тем чиновники МИД предостерегали военных от излишне тесных консультаций с Францией, так как в Париже не согласны со многими аспектами предложенной программы¹.

Несмотря на все замечания, выводы, сделанные на совещании начальников штабов западных военных округов, легли в основу представленного Куропаткиным доклада по Главному штабу от 17(30) апреля 1899 г. и получившего одобрение Николая II. В этот доклад вошел ряд примечаний, дополнявших предложения военного совещания. Например, затрагивая проблему сокращения ассигнований на армию, военный министр уточнил, что затраты на улучшение быта и довольствия личного состава «не считаются увеличением военного бюджета». Касаясь ограничения развития военно-технических усовершенствований, Куропаткин высказал пожелание, чтобы ограничительные меры были наложены и на применение безоболочечных и разрывных пуль. Также генералом было высказано мнение по вопросам, на совещании не обсуждавшимся: о желательности пересмотра Женевской конвенции 1864 г. с дополнениями к ней 1868 г. и учреждения международного бюро Красного Креста «в виде института, признанного государствами и основанного на международном праве». В заключение руководитель военного ведомства предложил «с целью освещения и пересмотра всех постановлений предстоящей конференции» вновь собрать через определенный промежуток времени (5 лет) подобный мирный форум². Одобренный Николаем II доклад Куропаткин отправил для ознакомления Муравьеву³.

После выяснения взглядов военных на циркуляр от 30 декабря неизвестным осталось лишь мнение финансового ведомства. 31 марта 1899 г. Муравьев послал запрос Витте с целью узнать его заключение по вопросу о процентном отношении норм военного бюджета к общегос-

¹ Копия о совещании начальников штабов западных военных округов под председательством начальника Главного Штаба // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4737. – Л. 53-59.

² Копия с доклада по Главному Штабу от 17 апреля 1899 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 568 (В. Н. Ламздорф). – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 97-102.

³ Письмо Куропаткина Муравьеву от 20 апреля 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 46.

сударственному¹. О необходимости финансового обоснования выводов, сделанных совещанием начальников штабов западных военных округов руководитель МИД писал также Куропаткину². Представленное вскоре Витте заключение, рассматривало наиболее выгодные для России экономические варианты «облегчения бремени вооруженного мира». Нормирование процентной величины военного бюджета к общегосударственному министерство финансов посчитало невыгодным, так как расходы на содержание российской армии были сравнительно велики и составляли 7,7% общего бюджета, – например, в Англии этот показатель равнялся приблизительно 2,4%, Франции – 3,8%, Германии – 2,8%, Австро-Венгрии – 2,3%. Оптимальным для России Витте считал неповышение на определенный срок численности войск и военных расходов, при этом в качестве базовых, следовало принять бюджетные показатели за 1899 г.³

Таким образом, анализируя выработку министерских позиций по программе к мирной конференции, можно констатировать наличие определенных разногласий между ведомствами Куропаткина, Муравьева и Витте. В результате поиск компромиссного решения затягивался, увязая в бюрократической волоките. К концу апреля 1899 г. окончательный проект инструкций российскому уполномоченному на мирной конференции был готов⁴. Главную роль в разработке программы взяло на себя внешнеполитическое ведомство и лично Ф. Ф. Мартенс. Вклад других министерств, в том числе военного, был соразмерен их компетенции.

В числе оставшихся важных вопросов, в разрешении которых участвовал Куропаткин стоит отметить согласование кандидатур военных экспертов в составе российской делегации. В марте 1899 г. Муровьев прислал Куропаткину письмо с просьбой назначить специалистов от военного министерства в помощь первому российскому делегату Е. Е. Стаалю⁵. 11 марта генерал известил Муравьева о назначении

¹ Письмо Муравьева Витте от 31 марта 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 29-29 об.

² Письмо Муравьева Куропаткину от 31 марта 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 30-30 об.

³ «Для облегчения бремени вооруженного мира». Предложения об отказе от войн впервые выдвинула Россия // Источник. Документы русской истории. 1996. № 2 (21). С. 28-36.

⁴ Инструкция Е. Е. Стаалю от 23 апреля 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 184. – Оп. 520. – Д. 924. – Л. 8-18.

⁵ Письмо Муравьева Куропаткину и Тыртову от 10 марта 1899 г. // АВПРИ. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 21-22 об.

полковника генерального штаба Я. Г. Жилинского и полковника гвардейской конной артиллерии М. А. Баранцова представителями военного министерства на мирной конференции¹.

При разработке ведомственных инструкций для военных специалистов использовались предложения совещания начальников штабов западных военных округов². В начале апреля полковник Жилинский передал Стаалу заключение военного министерства по вопросам: 1) о возможности сокращения численности войск и военных бюджетов; 2) о возможности ограничения действия различных средств разрушения (всевозможных типов оружия взрывчатых составов и пороха, снарядов и т.д.); 3) о пересмотре статей Брюссельской декларации 1874 г. о законах и обычаях войны³. Практически одновременно Куропаткин сообщил Стаалу о том, что представителям военного министерства дано указание руководствоваться при проведении специальных экспертиз, предложениями, выработанными на совещании 1 февраля 1899 г.⁴.

20 апреля Николай II одобрил доклад военного министра, в котором основное внимание уделялось специалистам, направляемым «для разработки вопросов чисто технического характера». В частности, определялся круг их обязанностей, степень компетенции, уровень подчиненности. По мнению Куропаткина, специалисты от военного ведомства обязаны были выполнять только совещательные функции при первом российском уполномоченном, а их профессиональные заключения потребуются при рассмотрении лишь некоторых вопросов. (Их перечень ранее был представлен Стаалу полковником Жилинским). Главной задачей военных специалистов, таким образом, должны были стать сбор и обработка «необходимых для решения указанных вопросов данных и материалов». При возникновении трудностей во время обсуждения проблем военного характера представители министерства были обязаны незамедлительно обратиться в Главный штаб за разъяснениями и консультациями. При решении поставленных перед ними вопросов, военные эксперты должны руководствоваться следующими

¹ Письмо Куропаткина Муравьеву от 11 марта 1899 г. // АВПРИ. Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4733. – Л. 7.

² Наставления для представителей военного ведомства // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 49-49 об.

³ Передано Жилинским 2 апреля, конспект сообщен Стаалу 8 апреля // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 33-33 об.

⁴ Письмо Куропаткина от 3 апреля, сообщено Стаалу 8 апреля // АВПРИ. – Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 34-35 об.

документами: 1) всеподданнейшим докладом по Главному штабу, утвержденным Николаем II 20 апреля 1899 г.; 2) программными положениями, заявленными в журнале совещания начальников западных военных округов от 1 февраля 1899 г.; 3) прочими официальными документами и данными. Помимо этого, военным специалистам вменялось в обязанность «совещаться по всем возникающим на конференции вопросам с представителями военно-сухопутного ведомства Франции»¹. 26 апреля Муравьев отправил Стаалю окончательный текст инструкций специалистов от военного и морского министерств². Спустя четыре дня краткое содержание инструкции Жилинскому и Баранцову была передана Куропаткиным своему французскому коллеге³.

Подводя итоги, стоит оценить роль Куропаткина в подготовке Гаагской мирной конференции 1899 г. как значительную, особенно на начальном ее этапе. На наш взгляд именно предложение военного министра заключить русско-австрийскую конвенцию о непринятии скорострельных пушек, стало «первой страницей» в истории мирного форума в Гааге. Российская дипломатия в лице М.Н. Муравьева, уловив как настроение Николая II, так и общественно-политическую ситуацию в стране и за рубежом радикально изменила предложение А.Н. Куропаткина о двустороннем соглашении России и Австро-Венгрии, превратив его в широкомасштабный проект первого «парламента мира». По мере развития идеи мирной конференции, участие генерала в судьбе «собственного детища» уменьшалось. Военное министерство, наряду с морским и министерством финансов дополняло и конкретизировало те предложения, которые в силу компетенций министерств исходили из недр внешнеполитического ведомства. Ряд аспектов участия военного министра в истории Гаагской мирной конференции требует дальнейшего изучения. Тем не менее, можно смело утверждать, что историческое решение Алексея Николаевича Куропаткина обсудить с Николаем II финансовые издержки перевооружения российской армии скорострельной артиллерией явилось началом длительного, но чрезвычайно важного процесса кодификации гуманитарного права и внедрения в международные отношения третейского разбирательства.

¹ Копия с Высочайше одобренного 20 апреля 1899 г. доклада военного министра // АВПРИ. – Ф. 184. – Оп. 520. – Д. 924. – Л. 37-45.

² Письмо Муравьева Стаалю от 26 апреля 1899 г. // АВПРИ. – Ф. 184. – Оп. 520. – Д. 924. – Л. 36.

³ Письмо Куропаткина Муравьеву от 30 апреля 1899 г. // Ф. 151. – Оп. 482. – Д. 4739. – Л. 68.

3. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность»¹ в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина

На рубеже XIX–XX веков Россия, наряду с другими странами (Англия, США, Франция, Германия и др.), вступила в активную фазу формирования национальной политики. Проблема демаркации государственных границ приобрела большую значимость для всех развитых стран той эпохи. Данный процесс проходил в контексте развития теорий западных геополитиков². Особое внимание основоположники геополитических учений уделяли географическим условиям. На научной основе они доказывали важность и влияние на могущество государства таких показателей, как безопасность границ, доступность к морям и океанам, контроль над территориями. Политико-географический фактор стал определяющим при создании и российской геостратегии.

Пространственно-территориальный аспект в политике России всегда играл значимую роль. По утверждению Ф. Ратцеля, одного из основоположников геополитики, «глобальный вес в будущем будут иметь крупные государства, занимающие большие континентальные территории, подобные Северной Америке, России, Южной Америке, Австралии. Если государство желает быть подлинной великой державой, оно должно иметь в качестве своей пространственной основы около 5 млн. кв. км.»³. Обращение к идейному наследию российской военной элиты, оказавшему значительное влияние на формирование имперской идеологии территориального освоения Россией Дальнего Востока в конце XIX – начала XX века, позволяет приблизиться к пониманию актуальных вопросов современности.

Одним из первых попытку перспективного – для своего времени – проектирования политических процессов на пограничном рубеже России и Китая в контексте геополитических изменений в мире предпринял Алексей Николаевич Куропаткин⁴. В работе «Русско-китайский

¹ Идеологема «желтая опасность» была введена в российский политический дискурс публицистом И.С. Левитовым. См.: Левитов И.С. Желтая раса. СПб., 1900; он же. Желтая Россия. СПб., 1901; он же. Желтороссия как буферная зона. СПб., 1905.

² Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1900; Синицкий Л.Д. Политическая география (по Ратцелю). М., 1899; К. Хаусхофер О геополитике: работы разных лет. М., 2001 и др.

³ Цит. по: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 38.

⁴ Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – один из идеологов усиления

вопрос», вышедшей в 1913 году в Петербурге¹, он предложил свое видение развития межгосударственных отношений и путь сохранения мировой колониальной системы. Сегодня колониализм, как явление, осуждается международным сообществом. Однако при переходе капитализма в империалистическую стадию и развития монополистического капитализма, его существование обеспечивало военно-политический контроль над стратегически важными регионами мира, и для государства считалось престижным иметь зависимые территории. А.Н. Куропаткин пытался предотвратить распад колониальной системы с целью сохранения национальных интересов крупных империалистических держав и России, в частности.

Опубликованные статьи и материалы дают представление о жизненном пути и деятельности Алексея Николаевича Куропаткина². В данной статье, представлены его идеологические воззрения на вопрос развития мира в контексте тенденций распада колониальной системы, и надвигающейся на Европу «желтой опасности». Он неоднократно высказывался о разрушительных последствиях данной угрозы, и в первую очередь для России. Противодействие наступлению извне являлось одним из направлений реализации национальной политики, о которой он много писал на разных этапах своей военной и государственной деятельности.

Несмотря на устаревшие, для нашего времени, стиль изложения, используемые понятия и термины, суть его взглядов остается очевидной.

российского влияния в центрально-азиатском и дальневосточном регионах, военный министр Российской империи, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, автор военно-исторических и военно-географических работ. Его политические взгляды и военно-государственная деятельность продолжают в наши дни представлять научно-практический интерес.

¹ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1989. Вып. 4. С. 59-78; Шаров А. Забытый генерал Куропаткин // Коммунист вооруженных сил. 1991. № 12. С. 61-67; Глушков В.В., Долгов Е.И., Шаравин А.А. «... Между властью и народной массой легла трудно устранимая пропасть» // Военно-исторический журнал. 1999. № 4. С. 85-90; Бирюков С.В. Россия и Центральная Азия. Политика России в отношении новых независимых государств: проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана) // Восток. 2001. № 1. С. 84-96; Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Транспортное обеспечение Маньчжурских армий во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 60-62; Котюкова Т.В. Во имя истинных интересов государства. Отношение Государственной думы и А.Ф. Керенского к восстанию 1916 года в Туркестане // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 60-63 и др.

За решением первоначальных военно-политических задач неизбежно следовали вопросы административного обустройства, а затем последовательной интеграции региона в государственную структуру Российской империи. Предложенный Анатолием Викторовичем Ремневым, профессором Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, управленческо-региональный подход изучения имперской политики на Дальнем Востоке, позволил ему охватить многие сферы реализуемой доктрины. Среди них: строительство межгосударственных отношений с Китаем и другими государствами региона во второй половине XIX – начале XX века, проблема «желтой опасности» для России и европейских стран¹. Особый акцент был сделан на предложении А.Н. Куропаткина об изменении очертаний российских границ в Азии. Опираясь на значительный массив архивных документов, разнообразные источники российского и иностранного происхождения, А.В. Ремнев в новом ракурсе показал А.Н. Куропаткина не только как военачальника, но и как имперского идеолога, геополитика². Воссоздавая обширное полотно имперской идеологии, А.В. Ремнев реконструировал и проанализировал взгляды А.Н. Куропаткина на российские дальневосточные перспективы, сравнил их с конкурирующими и альтернативными позициями государственных и общественных деятелей. Предложенное ученым понятие «география власти» позволила вписывать политические взгляды и государственную деятельность

¹ Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3-4. С. 343-358; он же. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // *Пути познания России: новые подходы и интерпретации*. М., 2001. С. 97-125; он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; он же. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи. XIX – начала XX в. // *Российская империя в сравнительной перспективе*. Сб. статей. М., 2004. С. 286-320; он же. «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // *Европа: Международный альманах*. Тюмень, 2004. Вып. IV. С. 56-78; он же. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX века // *Новая имперская история постсоветского пространства* (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004. С. 223–242; он же. Русский «Дранг нах Остен» на рубеже XIX–XX в. // *Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий*. М., 2004. С. 97-137; он же. Российский Дальний Восток и имперская география власти: историографические и методологические наблюдения в контексте современности // *Россия и островной мир Тихого океана*. Южно-Сахалинск, 2010. Вып. 2. С. 5–29.

² Ремнев А.В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // *Родина*. 2004. № 9. С. 32–34.

отдельных «строителей империи» в общую канву империи- и нациостроительства.

Дальневосточную составляющую движения на Восток, по мнению А.В. Ремнева, подготовили и сформировали региональные деятели (администраторы, исследователи, представители прессы). Статус же идеологической формулы «желтому вопросу» придали столичные интеллектуалы¹.

Идеологема «желтой угрозы» цивилизованному миру, прежде всего европейскому, к моменту написания А.Н. Куропаткиным книги «Русско-китайский вопрос», была уже достаточно известна российской и мировой общественности². Значительную роль в ее популяризации в России сыграл поэт и философ В.С. Соловьев, а также писатели и публицисты «Серебряного века»³. Исследователь М. Ларюэль подтверждает, что понятие «желтая опасность» было широко распространено и известно не только в националистических кругах, но и в среде интеллектуальной художественной элиты России рубежа веков. Непродолжительный период увлечения Востоком был связан с идеями восточничества, пропагандируемого князем Э.Э. Ухтомским в газетах «Гражданин» и «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴. «Наивно-восторженный газетный воспеватель русского будущего в Китае»⁵ являлся, с одной стороны, выразителем официальной позиции правительства по делам Востока, а с другой – демонстрировал феномен «журналистики империализма»⁶. Э.Э. Ухтомский пропагандировал идеи

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков... С. 521-522.

² Левитов И.С. Желтая раса. СПб., 1900; он же. Желтая Россия. СПб., 1901; он же. Желтороссия как буферная зона. СПб., 1905; Подробнее о полемике в конце XIX – начале XX в. по так называемому «желтому вопросу см.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М., 2000. (Глава 2 «Китайская диаспора и дискуссии о «желтой опасности» в дореволюционной России»).

³ Лосев А. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990; Гайденко П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М., 2001.

⁴ Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифо-творчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70–101; Перхин В.В. Э.Э. Ухтомский – редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в письмах (1897–1919) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 5. С. 58 – 68; Суворов В.В. Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011.

⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 39.

⁶ Термин «журналистика империализма» принадлежит Л. Мак Рейнолдс. См.

геополитической близости России и Востока и предполагал мирное, взаимовыгодное развитие отношений этих цивилизаций. В его сочинениях присутствовало характерное для русских имперских мыслителей противопоставление роли России и европейских империй в азиатском регионе¹. Представителей «желтой расы» он характеризовал такими определениями, как «крепость», «упорство», «воинственность», но при этом настаивал на их близости и сходстве с русскими. Россия, по мнению Э.Э. Ухтомского, естественно включалась в понятие Востока и в перспективе должна была его возглавлять, чтобы спасти себя от давления и с Запада и с Востока.

Художественные, публицистические и философские произведения русских авторов пробуждали интерес и способствовали формированию новых увлечений, или напротив, фобий в общественном сознании, подпитывали националистические настроения. Русский философ В. Соловьев рассматривал вопрос об азиатском нашествии на Россию и Европу в своей работе «Краткая повесть об Антихристе» (1899 г.), а затем в поэме «Панмонголизм» (1900 г.). Поэт «Серебряного века» А. Белый в романе «Петербург» представляет российскую столицу с огромным количеством «желтых» людей, которые являются своего рода предвестниками Апокалипсиса. Восстание ихэтуаней начала XX века, а затем и русско-японская война способствовали усилению антиазиатских (анти-японских и анти-китайских) настроений в российском обществе. Поэт В. Брюсов – большой поклонник японского искусства, рассматривал русско-японскую войну как переломный момент в русской истории. Он призывал во имя великого будущего России отстаивать ее интересы на Дальнем Востоке, не отступая даже перед необходимостью разрушать достижения азиатских цивилизаций («К Тихому океану», 1904; «Наш демон», 1908). Известный публицист С.Ф. Шарапов также рассматривал войну с Японией как столкновение арийской расы с началом пробуждения «желтого Востока».

В большую политику данная формула была введена германским императором Вильгельмом II во время отправления германских солдат на войну в Китай. Он характеризовал дальневосточную войну как «священную» войну европейцев². Речь германского императора была

подробнее: Мижув Б. Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling/>

¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900.

² Ремнев А.В. «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II... С. 56-78.

переиздана отдельной брошюрой на русском языке. В 1898 г. несколько европейских газет опубликовали рисунок, сделанный по заказу и по замыслу германского императора Вильгельма II. Наглядная агитация со страниц прессы была призвана предупредить европейские страны о грядущей с востока опасности. Страны Европы были представлены в образах женщин, олицетворявших главные нации Старого света, а опасность с востока – в виде грозного Будды. Надпись на рисунке гласила: «Народы Европы, защищайте свои самые священные блага»¹.

В начале XX века А.Н. Куропаткин с большим беспокойством высказывался о необходимости ограничения «окиитаивания» российских территорий Приамурья и большей части Забайкалья. Он обозначил прямую зависимость между ростом населения и борьбой за увеличение жизненного пространства. Для подобной тревоги на рубеже веков существовали веские объективные основания. Общая неустроенность государственных границ, слабое экономическое развитие Дальнего Востока, малочисленное русское население при мощном миграционном потоке выходцев из Китая и Кореи вызывали чувство тревоги и опасности за территориальную целостность России. Тем более, что в истории отношений двух государств уже присутствовали периоды междоусобиц. Противодействие китайской экспансии логично стало составной частью имперской идеологии.

Увеличение количества китайских мигрантов способствовала протяженная сухопутная российско-китайская граница, которая облегчала переход на русские земли. Власти проводили ограничительные мероприятия по пресечению массового наплыва «отходников» из Китая в Приамурский край. Но, несмотря на попытки местной администрации ограничить и упорядочить хозяйственную и промысловую деятельность китайцев, эффект был незначителен². С российской стороны экономическое освоение дальневосточного края сводилось в основном к переселенческой политике. В результате объективных сложностей и, прежде всего, удаленности края русский Дальний Восток оставался крайне «слабозаселенным» регионом.

А.Н. Куропаткин был военным, а не коммерсантом или предпринимателем, и мысль только об экономических выгодах занятия новых

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков... С. 338.

² Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск, 1999. С. 246.

территорий казалась ему несурзадной: «Наша Россия, Кавказ, Сибирь еще полны огромными естественными богатствами, и все это лежит пока без движения за недостатком знания, энергии и капитала. Мы недостаточно культурны, чтобы воспользоваться богатствами, лежащими у нас под носом, а нас призывают отвоевывать у иностранцев богатства в Маньчжурии. Кому это нужно? России? Совсем нет»¹. Он прямо заявлял, что это может быть выгодно только небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия на казенные или иностранные деньги, а заплатит все равно русский мужик. «Русский капиталист на неверные дела не пойдет», – оценивал предпринимательский потенциал русских торговцев и промышленников военный министр². А.Н. Куропаткин рассматривал стремление активной экономической экспансии разносторонне и призывал не спешить. Его доводы выглядели довольно убедительно. Ссылался он и на пустынную владений и малочисленность населения в Забайкалье. Неустроенность территорий, отсутствие дорог, ничтожный уровень внешней и внутренней торговли и другие причины. Исходя из своих рассуждений, он заключал что «выход к Великому океану, ныне живущему в России поколению, не был нужен...»³. В свою очередь представители промышленных кругов ратовали за возможность иметь свободный и ничем не ограниченный доступ к землям с полезными ископаемыми.

Северная Монголия обладала богатыми запасами золота в районе озера Косогол. Русские золотопромышленники настаивали на присоединении данной местности и Северной Маньчжурии к России. Как знаток азиатского менталитета, А.Н. Куропаткин не сомневался, что с началом строительства КВЖД, в сознании китайцев и японцев утвердилась мысль о неизбежности вхождения Северной Маньчжурии в состав Российской империи. Полемика об истинных причинах и целесообразности движения вглубь Китая вовлекала многих видных государственных деятелей в дискуссию⁴. «Защищать русские интересы в Маньчжурии, прилегающей на тысячи верст к России, – это я понимаю, – оппонировал Куропаткин Витте, – но быть принужденным защищать русскую кровью интересы Русско-Китайского банка на Янцзы или вообще южнее Пекина – для меня представля-

¹ Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 397.

² Там же.

³ Там же. С. 98.

⁴ См. подробности дискуссии: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 199–267.

ется непонятным и гибельным для России делом»¹. Россия не доросла «до печальной необходимости вести борьбу за рынки сбыта излишка своих произведений»². Для А.Н. Куропаткина главным оставалось стремление «спрямить» российско-китайскую границу, чтобы обеспечить ее надежную охрану. Не мог понять, как может начаться война «из какой-то железнодорожной ветви», и министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев³.

Дальневосточный этап службы А.Н. Куропаткина стал кардинальным рубежом для проверки и подтверждения идей о роли России на Востоке. Реальная угроза утраты территорий, потенциальное этническое поглощение китайцами немногочисленного русского населения Сибири и Дальнего Востока, грядущая экономическая экспансия – все эти разрушающие факторы для «русского племени» стали претворяться в жизнь, покидая журнальные и газетные страницы. Наблюдая и участвуя непосредственно в тревожных и знаковых событиях начала XX в., Куропаткин в качестве принципиальных задач русской национальной политики провозгласил охрану целостности границ и защиту безопасности и чести России⁴. Проблемы дальневосточной политики находили отклик во всех областях государственной деятельности и носили полемичный характер и в военной, и в экономической сферах. Среди архивных материалов А.Н. Куропаткина хранятся документы, отражающие различные точки зрения видных военных и общественных деятелей того времени на перспективу освоения и развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В работе «Русско-китайский вопрос» проблемы реализации национальной политики Российской империи конкретизированы на примере дальневосточного региона. Исследование данной темы А.Н. Куропаткин предпринял в традиционном для него историческом ключе, последовательно характеризуя этапы взаимодействия двух империй, выявляя значимые события и их результаты. Опираясь на собственный военный опыт и деятельность на государственной службе, на идеи российских и зарубежных ученых, политиков, он предложил собственный проект решения для России данного вопроса.

А.Н. Куропаткин вполне разделял мнение современных ему

¹ Цит. по: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.-Л., 1955. С. 106.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 86–87.

³ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.-Л., 1955. С. 106.

⁴ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. М., 2003. С. 317.

политиков о роли России, как форпоста «белой расы» в Азии и защитницы европейских государств. Воспринимая политические прогнозы Вильгельма II как объективную реальность, он настойчиво выступал против развязывания войны с азиатскими соседями. Называя Европу «старушкой», предрекал ей быть загнанной в ее «географический чулок» другими неевропейскими народами. По его представлениям, опасность конфликта усугублялась неблагоприятным для Европы соотношением численности противоборствующих лагерей¹. Опасность для европейской цивилизации, по его мнению, возрастала прямо пропорционально росту численности туземного населения в регионе.

Россия считала Китай «слабым и миролюбивым» именно потому, что не возникало угроз российским территориям. Но в начале XX в. военный министр уже писал: «...Если, наконец, не препятствовать окитаянию наших дальневосточных областей, то положение России на Азиатском материке станет настолько тревожно, что России придется ожидать попытки со стороны Китая, или со стороны Японии вместе с Китаем, отторжения от России всего Приамурья и большей части Забайкалья и оттеснения России за Байкал»².

Ситуация меняется в связи с активным ростом численности китайских подданных в российских пределах Дальнего Востока. В 1903 г. накануне русско-японского конфликта число выходцев из Китая сократилось, но после окончания войны вновь был зафиксирован мощный приток китайских мигрантов³. Недостаток русского населения оставался острой проблемой для Приамурья и особенно Уссурийского края. Попытки привлечь из внутренних губерний России крестьян и других категорий переселенцев не давали значительных результатов. Беспокойство у А.Н. Куропаткина вызывала возможность скупки японцами земельных участков в Приамурье, их активное участие в переселенческом движении во Владивосток, использование рыбных ресурсов в российской акватории.

Переход от миролюбивой позиции азиатских государств, к политике встречного экспансионизма А.Н. Куропаткин связывал с началом процесса деколонизации. Антиевропейские волнения в Китае 1900 г. подтверждали верность его рассуждений, а генерал, в свою очередь, подтверждал готовность России «держать экзамен» перед Европой⁴.

¹ Там же. С. 351.

² Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос... С. 179.

³ Сорокина Т.Н. Указ. соч. С. 38.

⁴ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999. С. 394.

Рассматривая дальнейшую перспективу взаимоотношений европейских империй и их колониальных владений, А.Н. Куропаткин видел единственную возможность для сохранения господствующего положения народов «белой расы» в Азии в объединении усилий¹. Народы «европейского союза» могли и должны были рассчитывать, по мнению политика, на взаимовыгодное соглашение и дальнейшее сотрудничество с «союзом американских государств». Деятельность этих международных объединений должна была быть, прежде всего, направлена на сохранение господствующего положения «белой расы», которое в свою очередь обеспечивало преимущественные права на эксплуатацию природных ресурсов. Проект консолидированной защиты колониальных интересов России и развитых европейских стран, подготовленный А.Н. Куропаткиным, был дальновидным, отчасти даже пророческим, но остался невостребованным. Ссылаясь на российский опыт поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг., он указывал на превосходство силы морального духа «азиата над европейцем». Призывал мировые колониальные империи к объединению против нарастающего освободительного движения в Азии и заострял внимание на неизбежности в будущем борьбы за независимость азиатских владений против своих метрополий: Франции, Англии, Германии и России. Для предотвращения угрозы утраты господства над колониями А.Н. Куропаткин предлагал заключить сепаратное соглашение между Россией и Великобританией. Данная договоренность должна была предусмотреть принцип невмешательства в колониальные стратегии обеих стран и обоюдную поддержку. Это был бы первый шаг, направленный на сохранение геополитических интересов вышеуказанных государств.

Следующий уровень защиты характеризовался более глобальным масштабом. Его предложение подразумевало создание коалиции европейских стран, заинтересованных в сохранении своего статуса как колониальных держав. Союз государств гарантировал бы защиту экономических и политических интересов стран-участниц. Деятельность данного объединения планировалось направить на сохранение мировой колониальной системы, которая в тот исторический период рассматривалась как средство развития экономик метрополий. Основной же задачей альянса А.Н. Куропаткин видел в сдерживании «желтой опасности». Он опасался, что с выходом из подчинения колониально-зависимых

¹ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 255.

стран Азии возникнет большая вероятность «наступления» со стороны освободившихся народов.

В целом XX век им позиционировался как эпоха конфликтов в Азии между народностями христианскими и нехристианскими. В интересах всего человечества он предлагал объединить усилия «с христианской Англией против нехристианских племен Азии». Неутешительный прогноз глобального противостояния, основанного, в том числе и на цивилизационных отличиях, все отчетливее находит свое подтверждение в наши дни.

А.Н. Куропаткин не был одинок в своих представлениях о возможных будущих конфликтах, основанных на физической и умственной неравноценности человеческих рас. Эти идеи начинают развиваться и приобретают популярность в России именно в это время¹. Как пример, можно привести идеи киевского профессора, психолога И.А. Сикорского. Он сформулировал и аргументировал ассимиляционную задачу движения России на Восток. Смысл этого движения определялся не экономическими и стратегическими задачами государства, а необходимостью развития азиатских народов. И.А. Сикорский предполагал, что биологическое и нравственное превосходство русского народа позволит оказывать при взаимодействии благотворное влияние на монгольские племена. Важно подчеркнуть, что даже в такой достаточно радикальной версии разрешения «азиатского, желтого вопроса» не предполагалось ни истребление, ни вытеснение «инородческого азиатского» населения. Используя устоявшееся понятие «русский народный гений», И.А. Сикорский видел позитивные перспективы в обновлении монгольских племен за счет притока «высших духовных и биологических сил», «здоровых соков в плоть и кровь, в нервы и душу» монгольских племен². Не был чужд подобных трактовок «желтого вопроса» и А.Н. Куропаткин. Расовое противостояние, по его убеждению, постепенно принимало глобальный характер, разделяя весь мир на две группы: «народы белой расы» и противостоящие им «народы желтой расы и чернокожих». Деление на две группы усиливалось и осложнялось конфессиональным фактором, разделяя мир на язычников и христиан. Такое выделение конфессиональных групп позволяет увидеть истоки взглядов А.Н. Куропаткина и в просвещенческом

¹ Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России... М., 2008.

² Сикорский И.А. Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросом русско-японской войны. Киев, 1904. С. 12.

дискурсе, детерминировано увязывающим цивилизационный уровень народа и его религию. В этом контексте он вынужден был попутно обратиться к решению еще одного «имперского» вопроса – мусульманского¹.

А.Н. Куропаткин признавал, что при «будущем вероятном столкновении белой расы с желтой, роль магометан загадочна», то есть изначально не predetermined. В зависимости, конечно, от преобладания в конфликте, но и по причинам религиозным и политическим А.Н. Куропаткин предполагал возможное воссоединение мусульман с язычниками². Возникновение такого союза могло быть направлено только против «ига белолицых христиан»³.

Предполагая подобный проект изменения мирового порядка, он резюмировал, что в интересах России следует иметь на Дальнем Востоке достаточное количество вооружения, поскольку реальное соотношение в живой силе будет не в ее пользу. Для ослабления азиатского могущества на море был бы уместен контроль над акваторией Тихого океана и его побережьем, осуществляемый Америкой и союзом европейских государств. В данном случае перспективы азиатско-тихоокеанской политики России виделись А.Н. Куропаткину в установлении прочных союзнических отношений России с христианскими странами. Он указывал на выгодность данной политики не только для России, но для всего человечества, узко понимая под этим только христианские или европейские народы⁴. Хотя, А.Н. Куропаткин понимал, что империалистические державы сами были не прочь «поживиться» за счет российских дальневосточных ресурсов. Он писал: «но и северные русские владения: Камчатка, Охотское море, устье Амура привлекают жадное внимание японцев по огромному рыбному богатству, а американцев – по минеральным»⁵. И, действительно, как показала история, военно-политические интересы западных стран были консолидированы и направлены на ослабление царской России в дальневосточном регионе.

После русско-японской войны задачи России на Дальнем Востоке осложнились дальнейшим усилением азиатских конкурентов.

¹ Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в. - 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

² Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос... С. 219.

³ Там же.

⁴ Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 69.

⁵ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос... С. 66.

Поражение России А.Н. Куропаткин расценивал как предупреждение метрополиям о возрастающей мощи азиатских колоний, в перспективе – утраты европейского влияния в подвластных им территориях. Как знаток азиатского менталитета и прозорливый политик, он предупреждал, что «победа в Азии над русскими есть вообще победа Азиата над Европейцем. Почувствовав свои силы, азиат будет их применять не только к Русским владениям, но вообще к азиатским владениям Англии, Франции, Германии. Борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904 – 1905 гг., был лишь авангардный бой»¹.

Как закономерная реакция на сложившуюся ситуацию, в размышлениях А.Н. Куропаткина появляются идеи о необходимости объединенного европейского давления для ограничения военного потенциала Японии и Китая. Он делал акцент на объединении совместных усилий России и Европы в вопросе устранения потенциальной угрозы «желтой опасности» и считал, что поддержание мира в Азии является не только российской, но и общеевропейской задачей.

Определяя собственно русские задачи на Дальнем Востоке, А.Н. Куропаткин видел их в последовательной выработке оборонительной стратегии и укреплении границ. В качестве военного министра в 1900 г. он высказывался о необходимости сосредоточить усилия на обороне обширных владений, которыми обладала российская империя. Россия уже тогда испытывала трудности в обеспечении безопасности своих отдаленных азиатских владений. Дополнительный территориальный рост России неминуемо повлек бы увеличение, по его мнению, «менее развитых и чуждых по крови и духу новых подданных». Исходя из этого тезиса, Куропаткин являлся последовательным противником военного расширения дальневосточных территорий империи: присоединение новых владений не только не укрепляли российские границы, но буквально открывали бы их встречной китайской колонизации.

Проводя анализ возможных изменений картины мира, А.Н. Куропаткин стремился выработать и предложить для последующих поколений максимально оптимальные условия адаптации к новым условиям России. Российская империя, напрямую примыкая к Китаю, существенно, отличающемся по всем цивилизационным параметрам, объективно должна вырабатывать тактику мирного сосуществования. Как видно из размышлений автора, цивилизационные различия он рассматривал как основную причину глобального противостояния.

¹ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос... С. 217-218.

Разумеется, суждения, высказанные более ста назад вряд ли можно считать законченной теоретической концепцией, но рассматривать их в контексте развития основных парадигм мирового геополитического развития вполне приемлемо. Это суждение подтверждает анализ современной цивилизационной парадигмы, предложенной Сэмюэлем Хантингтоном¹. Политолог выделил как наиболее опасные те конфликты, которые возникают в местах, так называемого «разлома» между цивилизациями. Он писал, что «нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это есть линии будущих фронтов»². Другим аспектом теории С. Хантингтона является тезис о неизбежности конфронтации между западной и незападными цивилизациями, в которой конфуцианско-исламский блок станет основной угрозой.

Можно отметить, совпадение взглядов в геополитических построениях А.Н. Куропаткина и С. Хантингтона. Западные государства (Россия или США) рассматривались ими как альтернативные по отношению к китайской цивилизации. Самюэль Хантингтон так же, как и А.Н. Куропаткин, призывал укреплять сотрудничество в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и США, привлекая к сотрудничеству Россию и Японию, и поддерживал идею ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран.

Объективные предпосылки для развития такого рода сценария действительно существовали, и определенный контур «цивилизационного разлома» в настоящий период совпадает с очертаниями российско-китайской границы. Конфронтация может быть реализована в разных формах: в виде крупномасштабного вооруженного конфликта или мирной экспансии, в том числе экономической, при этом достигается основная цель, а именно: установление гегемонии над географическим пространством и ресурсами.

В качестве противоположного подхода к концепции конфликта

¹ См.: С. Хантингтон – американский социолог, политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной им в статье «Столкновение цивилизаций?» (The Clash of Civilizations?), опубликованной в 1993 году в журнале «Форин афферс», а затем в 1996 году в книге «Столкновение цивилизаций».

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33.

цивилизаций можно отметить идеи российского политолога, публициста, общественного деятеля, критика глобализма Александра Сергеевича Панарина¹. Он считал, что должна произойти культурная революция, «связанная с выработкой межцивилизационных универсалий, интегрирующих великие цивилизационные миры в единую гибкую, но по-своему целостную (перед лицом внешних вызовов) систему». Результатом масштабных и кардинальных изменений должен стать «великий симбиоз восточно-христианской, индо-буддистской, конфуцианско-буддистской и мусульманской традиций»². Реализация предложенного А.С. Панариным варианта, несомненно, более привлекательного и оптимистичного проекта – дело весьма отдаленной и, к сожалению, слабо подтверждаемой перспективы.

В настоящее время для характеристики русско-китайских отношений выводы и рекомендации А.Н. Куропаткина вполне уместны. Демографическая, торговая и инвестиционная экспансии в явной и скрытой формах усиливают позиции Китая. Принимаемые российским правительством шаги по интенсивному освоению дальневосточных территорий, увеличению численности российского населения еще не в полной мере отвечают вызову времени. Процессы глобализации и технический прогресс позволяют упростить миграцию населения Китая, Японии, Кореи и других стран Центральной и Восточной Азии в различные страны мира, в том числе в Европейские и США. Россия, однако, находится в особенном положении. Общая граница упрощает проникновение мигрантов на ее территорию. И этот процесс все еще остается реальной проблемой для российских сибирских и дальневосточного регионов. В целях обеспечения сохранности целостности территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока необходимо принимать во внимание исторический опыт освоения азиатской России в конце XIX – начале XX в.

А.Н. Куропаткин являлся представителем военно-стратегического направления в российской геополитике. Решение проблем межгосударственных отношений, вопросов усиления российской границы он видел через активное участие русской армии. Его авторитетное мнение служило важным аргументом идейного обоснования

¹ См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999; он же. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 2000; он же. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002 и др.

² Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002. С. 342.

имперской политики на ее азиатском направлении во второй половине XIX – начале XX века и национальной идеологии России в целом. Военно-государственная деятельность и политические взгляды А.Н. Куропаткина были ориентированы на формирование системы безопасности Российской империи.

Анализ геополитических оценок и прогнозов А.Н. Куропаткина показал, что высказанные им идеи в начале XX в. созвучны концепциям современных историков и политологов. Интерес к его работам сохраняется и по сей день, о чем свидетельствуют републикации.

Возрождаемый в новых политических условиях, интерес к истокам отечественной геополитики пока ограничивается переизданием трудов российских теоретиков, в том числе и А.Н. Куропаткина¹. Однако среди специальных работ по истории российской геополитики мы не найдем исследования его идей. Остаются без должного внимания взгляды и прогнозы А.Н. Куропаткина касательно роли России в центрально-азиатском и дальневосточном регионах. Он все ещё остается недооцененным, как представитель российской геополитической науки, и на наш взгляд, несправедливо забытым.

Алексей Николаевич Куропаткин обобщил свои аналитические наблюдения в программу, в которой предусматривалось принятие ряда мер, направленных на обеспечение безопасности дальневосточного края России. Необходимость усиления российско-китайской границы путем делимитации им была обозначена как приоритетная. Разработка оборонительной стратегии в пределах всей сухопутной границы в Приамурье и на Дальнем Востоке рассматривалась им как основополагающее звено в деле сохранения территориальной целостности России в указанных регионах. Рекомендации, выработанные Алексеем Николаевичем Куропаткиным, не утратили своей значимости и в наши дни.

¹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003; Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002; Кладо Н.Л. Этюды по стратегии. М., 1997.

А.Н. КУРОПАТКИН – ВОСТОКОВЕД, ДИПЛОМАТ

4. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэйтишаре в 1876-1877 гг.

Возникновение теократического исламского государства в результате антицинского восстания мусульман Синьцзяна (территория современного Синьцзян-уйгурского автономного района Китая) в 60–70-х гг. XIX в., в зоне соприкосновения интересов трех империй – России, Китая и Великобритании резко изменило политическую ситуацию в регионе¹. Эти события открыли новую страницу в истории международных отношений в Центральной Азии.

Первым исследователем Восточного Туркестана (Синьцзяна), представителем Российской империи в период «мусульманской инсургенции» стал Чокан Валиханов². Экспедиция Ч.Ч. Валиханова в Кашгарию в 1858-1859 гг., была инициирована известным путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, причиной послужило полное отсутствие у правительства России информации о положении дел в Алтышаре (Шестиградье или Кашгария), где полыхало восстание. Сведения, полученные Ч.Ч. Валихановым, позволили в определенной мере лучше ориентироваться в ситуации в Синьцзяне. После опубликования материалов экспедиции Ч.Ч. Валиханова начались исследования проблем Кашгарии и Джунгарии³. В 1757 г. государство было захвачено

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. Монография в документах. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 46-60.

² Валиханов Чокан Чингисович – 1835–1865 гг. ученый, историк, этнограф и фольклорист, путешественник, просветитель, а также российский офицер и разведчик, действительный член Императорского русского географического общества, составивший капитальный труд «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малая Бухария: Яркенд, Аксу, Кашгар, Янги-гиссар, Куча, Хотан) в 1858-1859 гг.

³ Джунгарское ханство (Джунгария) – государство ойратов, существовало в XVII-XVIII вв. на территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша.

маньчжурами и присоединено к Китайской империи)¹.

Установление взаимоотношений с государством Йэттишар² имело для российской стороны важное значение и оказывало существенное влияние на региональную политику России.

В 1868-1869 гг. в Кашгарии побывала миссия капитана Генерального штаба П.Я. Рейнталя³, в ходе путешествия были собраны многочисленные данные о внутривосточной и экономической ситуации в Кашгарии. Три последующие официальные российские миссии в Джунгарию и Кашгарию в 1870 г. и в 1872 г. капитана генерального штаба барона А.В. Каульбарса⁴ и в 1875 г. вторая экспедиция П.Я. Рейнталя предоставили материал для изучения Синьцзяна, внешней и внутренней политики правителя Йэттишара Якуб-бека⁵.

¹ Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1985.

² В декабре 1864 г., из Ташкента в Кашгар отправляется кокандский ставленник Бузрук-ходжа, в числе сопровождавших его находился Якуб-бек. Новый хан оказался мало способен государственной деятельности. Воспользовавшись таким положением, Якуб-бек сформировал из кокандских беков своеобразную «военную касту» (андижанцы) для борьбы за власть, а затем был назначен багыр-баши (главнокомандующим). В течение года Якуб-беку удалось создать боеспособную армию из нескольких тысяч человек и приступить к военным действиям. Результатом удачных военных операций, проведенных кашгарским военачальником, стал стремительный рост авторитета Якуб-бека. Итогом активных действий кашгарских войск стало формирование территории, на которой в перспективе было возможно создание государства. Якуб-бек, под благовидным предлогом отправления для поклонения в Мекку, лишает власти Бузрук-ходжу и объявляет себя правителем нового мусульманского государства – Йэттишар «Семиградье», объединение городов центров семи округов: Кашгар, Хотан, Куча, Аксу, Курля, Янги-гиссар, Яркенд. См.: Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар. М., Наука. 1981. С. 11.

³ Рейнталь П.Я. Полковник, старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области в 1870-1871 гг., начальник Копальского уезда Семиреченской области в 1874-1876 гг. в 1875 г. назначен консулом в Кашгар.

⁴ Каульбарс А.В. (1844-1929) – русский военный деятель и учёный-географ, генерал от кавалерии, член Военного совета, один из организаторов русской военной авиации, министр обороны и председатель совета министров княжества Болгарского в 1882-1883 гг. участник похода в Кульджу, Хивинского похода, русско-турецкой войны, военных действий в Китае 1900-1901 гг., Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны на стороне Белого движения, основатель города Каракол, действительный член Русского географического общества.

⁵ Якуб-бек (1820–1877) – сын государственного чиновника Пир Мохаммеда Мирзы, в 1845 г. занимал должность махрама (помощника) хана Коканда Худояра, затем пансат-баши (высокий воинский чин), затем должность

Особое место в процессе изучения складывающейся в Восточном Туркестане ситуации заняла военно-дипломатическая миссия во главе с А.Н. Куропаткиным в 1876-1877 гг. в Кашгарии, в ходе которой была собрана подробная информация о внутривосточном положении в Йэттишаре накануне его падения¹, а по результатам определена тактическая линия внешней политики в отношении Якуб-бека. Причины определившие необходимость отправления экспедиции во владения Бадаулета имели многофакторный характер и были вызваны предшествующими событиями.

Возникновение в 60-х гг. XIX в. на территории Восточного Туркестана и Джунгарии ряда государственных образований, непредсказуемость действий их правителей создали для пограничных российских властей, занятых обустройством новых владений империи в Средней Азии и Казахстане, ряд серьезных проблем. Практически была прекращена, ставшая за длительное время традиционной, торговля с Западным Китаем и внутренними провинциями Цинской империи, прекратилось движение караванов. Это неблагоприятно отразилось на ситуации в пограничных городах, экономика которых в определенной мере была ориентирована на рынки соседнего региона.

Активизировали свои действия англичане, постоянные соперники России в Центрально-азиатском регионе, которые, следуя стратегии «Большой игры»², стремились укрепиться в Восточном Туркестане и создать там плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. С целью изучения военно-политического положения и подготовки условий

младшего визиря. В 1853 г. – комендант крепости Ак-Мечеть, на этой должности находился до взятия крепости русскими войсками. В период «кокандских смут» лавировал между Худояр-ханом, правителем Коканда и его соперником Алимкулом. В 1864–1865 гг. прибыл в числе сопровождающих Бузрук-ходжу в Кашгар. Став главнокомандующим, Якуб-бек создал боеспособное войско, с помощью которого захватил ряд городов и подчинил их своей власти. В 1867 г. отправил в Мекку Бузрука-хана и объявил себя правителем нового мусульманского государства Йэттишар, присвоив себе титулы Аталык-гази (покровитель мусульман), Бадаулет (Счастливец). См. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864-1877 гг.). Барнаул, 2006. С. 89-100, 112-113.

¹ Моисеев С.В. Указ. Соч. С. 132.

² Большая игра» (Р. Киплинг) «Война теней», «Война разведок» – скрытая, но активная борьба между Китаем, Российской и Британской империями за установление влияния в Центральной и Южной Азии, началась после окончания Крымской войны и носила геополитический характер. См. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. С. 71.

для включения новых мусульманских ханств, недружелюбно настроенных по отношению к России, в сферу своего влияния, на территорию бывшего китайского наместничества были направлены ряд тайных миссий из Британской Индии. Проявляет интерес к происходящим событиям и Турция¹ Перспектива дальнейшего осложнения обстановки, связанная с потерей влияния в регионе, побуждала русскую администрацию к принятию энергичных адекватных мер².

Для восстановления торгово-экономических связей с Синьцзяном необходимо было идти на налаживание контактов с новыми мусульманскими правителями. Это являлось довольно трудной задачей, так как негативными последствиями такого шага могли стать серьезные осложнения во взаимоотношениях с Китаем, с которым Российская империя поддерживала длительные связи и имела ряд договоров, в частности касавшихся границы с Синьцзяном и торгово-экономических отношений. и проведении внешнеполитических действий в регионе.

Активная внешняя политика правителей Коканда³ направленная на расширение сферы своего влияния в первой половине XIX в., привела к включению в состав ханства значительных территорий Киргизии (долина реки Сыр-Дарья, предгорья Памира, вплоть до границ Восточного Туркестана. Таким образом, кокандские ханы получили возможность контролировать движение караванов в Западный Китай. Ситуация коренным образом изменяется в первой половине 60-х гг. XIX в. Заканчивается процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи. Кокандское ханство, потерпев поражение в столкновении с Россией, оказывается под протекторатом российского правительства. Хан Коканда Худояр (1829–1879 гг.) лишается возможности самостоятельно проводить внешнюю политику. Киргизские и казахские кочевые владельцы, находившиеся ранее под двойным гнетом кокандских правителей и цинских властей Кашгара, открыто вступают в контакты с русскими властями, обращаются с просьбами о принятии их в подданство⁴.

¹ Моисеев С.В. Русско-кашгарские отношения в 60-70-х гг. XIX в. Документы и извлечения. Барнаул, 2008. С. 34.

² Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864-1877 гг.). Барнаул, 2006. – 198 с.

³ Коканд (Кокандское ханство) ханство в Центральной Азии в 1710-1876 гг. с центром в г.Коканд. Претендовало на казахские земли. В 1876 г. ликвидировано, территория включена в состав Российской империи как Ферганская область.

⁴ Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864-1877 гг.). С. 124-125.

В результате существенно расширяется приграничная зона подконтрольная российским властям. Русские владения, непосредственно приблизились к горам Тянь-Шаня и к границам Кашгарии. Работа совместной русско-китайской комиссии по делимитации границы по исполнению условий Чугучакского протокола, подписанного 25 сентября 1864 г., определила линию в соответствующих районах Казахстана и Восточного Туркестана. Однако последующие события внесли коррективы в проблему территориального разграничения. Правитель Йэттишара, воспользовавшись разгоревшимися междоусобицами в Кокандском ханстве, захватил ряд крепостей и поставил в них свои гарнизоны, показав тем самым свое нежелание признавать существующую линию границы¹.

В Семиречье² в связи с активной колонизацией края русскими поселенцами и переходом границы кочевников из Джунгарии возникла проблема дефицита земельных площадей. Дополнительную напряженность ситуации в пограничных зонах придавала стихийность передвижения и отсутствие возможностей для установления более или менее полного контроля над миграционным движением.

Возможным выходом из возникшей ситуации могло быть масштабное силовое вторжение с русской стороны, под предлогом оказания помощи цинским властям в борьбе с инсургентами. Однако у правительства Российской империи имелся ряд причин для того, чтобы отказаться от такого варианта разрешения ситуации: недостаток денежных средств для обеспечения подобной операции; отсутствие в достаточном количестве вооруженных подразделений; опасность распространения мусульманских волнений на российскую территорию; сомнения в реальности восстановления в ближайшем будущем цинской власти в Джунгарии и Восточном Туркестане, с одной стороны, одновременно имело место мнение о малой вероятности длительного существования Йэттишара³. Тем не менее, Якуб-беку была продемонстрирована готовность российской стороны к силовым действиям, что заставило его отказаться от дальнейших захватов спорных с Россией территорий. Однако пограничный вопрос решен не был, не была установлена договорная пограничная линия, а формальная поддержка Россией

¹ Там же. С. 124-126.

² «Джетису» – семь вод каз. С 1876 г. Семиреченская область – географический район, включавший юго-восточную часть Казахстана и северной Киргизии.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (с). Оп. 2. Д. 6811. Л. 32.

цинского Китая исключала для нее прямую возможность вступить в официальные переговоры с Якуб-беком, во всяком случае от имени центрального правительства»¹.

19 марта 1876 г. под председательством военного министра Д.А. Милютин (1816-1912) Особое совещание, рассматривая вопрос о политике России в связи с приближающимся решительным столкновением Якуб-бека с цинскими войсками, пришло к выводу, что для царского правительства «удобнее было бы, если бы в Кашгаре снова возвратилось господство китайской власти» и высказалось «в пользу сохранения дружественных отношений к Китаю»², но последовавшие события в Средней Азии, связанные, прежде всего с ликвидацией Кокандского ханства, подтолкнули генерал-губернатора Туркестанского края К.П. Кауфмана³ к новым контактам с правителем Йэттишара. Справедливо предполагая, что «наиболее убедительным аргументом при любом разговоре о разграничении является фактическое владение и, видимо, ясно осознавая, что с вновь появившимися в Синьцзяне цинскими властями упоенными победой будет разговаривать о границе намного сложнее (если только эта граница не будет установлена де-факто)»⁴, генерал-губернатор Туркестанского края отдал предпочтение мирному варианту решения пограничной проблемы.

Стремясь по мере возможности как можно быстрее решить вопрос о разграничении новых владений империи с государством Йэттишар и в то же время получить новую информацию военно-политического и экономического характера о ситуации в Восточном Туркестане, К.П. Кауфман принимает решение об отправке в Кашгар посольства во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным.

Выбор генерал-губернатора Туркестанского края был не случаен. А.Н. Куропаткин в достаточной степени владел информацией о положении дел в Восточном Туркестане, ясно представлял задачи предстоящей миссии. Он также обладал определенным опытом, приобретенным за время службы, кроме того, знание географических условий, обычаев

¹ Границы Китая: история формирования / Под ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 168.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (с). Оп. 2. Д. 6811. Л. 8.

³ К.П. Кауфман (1818-1882 гг.) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, инженер-генерал, почетный член Петербургской Академии наук, с 1867 г. командующий войсками Туркестанского военного округа и туркестанский генерал-губернатор.

⁴ Границы Китая: история формирования. С. 168.

и традиций населения этого региона делали его наиболее подходящей фигурой на роль представителя российской стороны на переговорах с Якуб-беком¹.

Касаясь причин, обусловивших необходимость отправления в Йэттишар посольства, А.Н. Куропаткин писал: «Наши сведения о Кашгарии, имевшиеся в то время, были не только неполны, но в значительной степени преувеличивали действительную силу правителя Кашгарии Якуб-бека и значение основанного им государства. В Кашгарии видели сильное мусульманское государство, к которому как к центру, могли примкнуть симпатии мусульманского населения не только слабых мусульманских государств, еще сохранивших независимость, но и населения завоеванных нами областей. Значение Кашгарии в наших глазах увеличивалось вследствие попыток англичан привлечь эту страну на свою сторону <...> Средства этого владетеля тоже сильно преувеличивались. Достоверные сведения о покупке значительной партии скорострельного оружия в Константинополе, как предполагалось – через посредство англичан, давали твердую почву этим преувеличениям. Требовалось проверить на месте, насколько действительные средства и силы Якуб-бека могли быть нам опасны»². Положительный результат миссии позволял наметить контуры линии границы наиболее выгодной на тот момент для администрации Туркестанского края.

Перед отправлением экспедиции А.Н. Куропаткину была дана следующая инструкция: «... составить топографическую съемку пути от перевала Терек-Давана до первого кашгарского пикета, оттуда же до г. Кашгара снять глазомерный маршрут» вместе с тем ему поручалось собрать «возможно точные и обстоятельные сведения о положении дел в Кашгаре, отношениях Джетышаара к Китаю, а также и о военных силах и укрепленных пунктах в Семиградии»³.

В мае 1876 г. миссия, в состав которой были включены брат А.Н. Куропаткина артиллерийский капитан Н.Н. Куропаткин, штабс-капитаны Н. Старцев и А. Сунаргулов, выступила из Ташкента. Экспедиция проследовала через города Ходжент, Коканд, Маргелан, Ош и 16 июля выступило на укрепление Гульчу. Во время перехода между

¹ Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864-1877 гг.). С. 134.

² Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879. С. 2-3.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб., Главный архив 1-9. Оп. 8. 1875-1878 гг. Д.13. Оп. 8.1878 г. Д. 21. Л. 68-71.

Ош и Гульчу отряд подвергся нападению каракиргизов. А.Н. Куропаткин был ранен в руку и вынужден был для лечения вернуться в Ош. Выступление миссии было отложено до 7 октября. В связи с этими событиями состав экспедиции претерпел изменения. Конвой миссии был увеличен до 25 казаков и конных стрелков, к экспедиции присоединились врач Эрен и натуралист Вилькинс. С переводчиками – туземцами для сбора информации, джигитами, прислугой членов миссии и ишакчами, общее количество людей составило 60 человек¹.

После 18 переходов из г. Ош через Терек-даванский перевал, пройдя 373 версты, 25 октября 1876 г. русская миссия прибыла в Кашгар².

Якуб-бек в то время находился в городе Курля, по этой причине русским посланникам пришлось несколько дней ожидать его решения о дальнейшем продвижении вглубь страны. В Кашгаре в первые дни пребывания участники экспедиции были ограничены в возможности перемещения по указанию сына Бадаулета Бек-кули-бека. А.Н. Куропаткин был вынужден прибегнуть к угрозе возвращения экспедиции на территорию Российской империи без проведения каких-либо переговоров. В результате разрешение на свободное передвижение участников миссии было получено и русские посланцы, используя эти обстоятельства, смогли понаблюдать за учениями артиллерии и войск состоящих из китайцев³.

10 декабря, совершив 19 переходов в 436 верст и проследовав через укрепление Марал-баши миссия прибыла в г. Аксу, из которого 18 декабря выступила в направлении городов Бай, Куча и Курля⁴.

Во время пребывания А.Н. Куропаткина в Кашгарии в Ташкент прибыл посланец Якуб-бека Мухамед-Мурад-бек Дадха. После ознакомления с письмами Бадаулета, советник по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Вейнберг в своем донесении в Петербург, выражал серьезные сомнения относительно искренности намерений кашгарского правителя и предполагал, что «Мухамед Мурад послан с поручением разузнать, что у нас делается и насколько

¹ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С. 4-5.

² Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864-1877 гг.). С. 125-135.

³ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С. 5.

⁴ Кожирова С.Б., Моисеев В.А. Торговля России с мусульманскими государствами Синьдзяна 1860-1874 гг. // Вестник Алтайского государственного университета. Барнаул 1997. № 2. С. 5.

китайцы могут рассчитывать на нашу поддержку в предстоящей борьбе с Кашгаром»¹.

10 января 1877 г. миссия прибыла в Курлю – ставку Якуб-бека. На следующий день русские посланники были представлены Бадаулету. Глава русской миссии от имени Туркестанского генерал-губернатора передал правителю Йэттишара письмо, подарки и обратился со следующей речью: «По вашему желанию, высокостепенный бадаулет, мы первые из русских совершили такой длинный путь по вашим владениям. Хакимы всех пройденных нами пунктов и лица, приставленные к нам, принимали во вашему приказанию, все зависящие от них меры, чтобы сделать для нас путь неутомительным и вполне достигли этого. Со своей стороны мы старались за время пути ознакомиться со всеми проходимыми местностями, ознакомиться со всеми путями, ведущими из пройденных нами городов в русские земли, с базарами этих городов, с потребностями населения, с целью из всего нами осмотренного и изученного извлечь возможно большую пользу для расширения наших взаимных торговых сношений, а через них и для упрочения дружеских отношений <...> Мы обратили внимание на крайнюю дешевизну всех главных предметов пищи и домашнего обихода, из чего заключили, что каждый подданный высокостепенного бадаулета, если только не будет лениться, будет жить без нужды. Мы не могли также не обратить внимание на точное исполнение подданными бадаулета всех установленных им законов и правил, причем в самых отдаленных от города Курля кишлаках распоряжения бадаулета приводятся в исполнение с такой же точностью, как если бы бадаулет присутствовал там лично. В общем сделав такой длинный путь по его владениям мы еще более убедились, что высокостепенный бадаулет не только создал обширное государство, но и умеет мудро управлять им»². По свидетельству А.Н. Куропаткина, Якуб-бек вел себя на приеме русских посланцев просто и вежливо и выражал стремление о налаживании дружественных отношений с Российской империей.

Якуб-бек назначил для ведения предварительных переговоров своего доверенного советника Заман-хана эфенди выходца из Кавказа, как оказалось хорошо разбиравшегося в международной обстановке, владевшего русским языком, получившего в свое время образование в России и симпатизировавшего России. Тем не менее, такой формат

¹ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С. 87.

² Там же. С. 6.

общения не устроил А.Н. Куропаткина, тем более по вопросу о проведении границы и он начал добиваться проведения переговоров непосредственно с Якуб-беком¹.

При первом же знакомстве с положением дел в Восточном Туркестане А.Н. Куропаткин пришел к выводу о том, что сведения, имевшиеся в Петербурге и Ташкенте о могуществе и военной силе правителя Кашгарии, сильно преувеличены. Оценив реальную ситуацию в Йэттишаре, руководитель русской миссии решил «принять несколько иной тон, чем тот, который себе позволяли русские послы», побывавшие в Кашгарии до него².

20 января в 8 часов вечера глава русской миссии и сопровождающий его штабс-капитан Сунаргулов были приняты правителем Йэттишара. На этой встрече А.Н. Куропаткин в категорической форме заявил о необходимости размежевания между владениями Российской империи и Йэттишаром, а также о возвращении ряда крепостей и укрепленных пунктов, принадлежавших ранее Коканду и позднее оказавшихся под властью Бадаулета. Указывая Якуб-беку на то, что границы Кокандского ханства в южной части «захватывали всю горную полосу до выхода на Кашгарскую равнину» и укрепления Кургашин-кани и Таш-курбан и «считались пограничными передовыми постами кокандцев», глава русского посольства потребовал от имени туркестанского генерал-губернатора уступки в пользу России стратегически важных укреплений Иркештам, Егин, Награ-Чалды и Улугчат, возведенных на территориях ранее принадлежавших Коканду и признания границей линии Суек-Улугчат-Мальтабар. Определение этой линии на местности предполагалось возложить на смешанную русско-кашгарскую комиссию. Высказанные предложения должны были стать основой будущего договора между генерал-губернатором Туркестанского края и правителем Йэттишара³. «Согласие вашего высочествова принять эту линию по воле Туркестанского генерал-губернатора и послужит самым сильным доказательством с вашей стороны желанья скрепить в еще сильнейшей степени дружественные отношения с могущественной Россией»⁴.

Высказанные А.Н. Куропаткиным предложения вызвали недовольство Бадаулета и он предпринял ряд попыток привести аргументы в

¹ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля.. С. 7.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 8.

доказательство своих прав на бывшие кокандские укрепления Улугчат, Мальтабар и другие¹. «Я прошу вас быть ходатаем за меня, быть моим братом перед Туркестанским генерал-губернатором. Если он хочет показать мне свою дружбу, пусть оставит за мной укрепления, которые я построил и охранял в продолжение четырнадцати лет»².

Однако в итоге, кашгарский правитель все же был вынужден уступить. После длительных дискуссий 30 января 1877 г., Якуб-бек дал свое согласие на проведение границы по линии, предложенной русским посланцем. «Предложение русского посла провести границу через Суек, Улуг-чат и Мальтабар мной принято, потому что я не считаю возможным идти против воли г. Туркестанского генерал-губернатора. Но я пошлю вместе с вами своих послов, чтобы просить могущественного Ярым-падишаха (К.П. Кауфмана – Авт.): 1) сделать мне снисхождение и оставить в моих руках места, о которых я заботился четырнадцать лет. Если и на эту мою просьбу не будет согласия, то я совершенно предоставляю на усмотрение г. Туркестанского генерал-губернатора назначить пограничную черту там, где он признает нужным, и приму всякое его решение»³. Таким образом, дипломатическая составляющая цели российской миссии в Йэттишаре была выполнена и 7 февраля экспедиция выступила в направлении российской границы.

Подобная сговорчивость и уступчивость кашгарского правителя была обусловлена серьезным осложнением обстановки как внутри страны, так и на ее границах, прежде всего приближением цинских войск. Концентрация военных отрядов на северо-востоке Йэттишара послужила причиной массового голода, количество войск в этой местности доходило до 26 000 человек, большая часть из которых была вооружена кремниевыми и фитильными ружьями. Кроме того, резко увеличилось количество дезертиров, среди которых оказался главный казначей, бежавший к китайцам с частью казны. В результате Бадаулет был вынужден рассредоточить войска на значительной территории⁴. В то же время Якуб-бек сумел добиться в качестве уступки от российской стороны согласия на отправление своего посланника в Ташкент для того, чтобы туркестанский генерал-губернатор сам вынес бы окончательное решение по пограничному вопросу, а в случае неблагоприятного исхода

¹ Границы Китая: история формирования. С. 169.

² Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С. 9.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 9.

этой миссии он давал согласие на проведение граничной черты там, где указал бы генерал-губернатор. Пойдя на удовлетворение требований российской стороны, он дал понять А.Н Куропаткину, что не только желает «сохранения дружбы» с Россией, но и надеется с ее помощью «удержаться на той высоте, которой достиг»¹.

Последовавшее вслед за этим отношение, выказанное российским представителям в Восточном Туркестане, превзошло все их ожидания. Посланникам была предоставлена почти полная свобода передвижения по территории страны, разрешено общение с ее населением, знакомство с условиями экономической и политической жизни. Приближенные Якуб-бека в ходе разговоров с русскими неоднократно повторяли, что их правитель «отшатнулся от англичан» и «не поддался их влиянию, когда они думали посеять вражду между ним и русскими, и что теперь Якуб-бек сознает выгоду держаться только за русских»².

Помимо решения главного вопроса по разграничению территории, посольство выполнило еще ряд задач несколько иного плана. Так, на основании наблюдений, собранного в ходе экспедиции материала был составлен историко-географический очерк Кашгарии с подробным описанием природных условий, почв, естественных богатств. Было составлено описание горных систем окружающих страну, главных рек, населения страны. Членами экспедиции были собраны материалы, позволившие дать подробную характеристику административного деления Йэттишара и системы государственного управления. А.Н. Куропаткин описал быт правителя Кашгарии, обратив внимание на скромность обстановки его резиденции, что, по его мнению, составляло разительный контраст с роскошью, которая царила во дворцах других азиатских владык. Жилище Якуб-бека не отличалось богатым убранством, пища и одежда правителя Йэттишара были такими же, как и у его приближенных. «Единственно допускавшейся роскошью было содержание обширного гарема, в котором насчитывалось до 300 женщин»³. Русский посланник отмечал, в период пребывания миссии в Кашгарии, отсутствие стабильности. Бадаулет не смог удовлетворить главного требования населения страны о спокойном и мирном существовании. Пришедший к власти с помощью войск, хитрости и вероломства, он не был уверен в прочности своего положения и поставил во всех городах сильные гарнизоны. Лучшим средством для обеспечения безопасности

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 44.

границ он считал расширение своих владений. А.Н. Куропаткин отмечал в связи с этим: «Занятый войнами, поддержанием спокойствия внутри государства, обеспечением границ извне и организацией своего войска, Якуб-бек не мог уделить много времени на введение порядка в стране и потому принял систему управления Кашгарией наиболее спокойную для него и в то же время наиболее тяжелую для народа»¹. Осознавая шаткость своего положения, правитель Йэттишара создал «партию поддержки», костяк которой составили выходцы из Коканда, Ташкента и части жителей Кашгарии. Им были предоставлены высшие должности в административном аппарате и значительные по размерам земельные участки. Другой группой, на которую опирался Якуб-бек, была армия, командование которой, представляло собой своеобразную военно-аристократическую касту. При назначении на командные должности Якуб-бек оказывал предпочтение выходцам из Средней Азии, афганцам и индийцам. Это вносило элементы недовольства в войска, состоящие в основном из коренных жителей Восточного Туркестана – уйгуров. Впоследствии при первых неудачах в крупных сражениях с цинскими военными отрядами, результатом подобной дискриминации стало массовое дезертирство.

А.Н. Куропаткин довольно подробно описал кашгарскую армию, ее состав, вооружение, применяемую в боях тактику, систему построения и передвижения, организацию ведения огня, материальное обеспечение. Он обратил внимание на то, что солдаты в армии Бадаулета были обучены лучше, чем китайские, но их боевой дух оставлял желать лучшего.

Безусловный интерес представляли собранные экспедицией данные о состоянии торговли в Кашгарии. А.Н. Куропаткин провел сравнительный анализ экспорта и импорта товаров в Восточном Туркестане. В результате он пришел к выводу, что товары, поставлявшиеся из России, пользуются более высоким спросом, чем английские. На основании изучения движения товарной массы русский посланник предложил ряд мер для обеспечения интересов российских купцов в Кашгарии. Он предлагал установить таможенную линию на предполагаемой границе и пресекать контрабанду, обложить значительной пошлиной ряд английских товаров, а также торговцев хлопчато-бумажными изделиями кашгарского производства, одновременно поощрять произ-

¹ Кожирова С. Б., Моисеев В.А. Торговля России с мусульманскими государствами Сынцзяна 1860-1874 гг. С. 45-46.

водство маты¹ в Ферганской области для вывоза ее в Семиреченскую область взамен Кашгарии, проложить хороший колесный путь между Ферганской и Семиреченской областями и устроить одну или несколько фабрик вблизи Ташкента и Коканда для производства ситца на месте. Рынками сбыта, по его мнению, должны были служить Средняя Азия, Кашгария, Афганистан и, возможно, Сибирь.

28 марта русская миссия благополучно вернулась в г. Ош, после преодоления 1300 верст за 42 перехода (51 день). В ходе движения экспедиции штабс-капитаном Сунаргуловым было составлено подробное маршрутное описание пути от г. Аксу, через г. Уч-турфан к г. Кара-колу и заметка Вилькинса «Карашар и озеро Баграч-куль»².

В начале марта 1877 г. правитель Йэттишара направил генерал-губернатору Туркестанского края письмо, в котором сообщал об отправлении своего посланника Муллы Тураб-ходжи в Ташкент. Касаясь болезненной для него проблемы проведения границ Йэттишара с Россией в Ферганской области, Якуб-бек, тем не менее, выразил удовольствие по поводу прошедших переговоров: «Таким указанием любезного друга нашего мы остались довольны и дружба наша увеличилась»³. Кашгарский правитель не терял надежды получить от русской пограничной администрации частичных уступок в территориальном вопросе, указывая в заключение своего письма: «Мы просим Ваше превосходительство оказать нам добро и человеколюбие»⁴. Более того: «Бадаулет настоятельно просил наших офицеров на обратном пути непременно проехать через Кашгар, чтобы убедить этим народ кашгарский в существовании добрых отношений к России»⁵. Неоднократно выполнявший дипломатические поручения Якуб-бека, но в этот период находившийся в опале за то, что позволил себе разным лицам в Кашгарии хвалить российские порядки Мулла Тураб-ходжа, был признан наиболее подходящей фигурой для выполнения этой миссии. Он получил от правителя Йэттишара полномочия на ведение переговоров, несколько раз встречался в Ташкенте с К.П. Кауфманом и другими представителями местных властей. Итоги переговоров вполне устраивали российскую сторону, о чем свидетельствует письмо туркестанского

¹ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С. 65.

² Там же. С. 14.

³ Сладковский М.И. Китай и Англия. М., Наука, 1980. Л. 129.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб., Главный архив 1-9. Оп. 8. 1875-1878 гг. Д.13. Оп. 8.1878 г. Д. 21. Л. 216.

⁵ Сладковский М.И. Китай и Англия. М., Наука, 1980. Л. 18.

генерал-губернатора Бадаулету от 31 мая 1877 г., которое содержало в себе изложение предварительно достигнутого русско-кашгарского соглашения о разграничении Ферганской области с владениями Якуб-бека.

Исходя из анализа этого документа, представляется возможным сделать следующий вывод: туркестанский генерал-губернатор, убеждал кашгарского посланца признать законность восстановления «прежней кокандской границы» и включения в состав Российской империи «всей горной полосы, составляющей прежде часть кокандской территории». В связи с этим К.П. Кауфман писал правителю Йэттишара: «Было бы желательно так провести границу, чтобы местные кочевые жители имели свои зимовки и летовки в одном и том же государстве; это то и составляло предмет моего изучения, для возможно правильного и справедливого разрешения вопроса о границе... поэтому посланнику моему капитану Куропаткину и было предписано заявить о проведении границы за Улугчатом, со включением этого пункта в наши пределы»¹. В то же время К.П. Кауфман в ходе переговоров с Турабходжой решился сделать уступки Якуб-беку и выразил свое согласие на оставление укрепления Улугчат за Йэттишаром².

Результатом русско-кашгарских переговоров, как это видно из того же документа, был проект будущей границы, «выгодной <...> для обеих сторон». Пограничную линию предполагалось провести от перевала Суек до перевала Дунгарма, далее по левому берегу р. Дунгарма до впадения ее в р. Коксу, а оттуда по левому берегу этой реки до ее пересечения с караванной дорогой, ведущей в Кашгар, и далее по северной стороне этой дороги через перевалы Ике-Икезяк-первый и Ике-Икезяк-второй до поста Иркештам, который без каких-либо условий отходил к России. После чего, российско-кашгарская граница должна была идти вверх по правому берегу р. Иркештам до хребта Мустаг, а оттуда до гор Мальтабар. Укрепление Улугчат оставалось во владениях Бадаулета. По оценке туркестанского генерал-губернатора такая пограничная линия в определенном смысле соответствовала историко-этнографическому принципу. «Надеюсь, – писал в заключение своего письма к правителю Йэттишара К.П. Кауфман, – что ваше высокостепенство изволите вполне одобрить изложенное мною направление границы между Ферганской областью и кашгарскими

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Ф. 11/с. Оп.3. Д. 275. Л. 8. Д.319.Л. 3.Л. 129. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

владениями, а потому прошу Вас командировать доверенное лицо к военному губернатору Ферганской области генералу А.К. Абрамову (1836-1886), который бы вместе с назначенным с нашей стороны чиновником, приступил к расстановке пограничных знаков, по которым население могло бы твердо знать направление границы, признанное обоими дружественными государствами»¹. Но это письмо так и не успело дойти до Якуб-бека. Правитель Йэйтишара скоропостижно умер при не выясненных до конца обстоятельствах. Старший сын Бадаулета Бек Кули-бек, считавший себя после смерти отца главным претендентом на роль кашгарского правителя, путем обмена письмами с генерал-губернатором Туркестанского края и военным губернатором Семиреченской области решил восстановить отношения с Россией, рассчитывая заручиться ее поддержкой. Так, в своем послании к генералу Г.А. Колпаковскому (1819-1896 гг. губернатор Семиреченской области, Степной генерал-губернатор, член Военного Совета при императоре Николае II) с извещением о смерти Якуб-бека он писал: «Вы издавна и до сего времени находились к нам в дружеских и хороших отношениях <...> Надеюсь, что и на будущее время останемся в этих <...> отношениях <...> и если бог позволит, то я постараюсь укрепить нашу дружбу еще сильнее, чем была при моем отце»². Для правительства Российской империи, в свете надвигающихся событий в Синьцзяне имело важное значение закрепление соглашения, достигнутого между К.П. Кауфманом и Тураб-ходжой по вопросу проведения граничной линии, поэтому с российской стороны последовал положительный ответ на инициативу Бек кули-бека. «По всем международным постановлениям и обычаям государства», – писал в ответ новому правителю Йэйтишара генерал-губернатор Туркестанского края 6 ноября 1877 г., – «наследник престола, принявший бразды правления по смерти прежнего владельца, берет вместе с тем на себя обязательство выполнять все договоры и соглашения своего предшественника с соседними государствами, если только намерен жить с ними в мире и согласии»³. После чего, разъяснялось, что «в видах пользы населения двух государств» следовало бы «приступить к точному определению границы между Кашгарией и Ферганской областью». Обращаясь

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 21. 1871-1882. Д. 334.Л. 328-329

² Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент. 1917. С. 101.

³ Там же.

к Бек Кули-беку, К.П. Кауфман настаивал на реализации своих предложений, содержащихся в его письме к Якуб-беку, отправленному к кашгарскому правителю с Тураб-ходжой. «Прошу Вас, – писал он тогда же, – получить сказанные письма от Тураб-ходжи и выполнить их содержание, т.е. прислать доверенное лицо к военному губернатору Ферганской области для постановки пограничных знаков, совместно с имеющим быть назначенным с нашей стороны чиновником ...»¹.

Несмотря на незаконченный диалог, миссия А.Н. Куропаткина в Восточный Туркестан и последовавшие за ней русско-кашгарские переговоры по проблеме размежевания в целом явились успехом российской дипломатии. Решение пограничного вопроса позволило снять целый ряд острых проблем связанных с охраной границы, с организацией системы административных органов в приграничных районах. Сведения о внутренней ситуации в Йэттишаре, полученные в ходе экспедиции, послужили основой для корректировки действий при проведении внешней политики России в этом регионе.

5. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и их влияние на формирование его взглядов на политику Российской империи относительно Персии

О генерале Алексее Николаевиче Куропаткине написано много, но в основном в связи с дальневосточной политикой Российской империи и русско-японской войной 1904–1905 гг. В начале XXI в. появилось первое историческое исследование его биографии и жизненного пути², совсем недавно – еще два исследования, затрагивающие взгляды генерала и их реализацию на занимаемых им военных и государственных постах³. Его деятельность охватывала все пограничные рубежи Российской империи. Однако ее персидская⁴ составляющая оставалась

¹ Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979. С. 88.

² Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

³ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны: 1903–1905 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015; Белоконов И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.

⁴ Персией в России в конце XIX – начале XX вв. называли Иран. Мы также будем использовать название Каджарская монархия, по имени правившей там династии Каджаров.

практически без внимания.

Персия в XIX в. находилась на периферии интересов российского внешнеполитического ведомства¹, но в развернувшейся борьбе России и Великобритании за влияние в регионе, получившей название «Большая игра»², это центрально-азиатское государство стало приобретать все более важное стратегическое значение. Начиная с 1890 г. А.Н. Куропаткин, в своей служебной деятельности и публикациях геополитического характера неоднократно обращался к этому вопросу. Изучение процесса формирования системы взглядов генерала на место Персии во внешней политике России необходимо для более глубокого понимания становления и развития А.Н. Куропаткина как крупного государственного деятеля и мыслителя-геополитика. В сжатом виде видение генералом российской политики относительно Персии было изложено в работе И.В. Белоконь, а также в коллективной монографии по истории внешней политики России³. Но вопросы о том, как и под влиянием каких факторов формировались его взгляды, остаётся открытым. В одной из наших статей были намечены основные вехи в эволюции внешнеполитических «персидских» взглядов А.Н. Куропаткина⁴. Данная работа является развитием указанной публикации. Цель ее заключается в изучении формирования и оформления взглядов генерала А.Н. Куропаткина на политику Российской империи относительно Персии в связи с его поездками в это государство в 1895 и 1897 гг.

¹ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). – М.: Европа, 2006; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М.: Международные отношения, 1997.

² Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. – Чита: ЗабГУ, 2015; Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: Памятники исторической мысли 2001; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 3–15; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 82–91; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.

³ Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. С. 91–93; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М.: Международные отношения, 1997. С. 55–56, 121–122.

⁴ Гокв О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. – 2015. – № 5. – С. 187–197.

27 марта 1890 г. А.Н. Куропаткин в чине генерал-лейтенанта Генерального штаба (далее – ГШ) был назначен на должность начальника Закаспийской области, командующим расположенными в ней войсками, и заведующего Закаспийской железной дорогой¹ (а не командующего Туркестанским военным округом, как ошибочно написано в одной из работ по истории внешней политики России²). Возглавляемая им область по «Временному положению об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. была выведена из подчинения Кавказской администрации³. Генерал А.Н. Куропаткин подчинился непосредственно военному министру и получил большую самостоятельность и обширные права: по военной части – командующего округом, по гражданской – генерал-губернатора. Закаспийская область непосредственно граничила с Персией, и в ней действовал военный штаб по подобию окружного. Это обуславливало её роль в отношениях между двумя государствами. «Закрепляя прежние функции закаспийского начальника, – верно отметили авторы одной из последних монографий, посвященных политике России в Центральной Азии, – новый закон дополнял их важнейшими дипломатическими полномочиями и обязанностями по обеспечению охраны государственной границы»⁴. Фактически, начальник области становился одним из проводников и координаторов внешней политики Российской империи относительно Персии, поэтому естественно, что у А.Н. Куропаткина сформировались собственные взгляды на отношения с южным соседом.

Для генерала среднеазиатские владения империи, включая Закаспийскую область, представляли, прежде всего, стратегический плацдарм, с которого русские могли блокировать активность Великобритании в регионе в случае осложнений отношений между двумя державами⁵. Четко сложившихся представлений относительно

¹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 года. – СПб.: Военная типография, 1910. – Ч. 1. С. 25.

² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. С. 121.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 10. Отд. 1, 1890. – СПб.: Гос. Типография, 1895. С. 70-75; Аминов И.И. Развитие правового статуса Закаспийской области в составе Российской империи (1834–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2. – Ч. 1. С. 14.

⁴ Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 118-119.

⁵ Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. С. 85-86.

Персии у А.Н. Куропаткина на момент вступления его в новую должность еще не было. Они носили лишь контурный характер, будучи вписанными в общее видение русской политики в Азии. В общих чертах суть их была сформулирована им еще в 1878 г., когда он занимал должность начальника Азиатской части Главного штаба¹. «Занятие нами сильной позиции в Средней Азии есть одно из средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»². Взгляды эти были результатом опыта его предыдущей службы на азиатских границах империи: с 1866 г. он служил в Туркестанском стрелковом батальоне, участвуя в покорении Средней Азии, а после окончания в 1874 г. Николаевской академии ГШ находился на должностях ГШ при штабе Туркестанского военного округа, в 1878–1879 гг. был заведующим Азиатской частью Главного штаба, с 1879 г. вновь служил в Туркестане, участвовал в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., а затем снова работал в Главном штабе. Соседняя Персия рассматривалась генералом со стратегической точки зрения. В условиях, когда европейские державы вели борьбу за раздел и передел мира, А.Н. Куропаткин как государственный и военный деятель, великодержавник по стилю внешнеполитического мышления, не считал возможным для России остаться в стороне от этих процессов. Во время личной встречи с императором в августе 1903 г. А.Н. Куропаткин говорил: «я боюсь Бога и Вас и больше никого»³. Эта фраза действительно характеризовала его отношение к жизни. Однако опасался он еще одного – что Англия потеснит Россию в Азии. А.Н. Куропаткин верил в необходимость и возможность для Российской державы занять прочные позиции на Азиатском континенте и тем самым противостоять военно-политическим и территориальным

¹ Marshall A. *Russian General Staff and Asia, 1860–1917*. – London – New York: Routledge, 2006. P. 31. По Положению о Военном министерстве 1869 г. к ведению Азиатской части относилось в пределах Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанских во военно-административное и военное управление, ряд вопросов, связанных с управлением и действием войск, составлений известий из военных журналов для обнародования; снаряжение военно-ученых и др. экспедиций, устройство укреплений и путей сообщений.

² Записка заведующего Азиатской частью Главного штаба полковника А.Н. Куропаткин по афганскому вопросу // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. – М.: Новый хронограф, 2014. С. 235.

³ Дневник А.Н. Куропаткина / Предисл. М. Покровского // Красный архив. – 1922. – Т. 2. С. 50.

амбициям Великобритании.

Область, которую генерал возглавил в 1890 г., имела для Российской империи важное стратегическое значение в отношениях с двумя азиатскими государствами – Персией и Афганистаном, и опосредованно – с Великобританией. В сферу ответственности штаба Закаспийской области входила восточная часть Каджарского государства. Особое место занимал Хорасан¹. Как отмечал в начале XX в. один из военных разведчиков, «через Хорасан пролегают лучшие пути от берегов Каспийского моря и из нашей Закаспийской области к западному фронту Афганистана и, в обход его, к границам Британских владений в Индии; через него же пролегают кратчайшие и лучшие пути от Закаспийской железной дороги к берегам Персидского залива»². В штабе области и в Главном штабе в Санкт-Петербурге при прогностическом анализе и планировании учитывали значение Хорасана в случае начала войны с Персией, с Персией и ее союзниками, а также с Афганистаном и Англией при нейтралитете или благожелательной позиции Персии: «Как по относительному положению, так и по своим свойствам он представляет наименее вероятный театр борьбы нашей собственно с Персией – говорилось в учебнике для будущих офицеров ГШ – он слишком удален для этого, как от источников сил и средств России, так и от главного предмета действий нашей армии – Тегерана и представляет малонаселенную и бедную страну вообще, а на западе – по пути к Тегерану – <...> и изрезанную многими хребтами, весьма затрудняющими наступление войск. И только крайний запад театра – прежняя провинция Астрабад и полоса вдоль северо-восточной окраины могут сделаться районами вторжения наших войск: 1-й – в случае производства десанта у Астрабадского залива, 2-я – с целью овладения богатыми и густо населенными долинами Мешхеда, Ширвана и Буджнурда и главным центром Хорасана и всего северо-востока государства – г. Мешхеда»³. Далее автор учебника отмечал: «Но зато он будет играть огромную роль в случае наступления нашего на Герат. Закаспийская

¹ Согласно секретному дополнению к пограничной конвенции 1881 г., российские войска могли быть направлены в Хорасан через Атекский оазис, «каждый раз, как правительство его величества императора всероссийского признает необходимым для обеспечения безопасности Закаспийской области или же для упрочения порядка и спокойствия близ границ оной» [41, с. 227].

² Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. – 1905. – Вып. 78. С.1.

³ Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Персии. – СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. С. 156-157.

область слишком бедна, а Закаспийская железная дорога слишком слаба, чтобы обеспечить значительный отряд, помочь же в этом может только Хорасан, благодаря богатству своих северных равнин. А потому, с согласия Персии или силою, но нам придется здесь отыскивать средства для действующего отряда»¹. Именно со стороны Хорасана открывались наилучшие возможности для развития русской торговли, в том числе и продвижения ее на юг – колесная дорога Ашхабад – Кучан, Закаспийская железная дорога, Каспийское море, находившееся в русских руках. Несмотря на это к концу 1880-х гг., уже после публикации указанной книги, Хорасан по-прежнему оставался «недоисследованным». В частности, мало было исследовано пространство между Астрабадом и Боджнуртом², требовалось обновление сведений об операционных линиях относительно Афганистана, не было окончено разграничение с Персией и не решен окончательно вопрос использования вод рек, текущих из Персии в Россию³.

А.Н. Куропаткин был в курсе и понимал все вышеизложенные проблемы и стремился к их разрешению. По его инициативе начиная с 1890 г. разворачивается систематическое изучение Хорасана, а затем и всей Восточной Персии офицерами штаба войск области. Их экспедиции носили военно-статистический характер с акцентом на сборе сведений о путях сообщения (однако у некоторых офицеров имелись и специальные задания). Начало им было положено поездкой признанного специалиста по Северной Персии капитана ГШ Леонида Константиновича Артамонова, откомандированного в 1889 г. из Кавказского военного округа на должность обер-офицера для поручений в штаб Закаспийской области⁴. Он был направлен командующим войсками Закаспийской области «со стратегической целью для рекогносцировок в приграничной к Афганистану полосе в окрестностях

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 123.

³ Пограничные вопросы в основном были сняты подписанием русско-персидской конвенции от 27 мая 1893 г., которой была скорректирована граница между двумя государствами и окончательно установлена пограничная черта, доведенная до Зульфугара, где она сомкнулась с русско-афганской границей [40, с. 7–8; 12, с. 55–56]. Кроме того, представители Персии и России Эмин-низам и подполковник ГШ Эдуард Карлович фон Клодт подписали протокол о пользовании водой реки Герируд [19, с. 33].

⁴ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. – Тифлис: Б.и., 1889; Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. – Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1890.

урочища Гюмбезли для выборки места под опорный пункт и исследования путей к нему от Теджена и Мерва»¹. Экспедиция длилась с 16 декабря 1890 г. по 26 января 1891 г., а с 20 июля 1891 г. по 6 января 1892 г. Л.К. Артамонов посетил Астрабад-Шахрудский район Персии и Северный Хорасан². Он был прикомандирован к российскому консульству в Астрабаде. Помимо рекогносцировки путей сообщения и изучения их пропускной способности для продвижения войск, капитан собрал военно-статистические сведения о посещенных территориях. Изученный район представлял большое значение для военной разведки штаба войск Закаспийской области, поскольку в случае занятия линии Астрабад – Шахруд Хорасан совершенно изолировался от остальной территории Персидской монархии³. Л.К. Артамонов посетил также туркменские кочевья с тем, чтобы собрать сведения о деятельности среди них английских агентов и блокировать британское влияние.

2 мая – 6 ноября 1889 г. помощник начальника строевого отделения штаба Закаспийской области причисленный к ГШ ротмистр Иван Иванович Стрельбицкий в Восточном Хорасане произвел рекогносцировку путей, ведущих из Закаспийской области к Мешхеду⁴. Поездка эта была прервана. В связи с этим в августе – декабре 1891 г. И.И. Стрельбицкий, уже в должности помощника старшего адъютанта штаба области, был прикомандирован к российскому Генеральному консульству в Мешхеде для изучения Хорасана и путей, ведущих из России к Герату через Восточную Персию, а также разведки русско-афганской границы и сбора сведений о положении в Сеистане⁵.

В сентябре–октябре 1891 г. под руководством есаула, временно

¹ РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 2. – Д. 38611. Л. 2.

² Артамонов. Исследование, произведенное в 1891-92 годах Генерального Штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее – СМА). – 1892. – Вып. 51. – С. 124–138; Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. – Ч. 1. – 56+205 с.; Ч. 2, 1897. – 4+206 с.

³ Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Персии. С. 136.

⁴ Стрельбицкий. Поездка по восточному Хорасану в 1890 г. // СМА. – 1891. – Вып. 46. – С. 135–266. Здесь в названии неверно указан год экспедиции.

⁵ Стрельбицкий. Записка о Восточном Хорасане: По рекогносцировке 1891 года // СМА. – 1895. – Вып. 62. – С. 43–255; Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году // СМА. – 1892. – Вып. 51. – С. 139–165; Низамутдинов И. «Сеистанский вопрос»: Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. – Ташкент: Б. и., 1958. С. 44.

исполнявшего должность помощника старшего адъютанта штаба войск Закаспийской области Андрея Ивановича Кияшко была проведена полевая поездка офицеров штаба Закаспийской области для сбора военно-статистических сведений в Ашхабадском уезде. В январе–феврале 1892 г. он был командирован в Каракала для изучения причин и масштабов туркменских грабительских набегов – аламанов. В апреле–июне 1892 г. А.И. Кияшко совершил рекогносцировку участка границы с Персией от восточного берега Каспийского моря до поста Гаудан. В июле 1893 – январе 1894 гг., уже переименованный (с сентября 1892 г.) в капитаны ГШ, участвовал в комиссии по учреждению таможенных постов в Закаспийской области вдоль границ с Персией и Афганистаном¹.

В 1892 г. был командирован для рекогносцировки маршрутов вдоль афганской границы обер-офицер для поручений при штабе войск Закаспийской области капитан ГШ Владимир Алоизиевич Орановский [19, с. 176]. В июле 1893 г. он произвел рекогносцировку Херабата и участка русско-персидской границы в пределах Закаспийской области². Недостающие сведения о Хорасане штабом Закаспийской области были получены также от генерального консула в Мешхеде Петра Михайловича Власова. С апреля по июль 1892 г. он совершил поездку по северу Хорасана, а в 1894 г. дополнил ее двумя новыми работами³. Помимо выполнения военных задач, офицеры и консулы собирали информацию о положении и настроениях среди населения, экономике, политико-административном устройстве и его функционировании, деятельности англичан и пр.

В 1894 г. А.Н. Куропаткин запросил у военного министра разрешения еще на три командировки офицеров в Персию. Как

¹ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. С. 113. По результатам работ по указанию А.Н. Куропаткина А.И. Кияшко составил «военный обзор Закаспийской области» – первый труд такого рода (Кияшко И.И. Военный обзор Закаспийской области. – Асхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1896).

² Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. С. 176.

³ Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерезгескому, Кучанскому и Буджнурдскому // СМА. – 1893. – Вып. 52. – С. 1–46; Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. – 1894. – Вып. 56. – С. 176–190; Власов П.М. Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по сев. округам Хорасана // СМА. – 1893. – Вып. 52. – С. 229–250; Власов. Статистические сведения о Дерезгеском, Кучанском, Буджнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. – 1894. – Вып. 56. – С. 126–175.

отмечал А.Н. Куропаткин в своем обращении 10 марта 1894 г. к военному министру П.С. Ванновскому, офицеры И.И. Стрельбицкий и Л.К. Артамонов обследовали районы, ограниченные с севера и востока русской границей, а с юга и с запада – линией Гязь – Дамган, Себзевар – Нишапур – Турбет и Хейдари – Каин – Биджан – Них – Насирабад. Однако неисследованным остался северо-восточный Хорасан, а в нем две операционных линии: Астрабад – Мешхед – Герат и Теджен – Серахс – Герат. Для исследования указанного района начальник области решил командировать В.А. Орановского¹. Одновременно с ним в Персию были отправлены прикомандированный к штабу войск Закаспийской области поручик лейб-гвардии Волынского полка Карл-Отто Георгиевич Баумгартен², служивший в Закаспии с 1893 г. заведующим картографическим отделением штаба войск³, и Гвардейской артиллерии штабс-капитан Александр Григорьевич Туманский, направленный в 1891 г. из Главного штаба в распоряжение командующего войсками Закаспийской области. С 1893 г. он исполнял должность помощника начальника Мангишлакского уезда. Особенностью двух последних назначений было то, что оба офицера имели хорошую языковую подготовку. К.-О.Г. Баумгартен получил образование на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 1890–1893 гг., освоив арабский и фарси. А.Г. Туманский окончил те же курсы в 1891 г., изучив арабский, турецкий и фарси⁴.

Экспедиция В.А. Орановского, выехавшего одновременно с К.-О.Г. Баумгартеном, длилась с апреля по август 1894 г. Его исследование носило военно-географический характер с уклоном на изучение путей сообщения. Две другие командировки имели несколько отличный от всех предыдущих характер. В апреле 1893 г. по инициативе министра

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 401. – Оп. 5. – Д. 482. – Л. 61; Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. – 1896. – Вып. 68.

² М.К. Басханов ошибочно утверждал, что он был командирован военным министром [32, с. 30] На самом деле П.А. Ванновский лишь утвердил ходатайство А.Н. Куропаткина (Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 401. – Оп. 5. – Д. 482. Л. 64; Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. – 2015. – № 5. – С. 187–197).

³ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. С. 29.

⁴ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. С. 30, 242.

финансов С.Ю. Витте при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей министерств финансов, военного и иностранных дел¹. На нем, в частности, были рассмотрены и вопросы торговли с Персией. Было обращено внимание на необходимость изучения Персии – состояния рынков, путей сообщения, перспектив коммерческой деятельности и пр. – для продвижения здесь русских торговых интересов. Поездки К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского находилась в русле решений Особого совещания и была вызвана не только инициативой А.Н. Куропаткина.

Военное министерство занималось изучением Персии в основном через штабы Кавказского военного округа и Закаспийской области. Поездки указанных офицеров были санкционированы военным министром по согласованию с начальником Закаспийской области². К.-О.Г. Баумгартен должен был исследовать Хорасан, Йезд и Кирман, А.Г. Туманский – Южную Персию и пути, ведущие к Персидскому заливу. Несмотря на наличие значительного материала военно-статистического характера, основное место в работах, предоставленных после возвращения, занимал анализ экономического положения изученных ими районов и Персии в целом, путей сообщения, состояния и перспектив русской торговли, коммерческой деятельности англичан и других европейских подданных. Например, К.-О.Г. Баумгартен указывал, что должен был выяснить данные, «применение которых может послужить к развитию торговых сношений с Персией вообще, а русско-персидской торговли в частности»³.

Можно утверждать, что если исследования офицеров ГШ, проводившиеся до отправки двух означенных экспедиций, формировали военно-стратегический взгляд А.Н. Куропаткина на значение Персии в политике России, то поездки О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского оказали значительное влияние на видение начальником Закаспийской области

¹ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. – М.: Наука, 1991. С. 276; Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М.: Международные отношения, 1989. [Электронный ресурс]. – URL: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st005.shtml>; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). – М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 119.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 401. – Оп. 5. – Д. 482.

³ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. – 1896. – Вып. 63. С. 2.

экономических перспектив Российской империи на иранских рынках.

Взгляды А.Н. Куропаткина на политику России относительно южного соседа окончательно оформились после его личной поездки в Тегеран 12 января – 23 февраля 1895 г., куда он был направлен Николаем II с посольством. Официально целью поездки было объявление Насреддин-шаху о вступлении на престол нового царя (это была обычная практика не только в русско-иранских отношениях)¹. В круг задач, поставленных перед генералом, также входило обсуждение пограничных вопросов². Неофициально начальник Закаспийской области ознакомился с положением при персидском дворе и в стране в целом. В силу того, что командировка носила официальный характер, будущий военный министр видел в основном с тем, что ему показывали: жизнь населения по пути следования, тегеранский гарнизон и пр. В Персии А.Н. Куропаткин имел продолжительное общение с шахом, его первым министром и другими персидскими сановниками. Значительный объем информации им был получен от российского дипломатического представителя в Тегеране и командира Персидской казачьей бригады³. В качестве важного источника информации выступали отчеты офицеров штабов Закаспийской области и Кавказского военного округа, с которыми генерал ознакомился до поездки.

По возвращении из Тегерана 25 марта А.Н. Куропаткин был принят Николаем II⁴. Результатом миссии стал отчет А.Н. Куропаткина императору⁵. Как начальник Закаспийской области, приграничной с Персией, А.Н. Куропаткин не мог не знать о позиции Петербурга относительно этой страны и о разных подходах в этом вопросе в среде высших чиновников империи. Тем не менее на основе собственного опыта и полученных им знаний в ходе предшествующей деятельности, сведений офицеров своего штаба и штаба соседнего военного округа, а также дипломатических агентов у него сложился личный взгляд на проблему. Выводы А.Н. Куропаткина находились в русле решений Особых

¹ Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. С. 88.

² Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. – 1902. – № 6. С. 15-16.

³ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

⁴ Дневники императора Николая II. – М.: ОРБИТА, 1991. С. 71.

⁵ Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. – 1902. – № 6.

совещаний по Персии 1890 и 1893 гг. Однако они отличались большей широтой и детализацией.

В докладе 1895 г. были изложены основные цели и задачи русской политики относительно Персии. Преследуя государственные интересы, А.Н. Куропаткин выступал как сторонник не военно-политической, а экономической экспансии, во многом разделяя взгляды С.Ю. Витте. Доклад 1895 г. включал три основные составляющие: политическую, военную и экономическую. Генерал постоянно подчеркивал, что Россия отстает от ведущей капиталистической державы мира Великобритании. А.Н. Куропаткин отмечал активизацию на Ближнем Востоке и в Персии Германии, указывая на то, что в перспективе она также может составить опасного конкурента России¹. «Но самым главным нашим противником в Персии, как и всюду в Азии, является Англия», – констатировал он², ставя ее в то же время в качестве ориентира в смысле методов деятельности по продвижению и отстаиванию своих интересов. А.Н. Куропаткин заключал, что Россия не должна отставать от Англии³. Однако трезво оценивая слабость российской экономики в этом соревновании, генерал считал необходимым, чтобы государство активно помогало своим экономическим и политическим агентам, проводя протекционистскую политику. Политические рекомендации начальника Закаспийской области были краткими. «Поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее время является настоятельно необходимым», – так формулировал он главную цель России относительно Персии. Для Российской империи было важно «заботливо охранять целостность Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических интересов <...> Охраняя целостность Персии на нашей 2 000-верстной границе, Россия не может допустить, чтобы со стороны границ Турции, Афганистана или со стороны Персидского залива последовало занятие той или другой части персидской территории. Равно, мы не можем допустить, чтобы на престоле Персии находилось лицо, не признанное Россиею», – заключал А.Н. Куропаткин. Отсюда одной из главных задач он видел «поддерживать любыми средствами благорасположение шаха, наследника и садразама (первого министра – Авт.) к России, выполняя по возможности их просьбы. Личные отношения

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 39, 43-44.

в Персии имеют огромное значение»¹.

К этой главной цели – подчинению в перспективе Персии российскому влиянию – было привязано в докладе все остальное. Относительно военной составляющей генерал подчеркивал, что «вооруженные силы в Персии в настоящее время незначительны, не устроены и не обучены должным образом. Но материал имеется хороший и если явятся опытные инструкторы и прекратится воровство сумм, ассигнуемых шахом на армию, то в Персии может быть создана значительная военная сила <...> Принимая на себя миссию по охране целостности этой страны, мы, по-видимому, должны влиять на персидское правительство <...> дабы в Персии не развивались и не совершенствовались вооруженные силы», – делал вывод А.Н. Куропаткин². В качестве мер для достижения этого, генерал предлагал следующее: «Представляется <...> желательным <...> влиять на шаха, дабы он не только не увеличивал, но даже сокращал денежные отпуска на армию. Необходимо вытеснить из Персии иностранных инструкторов, не допускать приглашение таковых вновь, увеличить в крайности число русских инструкторов для внешнего обучения персидских войск. По всем этим вопросам, указывая шаху наше испытанное миролюбие, необходимо внушать ему и его ближайшим помощникам убеждение, что поддержание в Персии спокойствия не только внешнего, но и внутреннего должно быть прежде всего основано на дружбе с Великою Россиею»³.

Главное внимание А.Н. Куропаткин уделил экономической политике России в Персии. «За последние 20 лет наши торговые обороты с Персиею увеличились более, чем в 4 раза, – констатировал он. – Необходимо, однако, отметить, что ценность вывозимых из Персии продуктов все время превышала стоимость ввозимых нами товаров. Вывозная торговля иностранных государств, главным образом Англии, в общей сложности превышает торговлю России почти в 2 раза, и притом обороты по торговле с Персиею завершаются с балансом в пользу европейских государств»⁴. К тому же, указывал А.Н. Куропаткин, Россия ввозила в Персию серебро и деньги, в то время как остальных европейских государств вывозили⁵.

Выделяя три главных торговых района – Азербайджанский,

¹ Там же. С. 26, 59, 62–63.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 35–36.

⁴ Там же. С. 36–37.

⁵ Там же. С. 61.

Тегеранский и Хорасанский, – пути к ним и состояние русской торговли в целом, А.Н. Куропаткин отмечал, что «мы не являемся полными хозяевами даже на северных рынках Персии»¹. Наиболее обеспеченными интересы русской торговли по его мнению были на Хорасанском рынке: «Несмотря на то, что мы вошли в соприкосновение с этим рынком только 14 лет тому назад, мы прочнее обеспечили его за собою, чем первые два рынка (Тавризский и Тегеранский)»². Одной из главных причин такого положения начальник Закаспийской области считал отсутствие хороших путей сообщения. А.Н. Куропаткин отмечал, что относительно путей Тегеранского и Тавризского торговых районов «нами ничего не сделано <...> и пути, ведущие к нам из Закавказья, остаются в том же неустроенном виде, в каком они были, когда в 1827 году войска наши <...> наступали к Тавризу»³. «При таких условиях – делал он заключение – нам остается или уступить персидский рынок иностранцам, или продолжать и развивать правительственную поддержку для поддержания и укрепления нашего торгового положения в Персии <...> Если при нынешнем развитии России рынок Персии представляется для нас недостаточно важным, то мы должны работать в интересах детей и внуков наших. Через 50 лет в России будет 250 000 000 населения. Тогда весь персидский рынок до Персидского залива включительно станет для русского народа насущно необходимым. Если мы упустим его теперь из своих рук или дозволим занять Англии ту или другую часть территории Персии, то в ближайшем историческом будущем это вызовет необходимость огромных жертв с нашей стороны, дабы вернуть потерянное»⁴. Подводя итог, он подчеркивал, что «такое положение вещей, в виду относительной близости к Персии русских промышленных районов, не может быть признано нормальным и со стороны России необходимы новые усилия и меры, дабы на важных, примыкающих к нам персидских рынках Россия получила преобладающее значение», – завершал свой вывод генерал⁵.

Необходимо отметить, что А.Н. Куропаткин вполне адекватно раскрыл причины такого положения российской торговли в Персии и разработал довольно обширный план по продвижению русских торгово-экономических интересов в Каджарской монархии. «Такое явление,

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 61-62.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 37.

– писал генерал, – объясняется, прежде всего, вообще недостаточным еще промышленным развитием России. Переход от страны земледельческой к земледельческо-промышленной еще не завершился у нас. Мы нуждаемся, поэтому, в покровительственной таможенной системе <...> Несмотря на такую защиту извне, наша промышленность не справляется еще в должной степени даже с потребностями внутреннего рынка. Поэтому для наших фабрикантов персидский рынок представляется маловажным, и они не способны положить столько же труда на завоевание этого рынка, сколько кладут, например, фабриканты английские, которые без внешних рынков существовать не могут. Добавим, что со стороны наших торговцев нет еще достаточной предприимчивости, знания местных условий, знания языка. Наш крупный предприниматель не идет на риск, как англичанин или американец, и в то же время не признает возможным довольствоваться барышом, вполне удовлетворяющим купца-иностранца, ибо необходимо затем иметь в виду, что в настоящее время в России необходимый для каждого предприятия капитал находится труднее и оплачивается значительно дороже, чем за границу»¹.

А.Н. Куропаткин наметил обширную программу распространения российского политического и торгово-промышленного влияния в Персии, которая впоследствии была в основном реализована или реализовывалась русским правительством. Она включала в себя контроль над политической и военной ситуацией в стране, поощрительные меры для русской торговли, улучшение и прокладку путей сообщения (в частности, железных дорог) под российским контролем². «С нашей стороны, – писал А.Н. Куропаткин, – представляется, по-видимому, необходимым не допускать персидское правительство к разрешению постройки железных дорог в Персии где бы то ни было иначе, как с согласия русского правительства»³. Пути эти, по замыслу будущего военного министра, должны были связать Персию с Россией и обеспечить быструю и бесперебойную доставку российских товаров на рынки Персии.

Он вновь поднимал вопрос, рассматривавшийся в 1890 г., о постройке железной дороги до Тавриза⁴. Обращая внимание на

¹ Там же. С. 57.

² Там же С. 50.

³ Там же. С. 50.

⁴ В железнодорожном вопросе А.Н. Куропаткин развивал позицию военных чинов империи, высказанную в 1890 г.

активное строительство железных дорог в Малой Азии, а также активности там представителей Германии, А.Н. Куропаткин отмечал: «эти линии, если мы не поспешим с постройкою железной дороги до Тавриза, могут в еще большей степени, чем ныне, отнять от нас самый важный в Персии Азербайджанский рынок с г. Тавризом»¹. Он заявлял, что: «Англичане спешат с постройкою пути к Тегерану от р. Каруна. Мы можем бороться с ними только ускорением проложения колесного пути Энзели – Казвин к Тегерану же. Англичане и немцы спешат приблизиться к границам Персии проложением железных дорог через Малую Азию. Мы можем ослабить угрожающую нашим интересам опасность только скорейшим проложением железной дороги от Тифлиса через Эривань и Джульфу к Тавризу»².

А.Н. Куропаткин в очередной раз подчеркивал, что Россия отставала в гонке с Англией и Германией, поэтому была необходимость скорейшего принятия указанных мер, и в особенности – постройки железной дороги: «Мы можем только тогда быть спокойны за сохранение наших интересов в Персии, когда будем иметь для отстаивания сих интересов сплошной железнодорожный путь: Петербург–Москва–Тавриз–Тегеран»³. Проект этот не был реализован. Правительство сочло за лучшее в 1900 г. еще на 10 лет заморозить железнодорожное строительство в Персии.

Программа А.Н. Куропаткина⁴ предполагала также следующее:

1. Необходимость принятия мер к понижению фрахтов за перевозку грузов по Каспийскому морю: «Надо спешить для сего устройством портов в Петровске, в устье Волги, в Энзели и принять меры к обеспечению нужд нашего торгового флота в персидских портах пристанями и пакгаузами».
2. Облегчить кредит по торговле с Персией продуктам российского производства.
3. «Устранить таможенные затруднения, вследствие которых русский товар, проникнувший в центральные провинции Персии, оплачен не 5%, а иногда 15% пошлиною».
4. Назначить консулов в Йезд и Мохаммеру и коммерческих агентов в главные торговые пункты Персии.

¹ Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. – 1902. – № 6. С. 62.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 63.

5. Продолжать действие поощрительных мер по ввозу в Персию русских хлопчатобумажных изделий и сахара.

А.Н. Куропаткин писал, что «все вышеприведенные меры не принесут достаточно пользы, если в голове сих мер не будет поставлена постройка необходимых дорог, ведущих к центрам Персии торговым и административным: Тавризу, Тегерану и Мешхеду <...> Необходимо начать уже разрешенную к постройке железную дорогу до Эривани. Разрешить продолжение ее до Джульфы. Добиться разрешения шаха на продолжение ее в персидских пределах от Джульфы до Тавриза. Построить колесную дорогу от персидского порта Энзели до Казвина, откуда уже существует колесная дорога до Тегерана. Дать порту в Энзели должное устройство. Построить колесную дорогу от пограничного пункта на Каспийском море Астара до Тавриза <...> Улучшить состояние колесной дороги от Ашхабада к Мешхеду. Улучшить состояние Гязьского порта. Необходимы пристани, пакгаузы и устройство дорог от этих пунктов через болотистую полосу. Принятие всех этих мер может доставить нам твердое положение на рынках Тавризском, Тегеранском и Мешхедском»¹.

В дальнейшем, по мнению А.Н. Куропаткина, постепенно следовало экономически подчинить себе всю Персию. Здесь он развивал идеи бывшего посланника в Персии князя Н.С. Долгорукого, считавшего, что Россия обязана позаботиться о средствах утверждения своего влияния и на юге Ирана². «При помощи этих мер, – писал он, – мы заложим через эти пункты как бы первую мирную параллель. Став твердо на вышеуказанных рынках, мы подготовим возможность продвигаться экономически далее к югу, дабы со временем заложить вторую мирную параллель от Керманшаха через Исфахан, Йезд к Кирману. Наконец, с занятием этой второй линии станет возможен успех в борьбе с англичанами и за выходы к Персидскому заливу и Индийскому океану»³.

В завершении А.Н. Куропаткин писал: «Без принятия вышеуказанных мер мы можем потерять даже то, что нами в Персии уже достигнуто»⁴.

Николай II 30 мая 1895 г. сделал в своем дневнике запись: «Читал с интересом отчет Куропаткина о его поездке зимою в Персию»⁵. В силу

¹ Там же. С. 63-64.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 82.

не только уже проводимой линии министра финансов С.Ю. Витте в отношении к Персии, но и под влиянием взглядов и изложенной позиции начальника Закаспийской области, политика Российской империи в связи с Персией с 1895 г. приобретает новые черты – то, что современный публицист назвал «русским наступлением в Персию»¹, начавшимся примерно с 1893 г. министерством финансов. Главной целью постепенно становится не просто соревнование с Великобританией, но вытеснение ее влияния с территории Персии различными методами, главными из которых должны были стать экономические. Идея подчинения Персии российскому влиянию была не нова для русской дипломатии². Однако до этого предпочтение отдавалось методам политического и военного характера. Во второй половине 1895 г. «было провозглашено, что соревнование с Англией отныне должно выражаться, прежде всего, в сфере экономических интересов»³. Этим в большой степени объясняется нежелание российского правительства всерьез вступать в переговоры о разделе сфер влияния в соседней стране, которые настойчиво предлагал Лондон⁴. «В руководящих кругах господствовало даже убеждение, – констатировал на Особом совещании 1 февраля 1907 г. министр иностранных дел А.П. Извольский, – что Персия должна всецело подпасть под русское влияние, и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив, с проведением железнодорожной линии через всю Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе»⁵. Стратегически контроль над всей Персией казался более важным, чем лишь над ее частью.

В 1897 г. А.Н. Куропаткин совершил вторую поездку в Персию. Он был командирован туда императором с целью приветствовать нового шаха Мозафарэддина с вступлением на престол (оно состоялось в мае 1896 г.)⁶. Как писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, «оттуда Куропаткин приехал прямо в Петербург и представил Его Величеству записку. Записка эта интересна с точки зрения исторической в том

¹ Леонтьев М. Большая игра. – М.: АСТ; Спб.: Астрель-СПб. С. 124.

² К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. – 1935. – Т. 2/3 (69/70). С. 13.

³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). – Л.: Наука, 1975. С. 17–18.

⁴ Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 453–455.

⁵ К истории англо-русского соглашения 1907 г. С. 19.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. – Л.: Государственное издательство, 1924. С. 122.

отношении, что из нее видно, что в то время было совершенно естественно, что мы рассматривали Персию как такое государство, которое находится, с одной стороны, под полным нашим покровительством, а с другой – под полным нашим влиянием. Иначе говоря, мы с Персией в то время могли делать то, что мы считали для нас полезным»¹.

В целом, в секретной записке царю «О наших задачах в Персии» А.Н. Куропаткин повторил выводы доклада 1895 г. Главный его вывод заключался в следующем: «Мы неизбежно обязаны помнить, что если Персия ныне не имеет для нас важное политическое и экономическое значение, то для детей и внуков наших таковое значение возрастет в огромной степени. Ныне мы культурно все еще недостаточно сильны, чтобы даже с могущественной поддержкой правительства вполне справиться с рынками Азербайджана, Тегерана и даже Хорасана»².

Важно подчеркнуть, что генерал оставался противником территориальных приобретений за счет южного соседа. В той же записке А.Н. Куропаткин отмечал: «В течение 70 лет мы не захватили какой-либо части персидской территории³, но способствовали охранению целостности ее, даже увеличению. То же желательно продолжать и ныне. Какие бы ни были осложнения в Персии, мы не нуждаемся в занятии какой-либо части персидской территории. Это даст нам полную возможность требовать и от других держав, чтобы при всех грядущих в Персии событиях страна эта осталась в настоящих границах без изменений»⁴.

Подводя итог, следует отметить, что взгляды А.Н. Куропаткина на персидское направление политики Российской империи стали формироваться задолго до 1890-х гг. К началу 1890-х гг. они сложились в общих чертах и заключались в том, что России нужно использовать Персию в борьбе с Великобританией в «Восточном вопросе» и в Азии.

После назначения на пост начальника Закаспийской области общие формулировки постепенно приобрели конкретное наполнение. Данные свидетельствуют, что А.Н. Куропаткин стал сторонником активного, но мирного продвижения российского влияния в Персии. На это указывает активизация разведывательной работы штаба области в этой стране,

¹ Там же.

² Очерки новой истории Ирана / Под ред. Л.М. Кулагиной. – М.: Наука, 1978. С. 124.

³ Это, однако, с точки зрения самих персидских сановников и шаха, утверждение сомнительное.

⁴ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). – М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 130.

предпринятая по его инициативе. Следует подчеркнуть, что его план преследовал не только военно-стратегические, но ставил и экономические задачи. В этом генерал проявил себя как государственный человек, адекватно оценивавший современную ему политико-экономическую обстановку в мире и в Азии. Поездки офицеров добавили сведений и конкретики, которые, в свою очередь, способствовали оформлению детального плана русской политики в Персии. Основными источниками его первоначально были: работы русских и иностранных исследователей, хранившиеся в Главном штабе, официальные документы различного рода, с которыми он сталкивался во время пребывания в Главном штабе. После 1890 г. к ним добавились документы штаба Закаспийской области по Персии, материалы поездок офицеров ГШ (в частности, на работу А.Г. Туманского он ссылаясь косвенно, а на К.-О.Г. Баумгартена – прямо, даже вступая с ним в дискуссию), материалы штаба Кавказского военного округа и сведения Л.К. Артамонова, донесения консула в Хорасане. Окончательно план оформился после личных поездок А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. Его источники расширились определенными личными наблюдениями (в результате официальных поездок), общением с высшими персидскими сановниками, русскими дипломатами в Персии и Заведующим обучением персидской кавалерией¹. План был изложен во «Всеподданнейшем отчете» 1895 г. и в секретной записке Николаю II «О наших задачах в Персии». Суть внешнеполитической концепции А.Н. Куропаткина относительно Персии состояла в том, что Россия «должна поставить ее под свой контроль» в развернувшейся борьбе великих держав за передел мира. Задачами ставились: обеспечение на будущее рынками сырья и сбыта русской продукции, выход к южноморской и океанской торговле и блокирование активности Великобритании в регионе. А.Н. Куропаткин не был сторонником территориальных захватов, считая, что России нужно сосредоточиться на внутреннем развитии². Генерал указывал на необходимость расширения зон влияния России на ее рубежах мирными средствами. На тот момент это был вполне прагматичный взгляд, рассчитанный на будущие поколения и активное

¹ Остается открытым вопрос, насколько источники, которые формировали видение А.Н. Куропаткиным внешней политики России в Иране, соответствовали реальности. Интересно и то, как именно работал с ними будущий военный министр. Однако их верификация требует отдельного исследования.

² Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 104.

развитие Российской империи. Начиная с 1895 г. А.Н. Куропаткин активно проводил в документах, предоставлявшихся царю, идею контроля Российской империи над Персией в указанном ключе¹.

Вопросы насколько впоследствии рекомендации А.Н. Куропаткина учитывались при определении внешней политики России относительно Персии и какое развитие они претерпели, требуют дальнейшей проработки. Можно все же с уверенностью утверждать, что в 1890-е годы и в начале 1900-х годов генерал был одним из тех государственных деятелей, которые оказывали влияние на выработку и реализацию внешнеполитического курса империи по отношению к Персии. Большая часть рекомендаций, предложенных А.Н. Куропаткиным в то время, была реализована или реализовывалась, на что указывали уже публикаторы «Всеподданнейшего отчета» 1895 г.

¹ Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. – 2015. – № 5. – С. 187–197.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ. ГЕНЕРАЛ А.Н. КУРОПАТКИН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)

6. Генерал Куропаткин – реальный или вымышленный образ?

Область исследования роли личности и ее влияния на ход исторических процессов, особенно в таком сложном и многоплановом контексте, не теряющем актуальности в наши дни, как события на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., продолжает представлять научный интерес. Исход русско-японской войны (1904-1905) во многом предопределил Первую русскую революцию (1905-1906), Первую мировую войну, события 1917 г и, в целом, историю России – СССР в XX веке.

В этой связи обращает на себя внимание личность военного и государственного деятеля Российской империи генерала А.Н. Куропаткина, который в течение нескольких десятилетий занимал ответственные посты, участвовал во всех войнах и многих военных походах своего времени, а также в решение важных государственных вопросов, и чья 170-летняя годовщина со дня рождения отмечается 17 (29) марта 2018 г.

Личность, деятельность и военно-историческое наследие А.Н. Куропаткина, привлекали и продолжают привлекать интерес общественности, военных и научных кругов многих стран мира и интерпретируется как отечественными, так и зарубежными исследователями неоднозначно. Это обусловлено в большой степени тем, что в русско-японскую войну возглавляя Маньчжурскую армию, он не смог «доставить победу» государю и отечеству в отведенные ему сроки¹. В русско-японскую войну Россия была первой из великих держав, столкнувшейся с радикальными изменениями в военном деле. То была война новой тактики и стратегии, новых вооружений и фортификационных работ, огромной

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 16.

протяженности фронта, не бывало длительных боев в недостаточно изученном районе действий, и требующая иной организации тыла и коммуникаций и многого другого¹.

Значительная удаленность театра военных действий (ТВД), двоевластие² и даже «многоголовье»³ в командовании, потеря флота, следование стратегии сдерживания противника до полного сосредоточения сухопутных сил и преждевременное подписание Портсмутского мира, включая ход предвоенных дипломатических переговоров, являются ключевыми в понимании итогов той войны; тем не менее, это часто уходило на второй план при анализе неудачного для Российской империи исхода войны, уступая место критике «оперативной упадочности» и поискам виновных, тенденции переложить ответственность за неудачный исход войны на генерала А.Н. Куропаткина, при том, что его точка зрения и деятельность большей частью оставались неисследованными, а главнокомандующим он был немногим более 4-х месяцев.

Действительно, при рассмотрении литературы, имеющей отношение к А.Н. Куропаткину в связи с русско-японской войной, встречались утверждения такого свойства, как: отсутствие военного и стратегического таланта, незнание тактики, отсутствие плана военных действий и понимания ситуации, слабость воли и неуверенность и даже незнание иностранных языков, помимо многих других. Отмечалось также большое количество негативных оценок при достаточно узком спектре цитируемых источников. Подобный «набор» характеристик не был применим ни к одному офицеру русско-японской войны, включая тех, которые по окончании войны были отданы под военный трибунал. Важное историческое событие всегда сопровождается «шлейфом вымыслов и мифов»⁴, что также справедливо в отношении его участ-

¹ Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы. С кафедры президиума РАН // Вестник Российской Академии наук. 2007. Т. 77. № 4. С. 301–308.

² Белозерова О.А. «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий в Русско-японскую войну (1904-1905). Генерал Куропаткин о возможности Порт-Артура обороняться // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 18–20 мая 2016 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. I. С. 194–208.

³ Бурдужук В.И. «Властное многоголовье» и как его ликвидировали. Что препятствовало масштабным преобразованиям высшего и центрального управления русской армии в ходе военной реформы 1905-1912 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 4–10.

⁴ Лихарев Д.В. О некоторых тенденциях в современных российских исследованиях Цусимской темы // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 76–86.

ников и такой значительной исторической личности, какой несомненно был А.Н. Куропаткин.

Не умаляя ценности исследований, на которые далее даны ссылки, и оставляя за авторами право на их взгляды и выводы, необходимо рассмотреть: 1) ряд наиболее часто цитируемых работ в связи с русско-японской войной, в которых давалась характеристика А.Н. Куропаткину и анализ его деятельности, а также 2) как и на основании чего на протяжении более века формировался в отечественной истории образ генерала, установив происхождение наиболее часто постороящихся характеристик его деятельности и личности, а также их релевантность.

В советский период исследователями не уделялось должного внимания истории русско-японской войны. Имея ограниченный доступ к архивным документам, они были вынуждены опираться на доступные им публикации и данные, что объясняет тот факт, что ряд работ того времени основывался в большой степени на повторяющейся из публикации в публикации библиографии, образуя замкнутый круг, а документам, свидетельствам, записям и дневникам самого генерала практически не придавалось должного значения: считалось, что они написаны в целях самооправдания. Аналогичное положение наблюдалось и в англо-язычной историографии, основной преимущественно на англоязычных и немецких публикациях и источниках, имевших часто анти-российскую направленность. Складывавшиеся таким образом на протяжении XX века идеологизированные стереотипы и оценки оказались весьма устойчивыми в исторической памяти и безусловно отрицательно сказались на характеристике личности и деятельности А.Н. Куропаткина.

В 2010 г. на базе изданий журнала «Красный архив» 1922, 1925, 1927 и 1935 годов, были переизданы дневники А.Н. Куропаткина, представляющие по мнению многих исследователей большую историческую ценность, – уникальный источник, проливающий дополнительный свет на многие исторические события¹. Издание сопровождалось вступительной статьей О.Р. Айрапетова, в которой автор, анализируя события русско-японской войны, подверг сомнению традиционную оценку личности и деятельности генерала: «Неудачи и поражения создали в общественном мнении образ нерешительного и вялого человека, неспособного на активные действия, созданного для вторых

¹ О дневниках А.Н. Куропаткина писали А.М. Зайончковский, П.Н. Симанский, П.А. Зайончковский, А. Малазёмов, И.В. Карлеев, Е.Ю. Сергеев, И.В. Лукоянов, Р.В. Сапрыкин, А.В. Папазов и др.

ролей и случайно оказавшегося не на своем месте. Эти оценки были позже усвоены и большинством исследователей. Соответствуют ли они реальной личности автора публикуемых дневников, дают ли верное понимание времени, объясняют ли события, описанные в этом источнике? Сомневаюсь.»¹.

Как отмечал в 1973 г. П.А. Зайончковский, в советской историографии работ, освещающих историю русской армии на рубеже двух веков (1881–1903 гг.) не было, поэтому он мог говорить лишь «об отдельных исследованиях, относящихся к тем или иным вопросам рассматриваемой проблемы»². То же утверждение справедливо и в отношении генерала А.Н. Куропаткина в связи с рассматриваемым вопросом.

При жизни А.Н. Куропаткина, историк М.Н. Покровский опубликовал отрывки дневников генерала с характерными для него предисловиями (следует отдать должное, что в предисловии к изданию «Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича»³ в оценке записки А.Н. Куропаткина о возникновении войны историк придерживался более сдержанного подхода). Изданные части дневников содержали малоизвестный и, как было признано многими исследователями, достоверный материал, который способствовал восстановлению событий первой половины русско-японской войны, однако прочтение его в отрыве от контекста и при «мастерски» созданном М.Н. Покровским и С.Л. Будкевичем⁴ негативном образе генерала, привело многих к предвзятым выводам.

Остановимся на вступительной статье М.Н. Покровского, которая наиболее явно показывает как создавалась определенная установка, окрашенная советской идеологией. Заслуженный царский генерал А.Н. Куропаткин определялся М.Н. Покровским как «преданный холоп», который «наивной преданностью ужасен» и который закончил свою карьеру «весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 г. в качестве сельского учителя». М.Н. Покровский в одной фразе искажил

¹ Айрапетов О.Р. Вступ. ст.: Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 3.

² Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, М., 1973. С. 25.

³ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича / предисл. М.Н. Покровского. Л., 1925. С. III–VII.

⁴ Дневник генерала А. Н. Куропаткина / вступ. ст. О. Р. Айрапетова; предисл. М. Н. Покровского, С. Л. Будкевича. М., 2010. С. 77–82, 258–266.

несколько фактов, сформировав негативный подход к интерпретации личности генерала, который окажется преваляющим в советской историографии. А.Н. Куропаткин не был убит (некролог был преждевременным и ошибочным) и умер своей смертью в своем родовом имении с. Шешурино. Генерал не закончил свою карьеру «прозаически»: верный присяги и долгу он разделил трагическую судьбу своей семьи и русского народа и не уехал за границу, хотя у него были возможности эмигрировать, в том числе по предложению посла Франции. В с. Шешурино А.Н. Куропаткин не «скромно подвизался в качестве сельского учителя». Последние годы своей жизни он неустанно работал в тяжелых условиях во благо людей, делясь с ними, как мог, опытом, знаниями и средствами. Несмотря на преклонный возраст и невзгоды, генерал занимался научной работой в своей библиотеке, поддерживая связи с учеными и научными обществами. Историк-краевед Ю.Г. Попов отмечал: «Почитателей деятельности А.Н. Куропаткина в бывших Торопецком и Холмском уездах немало. Их заботами русский патриот продолжает открываться каждый раз по-новому»¹.

Другой характерный пример и один из наиболее часто цитируемых трудов – работа немецкого корреспондента, приписанного к Российской армии барона фон-Теттау «Куропаткин и его помощники»² (перевод с немецкого языка М.В. Грулева, автора также самостоятельных работ по русско-японской войне³). В ней была дана резкая критика русской армии и ее командования, и слова «неуменение», «незнание», «нерешительность» использованы с повышенной частотностью. Эта двух-томная работа нашла поддержку рецензентов своего времени, и на нее ссылались многие исследователи. История написания этой работы до сих пор не вполне ясна. Известно, что впоследствии, со слов В.А. Сухомлинова⁴, ее автор был уволен в отставку по причине русофильства, а переводчик, сотрудничавший в ряде «прогрессивных газет», получил предупреждение и был вынужден подать в отставку.

На эту публикацию последовал менее известный ответ генерала Н.А. Ухач-Огоровича, который в годы русско-японской войны занимал должности начальника управления разведки и управления транспорта 1-й Маньчжурской армии. В 1912 г. он был осужден за

¹ Попов Ю.Г. Куропаткин в Шешурино. Торопец, 1998. С. 81.

² Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны. [В 2 ч.] СПб., 1913-1914.

³ Грулев М.В. 1) В штабах и на полях. [В 2-х т.]. СПб., 1908-1909; 2) Записки генерала-еврея. Париж, 1930.

⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 363.

хищения, но своей вины не признал и опубликовал трехтомный отчет по интендантской части¹. В связи с критикой русской армии бароном фон Теттау он писал: «Главкомандующего и его помощников можно судить, судом истории, только по окончании войны. Русско-японская война не была закончена (курсив в оригинале. – Авт.)». Он также подчеркивал, что «эпоха разоблачений, наступившая после войны, подействовала в моральном отношении еще более неблагоприятно, нежели сама война, и что ответственность ложится на ту часть общества, которая настойчиво требовала скорее заключить мир. В подобном стремлении Куропаткин и его помощники совершенно неповинны. Напротив, они-то и стояли за продолжение войны, стояли за тот исторический прием борьбы, какой присущ русскому народу и какой практиковался во все войны, начиная с девятого века». Согласно его оценке, «война началась только после занятия Сыпингайских позиций. До этого дня, происходили подготовительные бои, значение коих следующее: Куропаткин и его помощники совершенно уничтожили японскую боевую силу, которую японцы тщательно готовили 20 лет. На Сыпингайских позициях лицом к лицу, стали: могущественная, весьма испытанная русская армия и очень слабые остатки японских войск. Вот результаты нашего отступления; вот истинная ценность Ляояна, Шахе и Мукдена»².

Ответ Н.А. Ухач-Огоровича барону фон-Теттау, в котором он опровергал или снимал многие обвинения в адрес командования и представлял другую точку зрения, заканчивался следующими словами: «Неудачная война подействовала неблагоприятно в моральном отношении; но во много раз сильнее повлияла эпоха разоблачений, наступившая после войны. Установился какой-то спорт – покрепче ошелмивать участников Маньчжурских событий!»³.

Хорошо известны другие часто цитируемые публикации послевоенного периода (Е.И. Мартынов, В.А. Апушкин, А.И. Любинский, Л.Н. Соболев, В.Ф. Новицкий, Д.П. Парский, К.И. Дружинин, Ф.П. Рерберг и другие), в которых русская армия и ее командование также подвергались критике и которые содержали преимущественно необоснованную и эмоционально окрашенную критику в адрес генерала. Е.И. Мартынов, который, согласно автору «Энциклопедического

¹ Новое время. 30 (17) сентября 1907 г.

² Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ барону фон-Теттау. Умань, 1916. С. 1–5.

³ Там же. С. 110.

словаря Брокгауза и Ефрона» (ЭСБЭ) В.В. Водовозову¹, дал «яркую, крайне отрицательную характеристику Куропаткину как стратегу», писал: «Он все время желал всем нравиться и угождать. У Куропаткина, при всех его бесспорных достоинствах, отсутствовала та гордая, бесстрашная самостоятельность, которой отличался, например, Барклай <...> По складу ума и характера мог быть идеальным интендантом армии, пожалуй даже хорошим начальником штаба при талантливым главнокомандующем, но отнюдь не полководцем. Для последнего у него не хватало: силы творчества, непреклонной решимости и величия души, без коих немислим полководец»². В этом слышны отзвуки оценок М.И. Драгомирова и С.Ю. Витте, которые будут рассмотрены ниже.

За резкой критикой в адрес генерала, при более близком рассмотрении, часто стояли задетое самолюбие или личные счёты (Л.Н. Соболев, К.К. Случевский, М.В. Грулев, Ф.П. Рёрберг), расхождения во взглядах, принадлежность к другому идейному лагерю или родственные связи (М.И. Драгомиров, Ф.К. Гершельман, С.К. Гершельман, А.Ф. Редигер)³.

В силу своего положения, авторитета и деятельности А.Н. Куропаткин не мог избежать оппозиции. Мнения великого князя Николая Николаевича и генерала М.И. Драгомирова были весомыми в определенных кругах, а их отношение к А.Н. Куропаткину – общеизвестно. Военный министр, подготавливая список кандидатов в командующие Маньчжурской армии, в итоге вычеркнул из него кандидатуру Великого князя Николая Николаевича, а генерал М.И. Драгомиров им не рассматривался.

Характерны оценки А.Н. Куропаткина генерала К.К. Случевского, о ком не раз появлялись записи в его дневниках, а также генералов Л.Н. Соболева, Ф.Е. Мейндорфа, Ф.К. Гершельмана и ряда других. Однако А.Н. Куропаткин имел обыкновение пересматривать свои первые

¹ Куропаткин, Алексей Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Кур – Кях / ст. В. В. Водовозова. Т. XVII. С. 94; Доп. Т. II. С. 42–43 // URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/10132/> – Статья В.В. Водовозова уже не отличалась объективностью подхода. В дальнейшем это привело к распространению не вполне достоверной информации в справочной литературе.

² Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // Молва. 1905, № 7; Из печального опыта русско-японской войны // «...хорошо забытое старое». Из истории отечественной военной мысли / Сб. ст. Е.И. Мартынова, А.А. Свечина, С.Ф. Ахромеева. М., 1991. С. 14.

³ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия... С. 18–22.

впечатления, как, например, в случае с генералом Л.Н. Соболевым, которому сначала была дана нелестная характеристика, но после «молодецкого дела» в его адрес появились похвальные слова. В то же время в отношении генерала К.К. Случевского отзывы оставались большей частью неблагоприятные, хотя признавались и его сильные стороны.

Продолжая, остановимся еще на двух показательных примерах из А.И. Любинского: «Дух сильнее бетона – этого и не понимал Куропаткин <...> Формула Суворова полна внутреннего духовного смысла и содержания. В ней вылилось вполне определенное решение: победить или славно умереть. Резолюция Куропаткина бездушна: она определяет только механические действия, но не содержит указаний на конец, венчающий все дело». Давая сравнительную характеристику командующим, автор писал: «Но желанию ген. Линевица сразиться с неприятелем и восстановить поколебленный престиж славной русской армии не суждено было осуществиться. Японцы быстро сообразили, что перед ними во главе Русской армии находился уже не Куропаткин, а вождь с дарованиями, с твердым характером и волей, вождь энергичный и решительный, выдвинутый на свой высокий пост не отраженными лучами военной славы другого великого человека, а его собственными способностями и боевым опытом, а потому время легких побед для них безвозвратно миновало. Они поняли, что, лишившись в лице Куропаткина, своего, хотя и несознательного, но всемогущего союзника, приказавшего русской армии отступать даже в дни славных побед ее под Дашичао, Ляояном, на Шахэ и во время операции ген. Гриппенберга¹, рассчитывать на новую победу уже не могут, что риск нового столкновения для них слишком опасен и велик и может привести к потере всего, приобретенного ими за весь Куропаткинский период войны»².

Другой «яркий» пример: рассматривая ход военных действий в начале войны, автор писал: «Армия Нодзу только что приступила к высадке у Дагушаня в расстоянии не менее 80 верст от Фынханчуэна по чрезвычайно трудному горному пути. Тогда Куроки ожидать

¹ Дневник генерала... С. 389. – А.Н. Куропаткин вспоминал, как был подорван его авторитет главнокомандующего после самовольного отъезда генерала Гриппенберга: «При отъезде Гриппенберга мое ходатайство относительно него не уважили. Он уехал, как триумфатор, в особом экстренном поезде, задерживая эшелоны, делая истории в Иркутске. Авторитет мой был подорван. Каульбарсы и Бильдерлинги подняли голову и изменили тон».

² Любинский А.И. Русская армия и генерал Куропаткин как полководец. Из опыта русско-японской войны. М., 2012. С. 70–71, 126.

своевременной поддержки не было от кого. И Куропаткин, обладавший значительным численным превосходством, обрушившись на Куроки, мог без особого труда разбить его армию и отбросить за Ялу <...> Но из таких, впрочем, капризов и противоречий, свидетельствующих об отсутствии таланта, системы и общих идей, соткана вся фигура Куропаткина»¹.

Подобные и другие, выдержанные в том же ключе, суждения о бездарности командования и, закономерности поражения в войне, занижении роли сухопутных сил и т.д. не способствовали объективному подходу и должным выводам и, в итоге, послужили препятствием более глубокому анализу событий того времени и повлияли на общественное мнение.

В целом, можно сказать, что у указанных авторов присутствовали характерные для поствоенного периода общие оценки генерала и его деятельности, распространенные в среде его оппонентов (как видно из вышеприведенных примеров, иногда весьма странного свойства), а также отмечались противоречивые взгляды на сами обстоятельства и ситуации, в которых приходилось действовать генералу.

Современные исследователи стали обращать внимание, что в этих работах наметилась тенденция, перешедшая в дальнейшем в историографию, перекладывать ответственность за неудачный исход войны на А.Н. Куропаткина. И.В. Деревянко писал: «Особенно отличился здесь В.А. Апушкин, журналист, полковник Главного военно-судного управления и автор ряда книг по русско-японской войне. Венцом „творчества“ Апушкина стала обобщающая работа „Русско-японская война 1904–1905“ (М., 1911)², где собраны воедино все его взгляды и ясно указан главный виновник поражения – А.Н. Куропаткин. Впрочем, многие другие авторы, хотя большинство из них в той или иной степени страдает „апушкинизмом“, были более объективны»³.

В связи с вышеизложенным необходимо дать некоторые пояснения. Следует отметить, что вопрос численности сторон до сих пор остается открытым, несмотря на последнюю значимую работу одного из ведущих исследователей русско-японской войны Ротема Коунера⁴. До

¹ Любинский А.И. Русская армия и генерал Куропаткин... С. 53.

² См. также переизданное издание в сборнике: Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сб. матер. к 100-летию со дня окончания войны / Авт.-сост. Е.М. Османов. СПб., 2005.

³ Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. Военный аппарат России в период войны с Японией (1904–1905 гг.). М., 2005. С. 10.

⁴ Kowner, Rotem, author. Historical dictionary of the Russo-Japanese War / Rotem

сих пор вызывает сомнение ряд данных по численности и комплектации войск, участвовавших с обеих сторон в важнейших сражениях войны, о чем в 2004 г. также развернулась дискуссия на страницах «Военно-исторического журнала». Сам А.Н. Куропаткин неоднократно указывал на особенности и разницу в комплектации русских и японских войск.

В отношении военных планов, известно, что они разрабатывались «на случай войны с Японией» еще Н.Н. Обручевым до вступления А.Н. Куропаткина в должность военного министра, и последующая работа продолжалась над ними по настоянию последнего до назначения адмирала Е.И. Алексеева Наместником на Дальнем Востоке и создания его Главного штаба.

Поездка военного министра в 1903 г. на Дальний Восток и его посольство в Японию¹, развенчивающая целый ряд мифов, оставались почти столетие без внимания исследователей, а если интерпретировались, то вне контекста и не отражая действительного положения дел. То же можно сказать о борьбе А.Н. Куропаткина за финансирование военного ведомства, о выработанной под его руководством десятилетней программе модернизации и повышения боеспособности русской армии, его критическом отношении к дипломатическим кругам за недостаточные усилия по предотвращению начала военных действий, когда армия находилась в процессе реорганизации, а также публичной критике им общественного мнения до войны и пацифистски настроенных слоев населения в условиях ведения войны.

После неблагоприятного начала военных действий на море усиление сухопутных сил явилось «важнейшей задачей» – подкреплений до июня 1904 г. генерал А.Н. Куропаткин не получал, и только сохранение армии позволяло обеспечить целостность железнодорожных коммуникаций на удаленном (ТВД), не потерять территории Российской империи вплоть до Урала² и заключить Портсмутский мир на более благоприятных для России условиях. Характерно, что поражение российского флота на Дальнем Востоке в 1905 г. оказалось связанным в исторической памяти с «разгромом» и «поражением в войне» и было перене-

Kowner. Second edition. Lanham: Rowman & Littlefield, 2017.

¹ Японские дневники А. Н. Куропаткина / Публ. подгот. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. Т. VI. 1995. С. 393–444.

² Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 81; Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева, В.И. Шеремета. М., 1994. С. 57–58, 60.

сено на сухопутную армию¹.

Можно обоснованно предположить, что, останься генерал А.Н. Куропаткин на посту военного министра, поддержка армии была бы на более высоком уровне. Тем не менее, из списка кандидатов на должность командующего, предложенного А.Н. Куропаткиным², вряд ли кто-либо мог обеспечить победу в короткое время, и военные действия подтвердили это. Судя по архивным документам, можно также предположить, что если бы генерал Н.П. Линевиц остался командующим в начальный период кампании, то ход войны на суше мог быть еще более трудным, а исход более быстрым и с более тяжелыми последствиями. Так, в связи с прибытием А.Н. Куропаткина на фронт, при передаче командования временно-назначенный командующий Н.П. Линевиц направил ему и адмиралу Е.А. Алексееву 15 марта 1904 г. за № 1472 памятную записку «Положение дел в Маньчжурской армии», где, в частности, генерал Н.П. Линевиц писал, что «мы настолько сильны у Ляояна, что о нашем отступлении более не может быть речи»³. В результате предпочтительным решением, к которому склонялся Н.П. Линевиц, было: «пропустить японскую армию через Ялу к нашей железной дороге, атаковать ее у нашей железной дороги, не дав им сильно укрепиться», то есть «пропустить японцев к Хайчену, нам, тем временем, вполне сосредоточиться и только после сего атаковать их где-либо у названного пункта»⁴. В результате, отступление к Хайчену началось на 4 месяца позднее, нежели могло быть, последуй генерал А.Н. Куропаткин предложению генерала Н.П. Линевица при вступлении в должность командующего.

Оппоненты генерала, такие как Е.И. Алексеев и О.-Ф. Гриппенберг, возвращаясь в силу разных причин с фронта, способствовали формированию в определенных кругах «общественного мнения», тогда как генерал, не покидая более двух лет театр военных действий, вдали

¹ Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 3–15; Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. С. 7–9; Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013, С. 12, 18; и др.

² Среди кандидатур на должность командующего Маньчжурской армией были: Н.П. Линевиц, Н.Н. Сухогин, В.А. Сухомлинов, В.В. Сахаров, А.А. Бильдерлинг, А.К. Пузыревский, А.В. Каульбарс, Н.И. Гродеков, О.-Ф.К. Гриппенберг и последней была его собственная.

³ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21.

от столичных кругов, не имел возможности отстаивать свое имя, о чем он не раз писал.

В послевоенной историографии, относящейся к А. Н. Куропаткину, наблюдался уклон в сторону воспоминаний младших по старшинству офицеров, которые, хотя и представляли несомненный исторический интерес, в отличие от лиц высшего командного состава, не могли владеть всей полнотой информации и часто оказывались под влиянием общественного мнения. Однако и при анализе воспоминаний генерала В.А. Сухомлинова¹, в главе XVIII «Состояние армии в 1905–1908 гг.», в частности, где речь идет о М.И. Драгомирове, о его роли осенью 1904 г., о смещении А.Н. Куропаткина после Мукденского сражения (при этом предан забвению или неизвестен факт, что сам генерал обращался к Николаю II с просьбой о замене его на должности главнокомандующего до того сражения по ряду серьезных причин), а также об оценке Совета государственной обороны (СГО) при сопоставлении их с архивными документами выявляется ряд неточностей, и пафос повествования очевиден.

В силу разных причин, особенно в мемуарах, факты, связанные со сменой А.Н. Куропаткина на должности главнокомандующего, как и многие другие, освещены не всегда точно. В этом отношении характерно также воспоминание А.И. Деникина: «После мукденского поражения вопрос о непригодности Куропаткина на посту главнокомандующего стал окончательно на очередь, и государь наметил преемником ему ген. Драгомирова. Последний жил на покое, в Конотопе, в своем хуторе; был слаб – ноги плохо слушались; но головой и пером работал по-прежнему. Военный министр Сахаров в конце февраля прислал с фельдъегерем письмо Драгомирову, предупреждая о предстоящем предложении ему командования; советовал подумать – может ли он, по состоянию здоровья, принять этот пост. По свидетельству зятя Драгомирова, А.С. Лукомского, Драгомиров был очень обрадован, преобразился весь, почувствовав прилив сил и бодрости. Вскоре последовал вызов в Петербург; ген. Драгомиров прибыл туда и ждал приглашения во дворец. Но три дня его не вызывали. Драгомиров нервничал, предчувствуя перемену настроений государя. Наконец получено было приглашение, но... для участия в совещании по поводу избрания главнокомандующего. Совещание наметило ген. Линевица (28 февраля), который 4 марта и вступил в главнокомандование»². В

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924.

² Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005, С. 107–108.

связи с вышесказанным значительный интерес представляет журнал военного совещания 28 февраля 1905 г. в Царском Селе под председательством Его Величества¹, на котором собравшимися, в том числе М.И. Драгомировым, давалась оценка деятельности генерала А.Н. Куропаткина и который показывает, что на 28 февраля 1905 г. речи о назначении генерала Н.П. Линевича главнокомандующим, а также о подписании мира еще не было.

На совещании генерал М.И. Драгомиров выступил первым и признал, что «дальнейшее пребывание генерала Куропаткина Главнокомандующим вредно и для армии и для России»². В собственном ему духе данная в адрес А.Н. Куропаткина критика была уничтожающей, однако не имеющей ничего общего с реальным положением дел: «с тех пор как свет стоит не было еще примера, чтобы начальник штаба, даже образцовый становился Главнокомандующим, хотя бы сносным», и далее «командование армией не канцелярщина, тут на словах гораздо больше делается, чем на бумаге. Говорят, он молится по дням и ночам и не выходит из своего вагона. Какой же это Главнокомандующий. Под Ляояном у него не хватило духа довести дело до конца»³ и т.п. Остается предположить, что генерал Драгомиров полагал, что сам мог справиться с полномочиями Главнокомандующего гораздо лучше. Как известно, М.И. Драгомиров не был на театре военных действий и придерживался весьма консервативных взглядов старой школы, в частности, в отношении скорострельного оружия и военных маневров, и отличался неуравновешенным характером. Через несколько месяцев в октябре 1905 г. он скончался. В вину генералу А. Н. Куропаткину он ставил непонимание им «азбуки военной организации»⁴.

Воспоминания А.Ф. Редигера⁵ для изучения деятельности А.Н. Куропаткина также мало информативны и субъективны по отношению к генералу. Письменное обращение А.Н. Куропаткина к А.Ф. Редигеру после подписания Портсмутского мирного договора, в частности, по

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–7.

² Белозерова О.А. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин и совещание 28 февраля 1905 г. // Труды Шестой международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 13–15 мая 2015 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Ч. 1. С. 144–157.

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–2 об.

⁴ Там же.

⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999.

вопросу общественного мнения, позволяет увидеть в генерале волевого и уверенного в себе человека, считавшего, что, во всяком случае, не стоило уступать Сыпингайскую и Гунжулинскую оборонительные линии: «...считаю нужным высказать Вам, что мы в армии первоначально прислушивались к общему мнению Петербурга со вниманием, потом с недоумением, наконец, с негодованием. История разберется, кто прав, но позор Портсмутского договора во многом относим к этому так называемому общественному мнению <...> Возбуждение в армии против Витте большое <...> Несомненно, японцы пошли бы на мир даже без половины Сахалина, пошли бы на мир, не трогая <...> тех позиций, которые ныне занимаем мы <...> Пишу Вам <...> потому, что так, как думаю я, думает армия, а с этим надо считаться»¹.

Особняком стоят работы П.Н. Симанского², члена Военно-исторической комиссии, состоящая из трех томов по предыстории войны, в дальнейшем в сокращенном виде вышедшая в первом томе³, опубликованном этой комиссией. Исследователь вопреки другим членам комиссии, например, Ф.П. Рёрбергу⁴, «пострадавшему за жесткую критику действий А.Н. Куропаткина»⁵, давал положительную оценку личности генерала и фактологической ценности его дневников⁶.

Труды отечественных и иностранных военных корреспондентов еще более усугубили проблему «искажения» восприятия событий той поры и исторического образа генерала. Это в значительной степени было обусловлено тщательно разработанной и целенаправленно проводившейся пропагандистской кампанией Японии при поддержке

¹ Ильина Н.В. Накануне первой русской революции (Из переписки русских военных деятелей А.Н. Куропаткина и А.Ф. Редигера в 1905 г.) // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 93–95.

² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 17–20, 40–43.

³ Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб., 1910. Т. 1. С. 1–84; Симанский П. Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903). СПб., 1910. Ч. I–III; Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева, В.И. Шеремета. М., 1994.

⁴ Рёрберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений: записки участника Русско-японской войны 1904–1905 гг., члена воен.-ист. комис. по описанию Русско-японской войны, 1906–1909 гг. Мадрид, 1967.

⁵ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». С. 43.

⁶ Симанский П.Н. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. № 1.

Великобритании и США, которые направили на (ТВД) своих корреспондентов и атташе, большей частью приписанных к японской армии. В конце XX века появился ряд исследовательских работ, в том числе и за рубежом (Стюарт Лоун, Филип Тауэл¹), указывающих на идеологизированный подход и несостоятельность многих созданных ими стереотипов в связи с русско-японской войной и русской армией.

Из государственных деятелей критическим настроением в своих публикациях выделялся (являясь после войны главным оппонентом генерала) С.Ю. Витте², на воспоминаниях и свидетельствах которого в значительной степени основывалась критика А.Н. Куропаткина в XX в. Мнение А.Н. Куропаткина о С.Ю. Витте – мало известно³. Деятельность С.Ю. Витте в качестве мемуариста была детально освещена отечественными историками (Б.А. Романов, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Э.О. Сагинадзе и др.). В силу оставленных им воспоминаний в общественном мнении фигура С.Ю. Витте, несмотря на существующие работы в этой области⁴, остается необоснованно возвышенной: «Таких людей обязательно оценят потомки, если помыслы реформаторов были чисты и направлены на будущее величие России. Сергей Юльевич Витте, безусловно, может быть причислен именно к

¹ Lone, Stewart. 1) “Japan’s First Modern War: Army and Society in the Conflict with China, 1894-1895.” London: Macmillan, 1994; 2) “The Japanese Military during the Russo-Japanese War, 1904–05: A Reconsideration of Command Politics and Public Images.”: URL: <http://www.russojapanesewar.com/documents.html>; Towle, Philip A. “British Observers of the Russo–Japanese War.” In *Aspects of the Russo–Japanese War*, ed. Stewart Lone and Philip Towle, 23–34. London: Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines, 1998.

² Витте С.Ю. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте / под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916; и др.

³ Белозерова О.А. Генерал А.Н. Куропаткин о государственной деятельности С.Ю. Витте // «Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года»: матер. междунар. науч. конф. 14 апреля 2017 г. / Под ред. В.М. Доброштан и др. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. С. 31-34?.

⁴ Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны. Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте // «Россия и Запад»: Сб. ст. по русск. ист. Пг., 1922; Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 509–566; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. 1) Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 298-374; 2) С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; 3) С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999; Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 23–25; 43–48, 55; и др.

таким великим государственным деятелям»¹.

Известный историк Б.А. Романов в своих работах, в частности «Россия в Маньчжурии», неоднократно упоминал и ссылался на генерала, преимущественно в связи с деятельностью С.Ю. Витте. Его оценки взвешены и обоснованы по сравнению с другими авторами его времени, однако такие фразы, как «Еще летом 1900 г., когда Витте был занят усмирением разыгравшихся батальных инстинктов Куропаткина и Николая П...»², создавали пейоративную коннотацию, отодвигая стратегическую позицию военного ведомства на второй план в связи с боксерским восстанием в Китае, поскольку «усмирение» восстания уже тогда было чревато международным военным конфликтом.

В завершение рассмотрения первой из двух поставленных задач, нельзя не остановиться на другом характерном и часто цитируемом примере в связи с Порт-Артуром, дополняющий общую картину, – работе А.И. Сорокина «Оборона Порт-Артура» (М., 1952), в которой автор неоднократно упоминал имя генерала: «Командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин для противодействия десанту противника выслал отряд из семи батальонов, но командир отряда генерал-майор Зыков до места высадки не дошел и ни одного выстрела по противнику не сделал. Это неудивительно: в приказе, полученном Зыковым от Куропаткина, говорилось: „Важнейшая задача... предохранить свои войска от потерь и ни в коем случае не ввязываться в решительный бой“». В течение восьми дней японцы без помех высадили на берег 36 батальонов пехоты, 17 эскадронов кавалерии и свезли 216 орудий с прислугой, всего до 50 тысяч человек. В перевозке этой десантной армии участвовало 83 транспорта»³. Тем самым автор, не входя в анализ истинных причин и не указывая, что изначально план действий был рассчитан на такой сценарий, а также, что А.Н. Куропаткин находился в подчинении адмирала Е.И. Алексеева, от распоряжений которого зависило недопустить высадку японцев, хотя в данном случае и опосредованно, возлагал вину за судьбу Порт-Артура на командующего сухопутной армией, что стало традицией в объяснении тех событий в советский период⁴.

В связи с этим необходимо сказать, что фактом, проявившим глубину

¹ Гаврилов К.В. С.Ю. Витте и общественное мнение о его государственной деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 210.

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. С. 291.

³ Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. С. 72.

⁴ Белозерова О.А. «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий... С. 194–208.

этой проблемы, скрытой от глаз ряда подчиненных и общественности того времени, явилась последовавшая (с подачи главнокомандующего адмирала Е.И. Алексеева и генерала Я.Г. Жилинского) 22 мая 1904 г. Высочайшая телеграмма на имя генерал-адъютанта Е.И. Алексеева, в которой император, не указывая «ни способа, ни направления, ни средств для осуществления помощи Порт-Артуру, так как это принадлежит власти лица, облеченного полномочиями Главнокомандующего», указывал, что переход к активной деятельности являлся «назревшим», так как дальнейшее выжидание подкреплений могло привести к тому, что «к началу периода дождей мы все будем в выжидательном положении, и Порт-Артур никакого содействия со стороны Армии не получит». Император просил передать генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину, что ответственность за участь Порт-Артура он возлагал всецело на него¹. Ответственность, лежащая на плечах командующего, и без того была непомерной. В результате генерал был вынужден обратиться к адмиралу, излагая свое положение и видение ситуации в двух депешах за № 714 от 26 мая 1904 г. и за № 724 от 29 мая 1904 г.

Предвидя последствия действий Е.И. Алексеева, А.Н. Куропаткин еще в конце мая 1904 г. писал: «...в спокойной форме документально изобличаю, как менял он свои мнения о плане действий, о силе Порт-Артура, как отказывался последовать моему совету усилить гарнизон Порт-Артура, как он ошибся в роли нашего флота. Закрываю вопросом: насколько командующий Маньчжурской армией может быть ответственен за бездействие флота при высадке в Бицзыво и при атаке японцами Цзиньчжоуской позиции, а также за перемену взглядов на крепость Порт-Артур? В феврале адмирал в депеше государю (от 12 февраля) признавал желательным, чтобы японцы напали на Порт-Артур, ибо эта крепость надолго задержит японцев. Теперь адмирал заявляет, что Порт-Артур и не крепость и держаться не может»².

Как видно из ряда вышеприведенных и рассмотренных примеров наиболее часто цитируемых работ, взгляды, позиция и действия командующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина замалчивались и не подвергались научному анализу, а ему в вину вменялось практически всё.

В целях рассмотрения другой поставленной задачи для дальнейшего анализа в качестве примера, был выбран очерк Ю.Ф. Субботина³,

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп 1. Д. 230. Л. 22.

² Дневник генерала... С. 286.

³ Субботин Ю.Ф. Куропаткин и Дальневосточный конфликт. // Россия:

так как в нем наиболее полно представлены накопившиеся ссылки, на основе которых многие десятилетия давались характеристики и формировался образ генерала в отечественной научной литературе.

Говоря о личных качествах А.Н. Куропаткина, отражавшимися на его деятельности как военном министре, автор подвел итог: «Дело в том, что Куропаткин был натурой весьма противоречивой. При всем своем уме он проявлял нетерпимость к чужим мнениям, а главное, лишь казался сильным и твердым, а в действительности был человеком весьма и весьма нерешительным»¹ (здесь и в следующей цитате курсив – Авт.). Однако дневниковая запись генерала перед Мукденским сражением дает нам другое представление о нем: «Готовлюсь дать упорный бой под Мукденом, и бой этот может иметь самые решительные последствия. Если нам удастся отразить японцев, на что я надеюсь, то перейду в наступление немедленно, чтобы использовать победу. На случай неудачи все распоряжения к отступлению к Телину и Кайюаньсяню сделаны. Пути выбраны, исправлены, этапные пункты определены. Позиция у Телина хорошо укреплена. У Кайюаньсяня определена, но еще не укреплена. Это было бы новым, тяжелым испытанием, но перенесем и это испытание, с твердостью уповая непреклонно в наш конечный, победный исход. Но если японцы замедлят с наступлением, то я сам перейду против них в наступление. В штабе армии идет разработка соображений, но ранее получения сих соображений я таковую предварительную разработку уже произвел. Очень буду рад, если и мои помощники так же решат вопрос. Очень буду рад принять их мнение, если оно покажется мне для дела выгоднее»².

Идея развивается и дополняется известной и часто повторяющейся оценкой, передаваемой С.Ю. Витте со слов сестры М.Д. Скобелева княгиней Белосельской-Белозерской о том, что Скобелев «очень любил Куропаткина, но всегда говорил, что он очень хороший исполнитель и чрезвычайно храбрый офицер, но что он... как военачальник является совершенно неспособным во время войны, что он может только исполнять распоряжения, но не имеет способности распоряжаться; у него нет для этого надлежащей военной жилки, военного характера. Он храбр в том смысле, что не боится смерти, но труслив

международное положение и военный потенциал в середине XIX начале XX в. Очерки. М., 2003.

¹ Субботин Ю.Ф. Указ. соч. С. 128.

² Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 319-320.

в том смысле, что он никогда не в состоянии будет принять решение и взять на себя ответственность»¹. Здесь отмечается сходство с известной и часто повторяемой характеристикой генерала, данной историком А.А. Керсновским².

Прежде всего обращает внимание, что это суждение передается С.Ю. Витте, к мемуарам которого, как отмечалось выше, следует относиться критически, и не со слов М.Д. Скобелева, а третьего лица, не являвшегося свидетелем сказанного. Категоричность утверждения в общем негативном контексте делает эту ссылку еще менее достоверной, а «никогда не в состоянии будет принять решение и взять на себя ответственность» – не требует пояснений в свете событий самой жизни генерала: четырежды раненый боевой офицер, участвовавший во множестве сражений, отличившийся в атаках под Ловчей и Плевной, лично ведший в бой войска под Ляояном и многое другое.

Из-за длительного отсутствия интереса к личности А.Н. Куропаткина многие сложные условия и обстоятельства, в которых он работал, его поступки и факты, раскрывающие его личность, до сих пор малоизвестны. Среди них – добровольный отказ от поста военного министра, принятие и вступление в должность командующего Маньчжурской армией с переходом в подчинение наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И. Алексееву. Мало известен также факт, что, имея тяжелые боевые ранения до русско-японской войны, генерал, даже ведя войска в бой под Ляояном и объезжая позиции, не был ранен, однако ранение, хотя и не очень серьезное физически, произошло при иных обстоятельствах от руки Великого князя Бориса Владимировича, что сам генерал предпочел не афишировать и обойти молчанием в своих дневниках³. Здесь следует упомянуть также: вступление в тяжелейших

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М. 1963. Т. 2. С. 156.

² Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М, 1993. – Автор даёт описание Военного министерства времён Ванновского – Куропаткина. Он характеризует министерство как застойное, с чрезмерным развитием хозяйственности в армии, которая развивалась за счёт снижения боеспособности войск, а полководческую деятельность Алексея Николаевича, считает одним из главных факторов поражений России в последних войнах. Вслед за представителями дореволюционной историографии Керсновский отмечает неоднозначность фигуры Куропаткина, наличие у него, помимо отрицательных и многих положительных черт.

³ В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / предисл. А. Попова // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 148–204; Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 308.

условиях затягивавшейся войны в должность главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке; его собственная просьба о замене на этой должности до сражения под Мукденом (что игнорируется отечественными исследователями), которая была удовлетворена уже после сражения и с подачи Великого князя Николая Николаевича; последовавшее назначение опять по личной просьбе А.Н. Куропаткина командующим 1-ой армией¹, а также принятие на себя всей ответственности, связанной с ходом войны, – многие отказывались от назначений, избегая такой ответственности, как, например, В.А. Сухомлинов и др.

Оценено это было и современниками. На такой шаг А.Н. Куропаткина откликнулись общественные круги и многие государственные деятели. Так, на протяжении всей войны Д.И. Менделеев неоднократно выступал в поддержку генерала и обращал внимание современников на его патриотизм и бескорыстное служение. В «Варшавском Дневнике» и «Западном Голосе» была напечатана беседа Петербургского корреспондента этих газет с Д.И. Менделеевым², где профессор дал свою оценку такой перестановке в командовании: «Куропаткин совершил одну из величайших побед, став под команду своего бывшего подчиненного и показав этим высокое сознание долга. А.Н. Куропаткин назначен командующим Первой армией. Нельзя не удивляться патриотизму этого человека, его любви к нашей родине. В том, что Куропаткин из начальников сделался подчиненным, видна великая душа чисто-русского человека, готового за святую Русь, за ее славу поступиться всем, лишь бы принести пользу своему отечеству»³.

Следующие, также часто встречающиеся две выдержки из других свидетельств, дополнительно акцентируют несостоятельность, вышеупомянутой характеристики генерала, данной в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте, и они были написаны еще до главных испытаний в жизни генерала – русско-японской и Первой мировой войн, Туркестанских событий и решения остаться на родине, что обусловило арест и расстрел в 1920 г. его сына Алексея и многих членов семьи: «Туркестанским

¹ Геруа Б.В. В своих мемуарах «Воспоминания о моей жизни» писал, что А.Н. Куропаткин «бил челом», чтобы получить это назначение.

² Д.И. Менделеев по своим научным проектам сотрудничал с военным министерством. Сын Куропаткина Алексей Алексеевич Куропаткин (1892-расстрелян в 1920) был выпускником Санкт-Петербургского университета (математический факультет, химическое отделение).

³ Мы должны победить японцев или не возвращаться домой. 28 мая 1905 г. М.: Бюллетень тип. Филатова, 1905.

отрядом было сделано 900 вёрст, в том числе 500 вёрст по песчаной и каменистой пустыне, безводной до такой степени, что 900 верблюдов отряда за весь этот путь были напоены два раза <...> Средняя величина 14-ти переходов по пустыне была по 36-ти вёрст каждый. Шли днём и ночью. Больных за весь путь оказалось два человека... Остальные совершенно свежими пришли в Самурское. Встречая Туркестанский отряд, Скобелев от души хвалил их за бодрый, молодецкий вид и щеголеватость, судя по которым трудно верилось, что отряд прошёл до Самурского почти 900 вёрст форсированным маршем»¹. А.И. Камберг, участвовавший в этом переходе в чине подпоручика, так оценивал роль начальника Туркестанского отряда: «Полковник Куропаткин совершил этот путь блестяще, благодаря только тому, что им всё было заблаговременно предусмотрено и ни с какими случайностями не приходилось считаться, хотя по трудности и лишениям <...> этот поход можно сравнить с подвигами спартанцев»².

Далее по тексту Ю.Ф. Субботина дана (в качестве энфазы) ссылка на Ф.К. Гершельмана, начальника штаба Варшавского военного округа и известного писателя, о том, что Куропаткин обнаруживал «крайнюю неустойчивость взглядов на дело, способность легко менять решения, изыскивая лучшее, что приводило к нерешительности, отсутствие твердых принципиальных оснований в <...> решениях и способность отвлекаться частностями вопроса в ущерб главного, чем нередко вовсе искажался смысл дела»³.

Подобная характеристика идет вразрез с тем фактом, что 16 марта 1883 г. А.Н. Куропаткин был назначен в число четырёх генералов, положенных по штату Главного Штаба, где он служил до 1890 г. Для такого назначения требовалась отличная характеристика и исключительные способности и черты характера. А.Н. Куропаткину в 33 года был присвоен чин генерал-майора. Начальник Главного штаба Н.Н. Обручев поручил ему продолжить начатые генералом Г.М. Нагловским стратегические работы по подготовке России к войне на западном фронте, для чего был выделен штат сотрудников и созданы все условия;

¹ Верещагин А.В. Дома и на войне // Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. М., 2000. С. 172-173.

² Камберг А.И. Действия Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции // Военный сборник. 1906. № 1. С. 46.

³ Субботин Ю.Ф. Указ. соч. С. 128; Гершельман Ф.К. Воспоминания пережитого. Ч. XIX. С. 86. (Ф.К. Гершельман – сын генерала К.И. Гершельмана (1825-1898), участника русско-турецкой войны 1877-1878 гг., после Шипки состоявшего в распоряжении главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича).

впоследствии генерал был назначен Начальником Закаспийской области, затем в неполные 50 лет – военным министром и с 1898 г. А.Н. Куропаткин участвовал в заседаниях Государственного Совета – нелегкая и заслуженная карьера.

Как пишет Ю.В. Субботин, назначение Куропаткина военным министром было воспринято (со слов С.Ю. Витте) с «неудовольствием» некоторыми лицами, что закономерно, так как оппозиция есть у любого крупного государственного деятеля, однако в контексте с приводимыми цитатами, это сыграло негативную роль. Тем более, что далее следует, что с годами, как военный министр А.Н. Куропаткин пользовался в правящих сферах все меньшими симпатиями и дается ссылка (как и у ряда других авторов) на А.А. Половцова¹, который отмечал, что «Куропаткин весьма умный, благородный и исключительно по своей военной части образованный человек, не имеет понятия ни о государственном праве, ни о праве международном, ни о политэкономии и потому не только бесполезный, но и опасный при обсуждении дел действительно государственных»².

Эта оценка А.А. Половцова сделана в начале карьеры А.Н. Куропаткина как военного министра. А.А. Половцов был обер-прокурором Сената, в то время как К.П. Победоносцев был обер-прокурором Синода. Оба они принадлежали к «старой школе». На посту военного министра А.Н. Куропаткин, уже в первый год службы, выдвинул и участвовал в претворении в жизнь идеи Гаагской мирной конференции³, активно внедрял передовые геополитические взгляды, основанные на статистическом анализе, технико-экономическом обосновании и научном историческом подходе, изложенные им во Всеподданнейшем докладе 14 марта 1900 г.⁴ Исходя из понимания сложности защиты границ и не забывая главной обязанности военного министра – обеспечения безопасности и обороноспособности Российской империи – генерал, в частности, не поддержал планов «старой школы», во главе

¹ Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 123. Запись 17 июня 1899 г.

² Субботин Ю.Ф. Указ. соч. С.129.

³ Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года: Дис.... канд. ист. наук.. Волгоград, 2001. Гаагская конвенция 1899 г. заложила фундамент современного международного права. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится фонд № 568 В.Н. Ламздорфа, в котором находятся доклады военного министра А.Н. Куропаткина, содержащие дополнительную информацию по подготовке программы первого «парламента мира».

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия... С. 8

с К.П. Победоносцевым, «движения в Абиссинию». Несмотря на то, что мирная инициатива России была принята сначала с долей скептицизма, история подтвердила правильность видения А.Н. Куропаткиным проблемы роста вооружений и будущего военного и геополитического противостояния.

Следом за цитатой записи А.А. Половцова, негативная характеристика генерала усилена еще одной ссылкой на С.Ю. Витте, в которой отмечалось, что у него отсутствовали широкое образование и светское воспитание с добавлением еще одного нелестного качества – «подобострастия перед сильными мира сего»¹.

Личная сторона жизни А.Н. Куропаткина многие годы оставалось и остается мало исследованной. Относительно недавно было восстановлено, что по линии матери А.Н. Куропаткин принадлежал к известной морской семье Арбузовых. Родственные семьи Арбузовых и Калитиных дали Российской империи не одно поколение талантливых военных деятелей². А.Н. Куропаткин был в дружественных отношениях со многими известными семьями, как, например Урусовых, Юсуповых, Шаховских, Остен-Сакен, Набоковых, Рукавишниковых и др., и состоял в переписке с видными государственными деятелями, учеными, исследователями и путешественниками.

О «противостоянии» С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина было хорошо известно современникам. Генерал не раз вызывал С.Ю. Витте на дуэль. Статья Р.В. Сапрыкина дополнительно раскрывает отношения этих двух министров³.

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С. 151-152, 156-157. – В качестве примера «подобострастия» автор упоминает эпизод, когда генерал, в частной беседе с императором, желая поднять его настроение в пасмурный день, назвал императрицу «солнышко». Известно, что император сам имел обыкновение так обращаться к Александре Федоровне.

² Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России. Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 25. С. 156-158. – Среди них выделяется холмская ветвь, известная со времен Литовской войны и захвата Холма войсками Стефана Батория в 1581-1582 гг. Перед своей кончиной в 1908 г. мать А.Н. Куропаткина владела земельным фондом в 1500 дес. Большинство семей Арбузовых были многодетными, имевшими по 6-8 детей. Арбузовы породнились с такими фамилиями, как Кожины, Пушины, Зеленые, Куропаткины; главным в жизни их потомков являлась военная служба. Также: В 1870 г. в журнале «Русская старина» были опубликованы воспоминания А.П. Арбузова о героической обороне Петропавловска-Камчатского.

³ Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Сборник материалов III межвузовской научной конференции. Саратов, 2010.

Показательна в отношении представлений о семье генерала выдержка из исследования А.В. Папазова, которая также опровергает вышеприведенные утверждения о личных качествах генерала: «А.Н. Куропаткин сделал поистине головокружительную карьеру, достигнув крупных чинов, будучи ещё молодым человеком. Этот взлёт он обеспечил самостоятельно. Рожденный в незнатной и небогатой семье, без связей и знакомств, А.Н. Куропаткин всего добивался сам. Хотя Алексею Николаевичу порой помогли К.П. Кауфман и М.Д. Скобелев, но не с целью устроить его судьбу, а для того чтобы иметь под рукой хорошего помощника. Целеустремлённость, инициативность, стремление к знаниям, научные способности, хозяйственность и распорядительность, очень большая храбрость и жажда приключений – вот неполный список личных качеств, способствовавших выдвижению А.Н. Куропаткина, который отнюдь не был карьеристом в обычном смысле. Он не искал лёгких путей и тёплых мест, не раз отказывался от выгодных перспектив. К чиnam и наградам шёл через лишения и раны»¹.

Далее в тексте рассматриваемого очерка в доминирующем ключе дана ссылка на министра финансов при Александре II А.А. Абаза (неявно, но снова со слов С.Ю. Витте из его «Воспоминаний»): «умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря». Затем – дополнение из письма С.Ю. Витте о периоде подавления восстания ихэтуаней в Китае: «Ему быть корпусным командиром на войне, а не министром <...>. Он меня просто поражает своей государственной или недобросовестностью, или же ограниченностью <...> Он положительно сорвался с цепи и ежедневно юродствует».²

А.Н. Куропаткин не поддерживал Витте в его безудержном стремлении к «мирной» экономической экспансии на Восток и в строительстве железнодорожных линий на территории Маньчжурии. Вопреки «маньчжурским» интересам С.Ю. Витте, начиная с 1899 г. военному министру пришлось приступить к оборонительным действиям. В мае 1900 г. для подавления волнений в провинции Китая Чжили (ихэтуаньское или «боксерское» восстание, возглавляемое членами тайного общества «Ихэтуань»), был сформирован интернациональный экспедиционный корпус, в состав которого, помимо России, вошли войска Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Японии, США и Италии,

¹ Папазов А.В. Указ. соч. С.68-69.

² Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину (1900-1901 гг.). Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 34, 37.

и был осуществлен поход на Пекин. Отвечая на запрос С.Ю. Витте о посылке войск в Китай (министр финансов занимал двойственную позицию), генерал, в том «фазисе» развития событий, поддержал его и был за ввод войск для подавления восстания, что и было осуществлено. В то же время, предостерегая, в связи с обстрелом Благовещенска, от «надвигающейся угрозы» в будущем, генерал выступил с предложением по укреплению позиции России на границе с Китаем по линии отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с тем, чтобы не выводить войск из северной части Маньчжурии, ограничиваясь исключительно зоной отчуждения железной дороги. Разрушение КВЖД восставшими и продолжавшиеся вооруженные столкновения (до весны 1902 г) привели к тому, что по ряду причин российские войска после похода на Пекин были выведены неполностью, и для восстановления контроля над КВЖД Манчжурия осталась оккупированной русскими войсками¹.

В марте 1902 г. (в ответ на англо-японский договор, подписанный в январе 1902 г.) министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, в обход военного министра, в связи с чем А.Н. Куропаткин поставил вопрос о недоверии, подписал русско-китайское соглашение о выводе российских войск из Маньчжурии. Вывод должен был осуществляться в три этапа и закончиться осенью 1903 г. Первый этап был пройден в установленные сроки. Дальнейшее выполнение обязательств дипломатические круги обусловили получением дополнительных гарантий со стороны Китая, что вызвало его протест². В этом «фазисе» А.Н. Куропаткин, хотя и оставаясь при своих взглядах, во избежание протеста и обострения ситуации, убедил Николая II в необходимости продолжения вывода войск в соответствии с договором и выехал на место для приведения его в исполнение по второму этапу, но, в его отсутствие, решение было отменено, и военный министр был поставлен об этом в известность телеграммой. Эти события подробно описаны генералом в «Прологе русско-японской войны 1904–1905 гг.» (Л., 1924), что подтверждается архивными документами.

¹ Белозерова О.А. Взгляды военного министра А.Н. Куропаткин на корейский и маньчжурский вопросы в 1903 г. // «Реформы и реформаторы как предмет исследования социальных и гуманитарных дисциплин»: матер. междунар. науч. конф. 22 апреля 2016 г. / под ред. В.М. Доброштан, Е.А. Поправко, С.И. Бугашева, А.С. Минина. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. С. 29-32.

² Ковалев В.Е. Российское военное министерство в конце XIX–начале XX в.. РИЦ ГШ ВС РФ, М., 2003. / Двухсотлетие Военного министерства, 1802-2002 гг.: Очерки истории Воен. министерства. М., 2003.

Таким образом, последние две выдержки из С.Ю. Витте можно рассматривать, как результат противостояния ему А.Н. Куропаткина. Дальнейшие ссылки на С.Ю. Витте в связи с А.Н. Куропаткиным также следует воспринимать с долей сомнения, и здесь не будут рассмотрены.

Другие «обвинения» в адрес А.Н. Куропаткина в рассматриваемом очерке, такие как «склонность к импровизации и нерешительность», «непоследовательность во взглядах» и утверждения, что «вопрос о замене Куропаткина на посту военного министра был решен задолго до его назначения на Дальний Восток», а также то, что он в известной степени поддерживал «безобразовские проекты»¹ – всё это требует уточнения и не подтверждается документально. Что касается «непоследовательности во взглядах», то правильнее было бы говорить об их эволюции, поскольку обстоятельства постоянно менялись: что было возможно в 1899 г. – о том не могло быть речи в 1903 г. Пример тому – Благовещенск. Германия под предлогом защиты своих соотечественников захватила Киао-Чжоу и порт Циндао², однако, когда Благовещенск был обстрелян и дорога разгромлена, а А.Н. Куропаткин, как военный, предложил план реагирования, он не был поддержан. Генерал впоследствии писал о том, что шанс был упущен – геополитическая ситуация менялась с каждым днем и требовала взвешенного и гибкого подхода.

В русско-японскую войну Россия потеряла и Порт-Артур, и Дальний, а вместе с ними и сотни миллионов рублей золотом, вложенные в «маньчжурские» проекты. Позицию А.Н. Куропаткина понимали и поддерживали на Дальнем Востоке, в том числе и член Военного Совета генерал-лейтенант Д.И. Субботич, который в 1903 г. направил военному министру письмо «Задачи России на Дальнем Востоке»³, бывший Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, который отстаивал важность для России Амурской железной дороги и её «колониционное и базоустроительное значение» даже в случае присоединения к России Маньчжурии, и глава г. Владивосток В.А. Панов, который в

¹ Субботин Ю.Ф. Указ.соч. С.153, 155, 164.

² Левицкий Н.А. Русско-японская война. М.; СПб., 2003. С. 17. – «США требовали проведения в Китае политики открытых дверей: “Англия захватила Вей-хай-вей, Франция – бухту Гуаньчжоу-вань, Германия – Киао-Чжоу и порт Циндао. Япония заявила претензию на провинцию Фуцзянь, а Италия – на провинцию Чжецзян”».

³ Суб(б)отич Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке. Письмо генерала Д.И. Субботича к Военному Министру А.Н. Куропаткину в 1903 г. Амурская дорога и наша политика на Дальнем Востоке. Ревель, 1908.

1908 г. в своей публикации «Историческая ошибка»¹, основанной на его же довоенных статьях, писал: «... история торгово-промышленной жизни края такими авантюрами, в которых молотилась рожь на обухе, переполнена от начала до конца. Но все они, вместе взятые, по грандиозности и беспочвенности пальму первенства должны уступить политической аванюре «маньчжурской» с ее культурно-коммерческой начинкой графа Витте», и продолжал там же: «Коммерческие интересы Дальнего тотчас столкнулись с военно-морскими интересами Порт-Артура, и внутренняя борьба двух городов завершилась тем, что к моменту войны крепость, по недостатку ассигнований, оказалась необорудованной, а коммерческий порт, строившийся из золота, но не прикрытый этой крепостью, послужил неприятелю отличной базой для взятия Порт-Артура»².

В этой связи интересна оценка В.А. Панова сложившегося положения на Дальнем Востоке (курсив оригинала): «*Последний шаг* в поступательном движении России на Дальний Восток», сделанный необдуманно С.Ю. Витте «проложением Китайской Восточной железной дороги и сооружением Порт-Артура и Дальнего», оказался, таким образом, не «выполнением исторической задачи», как он легкомысленно назван в отчете о поездке на Дальний Восток, – но крупнейшей исторической ошибкой, – *роковым шагом к ужасному разгрому России на берегах Тихого океана*, последствий которого во всей полноте мы оценить еще не можем...»³.

Дальнейший анализ затронет лишь отдельные аспекты данной проблемы с тем, чтобы показать позицию военного министра А.Н. Куропаткина и несогласованность задач и действий финансового и военного министерств.

¹ Панов В.А. Историческая ошибка. Отдельные оттиски из №№ 23-47 газеты «Дальний Восток». Владивосток, 1908. Панов В.А. (1854-1922) – известный общественный деятель Дальнего Востока. Почетный гражданин г. Владивосток. Окончил штурманское училище Морского ведомства и в 1875 г. получил назначение на Дальний Восток в Сибирскую флотилию. Ходил на клиперах “Абрек”, “Нерпа”, “Алеут”. С 1877 г. – директор маяков и лоций Дальнего Востока. В 1892 г. В.А. Панов основал и стал редактором газеты “Дальний Восток”. Сотрудничал с газетой «Владивосток». В 1903 г. избран городской головой г.Владивосток и оставался им в годы русско-японской войны. Депутат Владивостокской городской думы. Одним из первых оценил ошибочность политики правительства в отношении сооружения порта Дальнего и крепости Порт-Артур.

² Там же. С. 4, 30-31.

³ Там же. С. 43.

Генерал Куропаткин, как никто другой, понимал с чем связано было строительство подобного масштаба: под его командованием на посту Начальника Закаспийской области (1890-1898) был осуществлен проект строительства Средне-Азиатской железной дороги, проходящей по пустыне¹. Мнение А.Н. Куропаткина, кратко записанное им в дневнике 5 января 1903 г., после обсуждения вопроса о Северной Маньчжурии с рядом государственных лиц, в том числе с посланником Российской империи в Пекине П.М. Лессаром, было следующим: «... мы наделали много глупостей, раздавая разные обещания, которые никто у нас не просил (имеется в виду русско-китайское соглашение от 26 марта 1902 г. о выводе войск из Маньчжурии после подавления боксерского восстания – Авт.). Но что все еще поправимо. Нападение на Бодуно <...> где мы потеряли убитыми офицера и нескольких нижних чинов, и другие указывают, что мы не можем с доверием относиться к охране в Северной Маньчжурии, когда уйдем отсюда. В Северную Маньчжурию в 25-50 лет хлынет масса китайцев, кои, пользуясь нашей железной дорогой, будут грозить нашим границам 2400 верст. Что железная дорога – нитка, которую нетрудно перервать. Что Россия должна за все свои жертвы выиграть в более покойной охране границ. Если мы оставим за собой Северную Маньчжурию, то протяжение границы будет сокращено вдвое. Что первоначально, не выводя из Северной Маньчжурии наши войска, мы должны сохранить там ныне действующие основания правительственного надзора»².

Охрана КВЖД в тот период находилась в ведении Министерства финансов. С.Ю. Витте надеялся, что Восточно-Китайская железная дорога будет «экономической линией», но когда выяснилось, что она давала только огромные убытки, он стал называть ее «политической».

¹ РГИА. Ф. 560, Оп. 28, № 1291, Л. 5. – Почтово-телеграфный журнал. Отдел офицеров. Декабрь 3, № 47, 1898 г. – Правительственные постановления и распоряжения. Высочайшее соизволение от 5 ноября 1898 г. о Средне-Азиатской железной дороге. «По всеподданейшему докладу Министерства Путей Сообщений 5 ноября 1898 года последовало Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение на присвоение Самаркандо-Андижанской железной дороги, с ветвями на Ташкент и Ново-Маргелан, наименования Средне-Азиатской железной дороги с тем, чтобы по передаче военным ведомством в ведение Министерства Путей Сообщений Закаспийской железной дороги, эта последняя была включена в состав Средне-Азиатской дороги под одним общим для обеих дорог наименованием «Средне-Азиатская железная дорога». Генерал Куропаткин, однако, указывал на преждевременность такой передачи и писал об этом.

² Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 101-102.

По расчетам Куропаткина убытки составляли 40 млн. рублей. в год: «Надо же, чтобы Россия сколько-нибудь умерила тяжелые последствия такого дефицита. Если мы Северную Маньчжурию отдадим, то все сделанные затраты будут впустую, и железную дорогу признать стратегической нельзя будет <...> Лессар согласился в конце нашего длинного разговора, что можно добиться расположения по линии дороги в полосе отчуждения даже 50 000 человек, только не трогать страны вне дороги. Что можно будет занять на левом берегу Амура и те 8 пунктов, которые были указаны Гродековым»¹.

В.А. Панов дал свое видение происходившего: «...со стороны Приамурья С.Ю. Витте настойчиво ставилось требование определенной политики: или возвращения прежнего порто-франко, или полное, сплошное, надежное ограждение всей сухопутной границы, чтобы внутренняя пошлинная торговля имела возможность правильно развиваться в том или ином направлении. И за все время вплоть до войны, край не мог добиться ни того, ни другого, а Владивосток, сверх того, неумолимо продолжал резаться в пользу излюбленного Дальнего², с тою же неосмысленностью, с какою предавался ради расцвета последнего на гибель даже и самый Порт-Артур. С.Ю. Витте в достижении своих целей и охране своего престижа умел быть беспощадным...»³. В результате продолжал он: «При таких условиях внешние события надвигались своим естественным ходом; генерал Куропаткин, не создававший этих событий, стоял п е р е д ними, подготавливаясь к отпору с теми средствами, какие имелись в его распоряжении, а С.Ю. Витте, душа всего дела, ни на минуту не останавливая хода своей антрепризы, наивно думал укрыться с нею за «эвакуацию» и «отписаться» от напирющей беды, когда она заглядывала уже в глаза России»⁴.

В.А. Панову позднее писал, что в русско-японскую войну генерал Куропаткин не мог оторваться от железной дороги, постоянно ставя ее защиту на первый план: «Русский Дальний оказался великолепным японским «ломом», при помощи которого был свергнут со своего основания русский же Порт-Артур. Южно-маньчжурская дорога послужила

¹ Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 102.

² На строительство города Россия з атратила 30 млн золотых рублей (около 11,5 млрд современных российских рублей). Строительство заняло около 7 лет. После победы СССР во Второй Мировой войне в 1945-1950 гг. находился в статусе свободного китайского порта, арендованного СССР. В 1950 году безвозмездно передан правительством СССР Китаю.

³ Панов В.А. Указ. соч. С. 30.

⁴ Панов В.А. Указ. соч. С. 32.

прекрасным подспорьем японскому наступлению на русскую армию в Маньчжурии; благодаря ей генерал Куропаткин ни разу не мог отступить настолько, чтобы спокойно сосредоточить свои войска, оставив между собой и неприятелем достаточное расстояние <...> Но генералу Куропаткину пришлось выступить уже тогда, когда «факт свершился» и оставалось считаться с его следствиями, а граф Витте был непосредственным творцом самого факта и всех его логических следствий. В этом огромная разница»¹.

Показательна еще одна точная оценка В.А. Панова: «Отношение С.Ю. Витте лично к графу Муравьеву, по его собственному заявлению, видно из того факта, что с момента занятия им Порт-Артура С.Ю. Витте прекратил с ним всякие внеслужебные отношения; отношение же графа Витте к этому зловещему «наследству» графа Муравьева выражалось тем, что он немедленно же стал сооружать свой город Дальний и строить к нему южно-маньчжурскую линию, – два предприятия, за которые ему безусловно не пришлось потом краснеть ни перед генералом Куропаткиным в Маньчжурии, ни перед японцами в Портсмуте, потому что первый благодаря им, совершенно последовательно выполнял свой «план отступления», а вторые столь же удобно вели свое «наступление». Если бы случилось наоборот, то, вероятно, С.Ю. Витте не пришлось бы ехать за графским титулом в отдаленный Портсмут, а г. Гурьеву «чинить» маньчжурскую авантюру за скорбный и без того счет генерала Куропаткина, равный по размеру только «шереметьевскому»².

Однако до сих пор одним из главных виновников неудач русской армии на Дальнем Востоке в русско-японскую кампанию считается генерал А.Н. Куропаткин, хотя в последнее время критика в его адрес стала смягчаться или принимать иной вид. Так, В.В. Лапин в рецензии на книгу историка Джона Стейнберга «Все люди царя: Российский генеральный штаб и падение империи: 1898-1914»³ пишет: «Автор книги не снимает с него (Куропаткина. – Авт.) ответственности за неумелое руководство операциями, делая в то же время акцент на роль этого человека в обучении войск в предвоенный период, на его теоретические разработки, в которых признавалась необходимость „соответствовать“ развитию военных технологий. Да, Куропаткин

¹ Панов В.А. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 22.

³ Steinberg John. All the Tsars Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, D.C. 2010.

был высокообразованным генералом, ярким публицистом, знатоком всех тонкостей военного ремесла. Но именно он предоставил пример того, насколько руководство войсками на поле боя требует не только знаний (военной науки), но и таланта (военного искусства). Именно Куропаткин способствовал дискредитации „научного подхода“¹ при проведении военных операций¹, что является отзвуком рассмотренных выше послевоенных работ.

Поддержанию старых стереотипов на современном этапе частично способствовало переиздание ряда послевоенных публикаций Е.И. Мартынова (1991), В.А. Апушкина (2005), М.В. Грулева (2007), А.И. Любинского (2012), Ф.П. Рёрберга (2015) и других.

В завершение отметим, что только по прошествии почти ста лет, когда перед Россией вновь встали проблемы сохранения целостности страны, безопасности своих границ и развития Дальневосточного региона, а также были проанализированы ход и итоги других локальных кампаний на удаленных ТВД, стало меняться и отношение к генералу А.Н. Куропаткину, стали звучать слова «довольно объективно описал», «генерал отмечал»² и т.д. Исследователи стали указывать, что «даже после цусимской катастрофы соотношение военных сил на суше вовсе не предопределяло для России необходимости тяжелого и унижительного мира»³, а А.В. Ремнев (Омск, 2004) впервые показал деятельность генерала как имперского идеолога и геополитика.

Опрос населения и статистический анализ, проведенные к 100-летней годовщине Русско-японской войны, показал, что около трети россиян имели в той или иной степени представление о событиях и итогах Русско-японской войны и ассоциировали их преимущественно с началом войны (Чемульпо), с обороной крепости Порт-Артур и Цусимским сражением⁴. Виновником военных неудач многими считался и до сих пор считается⁵ генерал А.Н. Куропаткин –

¹ Лапин В. В. Дж. В. Стейнберг. «Все люди царя: Российский генеральный штаб и падение империи: 1898–1914» [Рец.] // Cahiers du monde russe [En ligne] // URL: <http://monderusse.revues.org/7371>

² Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 88, 106.

³ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 107; Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. Кн. 1. С. 164.

⁴ Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 27.

⁵ Зубов А.Ю. Русское офицерство в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 711–713. – «Теоретически слабо подготовленные и оторванные от практики военного дела генералы России остались на

сначала как военный министр, затем как командующий Маньчжурской армией. Однако, повторяя слова Н.Ф. Ковалевского, такая «ассоциация с образом бездарного царского генерала» и «подобный схематизм, далекий от объективного подхода, многие военные историки признают унижительным для генерала, имевшего несомненные военные заслуги перед Россией»¹.

При исследовании государственной и военной деятельности генерала А.Н. Куропаткина в указанный период был рассмотрен целый ряд вопросов, имеющих собственную историографию. Обращало на себя внимание то, что деятельность и взгляды А.Н. Куропаткина затрагивались преимущественно косвенно или упрощенно, без учета множества воздействующих факторов, а также преимущественно тенденциозно и негативно, а ее оценка была лишена должной объективности и обоснования, на что одними из первых указывали П.Н. Симанский, Б.М. Шапошников, П.А. Зайончковский, И.В. Деревянко, А.В. Ремнев, И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев и др.

Нельзя не отметить возросшее в последнее время количество научных статей и диссертационных исследований по различным

уровне образцов, которые давно отжили свое. В 1904 году Генеральный штаб был отражением общего идейного застоя, царившего в армии, и победы на Дальнем Востоке обеспечить не мог. Для примера следует привести генерала Куропаткина А.Н., который командовал сухопутными войсками. Он представлял собой человека, не обладавшего нужной для полководца твердостью духа и силой воли, и что самое главное, слабо разбиравшегося в стратегии военного искусства. Несмотря на это Куропаткин был назначен командующим войсками. Чрезмерная осторожность была основной чертой генерала. Он не столько стремился к победе, сколько боялся поражения. Основной девиз: «Не рисковать!» приводился почти во всех приказах и распоряжениях командующего. Не последнюю роль в победе играют смелость и уверенность действий высшего командного состава, его вера в победу, к сожалению, Куропаткин и его штаб этого не имели. Русское офицерство было не в состоянии вести солдат к победе. Само поведение генералов было неумелым, а в штабах отдельных дивизий и полков царил полная неразбериха. В боевых действиях зачастую проявлялась медлительность, а задачи ставились без учета реальной обстановки, сложившейся к тому времени на других участках боевых действий. Перед лицом генералов Японии, по своему развитию стоявших на уровне современных военных знаний, генералы царской армии попросту растерялись. Хотя заметим, что японские командиры Того и Ояма не были гениальными стратегами, однако в своих действиях они проявляли не столько тактическое мастерство, сколько силу духа, упорство, характер истинного самурая» (С. 712).

¹ Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М. 1997 г. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kuropat05.php

аспектам русско-японской войны и истории русской армии рассматриваемого периода (А.В. Николенко, Ю.С. Пестушко, Е.А. Гладкая, Л.В. Жукова, Л.И. Сурат, С.В. Володин, А.В. Гушин, М.А. Королев, А.В. Новичков, Е.В. Бей, Н.А. Антипин, В.А. Холодов и др.), в том числе, пока единственные посвященные непосредственно А.Н. Куропаткину [(Р.В. Сапрыкин (Саратов, 2003), А.В. Папазов (М., 2012), И.В. Белоконь (Омск, 2012) и О.А. Белозерова (СПб, 2015)].

К 100-летней и 110-летней годовщинам войны, а также к 100-летию подписания Портсмутского мирного соглашения были переизданы отдельные работы, включая труды А. Н. Куропаткина, а также появилось много новых сборников и публикаций современных российских и зарубежных исследователей, основанных на архивных источниках и охватывающих большой исторический материал, восполняющий пробелы советской историографии по русско-японской войне¹.

Хотя данная работа основывалась только на ряде отечественных публикаций и исследований, автор знакома также с относящимися к теме работами зарубежных авторов как: Д. Стори, Я. Хамильтон (и другие военные атташе и корреспонденты); Дж. Кеннан, А. Малазёмов, Х. Роггер, Дж. Лензен, Д. Волф, Д. Ливен, Я. Ниш, Д. Мак Доналд, С. Лоун, Ф. Тауэл, С. Пэйн, Б. Меннинг, Дж. Стейнберг, Д. Схиммелпенник ван дер Ойе, Н. Папастратигакис, Д. Байрау, Д. Метро, П. Позевски, Дж. Сизмор, Р. Коунер, а также К. Чжон Хон, Т. Сакураи, Ч. Инабу, К. Асакава, О. Сюмпей и др.

В целом, такой объем научно-исследовательских работ по различным аспектам русско-японской войны² и имеющим отношение к деятельности А.Н. Куропаткина, явился бесценным материалом, позволившим в более ярком и насыщенном историческом контексте увидеть события рассматриваемого периода и более объективно подойти к характеристике личности и деятельности А.Н. Куропаткина.

Новый научный материал и объективный, фактологический подход, а также очевидный отход от традиционной оценки событий и

¹ Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы...; Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: международный исторический сборник / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004; Шацилло В.К., Шацилло Л.А. «Русско-японская война. 1904-1905. Факты. Документы». М., 2004; Порт-Артур: Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. / под. ред. В.П. Козлова; сост. И.В. Карпеев и др. Сб. док.: [в 2 т]. М., 2008–2009; и др.

² См.: Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904–1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2005. № 3. С. 144–157

действующих лиц того времени указывают на важность продолжения работы в данном направлении. Очевиден рост интереса к деятельности и наследию А.Н. Куропаткина, а также тенденция к расширению источниковой базы и более строгому следованию научным историческим принципам. Важен наметившийся комплексный подход, включающий объем материалов по русско-японской войне с привлечением зарубежных исследований и источников, особенно японских (Р. Коунер, 2017), который позволил бы выявить более объективную картину.

При анализе дневниковых записей 1902-1906 гг. А.Н. Куропаткина и архивных документов создается образ генерала, не похожий на тот, который формируется при знакомстве с историографией. Следует еще раз подчеркнуть, что в отношении генерала А.Н. Куропаткина в историографии ошибочно предпочтение отдавалось мемуарам различных авторов. Нельзя осуществить исторический анализ и дать объективную оценку личности, беря за основу преимущественно мемуаристику и сложившиеся стереотипы. При более пристальном рассмотрении исторических документов и свидетельств выявляется неодназначная характеристика этого видного военного и государственного деятеля. В целом – очевиден поверхностный подход к оценке заслуг генерала А.Н. Куропаткина перед Россией.

7. Военный министр А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны в связи с боксерским восстанием

Генерал А.Н. Куропаткин был назначен управляющим Военным министерством 1 января 1898 г.¹ – в момент, когда важные государственные решения, определившие ход событий на Дальнем Востоке и приведшие к русско-японской войне², были уже приняты российским правительством³, а интересы и намерения иностранных держав в отно-

¹ Сапрыкин Р.В. 1) Из дневников генерала А.Н. Куропаткина: назначение на пост военного министра // Проблемы истории российской цивилизации. Сб. науч. ст. 2005. Вып. II. С. 192–210; 2) А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2010. С. 72–80.

² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». СПб., 2008. С. 96–412; Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана // Красный архив. № 2. 1922. С. 287–293.

³ 3 декабря 1897 г. русские военные суда встали на рейд в Порт-Артуре, а 15 марта 1898 г. Россия и Китай подписали в Пекине русско-китайскую конвенцию, согласно которой России предоставлялись в арендное пользование порты

шении Китая и Кореи очевидны¹; при этом только у одной Российской империи была непосредственная граница с Китаем протяженностью 2400 верст, требовавшая надежной охраны, а кроме того – железно-дорожная магистраль, проходившая по территории Северного Китая. 1 июля того же года генерал А.Н. Куропаткин был утвержден на посту военного министра.

Накануне русско-японской войны деятельность А.Н. Куропаткина, помимо его непосредственных обязанностей по управлению военным ведомством, согласно утвержденным императором планам, была направлена на решение возникших на рубеже столетий корейского и маньчжурского вопросов, которые явились результатом, в частности, пересмотра Симоносекского договора (17 апреля 1895 г.), занятием Порт-Артура и политики «мирной экономической экспансии»², активно проводимой Министерством финансов не только на Дальнем, но и на Ближнем Востоке и послужившей поводом начала военных действий Японии против Российской империи.

Оба вопроса приобрели особенную остроту в результате ряда причин, а именно: боксерского движения в Китае (1898–1902)³, приведшего к военным действиям (Благовещенск), а затем – к существенному разрушению КВЖД; возникшей системы международных договоров и соглашений (в частности, русско-китайский договор 22 мая

Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь/Даляньвань) с прилегающими территориями и водным пространством сроком на 25 лет, а также разрешалась прокладка к ним Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) от одного из пунктов Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Этот факт важен, поскольку А.Н. Куропаткин возглавил министерство позднее и не мог существенно повлиять на ход дел.

¹ Левицкий Н.А. Русско-японская война. М.; СПб., 2003. С. 17. – «США требовали проведения в Китае политики открытых дверей: “Англия захватила Вей-хайвей, Франция – бухту Гуаньчжоу-вань, Германия – Киао-Чжоу и порт Циндао. Япония заявила претензию на провинцию Фуцзянь, а Италия – на провинцию Чжецзян”».

² Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии // Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». С. 343–412.

³ Мартыненко Ю.А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Очерки истории военно-политических отношений. М., 2004. – Автор подробно рассматривает две фазы «успокоения» Маньчжурии – военную и политическую, и указывает на завершение их в 1902 г.; Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война. Военно-политическая история. М., 2015. С. 134–163.

1896 г.¹, инициатором которого был С. Ю. Витте и целью которого, как отражено в официальном обзоре В. П. Череванского, было «сохранение целостности Китая»²; соглашение между Великобританией и Японией 17 января 1902 г.³); последовавшее в ответ соглашение между Российской империей и Китаем об условиях вывода русских войск из Маньчжурии 26 марта 1902 г.⁴; принятие в Петербурге на особом совещании 7 мая 1903 г. нового дальневосточного политического курса и образование 30 июля 1903 г. на Дальнем Востоке института местничества. Все это были главные вехи «поступательного движения» к военному конфликту, хотя Николай II и его министры А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф и С.Ю. Витте не желали его.

Генерала А.Н. Куропаткина не раз упрекали в непоследовательности в решении упомянутых вопросов, но позиция его по многим из этих проблем до сих пор остается недостаточно выявленной.

Анализ отечественной историографии позволил выделить наименее исследованную область в деятельности А.Н. Куропаткина накануне войны – восстание боксеров (ихэтуаней) в Китае. Следует отметить, что затрагиваемые вопросы внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., были детально рассмотрены в ряде современных исследований, в частности, в работах А.В. Игнатьева (М., 1989), И.В. Лукоянова (СПб., 2008) и др., и А.Н. Куропаткину в них уделено внимание. Само боксерское восстание и его причины

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 292–294; Игнатьев А. В., Мелихов Г. В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С. 134–140; Самойлов Н. А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия / под ред. А. В. Лукина. М., 2013. С. 50–89; Чугуевский Л. И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116; Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана // Родина. 2009. № 1. С. 61–64.

² Череванский В. П., Рихтер О. Б. Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией. 1905 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

³ Романов Б.А. Очерки... С. 136–156.

⁴ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906. С. 538–543; Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 91–93; Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. М., 1999; Шаццлло В. К., Шаццлло Л. А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. М., 2004. С. 48–98; Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии / авт.-сост. В. В. Глушков, К. Е. Черевко. М., 2006. С. 12–40.

непосредственному анализу не подлежали и являются особой и противоречивой сферой исследования (Н.М. Калюжной, В.Г. Дацышена и др.); формат данного текста также обусловил более сжатое изложение.

Цель – выявление позиции и деятельности А.Н. Куропаткина в связи с проблемами боксерского (ихэтуаньского) восстания в Китае, «похода на Пекин» и руководства операциями с тем, чтобы установить каких взглядов придерживался глава военного ведомства, каковы были предпринятые им меры во время боксерского восстания и какими соображениями он руководствовался при их решении, а также стиль его управления.

Летом 1900 г., во время подавления боксерского восстания, Министерство иностранных дел Российской империи сделало ряд правительственных заявлений, которые обусловили последующий ход событий. Так, в правительственном сообщении от 12 августа 1900 г. говорилось о том, что Россия не считала себя в состоянии войны с Китаем, поскольку его правительство выступило против иностранцев только под давлением мятежников¹. А в начале ноября 1900 г. после подавления восстания на особом совещании трех министров (военного, иностранных дел и финансов) в Петербурге была принята состоящая из 21 пункта инструкция «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии»², ставшая программой политического урегулирования в северо-восточном Китае до заключения официального договора или соглашения с правительством Китая. Основным ее автором был А.Н. Куропаткин. В первом пункте этой инструкции было записано: «Маньчжурия остается составной частью Китайской империи и

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 31 (Очерк В.П. Череванского и О.Б. Рихтера). – «В 1900 г. в Китае возникли беспорядки. В том же году не без участия китайских регулярных войск, был подвергнут бомбардировке Благовещенск, что могло служить „достаточным поводом к открытию со стороны России военных действий против Китая. В этом случае восторжествовали со стороны России принципы ее миролюбивых доброжелательных отношений к Китаю; поэтому она выступила на помощь Пекинскому правительству в возникшей борьбе с революцией. С этой целью наши войска заняли некоторые местности в Маньчжурии, что, однако, послужило поводом к оппозиции против наших мероприятий со стороны не только азиатских, но и европейских держав. Заподозренная в намерении обратить временную оккупацию Маньчжурии в присоединение ее к своим пределам, Россия, для доказательства противного, предъявила условия, выразившиеся в договоре 26 марта 1902 г. Включенные в этот договор уступки России навели, однако, Японию и Китай на мысль о военной слабости на Дальнем Востоке“».

² Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 868. Л. 71–73.

сохраняет те же административные подразделения и тот же порядок управления, которые существовали до занятия сей области русскими войсками»¹. Также оговаривалось, что русские войска «временно оккупируют эту страну», а в пунктах 6–8 обосновывались необходимость и законность российского вмешательства. По подавлении восстания в Маньчжурии Россия первой из держав отозвала свой отряд из Бэйчжили и заявила о готовности к сепаратным переговорам с Китаем², чтобы согласовать способ и ближайшие сроки вывода войск из этой провинции при условии, что важно подчеркнуть, ряда гарантий временного характера со стороны Китая, преимущественно выдвигаемых Министерством финансов при поддержке МИД, но также и военным министерством, преследовавшим стратегические цели в том, что касалось государственной обороны и безопасности, охраны железнодорожных магистралей и защиты населения.

То, как действовали китайские власти в Маньчжурии, и наличие «многочисленных шаек хунхузов» привело к тому, что в 1901 г. военным ведомством проводились серьезные военные экспедиции, продолжавшиеся и в начале 1902 г. Враждебность китайского населения была очевидна и не ослабевала, а «цинская дипломатия», играя далеко не «пассивную роль» в русско-китайских отношениях, использовала международные противоречия, как и во время «илийского кризиса» и переговоров 1880–1881 гг. в Санкт-Петербурге, в качестве существенного фактора «сдерживания» России и достижения своих целей.

Положение в Маньчжурии имело ряд параллелей с ситуацией, сложившейся при передаче Китаю Кульджинского района. А.Н. Куропаткин еще в качестве начальника Азиатского отдела Главного Штаба при военном министре Д.А. Милютине участвовал в 1879 г. в особых совещаниях по данному вопросу³ и высказывался за то, чтобы Китай уплатил России в качестве компенсации вознаграждение в 100 миллионов рублей. В силу ряда причин и, как писал А.С. Суворин (М., 2005. С. 478–479), «авторитетного мнения» министра финансов С.А. Грейга, находящегося в этой должности два года и прославившегося как «испанский гидальго», от этого

¹ «Политическое успокоение» Маньчжурии // Попов И.М. Россия и Китай... С. 346–347.

² Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». С. 353–373.

³ Voskresenskij Aleksej D. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. Vol. 35. № 4. Octobre-décembre 1994. P. 763–786.

отказались. Свое видение ситуации и подход к решению проблем в том регионе А.Н. Куропаткин изложил в работе «Кашгария» (СПб., 1879). Таким образом, в работе над вышеупомянутыми «Основаниями» А.Н. Куропаткин исходил из своего опыта как дипломата, военачальника и крупного военного администратора, и эти сферы его деятельности еще остаются недостаточно исследованными. Немногое известно о работе А.Н. Куропаткина в качестве посланника в Персии и о ряде других назначений. Деятельность генерала как дипломата рассматривается в ряде широко известных публикаций «Красного архива», а также в работах А.В. Игнатьева «С. Ю. Витте – дипломат» (М., 1989), показывающих роль А.Н. Куропаткина в разрешении «Дальневосточного узла». В последнее время военно-политические взгляды военного министра были проанализированы в исследовании И.В. Белоконь¹.

Несмотря на неоднозначность оценок событий 1900–1902 гг., связанных с боксерским восстанием, по своему масштабу и значимости они, по оценке И.М. Попова, стали «наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений, а после борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII в. их можно квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств»². Эти события тяжелым бременем легли на военное ведомство и на его главу, как в военном, так и в политическом плане³.

В этом конфликте проявились расхождения во взглядах и действиях среди министров. В МИДе Российской империи, в момент, когда нарастал конфликт на Дальнем Востоке, с 1895 г., после смерти Н.К. Гирса, за пять лет сменилось четыре министра. Назначенный в разгар боксерского восстания в июне 1900 г. управляющим министерством, а с 25 декабря 1900 г. министром иностранных дел граф В.Н. Ламздорф продолжил политику своего предшественника графа М.Н. Муравьева, опираясь на министра финансов и поддерживая его мнение, что: «нам решительно нет никакого расчета входить в какие бы то ни было соглашения с соперничающими в этой области державами»⁴.

¹ Белоконь И. В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.

² Попов И. М. Россия и Китай... С. 357.

³ Nish, Ian. The Origins of the Russo-Japanese war. London, New York: Longman. 1989. P. 110–112.

⁴ Письмо управляющего мин. ин. дел послу в Париже. 27 июля 1900 г. // Боксерское восстание / предисл. А. Л. Попова // Красный архив. № 1 (14). 1926. С. 1–49.

Следует отметить, что именно сепаратные переговоры с Китаем, проведенные В.Н. Ламздорфом, в которых, очевидно, С.Ю. Витте играл ключевую роль, не приветствовались военным министром, считавшим, что о компенсациях и экономических уступках следовало договариваться незамедлительно в рамках «консорциума держав-победителей». По его именно начатые Российской империей сепаратные переговоры с Китаем послужили, по ряду причин, только толчком к ухудшению создававшегося положения.

О роли С.Ю. Витте и о том, что по окончании военных действий он настоял на проведении сепаратных переговоров с Китаем, говорится в работах Б.А. Романова¹, а также в документах, подготовленных в «Красном архиве» А.Л. Поповым² и М.Н. Гершевичем³, а также в документах, сравнительно недавно опубликованных В.К. Шацилло и Л.А. Шацилло (М., 2004), В.В. Глушковым и К.Е. Черевко (М., 2006), работах И.В. Лукоянова (СПб., 2008), О.Р. Айрапетова (М., 2015) и др. Итогом сепаратных переговоров стало соглашение 26 марта 1902 г. Осенью 1903 г. дипломатические переговоры с Китаем зашли в тупик и были подхвачены Японией, на что обращалось особое внимание в упомянутом очерке В.П. Череванского и О.Б. Рихтера.

Вслед за А. Малозёмовым, Я. Ниш справедливо отмечал сложное положение, в котором оказался В.Н. Ламздорф между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте, отстаивающими каждый свою позицию, однако Я. Ниш справедливо подчеркивал тот факт, что А.Н. Куропаткин «не призывал ни к аннексии Маньчжурии, ни к полному выводу войск»⁴. Необходимо отметить, что военный министр отстаивал военно-стратегические интересы Российской империи. Ему были хорошо известны тяжкие последствия ухода России из Кульджи для населения. В 1903 г. он писал: «...если ограничиться охраной только тонкой линии дороги, то при первом волнении железная дорога может быть разрушена во многих

¹ Временная оккупация Маньчжурии (1900–1901 гг.) // Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: 1947. С. 92–115.

² Боксерское восстание...; Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. / Предисл. М. Н. Покровского; подг. А. Л. Попов // Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 3–29; Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) / Предисл. А.Л. Попова; подг. А.Л. Попов и С.С. Димант // Красный архив. 1932. № 3 (52). С. 34–124.

³ Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) / предисл. И. Ерухимовича; подг. М. Н. Гершевич // Красный архив. № 2 (63). 1934. С. 3–54.

⁴ Nish, Ian. The Origins of the Russo-Japanese war. P. 111–112.

местах. В особенности тревожным представлялось положение России, если бы она, атакованная на западе, вынуждена была вести одновременно войну и на востоке. В этом случае не было сомнения, что при очищении Маньчжурии от наших войск легко будет вызвать повторение китайских беспорядков 1900 года, при чем мы снова потеряем временно связь с Приамурским краем и нам вторично придется завоевывать Маньчжурию»¹.

Расхождения во взглядах между А.Н. Куропаткиным с одной стороны и с другой стороны С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфом, которых поддерживал также главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев, возникли не только в связи с необходимостью и целесообразностью сепаратных переговоров, а также о выводе войск после подавления восстания, особенно из северной части Маньчжурии, но и по двум другим главным вопросам, вставшим в ходе самого восстания. Во-первых, возник вопрос, кто должен возглавить интернациональные экспедиционные войска (генерал-фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее или адмирал Е.И. Алексеев). Указания МИД были следующими: «нам отнюдь не следует добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами держав, предоставив таковое руководство любому из иностранных военачальников»². Во-вторых, обсуждалась целесообразность наступления и взятия Пекина. Подробно историография этой борьбы за выбор политического курса и реакция руководства Российской империи на боксерское восстание освещаются И.В. Лукьяновым (СПб., 2008. С. 343–412).

В противоположность мнению представителей МИДа военный министр выступал за русского главнокомандующего экспедиционными войсками и за незамедлительный поход на Пекин. С.Ю. Витте сделал запрос о посылке войск только тогда, когда железнодорожная магистраль была разгромлена восставшими на всем ее протяжении: «Ближайший расчет правительства не оправдался, и движение боксеров к середине июня перебросилось уже и в Маньчжурию, после чего железная дорога оказалась разрушенной чуть ли не целиком, и Витте самому пришлось просить о вводе русских войск на всю территорию дороги (26 июня). Это повлекло за собой мобилизацию до 150 тыс.

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182. Л. 2.

² Указания МИД о целях вступления русских войск в Китай. Управляющий Министерством иностранных дел вице-адмиралу Алексееву в Порт-Артур 5 июня 1900 г. // Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отд. III. Кн. 1. СПб., 1902. С. 28–29.

человек и форменную оккупацию к осени 1900 г. всей Маньчжурии, – и тем не менее русская дипломатия не отказалась от занятой ею сепаратной позиции»¹. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» 20 ноября 1900 г. была опубликована телеграмма А.И. Юговича от 20 октября того же года, в которой говорилось, что магистраль разрушали в основном китайские регулярные войска под руководством местных властей².

Вслед за П.Н. Симанским можно утверждать, что промедление со стороны С.Ю. Витте, а также его нервозность, проявившаяся в его действиях и в «жалобах» на военного министра, в частности, Д.С. Сипягину³, сыграли весьма негативную роль. В дальнейшем эта задержка, приведшая к тому, что КВЖД была разрушена, сказалась на готовности России к русско-японской войне, а именно: на приостановке на год (по приказу Е.И. Алексеева) строительства крепостных работ в Порт-Артуре, «огромных» финансовых и материальных расходах на войска, флот и восстановление разрушенной инфраструктуры в период 1900–1903 гг., а также на скорости сосредоточения войск в регионе.

А.Н. Куропаткин впоследствии писал: «Разрушения, произведенные на железной дороге, оказались весьма значительными. План строительства на 1900 г. был разрушен. Мы потеряли год. Пока мало оценено важное значение этой потери времени. Будь мы сильны на магистрали и поддержки на ней спокойствие в 1900 г., наша железнодорожная готовность в 1904 г. была бы иная, чем то оказалось в действительности, а вместе с тем подвоз подкреплений в 1903 г. и сосредоточение войск в 1904 г. совершилось бы несравненно быстрее, чем то было на самом деле. Мы могли под Ляояном иметь, вероятно, на два или три корпуса войск более, чем имели в действительности»⁴. Немаловажен факт, что вся охранная стража КВЖД (по настоянию С.Ю. Витте) находилась в ведении министерства финансов, что часто не принималось исследователями во внимание, а в условиях войны такое положение дел не способствовало повышению ее боеготовности, скоординированности действий и эффективности управления.

А.Н. Куропаткин требовал от русских войск «наносить бунтовщикам возможно тяжелые удары», считая, что только быстрыми и решительными военными действиями было возможно достичь

¹ Романов Б.А. Очерки... С. 135.

² А.Н. Куропаткин. Пролог... С. 112–116.

³ Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 34.

⁴ Куропаткин А.Н. Японские дневники... С. 143.

успеха кампании, что видно из его указаний адмиралу Е.И. Алексееву 27 октября 1900 г.: «Воля государя, дабы в Маньчжурии не осталось ни одной организованной военной китайской части, ни одного китайского орудия и был восстановлен порядок, должна быть выполнена неуклонно. Потери наших войск не должны приостанавливать выполнение Высочайшей воли. Больными и умершими от болезней потеряем более». А.Н. Куропаткин ориентировал командование на то, чтобы «не разбрасывать силы», не оставлять гарнизоны в занятых китайских городах и деревнях, а русское военное присутствие в регионе ограничить только линией отчуждения вдоль КВЖД: «с тем, что „окончательное успокоение“ Маньчжурии являлось делом трудным, было полностью согласно военно-политическое руководство России»¹.

В официальном российском Правительственном сообщении о ситуации в Маньчжурии, опубликованном 11 ноября 1900 г., говорилось, что «еще не скоро удастся водворить в Маньчжурии полный порядок. Боксеры продолжают свою пропаганду и беспорядки <...> При настоящем тревожном положении Маньчжурии одной охранной страже даже и после значительного ее усиления поддерживать спокойствие и порядок на линии в 2000 верст, главное, обеспечивать эту линию от нового разрушения, не по силам. Поэтому временно в Маньчжурии останется часть введенных туда наших войск. Первоначально, в течение настоящей зимы, будут расквартированы в Маньчжурии 1-я, 4-я и 5-я Восточно-Сибирские стрелковые бригады с соответствующим числом частей других родов оружия. Затем, по мере успокоения страны, силы эти будут уменьшаться. Есть надежда, что уже в первой половине будущего года окажется возможным еще одну из бригад, оставляемых в Маньчжурии, вернуть в пределы Приамурского военного округа»².

Вслед за Б.А. Романовым, Я. Ниш и рядом других исследователей следует признать заслугу А.Н. Куропаткина в том, что военные действия для России были проведены успешно. В трудных условиях генералу удалось убедить Николая II в необходимости быстрых и решительных мер: «Оба они принялись обсуждать создавшуюся ситуацию в военном плане, и в результате тайком от Ламсдорфа и Витте отдан был приказ (1 августа) русскому отряду в Тяньцзине с боем идти на Пекин, чтобы не отстать от двинувшихся туда англичан, американцев и японцев»³.

¹ Попов И.М. Россия и Китай... С. 331–332, 334.

² Попов И.М. Россия и Китай... С. 336–337.

³ Романов Б.А. Очерки... С. 136.

А.Н. Куропаткину, однако, не удалось убедить императора в необходимости назначить главнокомандующим войсками русского военачальника вице-адмирала Е.И. Алексеева: «Это шло вразрез с принятым уже Николаем планом предоставить расправу в собственно Китае немецкому главнокомандующему (генералу Вальдерзее), используя бешенство, в которое впал после убийства в Пекине германского посланника Вильгельм, рвавшийся „сравнять Пекин с землею“ и придать делу характер „большого военного предприятия общего характера“»¹.

В результате был назначен генерал Альфред фон Вальдерзее, что было с воодушевлением встречено в Германии. Военные действия, проводимые Россией во время боксерского восстания на территории Китая, хорошо документированы и освещены в вышеупомянутой работе И.М. Попова. Как только порядок был восстановлен, военное ведомство приняло соответствующие меры для скорейшего вывода из Печилийской провинции русских войск, «что и было исполнено, несмотря на недовольствие графа Вальдерзее. Все прибывшие в Маньчжурию подкрепления из Сибири и Европейской России были уведены обратно»².

Наметились также разногласия среди военных, в том числе и военных агентов, которые в дальнейшем, в 1903–1905 гг., усугубились еще более³. В то время как А.Н. Куропаткин выступал за решительные действия и за поход на Пекин весной 1900 г., в военных кругах существовала оппозиция. Так, соображения полковника К.И. Вогака о перспективах проведения военной операции в Пекине, изложенные полковнику В.Е. Флугу из Тяньцзиня 28 марта 1900 г. были иными: «Я полагаю, что если политические обстоятельства потребуют с нашей стороны вооруженного давления на Китай, то это следует сделать в Маньчжурии, а не в Пекине, ограничившись в Печили морскою демонстрацией. Нет необходимости доказывать, что движение войск в Маньчжурию обставлено гораздо меньшими трудностями, нежели

¹ Там же. С. 137.

² Куропаткин А.Н. Итоги... С. 143.

³ См.: Деникин А.И. Старая Армия. Офицеры. М., 2006. С. 112. – «Известна та рознь, которая раздирала военные сферы во время китайской войны (боксерское восстание). Когда приамурское начальство, ведавшее операциями в Северной Маньчжурии, враждовало с квантунским, которому подчинены были отряды в Южной; когда на юге шло острое соревнование между генералами Волковым и Церпицким, а на севере генералы Реннекампф, Орлов и другие со своими отрядами летали по краю за славой, избегая подчинения друг другу и приамурскому начальству...».

посылка экспедиционного отряда в Чжили. Кроме того, более нежели вероятно, что появление наших войск в Пекине вызовет международные осложнения, тогда как наступление в Маньчжурию, давно уже ожидаемое иностранными державами, вряд ли вызовет протест с чьей-либо стороны. Впечатление же, произведенное на Китай, будет то же самое, может быть даже большее, так как китайское правительство должно сознать, что раз двинувшись в Маньчжурию, мирное завоевание которой уже началось, мы или не уйдем оттуда вовсе, или же уйдем только тогда, когда предъявленные нами требования будут исполнены»¹.

Великие князья, занимавшие ключевые государственные должности, каждый имели свое мнение и предлагали свои подходы к решению проблемных вопросов, часто не совпадающие с позицией и возможностями военного ведомства².

Между генералом А.Н. Куропаткиным и адмиралом Е.И. Алексеевым также возникли серьезные противоречия. Еще 29 октября 1900 г. военный министр письменно заявил В.Н. Ламздорфу (от которого Е.И. Алексеев получал указания), что он не мог доверить адмиралу командование войсками, несмотря на жесткую критику со стороны С.Ю. Витте, и поставил во главе отряда, идущего на Пекин, генерала Н.П. Линевиича³.

Уже на стадии соглашений с союзниками по завершении военных действий А.Н. Куропаткин писал: «Последние дни сделал много хлопот адмирал Алексеев. Несмотря на формальное высочайшее повеление очистить Печелинскую провинцию к 1 января и сдать к этому времени железную дорогу Ян-цунь-Шанхай-гуань он предъявил к Вальдерзее такие невозможные условия для нового соглашения, что это не подписано и до сих пор, о чем мне телеграфировал и Вальдерзее. Пришлось для выигрыша времени дать полномочие, с высочайшего соизволения, которые я испросил в докладе в субботу 23 декабря, сделать уступки и подписать соглашение помимо Алексеева»⁴.

Также об этих противоречиях свидетельствует запись, сделанная

¹ Попов И.М. Россия – Китай: документальное приложение. Дополнение к книге «Россия и Китай: 300 лет на грани войны». Документ № 13 // URL: <http://www.milresource.ru/Russia-China-Documents.html>

² Рыбаченок И.С. «Граница между Россией и Японией одна – океан». Секретная записка князя А.М. Волконского // Источник. Документы русской истории. 1995. № 5 (18). С. 4–16.

³ Лукоянов И. В. «Не остать от держав...». С. 349–350.

⁴ Куропаткин А. Н. Дневник № 13. 8 ноября 1900 г. – 10 декабря 1901 г. (Запись 25 декабря 1901 г.) // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5435. Л. 9.

генералом А.Н. Куропаткиным 26 декабря 1901 г.: «Государь утвердил мои распоряжения, сделанные непосредственно через пол. кн. Енгальчева о подписании Келлером нового соглашения о передаче Вальдерзее железной дороги Шанхай-Гуань-Ян-Цунь. Сделали это в обход Алексеева, который два слишком месяца оттягивает весьма важное для нас очищение Печелинской провинции. Вследствие задержки частей 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в Печили наш общий резерв в Приамурском округе очень слаб. Странный характер у Алексеева. Он смешивает упорство и притом неосмысленное с самостоятельностью и твердостью характера. Как неосмысленно, создавая себе невероятные страхи за опасность Порт-Артура, он задерживал там войска, назначенные из Владивостока в Печили, когда их надо было спешить отправить в Тянь-дзинь, так теперь всеми силами задерживает возвращение войск в Приамурский край. Задерживает два полка, две бригады в Печили. Пытается просить меня оба эти полка ввести в Южную Маньчжурию. Задерживает 15-й стрелковый полк, вместо которого уже давно прибыл в Мукден 4-й стрелковый полк. Если еще прибавить совершенно нелепые по слабости их работ по укреплению позиции у Чинь-чжоу (у перешейка), то можно сделать вывод, что по командованию войсками адмирал Алексеев путал много. По административной части, напротив, его действия весьма талантливы и энергичны. Как адмирал – не знаю»¹.

В то же время генерал А.Н. Куропаткин положительно отзывался об оперативных действиях генералов Н.П. Линевича, Н.И. Гродекова, Д.И. Суботича и других, а также генерала П.И. Мищенко и полковника С.А. Добронравова, которые руководили экспедиционными отрядами русских войск в Южной Маньчжурии.

Военная фаза операции летом и осенью 1900 г. для Российской империи прошла успешно, и поставленные задачи были выполнены, что видно из донесения командующего войсками Квантунской области вице-адмирала Е.И. Алексеева военному министру из Дагу 23 июня 1900 г. о положении в Тяньцзине, однако в нем уже затрагивались вопросы увеличения войск и о дальнейших планах в связи с оккупацией, поднимавшиеся также Н.И. Гродековым, на что военный министр не мог не реагировать: «Вынужден просить иностранных начальников о присылке подкреплений, сообразно с требованиями полной обеспеченности сообщений и безопасности Дагу. В общем, прихожу к

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5435. Л. 9–10. (Запись 26 декабря 1901 г.).

заклучению, что 8000 отряд, указанный ВЫСОЧАЙШИМ (так в оригинале. – О.Б.) повелением, не соответствует более ходу событий; но, предвидя неизбежность оккупации, дальнейший перевод сюда войск из Артура считаю невозможным, ибо интересы наши требуют действий с обеспеченным успехом в большей мере на театре Маньчжурском, чем на Пекинском. Международные обязательства по отношению Пекина и Тяньцзиня Россия исполнила в большей степени, чем какая-либо из держав, и доселе вся тяжесть кампании лежала почти исключительно на наших войсках и эскадре, мужеством и стойкостью коих достигнуты все бывшие до сих пор успехи»¹.

А.Н. Куропаткин писал: «Волнения 1900 г. совершенно ясно доказали, что при условии прохождения Сибирской магистрали на протяжении 1200 верст по китайской территории нельзя рассчитывать на поддержание и в будущем прочной связи с Россией. Дабы прочно обеспечить наше положение на Дальнем Востоке, необходимо было быстро строить железную дорогу по нашим владениям на правом берегу Амура и в то же время поставить Северную Маньчжурию в такое положение, чтобы эта провинция не ослабила бы при помощи нами же построенной дороги нашего положения на Дальнем Востоке»².

Последовавшая фаза военного и политического урегулирования заняла более полутора лет. После завершения военной стадии конфликта, оккупации русскими войсками Маньчжурии и установления полного контроля над КВЖД, осенью 1900 г. необходимо было скорейшее разоружение китайской армии и уничтожение оставшихся групп восставших для установления порядка на оккупированной территории с последующей ее передачей в управление местным китайским властям. Согласно донесению Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова военному министру об обстановке в Маньчжурии из Хабаровска 21 июня 1900 г., адмирал Е.И. Алексеев 17 июня из Дагу сообщал, что «ознакомившись на месте с положением дела, считаю его чрезвычайно серьезным; полагаю, что на пути к цели нашей, умиротворению Китая, мы встретим огромные препятствия и к той же обстановке должны готовиться и в соседней нам Маньчжурии». Со своей стороны Н.И. Гродеков считал необходимым «поставить в известность об означенных в Маньчжурии признаках явно враждебного нам брожения»³.

¹ Попов И.М. Россия – Китай: документальное приложение... (Документ № 20).

² Там же. С. 143–144.

³ Попов И. М. Россия – Китай: документальное приложение... (Документ № 19).

Военный министр поддерживал требования генерала Н.И. Гродекова об усилении Приамурского военного округа, что в то время не нашло поддержки министра иностранных дел, который писал: «Не считая себя компетентным высказать заключение о том, в какой степени с чисто военной точки зрения представляется необходимым усиление находящихся в ведении приамурского генерал-губернатора войсковых частей, я не могу не обратить внимания вашего на политическую сторону данного вопроса, имеющую при настоящем общем положении дел на Крайнем Востоке весьма существенную важность. Мне кажется прежде всего, что удовлетворение ходатайства генерала Гродекова о командировании новых отрядов войск в Маньчжурию находилось бы в полном противоречии с неоднократно сделанными от высочайшего имени государя императора заявлениями о намерении России возможно скорее приступить к постепенной эвакуации названной области: таковое обстоятельство не только подорвало бы доверие к императорскому правительству, но и повело бы к самым опасным политическим осложнениям, ибо, несомненно, возбудило бы подозрение в намерении России под тем или иным предлогом окончательно завладеть Маньчжурией»¹.

Тем не менее, к лету 1901 г. В.Н. Ламздорф постепенно стал искать другие пути решения Маньчжурского вопроса, что видно из секретных писем № 723 и № 724 министра иностранных дел министрам военному и финансов от 19 июля 1901 г.: «Нет сомнения, что с формальной стороны, поскольку вопрос касается взаимных отношений России к другим державам, присоединение к ее владениям Маньчжурии представляется возможным, несмотря на заявления, сделанные в обнародованных правительственных сообщениях. В самом деле, во всех официальных документах императорское правительство неоднократно доводило до сведения иностранных государств, что Россия отнюдь не имеет в виду каких-либо территориальных приобретений за счет Китая (что она <...> не преминет вывести войска свои из пределов соседней империи), но при условии однако, если этому не послужит препятствием образ действий других держав и самого Китая. На основании последней, весьма существенной оговорки, в самом ближайшем времени не трудно будет отметить как в образе действий держав, так и в поведении Китая достаточно поводов для того, чтобы иметь право отказаться от наших первоначальных намерений и объявить о присоединении какой-либо части китайской территории. Хотя таковое

¹ Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) / Подгот. М. Н. Гершевич // Красный архив. № 2 (63). 1934. С. 28–29.

решение, несомненно, произвело бы неблагоприятное впечатление на мировое общественное мнение, которое все же усмотрело бы в оном лишь предлог к неисполнению императорским правительством данных обещаний, тем не менее есть некоторые данные предполагать, что собственно из западных великих держав ни одна не решится вступить за Китай и что, стало быть, со стороны Европы едва ли последует отпор завоевательным планам России»¹.

Таким образом, можно заключить, что военный министр, несмотря на то, что в принципе был «убежденным сторонником того, что ни с военно-стратегической, ни с экономической точек зрения, Маньчжурия России не была нужна», о чем он заявлял с 1900 г., учитывая политическую обстановку и уже существующие экономические предприятия Российской империи, а также интересы, преследуемые другими государствами, выступал (после нападения на г. Благовещенск и боксерского восстания) за решительные меры. Он считал, что Россия имела право на них, в том числе и на возмещение ущерба, а контроль над Северной Маньчжурией в определенных им границах вдоль КВЖД являлся необходимостью и гарантом обеспечения стабильности и безопасности экономических и стратегических интересов России в регионе. Так, на случай «очищения» Маньчжурии от русских войск, А.Н. Куропаткиным был добавлен к перечню, предложенным В.Н. Ламздорфом, пункт 6, который он считал весьма важным, и который, по его мнению, следовало отстаивать: «Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется не препятствовать соответствующей свободе действий ее в означенных областях»².

В противном случае, по мнению военного министра, понесенные Россией жертвы были не оправданы, и скорого конфликта в будущем было не избежать: «При нашей решимости очистить Маньчжурию от наших войск, полагаю, что Японии будет трудно найти повод для войны с нами, и, главное, таковая война, создавая Японии большие опасности, не принесет особо полезного результата. Уверен, что, даже удерживая в известной от нас зависимости Северную Маньчжурию до границ, указанных мной ранее, мы имеем полное основание надеяться избежать разрыва с Японией. Поэтому наше новое соглашение

¹ Накануне русско-японской войны... С. 34–35.

² Копия секретного письма военного министра А. Н. Куропаткина министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу от 27 ноября 1901 г. // Накануне русско-японской войны... С. 49.

с Японией не должно быть куплено слишком дорогой ценой. Полный отказ от Кореи и уступка ее Японии и составит слишком дорогую цену. Для меня несомненно, что если японские войска войдут в Корею, то это ускорит разрыв России с Японией»¹.

Об этом генерал не раз заявлял и писал, подчеркивая, что в тот момент такое решение было бы воспринято европейскими государствами как должное и что его все ожидали от России, учитывая, что под Благовещенском фактически против нее велись военные действия. Это подтверждалось и получаемыми официальными депешами: «На юге англичане имеют более определенные цели. Они интересуются до некоторой степени участью своей миссии в Пекине, но главные задачи, ими преследуемые, сосредоточены в долине Янцзы. На нее здесь, по-видимому, смотрят, как на местность, где Англия будет искать компенсаций, в ответ на меры, которые Россия сочтет необходимым принять для обеспечения своей железной дороги в Маньчжурии. Желая создать себе особые права в этой долине, англичане предъявляют в ней притязания на роль не только руководящую, но и исключаящую участие всех других держав. Но и здесь они не близки к намеченной цели: Германия с чрезвычайной подозрительностью следит за их действиями, и легко может случиться, что их замыслы поведут лишь к полному соглашению по делам Дальнего Востока между Россией, Германиею и Франциею, подобно тому, как было в 1895 году»².

Иностранные государства преследовали аналогичные интересы в других регионах мира, и позиция России в Маньчжурии не была уникальна для того времени. Так, на основании Берлинского трактата 1878 г. и Австро-Турецкой конвенции от 21 апреля 1879 г. Босния и Герцеговина, «оставаясь частями Оттоманской империи, передавались в управление Австро-Венгрии. Отправление правосудия в провинциях производилось в окружных судах на основании изданных австро-венгерским правительством кодексов <...> По июньской конвенции 1878 г. верховная власть над островом Кипр принадлежала турецкому султану, но де-факто ее осуществляли англичане. В 1879 г. английское правительство учредило на Кипре верховный английский суд. Английской юрисдикции подлежали все жители острова»³.

¹ Там же.

² Деша поверенного в делах в Лондоне [П.М. Лессара]. Лондон. 2 (15) августа 1900 г. № 58 // Боксерское восстание... С. 25–27.

³ «Поддержание приятных отношений с Китаем должно быть целью нашей политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева председателю Совещания об управлении Квантунской

В официальном «Обзоре В.П. Череванского и О.Б. Рихтера» давалась следующая характеристика позиции военного министерства: «... занятие и отдельной части Маньчжурии по праву сильного не могло ласкать наши руководящие сферы, так как наплыв желтой расы в Приамурский край парализовал бы в нем русифицирующее влияние и представил бы русскому труженнику непреоборимую конкуренцию. Если Америка охраняет себя от этой конкуренции, то отдаленной окраине России и подавно надлежало сторониться от внедрения в нее упорного и дешево оплачиваемого соперничества. Обсудив все приведенные условия, наше военное ведомство высказалось, как это видно из письма Военного Министра Графу Ламздорфу 30 июля 1901 г., за полезность дальнейшей оккупации одной лишь северной части Маньчжурии и южной части Гиринской провинции. При эвакуации этих местностей предстояло ограничить охрану южной железнодорожной ветви, от Харбина до Порт-Артура, одной лишь пограничной стражей, усиленную необходимым резервом. На случай принятия этой программы, Военное Министерство проектировало и план эвакуации, причем на передачу Китайскому правительству железных дорог Шанхай-Гуань-Син-Мынь-Тин с ветвью на Инкоу было испрошено 5 июля 1901 г. Высочайшее соизволение. В 1902 г. военное ведомство предполагало возможным вывести наши войска из Мукденской провинции, а в 1903 г. освободить от наших войск и южную часть Гиринской провинции. Ближе ознакомленное с ходом политических событий наше ведомство иностранных дел, в составленном им „проекте соглашения с Китаем относительно Маньчжурии“, предполагало возможным дать обязательство очистить всю Маньчжурию от всех наших войск в 1903 г. Намерение это, однако, встретило категорическое возражение военного министра, который в письме к графу Ламздорфу 12 августа 1901 г. предъявил суждения, подкреплявшие ранее сего высказанные им положения. В течение всех дальнейших переговоров Россия считала себя обязанною договариваться по отношению к Маньчжурии только с прямою собственницею последней, т. е. с Китайской Империей»¹.

В результате Россия начала сепаратные, так и не принесшие в дальнейшем результатов переговоры с Китаем, которые были построены на подкупе китайских чиновников, в частности, наместника провинции

областью Д. М. Сольскому 1898 г. / публ. подг. М.Х. Яргаев // Исторический архив. № 4. 2006. С. 125.

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.

Чжили Ли Хунчжана, который скончался 7 ноября 1901 г., что окончательно изменило настроения в китайском правительстве¹.

Для А.Н. Куропаткина как военного министра была очевидна угроза Дальнему Востоку и даже вероятность «потерять всю Сибирь до Байкала»². Признавая принципиальную неготовность России к войне, о чем он неоднократно заявлял, генерал постоянно подчеркивал важность дипломатического посредничества для мирного урегулирования отношений с Японией и Китаем и принимал в этом активное участие. В большинстве случаев, выступая официально в согласии с министрами иностранных дел и финансов³, генерал придерживался своих тщательно обоснованных взглядов и твердо проводимой им линии военного министерства, корректируя их с учетом «фазиса» развития событий, а именно – воли государя императора, военно-стратегических и экономических интересов России, дипломатических инициатив и договоров, а также международного положения.

Не последнее место при принятии военным министром решений играли такие политические факторы, как продолжающиеся беспорядки и нестабильность в Китае, конфликт интересов ведущих стран, сближение Японии с Китаем и насторожившее правительство и Николая II соглашение Германии с Англией о сферах влияния на Дальнем Востоке, подписанное в Лондоне 16 октября 1900 г. Япония, не найдя в лице России союзника в своих действиях по отношению к Корее, подписала в январе 1902 г. англо-японский договор. 26 марта 1902 г. между Россией и Китаем было заключено соглашение, определившее порядок вывода в три этапа русских войск, находившихся там для подавления боксерского восстания и защиты железнодорожных магистралей. Это было сделано в обход военного министра и показывало углубившиеся разногласия между МИД и военным ведомством; не последнюю роль здесь сыграл министр финансов С.Ю. Витте.

В начале 1902 г. в северной Маньчжурии были проведены две последние крупномасштабные военные операции. Сроком окончания военных действий в Маньчжурии было приказано считать 26 марта 1902 г. Но и после этого дня «некоторые русские войска и военные учреждения оставались в Маньчжурии и продолжали эвакуацию на

¹ Романов Б. А. Очерки... С. 134–135.

² Японские дневники А. Н. Куропаткина / публ. И. В. Карпеев, Е. Ю. Сергеев // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 423; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1–42.

³ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 187 (Совещание 8 апреля).

родину. Постепенно функция обеспечения русского военного контроля в этом регионе Китая полностью переходила в ведение корпуса Охранной стражи КВЖД»¹, находившейся в ведении Министерства финансов.

Таково было положение дел вплоть до момента, когда формально точкой в «маньчжурской эпопее» русских войск стало подписание 29 марта 1902 г. в Пекине русско-китайского соглашения о выводе русских войск из Маньчжурии. От России документ подписал действительный статский советник П.М. Лессар. Китайское правительство было предупреждено, что Россия не преследует враждебных целей в отношении Китая и что его независимость и неприкосновенность положены в основу русской политики на Крайнем Востоке². Это решение было принято по инициативе В.Н. Ламздорфа, за которым стоял С.Ю. Витте. Свою роль также сыграли, хотя и противоположного характера, донесения, требующие усиления военного присутствия на Дальнем Востоке Н.И. Гродекова и Е.И. Алексеева и др. из Китая.

Факт, но соглашение было подписано без предварительной консультации с военным министром, на что А.Н. Куропаткин впоследствии неоднократно указывал, подчеркивая его нецелесообразность и ошибочность. На пути в Японию 28 мая 1903 г. им была сделана следующую запись: «знаменательные правительственные сообщения о том, что мы не ведем войны с Китаем, и о том, что мы очистим Маньчжурию, составлялись и были обнародованы без всякого участия военного министерства. Никогда еще не было, чтобы в прежнее время в деле, в котором была привлечена вооруженная сила государства, где участие этой силы решило участь Маньчжурии и Пекина, государи русские не справлялись с мнением лица, которому было вверено ими же управление вооруженными силами государства <...> Конечно, военный министр, ранее обнародования правительственного сообщения, подал бы голос за то, чтобы военные действия, в которых мы потеряли 2000 человек, считались войною. Конечно, военный министр настаивал бы, чтобы хотя северная часть Маньчжурии осталась за Россию. Я делал эти заявления много раз и словесно и письменно, но уже после того, как государево слово было произнесено».

О роли этого соглашения и его последствиях, в частности, вмешательства иностранных держав, А.Н. Куропаткин писал: «В каждом совещании это уже данное обещание висело над нами, давило нас и заставляло хлопотать о мелочах, ибо главное – очищение Маньчжурии

¹ Попов И. М. Россия и Китай... С. 345.

² Там же. С. 354.

– признавалось делом решенным. Тем не менее невозможность для России отдать после всех принесенных жертв северную Маньчжурию, забыть, что китайцы напали на Благовещенск, переносить неудовольствие, а потом вмешательство разных держав в дело (Маньчжурское), которое должно было быть нашим внутренним делом, становилась все яснее не только для государя, но и для Ламздорфа и Витте»¹.

В связи с решением Маньчжурского вопроса критика в адрес генерала А.Н. Куропаткина часто оказывалась, при более близком рассмотрении, предвзятой или недостаточно обоснованной. Следует отметить, что в отличие от главного начальника Квантунской области вице-адмирала Е.И. Алексеева или А.М. Безобразова, ставшего 7 мая 1903 г. статским советником и возглавившего «новый курс», и его сторонников, военный министр, основываясь на расчетах и анализе ситуации, отразившихся в его записках² и докладах, не выступал за присоединение всей Маньчжурии или южной ее части, считая это невыгодным и опасным для России. Исходя из своих выводов, изложенных им Николаю II в докладе от 14 марта 1900 г.³, о том, что России невыгодно вступать в военные действия в целях изменения существующих границ, военный министр был убежденным противником присоединения Маньчжурии. Тем не менее, после боксерского восстания и разгрома КВЖД его взгляды претерпели некоторые изменения.

В 1900 г. позиция А.Н. Куропаткина прослеживалась в его ответе В.Н. Ламздорфу в связи с секретной телеграммой посланника в Пекине действительного статского советника М. Гирса от 28 ноября 1900 г., в которой сообщалось о стремлении князя Цина и Ли Хунчжана (прибегших в то время уже к советам других держав) возможно скорее добиться от России возвращения Китаю Маньчжурии. В.Н. Ламздорф, летом 1900 г. назначенный управляющим Министерством и при поддержке С.Ю. Витте с января 1901 г. ставший министром иностранных дел, обратился к А.Н. Куропаткину с просьбой дать заключение по ней. Из телеграммы видно, что посланник в Пекине полагал возможным заключить соглашение между миссией в Пекине и китайскими уполномоченными с целью выговорить исключительное право получить концессию на обработку рудных богатств и постройку железных дорог

¹ Куропаткин А.Н. Японские дневники... С. 409.

² Куропаткин А.Н. Записка по Маньчжурскому вопросу и о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. Приложения и карты. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–29 об.

³ Всеподданнейший доклад военного министра Куропаткина А.Н. Николаю II. 14 марта 1900 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445.

в Маньчжурии; что тогда же надлежало заявить те права, которые Россия желала сохранить за собою в Маньчжурии, а также что предполагаемая поездка князя Э.Э. Ухтомского в Маньчжурию должна была успокоить китайцев.

Как видно из ответа А.Н. Куропаткина от 29 июня 1900 г., военный министр считал, что по первому пункту с точки зрения права следовало руководствоваться «Основаниями русского правительственного надзора в Маньчжурии», разработанными по соглашению трех министров, хотя основным автором был А. Н. Куропаткин¹, и являвшимися базой предстоящих переговоров России с Китаем относительно Маньчжурии, и действовать соответственно с ними.

С военной точки зрения А.Н. Куропаткин считал важным для России не торопиться с выводом русских войск из Маньчжурии, признавая, что главными задачами России в Маньчжурии на тот момент были: «1) окончание постройки строящихся нами в Маньчжурии железных дорог и 2) установление такой охраны сих дорог, по окончании их постройки, которая вполне обеспечивала бы связь России, через Маньчжурию: в одну сторону до Владивостока и в другую – до Порт-Артура». А.Н. Куропаткин счел себя обязанным высказать свое убеждение, что охранная стража даже при ее усилении не могла справиться с этими задачами без поддержки ее русскими войсками, расположенными в Маньчжурии. Он указал, что еще в октябре в пределах Китая находилось свыше 60 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия, а к ноябрю в Маньчжурии было расположено 28 батальонов и в Печилийской провинции 6 батальонов; что составляло уже 34 батальона (кроме соответствующих частей войск других родов оружия). Принимая в расчет произведенную демобилизацию войск, русские силы в пределах Китая в октябре и ноябре были уменьшены более, чем вдвое. Военный министр отмечал, что к лету 1901 г. было бы желательно произвести новое значительное сокращение этих сил, однако до окончания постройки железной дороги он сомневался, что будет возможно обойтись в Маньчжурии меньше, чем 20 батальонами с соответствующими частями других родов оружия.

По окончании постройки железной дороги и при сохранении спокойствия во всех трех провинциях, военный министр полагал возможным ограничиться расположением в двух северных провинциях, в городах Харбине, Гирине и Цицикаре, 8-ми батальонов и в Мукденской

¹ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. М., 2009. С. 301.

провинции, в Мукдене, – 4-х батальонов, предоставив непосредственную охрану линии железной дороги войскам охранной стражи.

А.Н. Куропаткин считал, что даже при наиболее благоприятных для России условиях ее военные интересы не будут обеспечены, если Россия не сохранит за собою «права удержать в Маньчжурии на неопределенное время в поддержку к охранной страже силу в 8 батальонов с соответствующим числом частей других родов оружия», что составило бы только одну шестую часть тех сил, которые были введены Россией в пределы Китая. В случае необходимости вывода всех российских войск из Маньчжурии, военный министр не мог не высказать мнения, что «жертвы, принесенные ныне Россией в Маньчжурии, являются непроизводительными, ибо, в случае новых осложнений на Дальнем Востоке, связь России с Владивостоком и Порт-Артуром останется не обеспеченною». Приведя эти веские соображения, он подчеркивал, что в предстоящих переговорах с Китаем, будучи «убежденным сторонником неприсоединения к России Маньчжурии», он придает «вопросу о сохранении за нами права иметь войска в Маньчжурии первенствующее значение перед всеми прочими интересами политического и экономического значения»¹.

Таким образом, в качестве завершения, важно отметить, что «военно-феодалных» или захватнических высказываний в ответе генерала В.Н. Ламздорфу не прослеживалось, а в основе позиции А.Н. Куропаткина лежали принципы государственной безопасности, целесообразности и эффективности. Генерал был сторонником проведения железной дороги по русской территории до г. Владивосток. Во время решения этого вопроса он занимал должность начальника Закаспийской области и не мог на него повлиять. Когда северная магистраль была проведена, он как военный министр признавал необходимость обеспечения надежной связи по всей линии, размещения на ней достаточной военной силы при осуществлении российского правительственного надзора в северной Маньчжурии². Вопрос, по всей видимости, стоял бы иначе, если бы охранная стража КВЖД не находилась в ведении Министерства финансов, а адмирал Е.И. Алексеев проявил бы больше гибкости в ведении дипломатических переговоров о *modus vivendi* в период оккупации.

1900 год показал, как население Китая относилось к российским

¹ Письмо военного министра упр. мин. ин. дел. В.Н. Ламздорфу. 3 декабря 1900 г. № 1123 // Боксерское восстание...

² Куропаткин А.Н. Пролог... С. 6.

предприятиям в Маньчжурии. Только благодаря своевременному занятию Пекина удалось быстро погасить восстание, уже перекидывавшееся в Маньчжурию, что подтверждало правильность позиции военного ведомства. В последствии генерал считал, что урок прошел даром, так как после «маньчжурских авантюр» появились еще более опасные «корейские авантюры», которые задевали интересы Японии в Корее.

В 1901 г. на запрос В.Н. Ламздорфа, какие задачи Россия должна преследовать в Маньчжурии, А.Н. Куропаткин ответил письмом, в котором он подробно разбирал значение для России южной Маньчжурии и писал, «что не надо захватывать в той или другой форме южную Маньчжурию, ибо это приведет нас к войне с Китаем и Японией». В отношении «пустынной и прилегающей к России» северной части Маньчжурии, он считал, что после проведения магистрали она должна войти в «сферу особого влияния России и быть ею особо охраняема, дабы жертвы, принесенные Россией на Дальнем Востоке, не оказались ей во вред». Он также указал, что Порт-Артур не усиливал, а ослаблял положение России¹.

А.Н. Куропаткин полагал, что все «уступки» России, обвинения в которых в дальнейшем сыпались со стороны группы А.М. Безобразова, «были роковым образом связаны с первым несоответственным интересам России шагом: с правительственным сообщением о том, что мы ничего не хотим взять у Китая, что мы с ним не воевали и что мы Маньчжурию возвратим. Все остальные наши уступки вращались около этого коренного ошибочного шага. Никто этого шага от нас не требовал. Напротив, все были глубоко убеждены, что мы, выставив 200 тыс. войск, пролив кровь 2000 человек, истратив массу миллионов, возьмем себе всю или часть Маньчжурии. Китай на нас напал, и вместо сантиментов с ним, вместо закрывания глаз на то, что в сущности мы вели борьбу не с боксерами, а с правительством, мы к удивлению всего мира делали вид, что помогаем правительству Китая в борьбе с восстанием. Дальнейшее развитие этой комедии выразилось в договоре 26 марта 1902 года. Наши попытки получить что-то задним числом не удалось. Дипломаты тотчас отступили перед японцами»².

Договор 26 марта 1902 г. обозначил этапы вывода войск; первым русские войска должны были оставить регион от Шанхай-Гуаня до реки Ляо (несмотря на противодействие Е.И. Алексеева³), что было сделано

¹ Там же.

² Куропаткин А.Н. Японские дневники... С. 396 (27 мая 1903 г.).

³ Куропаткин А.Н. Пролог... С. 6.

к 26 сентября 1902 г. Сроком завершения второго этапа – вывода войск из Мукденской и Гиринской провинций – было объявлено 26 марта 1903 г. Третий этап – вывод войск из Цицикарской провинции – должен был закончиться 26 сентября 1903 г. Первый этап был проведен в установленные сроки. Дальнейшее выполнение своих обязательств Россия обусловила получением дополнительных гарантий со стороны Китая, что вызывало его протест¹.

По подписании данного договора все имевшиеся расхождения во мнениях между министрами по этому вопросу отступили на второй план. Военный министр незамедлительно приступил к его выполнению. К мнению А.Н. Куропаткина не прислушались, и в определенном смысле это облегчало положение военного министра и означало, что он мог сконцентрировать свое внимание на западных границах. По мнению генерала, положение дел в 1902 г. было еще благоприятным, и Россия, начав выполнять свои обещания по «очищению» Маньчжурии, могла рассчитывать на спокойную обстановку на Дальнем Востоке. Однако в конце 1902 г., как он считал, появились тревожные признаки возможного разрыва с Японией. В 1903 г. после проведения запланированных маневров, вскрывших недостатки в организации и командовании, которые в дальнейшем скажутся на итогах русско-японской кампании, и после того, как военный министр поднял вопрос о доверии в связи с «новым курсом» в дальневосточной политике и формой и методами образования наместничества на Дальнем Востоке, в ожидании окончательного решения императора и своего вынужденного предстоящего двухмесячного отпуска, 24 августа 1903 г. он записал в своем дневнике: «Буду все же бороться, пока хватит сил, дабы увлечения по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий»², что им и было исполнено, несмотря ни на какие трудности.

Военно-стратегические задачи являлись первостепенными для военного министра, однако, имея большой дипломатический опыт, он не мог не оставить без внимания и смену японского правительства во главе с Кацура Таро в мае 1901 г.

Представляется, что политика «экономической экспансии», включая строительство укрепленного района Порт-Артур и коммерческого порта Дальний, а также КВЖД и ЮМЖД на территории

¹ Российское военное министерство в конце XIX – начале XX в. // Двухсотлетие Военного министерства, 1802–2002 гг.: Очерки истории Военного министерства / РИЦ ГШ ВС РФ. М., 2003.

² Дневник генерала... С. 167–168.

северо-восточного Китая требовала поддержки и охраны со стороны военного ведомства, что было очевидно не только государственным деятелям Российской империи, но и за рубежом. Однако для такой поддержки и в таких пространственных масштабах у военного министерства не было ни средств, ни времени. Оставался дипломатический путь решения спорных вопросов, но царское правительство допустило очевидные просчеты, которые привели в вооруженному конфликту. Р.Ш. Ганелин, А.В. Ремнев¹ и другие исследователи выделяли в этом роль системы государственного управления империи. И.В. Лукоянов (СПб., 2008. С. 399, 412, 526) также говорил о «соперничестве сановников» и «системном кризисе всей дальневосточной политики» Российской империи после провала сепаратных переговоров с Китаем и подписания русско-китайского соглашения 26 марта 1902 г., подчеркивая, что «механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое. После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться».

Хотя «соперничество сановников, к которому также подключились безответственные личности» (группа А. М. Безобразова) и имело место, на наш взгляд, это было вторично, так же как и создание института наместничества на Дальнем Востоке, а краеугольным камнем трагедии на Дальнем Востоке явилась авантюрная, расточительная и не имевшая всестороннего финансового и технико-экономического обоснования политика министра финансов С.Ю. Витте², который, по всей видимости, не осознавал (или не желал признать), в какой степени экономические предприятия подобного рода и размаха требовали включения в дело всего военного аппарата государства в целях их защиты. Отстаивая всеми средствами созданные им «империи» на Дальнем Востоке и, в меньших масштабах, но угрожавшую интересам, в первую очередь, Великобритании, в Персии и, подчиняя себе многие государственные структуры, он, «лавируя», проводил свою политику и оказывал сильное

¹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. СПб., 1991; Он же. Совет министров Российской империи и революционный процесс // Тезисы докладов международной научной конференции 30–31 мая 2013 г. СПб., 2013. С. 14–15; Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века).

² Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. М., 2006. № 12; 2007. № 1–11; Он же. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948.

влияние на МИД и на ход дипломатических переговоров, а также на военное ведомство.

В свете вышесказанного взгляды и позиция военного министра А.Н. Куропаткина представляются вполне обоснованными и представляют несомненный интерес для исследователя, а также придают новые штрихи к вопросу о боксерском восстании в Китае.

8. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905)

На протяжении XX века «невнимание» историков к личности и деятельности А.Н. Куропаткина, в сочетании с идеологизированным подходом к изучению его военной и государственной деятельности, не позволило увидеть реальный образ А.Н. Куропаткина и всесторонне исследовать занимаемую им позицию, как военного министра, а затем командующего Маньчжурской армией, а также некоторые факты, обстоятельства и условия начала и ведения войны, хотя известно, что при жизни генерала, на его стороне были многие как русские, так и иностранные военные и общественные деятели, которые видели в его поступках пример верности присяге и служения отечеству и свойственной русскому человеку жертвенности, и многие из которых оставались с ним в дружественных отношениях до конца его дней.

Поскольку деятельность военного министра А.Н. Куропаткина (1898-1904) накануне русско-японской войны и его позиция в связи с той кампанией все еще недостаточно исследованы, необходимо уточнить и проследить эволюцию его взглядов, как военного министра, на положение дел в подчиненном ему ведомстве накануне русско-японской войны (1904-1905), и, в частности, на решение «Маньчжурского вопроса», вставшего весьма остро после японо-китайской войны (1884-1885) в связи с арендой Российской империей Квантунского полуострова с Порт-Артуром, строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), часть которой проходила по территории северной Маньчжурии, и боксерского восстания в Китае (1900-1902),

что было рассмотрено автором более подробно в ряде других работ¹.

А.Н. Куропаткин был утвержден в должности военного министра 1 июля 1898 г., когда важные государственные решения, определившие ход событий на Дальнем Востоке и приведшие к боксерскому восстанию, а затем к русско-японской войне, были уже приняты царским правительством. Явившись наследником идей и дел Д.А. Милютина, К.П. Кауфмана, П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева, он столкнулся с рядом проблем в военном ведомстве, явившихся в большой степени результатом недостаточного финансирования в предыдущие десятилетия.

По вступлении в должность сложные внешние и внутренние обстоятельства «обязывали» А.Н. Куропаткина сделать военно-исторический обзор и провести сравнительный и статистический анализ деятельности русской армии за прошедшие 200 лет², а также военно-стратегический обзор государственных границ и оценить силы Российской империи и ее противников на возможных театрах военных действий. Опираясь на полученные данные, он сделал прогнозы в военном и экономическом отношении и выдвинул предложения по дальнейшему усилению русской армии и ее боевой готовности в краткосрочной и долгосрочной перспективах, которые изложил во всеподданнейшем докладе 14 марта 1900 г.³ А.Н. Куропаткин рассматривал военное положение России исходя из ресурсов страны, государственных границ, состава вооруженных сил, исторических и военных задач времени, включая экономические и политические цели, и выделял две главенствующие задачи: 1) охрана целостности границ и 2) поддержание силой оружия внутреннего спокойствия на окраинах России. Относительно границ он пришел к выводу о том, что России было невыгодно вступать в вооруженную борьбу с целью изменения существовавших границ.

¹ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903–1905 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; Она же. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны // Труды Пятой международной научно-практической конференции «Война и оружие». 14–16 мая 2014 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. – Ч. I. – С. 141–153; Она же. Взгляды военного министра А.Н. Куропаткин на корейский и маньчжурский вопросы в 1903 г. // Реформы и реформаторы как предмет исследования социальных и гуманитарных дисциплин: матер. междунар. науч. конф. 22 апреля 2016 г. / Под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева и др. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. С. 29–32; и др.

² См.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Ч. 1., Ч.2.

Им был отмечен качественный и численный рост армии, а также изменение в качестве комплектования войск (воинская повинность вместо рекрутских наборов). С Восточной войны, в 1855 г., впервые резко выразилась разница между мирным и военным составами войск, что стало обычным явлением со времени введения всеобщей повинности. При относительно слабом росте мирного состава военный состав армии особенно возрос за время царствования императора Александра III. Объяснялось это накоплением прошедшего службу в армии обученного запаса, «соответствующим приспособлением войсковых штатов мирного времени» и, особенно, «мероприятиями минувшего царствования по развертыванию второлинейных войск»¹, что в дальнейшем отразилось и на ходе русско-японской войны.

В обязанности военного ведомства входила разработка всех соображений на случай войны с европейскими или азиатскими соседями независимо от отношений, в которых Россия с ними находилась. На случай разрыва с Японией Главный штаб начал работать над планами еще с японо-китайской войны (1894-1895).

При большом количестве неудовлетворенных требований на западной границе представители военного ведомства, в отличие от министерства финансов, были убежденными противниками активной политики на Дальнем Востоке, а также в Афганистане и Персии. Тем более, что по окончании русско-турецкой войны (1877–1878) ассигнования на армию стали постепенно сокращаться, а с 90-х годов XIX в. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте началось резкое сокращение всех военных расходов, при этом миллиарды рублей уходили на экономическую политику «мирной экспансии», не оправдавшую себя уже к 1902 году. Огромные средства шли также на программу развития морского флота. Помимо этого министр финансов образовал в своем министерстве отделы других министерств: путей сообщения, военного, морского, народного просвещения, внутренних дел, земледелия, иностранных дел, оказавшись тем самым не только «собирателем денежных средств, но и главным их распорядителем, отстаивающим при составлении бюджета принцип свободной наличности». Система была проста: урезывать предъявленные всеми ведомствами денежные требования и в то же время ожидаемые поступления. В результате, когда настоятельные нужды по обороне государства оставались неудовлетворенными, превышение доходов над расходами, составляло в

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Ч. 1. Л. 12–15 об.

некоторые годы свыше 200 млн руб. Очевидно, что при иной постановке дела, военное министерство могло получить необходимую дополнительную сумму и значительно поднять боеготовность на Западе и на Дальнем Востоке. Генерал А.Н. Куропаткин выделял главной причиной несоответствующей боевой готовности войск недостаточность финансовых средств, выделяемых из казны: «Эта недостаточность отпусков происходила: а) от огромного увеличения отпусков на военный флот, б) от производства огромных отпусков на предприятия по Дальнему Востоку, которыми ведал министр финансов; в) от неправильной системы исчисления ожидаемых доходов»¹.

Помимо этих проблем, стоящих перед военным ведомством, летом 1900 г. в Китае началось боксерское восстание, приведшее к значительному разрушению КВЖД и потребовавшее мобилизации 220-тысячной армии и ведения военных действий. Несмотря на неоднозначность оценок событий 1900–1902 гг., связанных с этим восстанием, по своему масштабу и значимости они, по оценке И.М. Попова, стали «наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений, а после борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII в. их можно было квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств»². Эти события тяжелым бременем легли на военное ведомство и на его главу, как в военном, так и в политическом отношении³.

Процесс военного и политического урегулирования в Маньчжурии в 1900 году при вмешательстве великих держав, имевших свои интересы в регионе, в итоге привел к эскалации напряженности в отношениях между Россией, Китаем, Японией, Кореей и великими державами и по оценке ряда исследователей уже тогда мог привести к мировой войне, однако в тех условиях он вылился в так называемый «Маньчжурский вопрос», возникший изначально в связи с выводом русских войск после подавления восстания из Северного Китая, но получивший в сочетании с другими факторами и обстоятельствами неожиданное развитие.

Сразу после начала боксерского восстания А.Н. Куропаткин не разделял и считал ошибочной позицию, занятую министерством

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905. Итоги войны. СПб., 2002. Гл. 5. URL: <http://dugward.ru/library/xxvek/kuropatkin.html#vosm>

² Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 357.

³ Nish, Ian. The Origins of the Russo-Japanese war. London, New York: Longman. 1989. P. 110–112.

иностранных дел во главе с В.Н. Ламздорфом, в связи с задержкой ввода войск для защиты КВЖД, а после успешного окончания военных действий с необходимостью и целесообразностью ведения сепаратных переговоров с Китаем (в которых С.Ю. Витте играл ключевую роль). Он считал, что о компенсациях и экономических уступках следовало договариваться незамедлительно после подавления боксерского восстания в рамках «консорциума держав-победителей». Разгром восставшими КВЖД в дальнейшем сказался на готовности России к русско-японской войне, а именно: в приостановке по приказу Е.И. Алексеева на год крепостных работ в Порт-Артуре, скорости сосредоточения войск в регионе, а также значительных финансовых и материальных издержках. В дальнейшем расхождения между тремя министрами В.Н. Ламздорфом, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткиным по вопросу о выводе русских войск после подавления восстания усугубились, хотя официально они выступали единым фронтом.

В результате для военного ведомства основной задачей на Дальнем Востоке стало усиление боеспособности и увеличение численности войск в регионе. Важно отметить, что уже в 1899 г. был разработан план по военному ведомству в части увеличения численности русской армии на Дальнем Востоке и стратегического видения возможной будущей кампании, согласно которому в ближайшие годы было необходимо довести состав выставляемых на Дальнем Востоке войск из Приамурского и Сибирского округов и Квантуна до «48 стрелковых, 48 резервных батальонов, 57 эскадронов и сотен, 236 орудий, 3 3/4 саперных батальонов, сведенных в три корпуса»¹. В 1901 г., совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской области, были выработаны и утверждены «Общие основания для действий против Японии». Разработка и ревизия военных планов на суше велась по инициативе и под контролем А.Н. Куропаткина. Трудности и обстоятельства, с которыми столкнулись военное и морское ведомства, были рассмотрены не одним исследователем, в частности, современное видение хода разработки планов было дано Н. Папастратигакисом².

С учетом сложившихся условий и недостатка финансирования, а

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 126.

² Шаццлло К.Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 224–233; Папастратигакис, Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: междуна. ист. сб. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов (пер. с англ.). М., 2004. С. 111–138.

также в сравнении с несколькими батальонами, ранее находившихся в Сибири и Приамурском округе, собранные силы были значительными, что требовало «больших жертв и усилий» со стороны военного ведомства. Поскольку содержание многочисленной армии в отдаленном и малонаселенном регионе не представлялось возможным и являлось огромным бременем для государства, военное ведомство поставило цель разработать план создания в Сибири и Приамурье армии такой силы, которая в случае войны могла дать первый отпор противнику на начальном этапе и составить заслон, по аналогии с теми же условиями, что и «на западной границе, на Кавказе, на Афганской границе: местные войска образуют сильные заслоны, или войска боевой линии, под прикрытием которых и должно совершаться сосредоточение резервов». При этом подчеркивалось, что от быстроты подвоза резервов зависел во многом ход военных операций в начале кампании, и учитывалось, что на тот момент Транссибирская дорога была слаба, а КВЖД еще не закончена¹.

Признавая принципиальную неготовность России к войне, о чем генерал неоднократно заявлял, он подчеркивал важность дипломатического посредничества для мирного урегулирования отношений с Японией и Китаем, и принимал в этом активное участие. Военному министру была очевидна надвигавшаяся угроза Дальнему Востоку и даже вероятность «потерять» всю Сибирь до Байкала. Исходя из военно-стратегических соображений, генерал твердо проводил линию военного министерства, корректируя ее с учетом «фазиса» развития событий.

Летом 1900 г. военный министр считал, с точки зрения права следовало руководствоваться «Основаниями русского правительственного надзора в Маньчжурии», разработанными по соглашению трех министров, хотя основным автором был А.Н. Куропаткин², и являвшимися базой предстоящих переговоров России с Китаем относительно Маньчжурии, и действовать соответственно с ними.

Позиция А.Н. Куропаткина также прослеживалась в его ответе В.Н. Ламздорфу в связи с секретной телеграммой посланника в Пекине действительного статского советника М. Гирса от 28 ноября 1900 г.,

¹ См.: Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о целях и задачах военного министерства в конце XIX столетия // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 17–19 мая 2017 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. I. С. 220–232.

² Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. М., 2009. С. 301.

в которой сообщалось о стремлении князя Цина и Ли Хунчжана (прибегших в то время уже к советам других держав) возможно скорее добиться от России возвращения Китаю Маньчжурии.

В.Н. Ламздорф, летом 1900 г. назначенный управляющим Министерством и при поддержке С.Ю. Витте с января 1901 г. ставший министром иностранных дел, обратился к А.Н. Куропаткину с просьбой дать заключение по ней. Из телеграммы видно, что посланник в Пекине полагал возможным заключить соглашение между миссией в Пекине и китайскими уполномоченными с целью выговорить исключительное право получить концессию на обработку рудных богатств и постройку железных дорог в Маньчжурии; что тогда же надлежало заявить те права, которые Россия желала сохранить за собою в Маньчжурии, а также что предполагаемая поездка князя Э.Э. Ухтомского в Маньчжурию должна была успокоить китайцев.

Из ответа генерала от 3 декабря 1900 г. следует, что с военной точки зрения А.Н. Куропаткин придавал особое значение тому, чтобы Россия не торопилась с выводом русских войск из северной части Маньчжурии вдоль линии отчуждения КВЖД, считая, что главными задачами России в Маньчжурии на тот момент были окончание там постройки железных дорог и обеспечение, по окончании работ, такой охраны, которая полностью бы гарантировала связь России через Маньчжурию: в одну сторону – до Владивостока и в другую – до Порт-Артура. Военный министр неоднократно высказывал свое убеждение, что охранная стража, находящаяся в ведении министерства финансов, даже при ее усилении не могла справиться с теми задачами без поддержки ее русскими войсками, расположенными в Маньчжурии. Он указывал, что еще в октябре 1900 г. в пределах Китая находилось свыше 60 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия, а к ноябрю в Маньчжурии было расположено 28 батальонов и в Печилийской провинции 6 батальонов; что составляло уже 34 батальона (кроме соответствующих частей войск других родов оружия). Принимая в расчет произведенную демобилизацию войск, русские силы в пределах Китая в октябре и ноябре были уменьшены более, чем вдвое. Военный министр отмечал, что к лету 1901 г. было бы желательно произвести новое значительное сокращение этих сил, однако до окончания постройки железной дороги он сомневался, что будет возможно обойтись в Маньчжурии меньше, чем 20 батальонами с соответствующими частями других родов оружия. По окончании постройки и при сохранении спокойной обстановки А.Н. Куропаткин

полагал возможным ограничиться расположением русских воинских частей лишь в двух северных провинциях: в городах Харбине, Гирине и Цицикаре – 8-ми батальонов и в Мукденской провинции, в Мукдене, – 4-х батальонов, предоставив занятие и непосредственную охрану линии железной дороги войскам охранной стражи¹.

Еще в 1900 г., приводя веские соображения и руководствуясь принципами государственной безопасности, а также целесообразности и эффективности, и будучи «убежденным сторонником неприсоединения к России Маньчжурии», он подчеркивал, что в переговорах с Китаем вопрос о сохранении за Российской империей права «иметь войска в Маньчжурии первенствующее значение перед всеми прочими интересами», как политического, так и экономического характера. 1900 год показал, как население Китая относилось к российским предприятиям в Маньчжурии. Только благодаря своевременному занятию Пекина удалось быстро погасить восстание, уже перекидывавшееся в Маньчжурию, что подтверждало правильность позиции военного ведомства. В последствии генерал считал, что урок прошел даром, так как после «маньчжурских авантюр» появились еще более опасные «корейские авантюры», которые задевали интересы Японии в Корее.

В 1901 г. в ответе В.Н. Ламздорфу на его запрос о том, какие задачи Россия должна преследовать в Маньчжурии, А.Н. Куропаткин ответил письмом, в котором подробно изложил свою концепцию и придерживался ее вплоть до октября 1903 г.² В нем он подробно разбирал значение для России Южной Маньчжурии, предостерегая, что не следовало захватывать в той или другой форме Южную Маньчжурию, поскольку это привело бы Россию к войне с Китаем и Японией. В отношении «пустынной и прилегающей к России» Северной Маньчжурии он считал, что после проведения магистрали она должна войти в «сферу особого влияния России и быть ею особо охраняема, дабы жертвы, принесенные Россией на Дальнем Востоке, не оказались ей во вред». Он также указал, что Порт-Артур не усиливал, а ослаблял положение России. Не осталась без его внимания и смена японского правительства во главе с Кацура Таро в мае 1901 г.³

¹ Письмо военного министра А.Н. Куропаткина упр. мин. ин. дел. В. Н. Ламздорфу. 3 декабря 1900 г. № 1123 // Боксерское восстание / предисл. А. Л. Попова // Красный архив. 1926. № 1 (14). С. 41–42.

² Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевиича. Л., 1925. С. 6.

³ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903–1905 гг.: Автореф. дис. ...

В начале 1902 г. в северной Маньчжурии были проведены две последние крупномасштабные военные операции. В военно-стратегических целях (в частности, для сокращения охраняемой границы с Китаем в два раза и обеспечения надежной коммуникации с Порт-Артуром), а также в экономических интересах развития Приамурского края А.Н. Куропаткин, после боксерского восстания, признавал необходимым в северной Маньчжурии осуществление контроля со стороны Российской империи (без территориального присоединения) и присутствие ограниченного контингента русских войск в строго определенных районах вдоль полосы отчуждения КВЖД для защиты интересов и многомиллионных капиталовложений государства.

Не последнее место при принятии военным министром решений играли такие политические факторы, как продолжающиеся беспорядки и нестабильность в Китае, конфликт интересов ведущих стран, сближение Японии с Китаем и насторожившее правительство и Николая II соглашение Германии с Англией о сферах влияния на Дальнем Востоке, подписанное в Лондоне 16 октября 1900 г. США также выдвигали свои торговые и таможенные требования. Япония, не найдя в лице России союзника в своих действиях по отношению к Корее, подписала в январе 1902 г. англо-японский договор.

29 марта 1902 г. в Пекине было подписано русско-китайского соглашения, определившее порядок вывода из Маньчжурии в три этапа русских войск, находившихся там для подавления боксерского восстания и защиты железнодорожных магистралей. От России документ подписал действительный статский советник П.М. Лессар. Китайское правительство было предупреждено, что Россия не преследует враждебных целей в отношении Китая и что его независимость и неприкосновенность положены в основу русской политики на Крайнем Востоке¹. Это решение было принято по инициативе В.Н. Ламздорфа, за которым стоял С.Ю. Витте. Свою роль также сыграли, хотя и противоположного характера, донесения, требующие усиления военного присутствия на Дальнем Востоке Н.И. Гродекова и Е.И. Алексеева из Китая.

Соглашение было подписано без предварительной консультации с военным министром. А.Н. Куропаткин впоследствии неоднократно указывал на его нецелесообразность и ошибочность. На пути в Японию

канд. ист. наук. СПб., 2015. С.18-20.

¹ Попов И.М. Россия и Китай... С. 354.

28 мая 1903 г. им была сделана следующую запись: «знаменательные правительственные сообщения о том, что мы не ведем войны с Китаем, и о том, что мы очистим Маньчжурию, составлялись и были обнародованы без всякого участия военного министерства. Никогда еще не было, чтобы в прежнее время в деле, в котором была привлечена вооруженная сила государства, где участие этой силы решило участь Маньчжурии и Пекина, государи русские не справлялись с мнением лица, которому было вверено ими же управление вооруженными силами государства <...> Конечно, военный министр, ранее обнародования правительственного сообщения, подал бы голос за то, чтобы военные действия, в которых мы потеряли 2000 человек, считались войною. Конечно, военный министр настаивал бы, чтобы хотя северная часть Маньчжурии осталась за Россию. Я делал эти заявления много раз и словесно и письменно, но уже после того, как государево слово было произнесено». О роли этого соглашения и его последствиях, в частности, вмешательства иностранных держав, А.Н. Куропаткин писал: «В каждом совещании это уже данное обещание висело над нами, давило нас и заставляло хлопотать о мелочах, ибо главное – очищение Маньчжурии – признавалось делом решенным. Тем не менее невозможность для России отдать после всех принесенных жертв северную Маньчжурию, забыть, что китайцы напали на Благовещенск, переносить неудовольствие, а потом вмешательство разных держав в дело (Маньчжурское), которое должно было быть нашим внутренним делом, становилась все яснее не только для государя, но и для Ламздорфа и Витте»¹.

Тем не менее в оценке генерала положение дел в 1902 г. после подписания договора 26 марта 1902 г. было еще благоприятным, и Россия, начав приводить в исполнение свои обещания по выводу войск из Маньчжурии, могла рассчитывать на спокойное течение дел на Дальнем Востоке, однако в конце 1902 г., по мнению генерала, появились тревожные признаки возможного разрыва с Японией.

Весной 1903 г. военное ведомство, подготовившись во всех отношениях, приступило к выводу войск уже согласно второму этапу договора 1902 г., и 5 апреля 1903 г. император утвердил журнал совещания 26 марта 1903 г., с которым А.Н. Куропаткин 15 апреля 1903 г. должен был ехать на Дальний Восток и в Японию, поручив военному министру «изгладить следы деятельности Безобразова», и «по соглашению

¹ Японские дневники А.Н. Куропаткина / публ. подг. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. М., 1995. Том VI. С. 409.

с Е.И. Алексеевым, исполнить очищение Мукденской провинции», включая Инкоу и Мукден. Перед своей поездкой А.Н. Куропаткин несколько раз встречался с японским посланником Курино Синитиро и уехал с полной надеждой предотвратить войну с Японией, положив конец «затеям Алексеева и Безобразова».

Однако по пути на Дальний Восток военный министр узнал, что по инициативе Е.И. Алексеева «очищение войск» было приостановлено, и, сверх того, «уже очищенный» Мукден был вновь занят, а военному министру было приказано не делать никаких распоряжений по журналу 26 марта 1903 г., так как в нем, в силу действий группы А.М. Безобразова, последовали значительные изменения. А.Н. Куропаткину предписывалось задержаться во Владивостоке, а после посещения Японии отправиться в Порт-Артур для обсуждения вместе с Е.И. Алексеевым и А.М. Безобразовым программы действий по «новому курсу», который был принят 7 мая 1903 г. без совещания с министрами иностранных дел, финансов и военным.

Генералу были переданы на рассмотрение соответствующие документы, в том числе и проекты А.М. Безобразова, человека малосведущего в военных и государственных делах, о немедленном сосредоточении в Южной Маньчжурии армии в 70 000 человек, что по многим причинам было невыполнимо. Военный министр занял активную позицию, решив бороться, «пока хватит сил», чтобы «увлечения» по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий.

Свое видение главнейших оснований, изложенных в этих документах, решивших вопрос о «новом курсе» и, в итоге, о войне с Японией, военный министр изложил позднее в «Прологе маньчжурской трагедии»¹. В общих чертах он определял новый курс как «измышления» группой А.М. Безобразова способов нарушить договор 26 марта 1902 г., прикрываясь громкими фразами вроде «прекращения политики уступок», при этом следующие три задачи составляли суть нового курса «Безобразовской компании»: «1) Удерживать за собой (всю – Авт.) Маньчжурию, не выводя из нее войск, а еще усиливая их; 2) Не пустить туда иностранцев; 3) Под видом защиты наших военных интересов в Маньчжурии запустить лапу в Корею»². Возникла опасность военного столкновения, поскольку Япония была более, чем другие страны, задета новой политикой и она стала получать «деньги и всякую помощь», что понимали в кругу А.М. Безобразова. Основными

¹ Куропаткин А.Н. Пролог... С. 10–25.

² Куропаткин А.Н. Пролог... С. 15–16.

средствами для достижения целей нового курса были: «1) Невывод войск из Маньчжурии; 2) Быстрое подкрепление этих войск из России; 3) Образование наместничества (государства в государстве)».

По мнению А.Н. Куропаткина, принятый таким образом «новый курс» грозил осложнениями не только с Японией и Китаем, но и иностранными державами. Он также считал нецелесообразным добавление к программе требования «по недопущению проникновения в Маньчжурию иностранного влияния», особенно при отсутствии существенных русских экономических интересов в Маньчжурии, чтобы из-за них «рисковать войной со всем светом». Военный министр ехал на Дальний Восток, готовясь выполнить договор 26 марта 1902 г. по выводу частично уже выведенных войск по второй его части, однако получалось, что, по представленной А.М. Безобразовым записке императору, в Маньчжурии в мирное время необходимо было «собрать армию». В сроки, отпущенные военному министерству, при неготовности железной дороги, «собрать в мирное время армию в Маньчжурии, которая бы устрасила японцев и помешала бы объявить нам войну» генералу не представлялось возможным.¹

Еще в 1900 г. А. Н. Куропаткин отмечал, что для доведения войск до необходимой силы на Дальнем Востоке военному ведомству требовалось около 6–7 лет. Ни финансовых средств, ни такого срока у А.Н. Куропаткина не было, тем более после принятия «новой» экономической политики и последовавшего указа императора от 30 июля 1903 г. об учреждении наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым.

Перед наместником и высшим военным командованием была поставлена серьезная задача: «в минимальный срок, не останавливаясь ни перед какими расходами, поставить боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с политико-экономическими задачами в регионе», при этом император требовал предоставить «очевидное для всех доказательство решимости отстоять право» России на исключительное влияние в Маньчжурии, а также «дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Маньчжурии при полной поддержке центральных управлений и местных властей, в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях»².

Фактически это означало отказ от выполнения пунктов русско-китайского договора 26 марта 1902 г. и быстром наращивании военной

¹ Куропаткин А.Н. Пролог... С. 10.

² Японские дневники... С. 394–395.

мощи Российской империи в регионе. В силу действий получившего титул статс-советника А.М. Безобразова, в обход военного министра, «вместо увода войск из Маньчжурии, в нее направлялись 16 батальонов 10-го и 17-го корпусов»¹. Для военного министерства это означало отстаивать позиции военного ведомства, срочно приступить к корректировке военных планов и готовиться к военным действиям.

Перед А.Н. Куропаткиным была поставлена «тяжкая задача» – определить вместе с Е.И. Алексеевым необходимые военные мероприятия, которые должны были быть: «1) в равновесии с нашими политико-экономическими задачами на Дальнем Востоке; 2) они должны давать нам право на исключительное влияние в Маньчжурии». При таком условии поставленные перед ним задачи становились «крайне неясными»: «Очищая северную Маньчжурию, мы теряем базу для наших войск и в то же время теряем средства скоро помочь оторванному Квантуну»².

Генерал считал, что преследуемые экономические интересы в Маньчжурии, с учетом сложившегося положения, не стоили обострения отношений между государствами и угрозы войны. Отвечая не только за границы на Дальнем Востоке, но и на западе, он указывал, что «недочеты» на западе представляли главную опасность России и императорскому трону, он неоднократно указывал, что «с запада собираются грозные тучи, что и в России не спокойно, что поэтому при ограниченности денежных средств, коими Военное министерство будет располагать в следующее пятилетие, я не выполню своего долга перед государем и родиною, если не буду горячо отстаивать увеличение нашей боевой готовности на западе, как то уже было предназначено самим государем. Что расходование сил и средств, кои нужны России, чтобы твердо стоять на Висле, Нарева, Немане, в юго-западном крае, будет роковою ошибкою, за которую мы можем тяжело расплатиться. Что нельзя нам играть в руки вероятных врагов наших. Что Вильгельм и вся Германия радуются каждой новой затрате России на Дальнем Востоке, ибо, ослабляя себя этим на западе, мы вместе с сим теряем постепенно право на голос в европейских делах, подобающий России как великой европейской, а не азиатской державе. Но восторг Германии, Англии, Америки, Австрии, Италии, Швеции, Турции будет неопишум, если мы ввяжемся в войну с Японией. Одним ударом получится два важных результата: ослабление России и ослабление Японии. Мы,

¹ Куропаткин А.Н. Пролог... С. 28.

² Японские дневники... С. 397.

конечно, выйдем победителями, но жертвы, нами принесенные, будут так громадны, что мы на западе станем тоже очень ослаблены и с нами можно будет перестать стесняться. Япония, которая должна неизбежно сцепиться в довольно близком будущем из-за экономических, важных и жизненных для нее причин с Англией, Америкой и даже Германиею, сцепится с нами из-за лишь фиктивно важных для нас интересов. Мы своими руками вытащим каштаны из огня для других и можем порядочно испортить если не руки, то пальцы на руках»¹.

Тем не менее, «заслон» в случае столкновения с Японией силой в 172 батальона, из которого свыше 100 батальонов могло быть выделено для военных действий, был создан в весьма короткие сроки². Помимо быстрого увеличения численности войск на Дальнем Востоке в период 1896–1903 гг. создавались склады необходимых запасов и спешно укреплялись крепости Владивосток и Порт-Артур.

Генерал продолжал отстаивать позицию военного ведомства и не очищать Северной Маньчжурии, поскольку охрана дороги от возможного разгрома требовала присутствия на ее линии хорошо вооруженной силы, что не срывало второго этапа вывода войск согласно договора 26 марта 1902 г. При сложившихся обстоятельствах для него вопрос упирался в сроки, поскольку «постановка» готовности на Дальнем Востоке с учетом новых политико-экономических задач не могла быть выполнена в несколько месяцев.

Согласно записи, сделанной А.Н. Куропаткиным 16 марта 1903 г., он пришел к заключению, что в результате «всех деяний Безобразова» на Дальнем Востоке явились «две политики» – «императорская» и «безобразовская», что вызывало тревогу и опасения в Японии и Китае³. Ранее принятая, дорогостоящая и не оправдавшая себя программа «мирной экономической экспансии», реализуемая министром финансов и создавшим на Дальнем Востоке свою «империю Витте» и подчинившим своему контролю многие государственные структуры, также не способствовала стабилизации положения в регионе⁴.

По оценке А.Н. Куропаткина, критические изменения внутри страны наступили с принятием «новой политики» в мае 1903 г.

¹ Японские дневники... С. 399–400.

² Куропаткин А.Н. Русско-японская война... С. 125–126.

³ Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 124–125.

⁴ Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А. Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903–1905 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С.20.

и последовавшим образованием наместничества на Дальнем Востоке. Без ведома министров отделялся большой стратегический регион с изъятием всей гражданской и военной части из ведения министерств. Это привело к серьезному правительственному кризису летом 1903 г., за полгода до объявления Японией войны, и значительно повлияло на предвоенный ход событий. Как известно, В.Н. Ламздорф поставил вопрос о доверии еще 28 мая 1903 г. Министерство иностранных дел находилось в тяжелых условиях, а с утверждением прав Наместника получалась двойственность в ведении дипломатических дел. 15 августа 1903 г. министр финансов С.Ю. Витте был отправлен в отставку. В конце мая – начале лета А.Н. Куропаткин был в поездке по Дальнему Востоку и в Японии, и по возвращении, 2 августа 1903 г. (после образования Дальневосточного наместничества), в очередной раз был вынужден поставить вопрос о доверии. Группа А.М. Безобразова, за которой стояли высокопоставленные лица и члены царской семьи, приобретала всё большую свободу действий. В трудных условиях, находясь в вынужденном отпуске до принятия императором решения, генералу приходилось отстаивать позицию военного министерства. Положение еще более обострилось к осени 1903 г., когда сепаратные переговоры с Китаем были прекращены и подхвачены Японией.

Позиция и взгляды военного министра в решении Маньчжурского вопроса были обусловлены военно-стратегическими целями и задачами для установления прочного и долговременного мира. Об этом он не раз заявлял с самого начала военных действий в Маньчжурии, что находит подтверждение в ряде записок и докладов А.Н. Куропаткина Николаю II. Военный министр настаивал на усилении военной охраны КВЖД, для того чтобы «разоруженная Маньчжурия, прорезанная русскими железными дорогами, охраняемая русскими войсками, надежно прикрыла Приамурский край и тем дала возможность к спокойному и мирному развитию этой важной окраины»¹.

Он пришел к заключению о том, что для Российской империи было целесообразно упрочение положения, в той или иной форме, лишь в северной части Маньчжурии в строго определенных границах вдоль железнодорожной линии, где население на квадратную версту составляло около одного человека, при этом граница с Китаем сокращалась вдвое, и создавался рубеж против возможного наплыва эмигрантов из Китая, и придерживался его вплоть до осени 1903 г. Однако по

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 218. Л. 16. (Служебная записка, 3 августа 1900 г.).

получении секретных сообщений о милитаристских намерениях Японии, с сентября 1903 г., в целях избежания вооруженного конфликта, генерал неоднократно выступал с кардинальными предложениями¹, включающими в том числе передачу КВЖД Китайской стороне при получении Россиской империей соответствующей компенсации, которые, хотя и не были приняты, но, безусловно, повлияли на состояние государственных умов, указав на всю серьезность положения, в котором оказалось российское государство в конце 1903 г., и сейчас заставляют задуматься, принимая во внимание дальнейший трагический ход событий в Маньчжурии и судьбу КВЖД.

Необходимо подчеркнуть, что политика и практика ведения дел министерства финансов, особенно в отношении Ближнего и Дальнего Востока, а также «дорогостоящая» морская программа проводились с явным ущербом для военного ведомства. Помимо недостаточного финансирования А.Н. Куропаткин указывал на то, что в то время было «ошибкой развивать флот за счет боевой готовности нашей сухопутной армии, составляющей главную опору России».

Опасения А.Н. Куропаткина относительно западных границ были оправданы. При сложившихся к началу 1903 г. внешних условиях и особенно с подписанием англо-японского договора (1902 г.) Россия оказалась практически в изоляции. В жестких условиях дефицита финансовых средств, конфликта интересов, напряженной внутренней и внешней обстановки военный министр неуклонно проводил линию своего ведомства для выполнения стоявших перед ним целей и задач. Как военный министр, А.Н. Куропаткин высоко ценил заслуги П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева. Вступая в управление Министерством, он нашел в некоторых Главных управлениях «вполне надежных помощников: генералов Вернандера, Тевяшева, Маслова, д.г.с. Реммерта, Лобко и даже Щербова-Нефедовича»².

В результате проведенной им работы, несмотря на агрессивную политику, проводимую Наместником адмиралом Е.И. Алексеевым на Дальнем Востоке, Россия не вступила первой в войну с Японией, структура управления армией была сохранена, был выработан совместный стратегический план военных действий и «теневой кабинет»

¹ Куропаткин А.Н. Записка по Маньчжурскому вопросу и о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–29 об; Он же. Записка генерал-адъютанта Куропаткина по Маньчжурскому вопросу. 24 ноября 1903 г. (окончание) // РГА ВМФ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–14 об.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л.27 об.

А.М. Безобразова потерял силу. 13 января 1904 г. – большая победа военного министерства: «Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении Военного министерства и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по Главному штабу Военным советом»¹. С этого момента генерал А.Н. Куропаткин мог действовать более свободно. 15 января 1904 г. состоялось совещание под председательством Великого князя Алексея Александровича по составлению ответа на контрпредложения Японии, где А.Н. Куропаткин, выступая, говорил, что если война неизбежна, то надо было оттянуть ее на 1 год 4 месяца, до окончания работ по Круго–Байкальской железной дороге и усилению Восточно–Китайской. Если же этого нельзя, то «хотя бы на 4 месяца, пока ему удастся послать все подкрепления»². Однако, до начала военных действий оставались считанные дни.

При знакомстве со всеподданнейшими докладами, рабочими записками и отчетами, хранящимися в Российских архивах, поражает титаническая работа, проделанная военным ведомством в тяжелейших финансовых условиях накануне войны. Многие источники и работы по истории русско–японской войны, в том числе и зарубежных авторов, свидетельствуют о том, что А.Н. Куропаткин был одним из немногих, кто полностью понимал в политических и военных измерениях того времени роль и место Маньчжурии на Дальнем Востоке. Он понимал, что Маньчжурия и Корея не стоили войны. Его, как военного и государственного деятеля беспокоило положение дел в Европе и угроза там второго фронта: «Германия – это страшный сосед» – предупреждал он³. Его стратегическое видение было правильным – военное положение России того времени и удаленность региона не позволяли получить быстрых побед на Дальнем Востоке. Адекватно оценивая японскую армию и ее способность вести войну, что видно из доклада А.Н. Куропаткина императору в августе 1903 года, после его поездки в Японию, когда было принято решение о подготовке рубежа обороны по линии Ляоян – Мукден, он писал: «Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден – Лаоян – Хайчен, но отстоять южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны готовиться, что

¹ Дневник генерала... С. 218.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 131.

Порт–Артур будет отрезан на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев»¹.

Летом 1903 года во время своей поездки в Японию генерал сделал следующую запись в своем дневнике: «Какие же Россия имеет на Дальнем Востоке интересы, которые стоили бы опасности втянуть Россию в такую борьбу, когда мы слабы на западе, тревожны в центре и крайне слабы на востоке? Неужели пресловутая позиция на Ялу окупит России кровь десятков тысяч сынов ее, трату сотен миллионов рублей в первую войну с Японией и, главное, окупит несомненную опасность, что после первой войны нам придется вести их несколько и в результате, если одновременно мы будем атакованы и на западе, потерять всю Сибирь до Байкала»². Это был голос разума, который не был услышан в то время, когда Россия шла к войне в Маньчжурии.

Высшее командование Российской империи серьезно относилось к военной угрозе со стороны Японии. Генерал А.Н. Куропаткин, говоря, применительно к ситуации и действиям группы А.М. Безобразова «увлечения на Дальнем Востоке» и «фантазии», предупреждал, что «даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне»³.

9. Генерал А.Н. Куропаткин во главе Маньчжурской армии в начальный период русско-японской войны (1904 – 1905) и «двоевластие» на театре военных действий

Дневниковые записи генерала А.Н. Куропаткина, в сочетании с архивными документами и с другими материалами, позволяют сопоставить факты и проливают дополнительный свет на многие решения генерала, военные планы и события того времени. Император и другие государственные лица не раз обращались к записям генерала для более полного ознакомления с фактами и анализа интересующих их вопросов.

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война... Гл. 10.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1-42.

³ Японские дневники... С. 410.

Дневники А.Н. Куропаткина¹, даже по оценке его критика историка М. Н. Покровского, – «первоклассный исторический источник». Такого же мнения придерживались военный историк и теоретик генерал А.М. Зайончковский², генерал П.Н. Симанский и другие. И.В. Лукоянов писал: «Дневники военного министра составляют сейчас более двухсот единиц хранения. Они содержат пространные записи о самых разных событиях, сделанные чаще всего по их горячим следам <...> К сожалению, до сих пор изданы лишь части этого ценного источника. Тем не менее, дневник содержит массу важнейшей информации, которую трудно либо невозможно обнаружить в других источниках»³. Дневники А.Н. Куропаткина – уникальная возможность заглянуть внутрь событий, одним из главных и непосредственных участников которых генерал являлся на ответственных постах в командовании Маньчжурской армией, лучше узнать человека и полководца и увидеть те события с его точки зрения.

Взгляды, оценки и позиция самого генерала А.Н. Куропаткина, а также взаимодействие и отношения его (в должности командующего Маньчжурской армией) с главнокомандующим адмиралом Е.И. Алексеевым и в дальнейшем с другими военачальниками, а также то, как это повлияло на ход военных событий, в особенности на первом этапе военных действий, рассматривались исследователями лишь косвенно и преимущественно негативно по отношению к генералу. Это, в определенной степени, объяснялось преобладающим интересом к военно-морским операциям и значительно большей изученностью документов фондов адмирала Е.И. Алексеева, Морского Главного штаба и военно-морских офицеров.

В целях более объективного подхода и оценки деятельности генерала А.Н. Куропаткина в начальный период кампании здесь необходимо остановиться на вышеуказанных вопросах в свете появившихся новых данных. Взгляды главнокомандующего Е.И. Алексеева и

¹ Дневник генерала А. Н. Куропаткина / Вступ. ст. О. Р. Айрапетова. М., 2010.

² Попов Ю.Г. Куропаткин в Шешурино. Торопец, 1998. С. 63–64.

³ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 18–19. – «Один из читателей, еще при жизни А.Н. Куропаткина, – П.Н. Симанский – дал выразительную характеристику этому источнику: „Дневник Куропаткина не представляет собой нечто монолитное, логически и хронологически переходящее из одной тетради в другую. Нет, параллельно главному руслу имеются и второстепенные рукава, сводящиеся к тому, что какое-либо из более крупных событий, в основном дневнике лишь бегло упомянутое, рассказано уже подробно в этих дополнительных тетрадях“».

командующего А.Н. Куропаткина на положение укрепленного района Порт-Артур и его возможности обороняться были рассмотрены автором в другой работе¹.

С началом Японией военных действий 28 января 1904 г. вышел именной высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении адмирала Е.И. Алексеева главнокомандующим, который гласил: «Для объединения действий военно-сухопутных и морских сил, сосредоточиваемых на Дальнем Востоке, признали мы необходимым предоставить Наместнику Нашему на Дальнем Востоке права, определенные в ст. 17–35 положения о полевом управлении войск в военное время для Главнокомандующего армиями и ст. 21–56 кн. X св. морских постановлений для Главнокомандующего флотом»².

Военный министр А.Н. Куропаткин, ссылаясь на неудачный опыт предшествующих войн, принципиально не одобрял решение императора о назначении главнокомандующим адмирала, а не генерала, и докладывал об этом ему. В этой связи А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «...будет война, начнется с Японией. Наделаем ошибок. Пошлют меня поправлять дело. Третий опыт постановки во главе сухопутных войск адмирала тоже окажется неудачным (первый был в 1812 г. с Чичаговым и второй в 1854–1855 гг. с Меншиковым)»³.

Предстояло также назначить командующего Маньчжурской армии. На докладе 27 января А.Н. Куропаткин подал Николаю II список лиц, которые по его мнению могли командовать при подчинении адмиралу Е.И. Алексееву. В списке были указаны: Линевич (65 лет), Сухомлинов (56 лет), Сахаров (56 лет), Сухотин (57 лет), Бильдерлинг (58 лет), Каульбарс (60 лет), Пузыревский (59 лет), Гродеков (61 лет), Гриппенберг (66 лет), Куропаткин (56 лет).⁴ В конце списка стоял Вел. кн. Николай Николаевич, имя которого было затем зачеркнуто А.Н. Куропаткиным.

Несколько дней спустя последовал опубликованный 8 февраля

¹ Белозерова О.А. «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий в Русско-японскую войну (1904-1905). Генерал Куропаткин о возможности Порт-Артура обороняться // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 18–20 мая 2016 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. I. С. 194–208.

² Известия о военных действиях с 25 по 31 января 1904 г. из Правительственного вестника. СПб., 1904.

³ Дневник генерала А.Н. Куропаткина / вступ. ст. О. Р. Айрапетова. М., 2010. С. 191.

⁴ Дневник генерала... С. 229, 232.

1904 г. высочайший рескрипт на имя генерал-адъютанта, генерал-от-инфантерии А.Н. Куропаткина, в котором говорилось: «Зная ваши блестящие дарования и стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я признаю за благо вверить вам ответственное командование Моей армией, действующей в Маньчжурии против японцев, освободив вас для сего от обязанностей военного министра. Да поможет вам Бог успешно совершить возлагаемый Мною на вас тяжелый, с самоотвержением принятый вами, подвиг». Император также выразил военному министру свою глубокую признательность за его «шестилетний просвещенный труд на пользу армии»¹.

Узнав, что император остановил свой выбор на нем и понимая какая ответственность и труд ложились на него в связи с принятием должности и с переходом в подчинение адмиралу, сложность военно-политической обстановки, создававшуюся «двойственность» в командовании, А.Н. Куропаткин по собственной инициативе отказался от поста военного министра², тем самым перейдя в подчинение адмирала Е.И. Алексеева. Накануне своего назначения после доклада у императора, где они обсуждали этот вопрос, А.Н. Куропаткин, приняв решение, 7 февраля 1904 г. записал: «Вернувшись домой, я отправил государю письмо, в котором просил назначить меня командующим армией без прибавления титула военного министра. Писал, что так будет удобнее для Алексеева и проще для государя»³. Этот факт в ряде публикаций (частично с подачи С.Ю. Витте), искажался или недостаточно освещался, оставляя в тени поступок, свидетельствующий о понимании генералом своего офицерского долга, а также не раз проявленные им личные качества, такие как воля и самоотверженность в служении отечеству и гражданское мужество.

Адмирал Е.И. Алексеев не желал своего назначения на должность заместителя и неоднократно заявлял об этом в своей переписке с императором, с членами группы А.М. Безобразова и в разговорах с военным министром. Адмирал, фактически, не желая того, стал ставленником группы А.М. Безобразова, поскольку его мнения доводились до сведения императора в преломленной, согласно их интересам, интерпретации⁴.

¹ Командующий Маньчжурской армией, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин / Николаевская военно-инженерная академия. М., 1905. С. 4.

² Дневник генерала... С. 285.

³ Дневник генерала... С. 231.

⁴ Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы – 1905 год). СПб., 2012; РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4; Д. 6; Д. 7.

Аналогичным образом встретил наместник и свое назначение с началом военных действий главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. Просьбы адмирала об отставке с поста наместника и главнокомандующего имели место с момента его соответствующих назначений до октября 1904 г., когда по решению императора, после Ляоянского сражения, он отошел от дел и передал главнокомандование генералу А.Н. Куропаткину. В результате 40-летней службы и длительного пребывания на Дальнем Востоке адмирал не отличался хорошим здоровьем и не считал себя в должной мере подготовленным к занятию этих должностей, однако, следует отдать ему должное, что «по долгу службы» он был вынужден их принять¹. У Е.И. Алексеева, помимо этого, не складывались отношения с рядом его подчиненных, а также были возражения против новых назначений, о чем свидетельствовали обращения адмирала к императору в связи с назначениями генерала Д.И. Субботича, адмирала Н.И. Скрыдлова, и, конечно, генерала А.Н. Куропаткина и других, прослеживавшиеся со времени боксерского восстания в Китае (1900–1902), а также переписка с деятелями группы А.М. Безобразова².

Для А.Н. Куропаткина, в силу огромной ответственности, решение тоже было трудным. Оценка императором в рескрипте способностей и профессиональных качеств А.Н. Куропаткина не были преувеличены. Многие как в России, так и за рубежом отмечали, наряду с профессионализмом генерала, его феноменальную память, силу воли, аналитический склад ума, работоспособность и эрудицию.

В военных бюллетенях того времени давались самые высокие оценки его деятельности: «Во всех действиях Алексея Николаевича люди, близко стоящие к нему, отмечают одно ценное качество: он быстро вносит в заранее выработанный план изменения, требуемые моментом. Куропаткин не доктринер: „живое дело“ считает он выше теоретических предвзятых взглядов»³. В дальнейшем, после Мукденских боев, когда генерала перешел в подчинение генерала Н.П. Линевица, хорошо знавший А.Н. Куропаткина Д.И. Менделеев в интервью высоко оценил понимание генералом своего долга перед родиной и чести солдата⁴. Эти качества также ранее выделялись средствами массовой информации:

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4; Д. 6; Д. 7.

² См.: РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6; Д. 8.

³ Командующий Маньчжурской армией... С. 6.

⁴ Главнокомандующий рядовой // Бюллетень изд-ва Максимова. 19 марта 1905 г. 1 л.

«Согласно воле Монарха и по собственному побуждению Алексей Николаевич оставил пост военного министра и отправился на войну. Глубоко проникнутый сознанием долга солдата перед отчизной, он не мог сидеть в Петербурге в то время, когда другие сыны России грудью отстаивают честь дорогой отчизны. А.Н. Куропаткин давно предвидел возможность войны с Японией и на всякий случай еще весной прошлого года проехался по Сибири, Маньчжурии, побывал и в Японии. Он знает, куда отправился и с кем приходится теперь иметь дело. Алексей Николаевич – опытный боевой генерал¹. Ему давно, с ранней юности, знакома „гроза военной непогоды“. Жизнь таких людей заслуживает особенного внимания»².

Из переписки деятелей группы А.М. Безобразова и Е.И. Алексеева в периоды назначения его наместником и главнокомандующим видно различие в позициях и взглядах и сложность их взаимоотношений накануне и в начальный период русско-японской войны, которые прослеживались со времен подавления боксерского восстания.

Еще в июле и августе 1903 г., в результате образования наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым, генералу А.Н. Куропаткину пришлось отстаивать права военного министерства и свои как министра. В итоге накануне войны генералу удалось сохранить порядок и структуру управления армией, отстоять права министерства перед наместником и группой А.М. Безобразова и предотвратить возможное начало военных действий со стороны России. На серьезность положения в высшем командовании в 1903 г. указывало, в частности, то, что во время поездки военного министра на Дальний Восток и посольства в Японию и без его ведома секретные военные стратегические планы оказались в руках статского советника А.М. Безобразова, и генерал после очередного выяснения обстоятельств был вынужден вызвать его на дуэль. Вопрос об управлении Дальним Востоком и наместничества необходимо было решать, но такая реорганизация и форма ее проведения, отразившиеся столь серьезно на военном министерстве и МИД, накануне войны явились результатом лоббирования и были не своевременными.

Хвалебные отзывы о деятельности наместника имели место. Так, егермейстер И.П. Балашев, один из активных деятелей группы А.М. Безобразова, в своей докладной записке адмиралу

¹ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1911–1915. (А.Н. Куропаткин был трижды ранен в бою).

² Командующий Маньчжурской армией... С. 5.

относительно Маньчжурии от 5 ноября 1903 г., подчеркнув, что государю «благоугодно было сосредоточить все части управления на Дальнем Востоке в руках Своего Наместника», отметил «энергичное направление», данное Е.И. Алексеевым политике на Дальнем Востоке, выразившееся «так ярко» в двух важных мероприятиях: в прекращении переговоров с Китаем ранее срока 25 сентября 1903 г. и в занятии затем 16 октября русскими войсками Мукдена, древней столицы Китая. Он писал: «Этим Вы показали всему миру, что впредь, в направлении русской политики на Дальнем Востоке, не будет происходить более прежних колебаний и нерешительности; что мы отныне признаем Маньчжурию принадлежащей исключительно нам одним, и не допустим вмешательства в ее дела какой бы то ни было иностранной державы», при этом И.П. Балашев не забыл отметить и «умеренную, но внушительную морскую демонстрацию», проведенную адмиралом в те дни¹.

В отношении перечисленных действий А.Н. Куропаткин занимал противоположную позицию, считая, что ни Маньчжурия, ни Корея «не стоили войны». По мнению Куропаткина, институт наместничества несомненно повлиял на предвоенный ход событий, особенно если учесть, что наместник был воинственно настроен по отношению к Японии и не отличался талантом в ведении дипломатических дел. Для военного ведомства положение складывалось чрезвычайно серьезно: при незавершенных реформах и намеченных мероприятиях, недостаточном финансировании² и отсутствии финансового плана на случай войны³ появлялась вероятность военных действий на два фронта и угроза потери владений на Дальнем Востоке.

В результате, в связи с этими двумя назначениями военачальников, в командовании Маньчжурской армией образовалась «двойственность». Перед отъездом в армию, готовясь в путь, 25 февраля 1904 г. в своем дневнике А.Н. Куропаткин записал по пунктам: «8). Государь

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л.31-31об. Куропаткин А.Н. Статья (машинописная копия) «На Дальнем Востоке» о подготовительных мероприятиях к войне с Японией. (1906). Л.4 об. – «по плану мероприятий на 1899-1903 года <...> после долгих обсуждений министр финансов. признал по состоянию Государственного Казначейства возможность отпустить только одну четвертую часть испрашиваемых на новые мероприятия кредитов. Между тем все внесенные в план мероприятия, в том числе и по ДВ, несомненно были важны, неотложны и неудовлетворение из составляло серьезный пробел в нашей боевой готовности».

³ Дневник генерала... С. 222.

подписал мне рескрипт, в котором указано, что государь доверяет мне пользование в полной мере правами, предоставленными положением об управлении войск в военное время командующему армиею. Что в направлении военных действий я действую самостоятельно, руководствуясь общими указаниями наместника. 9). Государь приказал мне жить с наместником дружно и хорошо»¹. Однако пункт 5) этой записи, как и другие записи генерала в те дни, свидетельствовали о напряженности положения, особенно в высшем морском командовании накануне и в начале войны: «Его Величество обещал, если возникнет со стороны наместника то или другое нареkanie на меня, ранее решения затребовать мое объяснение»².

От совместной работы с Е.И. Алексеева многие не безосновательно воздерживались. Ряд офицеров высшего морского командования отказывались идти в подчинение Е.И. Алексееву. Так, адмирал Ф.К. Авелан в беседе с генералом 24 января 1904 г. сообщал ему, что силы России, по его мнению, были достаточными, чтобы атаковать японский флот, и что русский флот технически и по составу сильнее, однако Ф.К. Авелан выражал сомнение в способности адмирала О.В. Старка вести самостоятельно «такую огромную морскую операцию», считая, что он «исполнителен и знает дело, но лишен инициативы», а также, что было бы желательно, чтобы бы Е.И. Алексеев «сам повел флот». На вопрос А.Н. Куропаткина, почему же, имея таких адмиралов, как Н.И. Скрыдлов, А.А. Бирилев, З.П. Рожественский, О.С. Макаров, Ф.В. Дубасов, вверяют почти весь флот «неспособному» О.В. Старку, управляющий морским ведомством ответил, что личный состав командования флотом определял Е.И. Алексеев, что сам он «просил Бирилева, но Бирилев отказался из-за характера Алексеева: „По долгу присяги, – говорил он, – заверяю, что через два месяца я вынужден буду уехать“. По тем же причинам не могут ехать Рожественский и Дубасов»³.

С.Ю. Витте признавал, что общественное мнение было за А.Н. Куропаткина, и считал, что от генерала зависело «привести Алексеева к молчанию, если он будет мешать», а также что адмиралу «при возвращении придется объехать Петербург, иначе его освищут»⁴.

Сложность создававшегося «двоевластия» на театре военных действий (ТВД) была очевидна как А.Н. Куропаткину, так и

¹ Дневник генерала... С. 242–243.

² Там же. С. 242.

³ Дневник генерала... С. 224–225.

⁴ Там же. С. 222, 242.

Е.И. Алексееву и в Петербурге. В связи с этим необходимо несколько подробнее остановиться на планах ведения войны, на расхождениях во взглядах на роль морского флота, на конкретных действиях командующего Маньчжурской армией и его оценке положения дел, а также на факторах, обусловивших ход сухопутных операций в начальный период войны.

На случай разрыва с Японией Главный штаб начал работать над планами еще с японско-китайской войны (1894 – 1895), а в последствии совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской области. После боксерского восстания по представлению военного министра 14 августа 1901 г. императором были одобрены «Общие основания для действий против Японии»¹. После поездки в Японию и на Дальний Восток в 1903 г. генерал верно оценивал японскую армию и ее способность вести войну. По инициативе А.Н. Куропаткина планы на случай войны с Японией регулярно подвергались корректировке, что доказывает необоснованность критики генерала в этом отношении.

На заседаниях по военным вопросам под председательством генерала в июне 1903 г. в Порт-Артуре, в связи с переходом на «новый курс» в дальневосточной политике, было принято решение о подготовке рубежа обороны по линии Ляоян – Мукден². Это было в соответствии с вышеуказанными «Общими основаниями», предписывающими, что в первый период войны необходимо было «действовать оборонительно».

С образованием наместничества на Дальнем Востоке разработка планов на случай войны с Японией перешла в ведение наместника и его штаба. Адмиралу Е.И. Алексееву 5 ноября 1903 г. за № 241 был представлен доклад, подписанный генерал-майором В.Е. Флугом, «План стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией»³ (подготовленный без консультации с военным министром и текст которого он получил значительно позже), представленный также императору. На его подлиннике, генералом А.Н. Куропаткиным было отмечено: «Его Величество изволил читать», и поставлена дата 10 января 1904 г. В конце этого плана давалась оценка действий неприятеля в отношении Порт-Артура, приводились цифры по сосредоточению войск по районам, а также отмечалось, что поскольку у Ляояна-Хайчена силы с каждым днем усиливались, «для

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 171. Л. 5–6.

² Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 235.

³ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–26 об.

японцев будет большим риском направить от Ялу главный удар на Порт-Артур, ограничившись против Ляояна заслоном. Они должны будут поставить себе главной целью нашу полевую армию, почему мы для обороны Порт-Артура в то время можем ограничиться его крепостным гарнизоном»¹. Рекомендации военного министра на совещании в Порт-Артуре в июне 1903 г. не были учтены штабом Е.И. Алексеева.

Только 12 февраля 1904 г.² последовала докладная записка от генерала А.Н. Куропаткина адмиралу Е.И. Алексееву об утверждении этого плана при условии, в частности, объединения 2-х армий в единую Маньчжурскую армию. Исходя из сложных взаимоотношений и расхождений во мнениях в высшем командовании, трудно представить, какими могли бы быть ближайшие последствия, если бы план Е.И. Алексеева был реализован в том виде, в каком он был составлен. На это указывают также те осложнения в высшем командовании (например, связанные с генералами О-Ф. К. Гриппенбергом, А. В. Каульбарсом, В. В. Сахаровым), которые произошли после реорганизации Маньчжурской армии в три армии по настоянию Е.И. Алексеева из Санкт-Петербурга после Ляоянского сражения осенью 1904 г.

В последние дни на посту министра, а также по назначении командующим и сразу по прибытии в армию генерал в переписке, заблаговременно подчеркивая роль флота, стремился донести до сведения и обсудить со временно назначенным командующим Маньчжурской армией генералом Н.П. Линевичем и с адмиралом Е.И. Алексеевым свои последние соображения в связи с подготовкой к военным действиям на суше и, в частности, по просьбе генерала Н.П. Линевича, во Владивостокском районе³. Генерал также обращался с военными записками к назначенному 29 января 1904 г. генерал-квартирмейстеру полевого штаба заместника на Дальнем Востоке генералу В.Е. Флугу в связи с возможным и рассматриваемым в то время главнокомандующим вариантом нападения японцев на Владивосток⁴.

Когда Н.П. Линевич запросил соображения командующего по подготовке к действиям во Владивостокском районе⁵, генерал в своем ответе, преследуя поставленную цель одержать победу над неприятелем и рассмотрев в стратегическом отношении как оборонительные,

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 206. Л. 25.

² Дневник генерала... С. 233.

³ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 230. Л. 3–10 об.

так и наступательные действия, отмечал, что силы для наступления со стороны Владивостока в Корею полностью зависели от результата борьбы русского и японского флотов: «Только после приобретения господства в Японском море, мы можем с успехом выполнить сложную операцию вторжения в пределы Кореи со стороны Владивостока корпусом войск, например, силою в 50–60 тыс. человек, для содействия этим корпусом операциям Маньчжурской армии против японцев, обороняющих линию Пеньян-Генсан»¹, а также для обеспечения движения береговой дорогой на протяжении 600 верст. Командующий армией продолжал работать над стратегическими планами, рассматривать возможные риски и преследую конечную цель полного поражения противника, поскольку направление действий японцев и места высадки были неизвестны.

Характерно то, какой акцент в своих замечаниях сделал в связи с этим вопросом генерала Н.П. Линевича из штаба наместника генерал-майор В.Е. Флуг, свидетельствующий о чрезвычайной серьезности положения и незнании основного направления удара противника: «8) Разорение Южно-Уссурийского края хотя и нежелательно, но избежать его нельзя, если японцы направят несколько дивизий в этот край. Едва ли, однако, овладение им окупит для японцев крайне невыгодное стратегическое положение <...> В 1812 году, для спасения армии мы пожертвовали коренными областями Империи и сердцем России – Москвой. Желать все прикрыть значит ничего не прикрыть. В китайское население смута будет внесена гораздо скорее при занятии японцами Южной Маньчжурии нежели Южно-Уссурийского края или части Северной Маньчжурии»². В.Е. Флуг предложил Н.П. Линевичу действовать в рамках его собственной власти и действующих положений.

Мнения Н.П. Линевича по сосредоточению войск и обороне Порт-Артура представлены в протоколах особых совещаний в Ляояне 9 февраля и 19 февраля 1904 г.³ под председательством наместника Е.И. Алексеева. На тот момент Н.П. Линевич не видел причин отступать от общих оснований прежнего утвержденного плана, на что возражений присутствующих не последовало.

На особом совещании 19 февраля 1904 г.⁴ по вопросу о достаточности сил для обороны Порт-Артура, за исключением генерала Н.П. Линевича,

¹ Там же. Л. 7.

² РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 230. Л. 12.

³ Там же. Д. 241. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 4–6 об.

участники с соответствующей оговоркой признали, что сил было достаточно. Также обсуждалось исполнение других указаний, полученных в телеграмме от временно управляющего Военным министерством генерал-адъютанта В.В. Сахарова от 15 февраля за № 1043¹, в которой, в первую очередь, внимание обращалось на важность сосредоточения армии, а также подчеркивалось, что первостепенной целью в первый период ставилось «удержание в своей власти» КВЖД, в случае потери которой прерывалась связь Российской империи с Приамурским округом и войсками, обороняющими Приморскую область. Второй по важности задачей было «назначение достаточных по условиям обстановки сил» для обороны Порт-Артура, так как с удержанием Россией этой крепости была связана судьба находящейся там эскадры; обсуждались также силы, необходимые для обороны крепости Владивосток², – все свидетельствовало о сложившемся опасном положении на Дальнем Востоке.

Через три недели после назначения, 28 февраля 1904 г., передав дела, генерал А.Н. Куропаткин выехал из Петербурга в армию, и 15 марта 1904 г. прибыл в Ляоян в подчинение главнокомандующему. Спустя несколько дней в дневнике А.Н. Куропаткина появилась запись, говорящая о его незаурядной энергии и выносливости: «25 марта. Страстная неделя. Четверг. Благовещение. В этот день, когда птицы, по народному поверью, не вьют гнезда, я продолжал объезд армии. Сделал до 28–30 верст верхом»³. Подобные записи появлялись на протяжении всей войны и опровергают критику действий генерала в этой связи. Так, в середине апреля А.Н. Куропаткин лично объезжал и выбирал места для расположения ожидаемых подкреплений и осматривал позиции у Инкоу, Ляояна, Айсандзяна, Шахе и др., по опыту зная, что проверки были необходимы и оправдывали себя.

В этом отношении японская армия имела преимущество в результате недавней японско-китайской войне (1894–1895). Офицерам и солдатам японской армии хорошо был известен ТВД. Тогда, победив китайскую армию в устье р. Ялу, они за несколько часов заняли Порт-Артур. Синтоистская религия и военная пропаганда играли свою роль, а патриотизм и решимость японцев преодолеть все и вновь завладеть Порт-Артуром была такова, что при осаде крепости в русско-японскую войну они не останавливались ни перед чем. Однако масштабы

¹ Там же. Л. 7–7 об.

² РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 241. Л. 7–7об.

³ Дневник генерала... С. 257.

русско-японской войны по тем временам были невиданными: по фронту вдоль железной дороги от Мукдена до Сеньючена было 200 верст, а в глубину от нее до Ялу и Анчжу 300 верст; сражения длились неделями. Опасность того, что японцы могли завладеть путями сообщений была велика, и это в большой степени сказывалось на принятии высшим командованием решений.

В.А. Панов, во время русско-японской кампании бывший городским головой г. Владивостока, во владивостокской газете «Дальний Восток» публиковал свои статьи и, в частности, писал, что в русско-японскую войну генерал А.Н. Куропаткин не мог оторваться от железной дороги, постоянно ставя ее защиту на первый план: «Русский Дальний оказался великолепным японским „ломом“, при помощи которого был свергнут со своего основания русский же Порт-Артур. Южно-маньчжурская дорога послужила прекрасным подспорьем японскому наступлению на русскую армию в Маньчжурии; благодаря ей генерал Куропаткин ни разу не мог отступить настолько, чтобы спокойно сосредоточить свои войска, оставив между собой и неприятелем достаточное расстояние <...> Но генералу Куропаткину пришлось выступить уже тогда, когда „факт свершился“ и оставалось считаться с его следствиями, а граф Витте был непосредственным творцом самого факта и всех его логических следствий. В этом огромная разница»¹

А.Н. Куропаткин не раз отмечал, что Е.И. Алексеев при анализе военного положения был склонен весьма оптимистично рассчитывать на наиболее благоприятный сценарий, в то время как сам командующий Маньчжурской армией, учитывая сопряженные риски, в своем анализе отталкивался от возможного наихудшего варианта, так как часто приходилось, по его словам, принимать решения «в темную» без достаточных знаний о противнике. Для русской армии горная пересеченная местность, сезоны дождей², разливы рек, непроходимые дороги, заросли гаоляна, невыносимая жара или резкое понижение температуры усугубляли изначально неблагоприятные условия сосредоточения и также влияли на принятие командованием решений. Требовалось время, чтобы войска и командование адаптировались к трудным

¹ Панов В. А. Историческая ошибка. Отдельные отгиски из № 23–47 газеты «Дальний Восток». Владивосток, 1908.

² Ухач-Огорович Н. А. Куропаткин и его помощники. Ответ Барону фон-Теттау. Умань, 1914. С. 34. – «На юге Маньчжурии льют тропические дожди, огромной силы. Так, например, с 14 по 18 июня четвертого года шли дожди, которые совершенно залили биваки; были человеческие жертвы; колесное движение вовсе прекратилось».

климатическим и географическим условиям, вдали от основной базы, к непривычным для русской армии условиям ведения военных действий в незнакомой и недостаточно изученной местности с враждебно настроенным населением и «энергичным» противником, вооруженным по последнему слову техники.

По прибытии в армию командующий установил, что сосредоточение в целом проходило не вполне успешно. Приняв командование, он в соответствии с Высочайше одобренным планом, разработанным штабом наместника от 5 ноября 1903 г., целенаправленно приступил к сосредоточению и созданию укрепленных районов.

При передаче командования Н.П. Линевиц направил генералу и адмиралу 15 марта за № 1472 памятную записку «Положение дел в Маньчжурской армии», в которой сообщал, что на пункте сосредоточения находилось: «78 эскадронов и сотен 39, орудий 144», которые были разбиты на Южный отряд, Восточный авангард, Конный отряд, Партизанский отряд, Главные силы, расположенные в двух группах: одна в Айсаньцзяне и другая в Ляояне, силы Порт-Артура, а также были изложены планы дальнейших военных действий. В частности, генерал писал, что «мы настолько сильны у Ляояна, что о нашем отступлении более не может быть речи»¹. В результате предпочтительным решением, к которому склонялся Н.П. Линевиц, было: «пропустить японскую армию через Ялу к нашей железной дороге, атаковать ее у нашей железной дороги, не дав им сильно укрепиться», то есть «пропустить японцев к Хайчену, нам, тем временем, вполне сосредоточиться и только после сего атаковать их где-либо у названного пункта»².

Однако три месяца спустя, как видно из зашифрованной депеши командующего за № 5892 от 20 июня 1904 г. из Ташичао, что А.Н. Куропаткин не разделял мнения Н.П. Линевица и что, благодаря принятым им мерами, на Хайченском направлении было сосредоточено 45 батальонов, с которыми командующий мог встретить удар главных сил армии генерала Куроки или «атаковать японцев, если бы они, перейдя к обороне, приняли бой на занятых позициях», а также, как показала рекогносцировка 16 июня, что «опасность прорыва японцев на Хайченском направлении была временно устранена»³. Это был необходимый небольшой выигрывш во времени для продолжения сосредоточения сил. При этом на тот момент на еще более важном Ляоянском

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 48–48об.

направлении еще не было выяснено, какими силами наступал противник, а Восточный отряд во главе с генералом Ф.Э. Келлером под напором превосходящих сил медленно отходил к позиции Ляньдяньсяня, где должен был получить подкрепление.

Таким образом, отступление шло медленнее, чем могло быть в случае следования рекомендациям Н.П. Линевича, и А.Н. Куропаткин смог выиграть время и принял соответствующие меры по сосредоточению и защите железнодорожной линии и созданию укрепленных районов. В итоге отступление к Хайчену началось на 4 месяца позднее, нежели могло быть, последуй генерал А.Н. Куропаткин предложению генерала Н.П. Линевича при вступлении в должность командующего.

Важно отметить, что обвинения генерала в пассивности также являются необоснованными: неоднократно в телеграммах говорится о подготовках к наступлению. Так, в качестве примера, в той же депеше за № 5892 генерал сообщал: «Если японцы не собьют нас с позиции у Ляньдяньсяня и удовольствуются занятием оставленных нами перевалов, то, пользуясь сосредоточением в Ляоянском районе девятой дивизии, мы готовимся перейти в наступление для обратного овладения позициями на Фыншуйлинском хребте. Мы готовимся также к наступлению для обратного овладения Далинским перевалом»¹. Успех, однако, ставился в зависимость от состояния погоды, которая в то время года не благоприятствовала продвижению нашей армии.

Отступление входило в стратегический план действий, что необходимо отметить как пример необоснованности обвинений Е.И. Алексева в ответе А.Н. Куропаткину на депеши № 714 и № 724. Еще до официального назначения в частном письме от 6 февраля 1904 г. генерал уведомил адмирала о высказанном ему 3 февраля решении императора назначить его командующим Маньчжурской армии и изложил в отдельной записке свое видение кампании и предстоящих задач, которые он предварительно обсудил с назначенным 29 января 1904 г. на должность начальника полевого штаба наместника на Дальнем Востоке генералом Я.Г. Жилинским, осознавая что если назначение состоится он будет уже в подчинении адмирала².

В этой записке, составленной также с учетом результатов работы с С.О. Макаровым и содержащей предварительные общие соображения и видение генералом путей достижения победы, которые сложились у него на 2 февраля 1904 г., А.Н. Куропаткин писал, что для перехода

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 50.

² Там же. Л. 1–2 об.

Маньчжурской армии в наступление и успешной атаки требовалось полное содействие флота. Для достижения победы в общих чертах план кампании и конечная цель виделись военному министру следующим образом: 1) Борьба флотов за главенство на море. 2) Десант со стороны японцев и противодействие ему. 3) Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил. 4) Переход в наступление. 5) Вытеснение японцев из Маньчжурии; 6) Вытеснение японцев из Кореи. 7) Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием. Овладение столицами и особою императора¹. В силу того, что пункты 1) и 2) в ближайшем времени уже не были выполнены, по независящим от генерала обстоятельствам, стратегическое видение кампании претерпевало кардинальные изменения. Без поддержки флота война затягивалась и последующие пункты намеченного плана не могли быть выполнены.

Вышесказанное опровергает критику генерала в нерешительности и изначальной установке на отступление. В стратегических целях в первый период кампании расчет, в целом, был сделан на сдерживание неприятеля до полного сосредоточения сил и предполагал дальнейшее масштабное наступление для достижения конечного результата. Преследуя эти цели, А.Н. Куропаткин приступил к активной работе с представителями военного ведомства и адмиралом С. О. Макаровым над планами совместных операций.

Мнения о местах возможной высадки неприятеля расходились. От этого зависели дальнейшие военные планы и расчеты, особенно в отношении укрепленного района Порт-Артур. Нападение Японии на русский флот без объявления войны и неблагоприятное для России начало кампании привело к тому, что возможность противодействия силами флота высадке японских войск оказалась ограниченной.

В записи, сделанной генералом 20 января 1904 г., отражено мнение представителей морского ведомства о возможном развитии кампании накануне войны: «Авелан считает, что Алексеев может препятствовать высадке на всем западном побережье и даже противиться несколько высадке в Фузане. Что три крейсера из Владивостока могут при высадке в Фузане принять участие в бою». Затем следовала оценка ситуации адмиралом З. П. Рожественским: «Считает, что наш флот может атаковать японский флот, противясь десанту только на западном берегу Кореи, и то с высоты Чемульпо. Что у Чемульпо неудобная местность

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 12 об.

(много закрытий для нечаянной атаки) для большого морского боя. Не хвалил Старка. Жалуется, что Вирениус идет слишком медленно со своей эскадрой»¹.

Накануне войны, 26 января 1904 г., план в общих чертах был следующим. На совещании у императора, в котором участвовали великий князь Алексей Александрович, управляющий морским министерством адмирал Ф. К. Авелан и были приглашены министр иностранных дел В. Н. Ламздорф и военный министр А. Н. Куропаткин (адмирал А. М. Абаза выполнял обязанности делопроизводителя), генерал кратко изложил мнение дальневосточного начальства о совместном действии флота и сухопутных сил в случае объявления войны Японией. Оно заключалось, в том, что в сентябре – октябре 1903 г., когда составлялся план стратегического развертывания русских сил в южной Маньчжурии, наместник исходил (что важно отметить) из того, что русский флот не мог потерпеть поражение, и поэтому высадка японцев севернее Чемульпо на западном берегу Кореи считалась наместником невозможной. Подход японцев к линии КВЖД в Южной Маньчжурии ожидался только на третий месяц, что на месте казалось достаточным для организации отпора.

В то же время генерал отмечал, что еще осенью 1903 г. в депеше за № 75 от 20 сентября 1903 г. Е. И. Алексеев сообщал ему о том, что он обратился к императору с просьбой о разрешении оказать противодействие открытой силой высадке в Чемульпо, Цинампо или в устье Ялу, на что получил отрицательный ответ императора, который не желал войны. Ввиду непрерывной деятельности японцев 21 января 1904 г. наместник вновь повторил просьбу о разрешении ему начать решительные действия морских сил в тех же пределах, что означало, что Российская империя первая начала бы войну.

Военный министр признавал, что теоретически и с точки зрения положения сухопутных сил эти действия были очень необходимы, так как в противном случае японцы могли слишком быстро прийти до реки Ялу и вторгнуться в Маньчжурию до того, как русские войска будут готовы их встретить. Однако, обращая внимание на расстояния от Фузана до Чемульпо, до Пхеньяна, до Ялу и от Генсана до Пхеньяна, указал на важность того, чтобы высадка неприятеля произошла бы как можно южнее. Ссылаясь на то, как осторожно действовали японцы 10 лет назад с китайцами в Корее, как предприняли высадку на

¹ Дневник генерала... С. 225.

р. Ялу, лишь разбив китайский флот 17 сентября, а до этого высадили в Цинальто и в Генсене только по бригаде, чтобы атаковать Пхеньян, он сделал предположение, что японцы будут осторожны и в этот раз, подготовив, вероятно, два плана: один – занять Корею и по возможности избежать войны с Россией, другой – объявить войну России и, не ограничиваясь Корей, перенести войну в Маньчжурию.

В первом случае А. Н. Куропаткин считал, что для России было невыгодно открывать военные действия и вступать в войну из-за Кореи, чего прежде всего не желал Николай II. Во втором случае надо было принять все меры, чтобы использовать морские силы России. Генерал считал, что помешать десанту на восточном берегу у Генсана не было возможным, а высадка, вероятно, должна была произойти там: «Оттуда до Пхеньяна 130 верст. Выгадают много. В Фузане трудно мешать. Не уверен, могут ли наши моряки помешать высадке в Чемульпо. Очень удобная местность для обороны, очень неудобная для атаки: много случаев действовать миноносцами. Это дело моряков. Но надо во что бы то ни стало помешать высадке севернее Чемульпо». Военный министр В.В. Сахоров придерживался того же мнения: «Прочел письмо Сахарова ко мне, в общих выражениях то же»¹.

Однако уже 31 марта 1904 г.², через две недели по прибытии генерала в армию, совместный план ведения войны на море и на суше, согласованный командующим с адмиралом С.О. Макаровым и его штабом, «был утрачен»: «Погиб даровитый, авторитетный и энергичный адмирал. Трудно заменить его. Надо прислать Н.И. Скрыдлова или З.П. Рожественского. Оба они плохо уживаются с Алексеевым <...> Алексеев скорбит не только об Макарове, но и о всем его штабе, погибшем вместе с ним <...> Все, по словам Алексеева, даровитые люди. Погибли все планы, соображения. Потеря незаменимая»³.

Становилось очевидным, что вопреки расчетам адмирала Е.И. Алексееву, который изначально был настроен воинственно и оптимистично, делая ставку на «битву флотов» и победу в ней России, война затягивалась. Командующий придерживался мнения, что исход войны будет решаться сухопутными войсками «достаточными силами и при том снабженными всем необходимым для непрерывного наступления в течение довольно продолжительного времени»⁴,

¹ Дневник генерала... С. 225–227.

² Красный архив. 1935. Т. 1. С. 65–96Т. 2–3. С. 101–126.

³ Дневник генерала... С. 267.

⁴ Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской

хотя надеялся на «обещанную» поддержку флота. Необходимо отметить, что часто упускается из виду, что на совещании по военным вопросам в Порт-Артуре 24 и 25 июня 1903 г. в расчетах исходили из наихудшего сценария, а именно: только для сухопутных сил независимо от результатов действий на море. Мнение генерала разделял адмирал С.О. Макаров и они находили взаимопонимание, строя стратегию на том, что сухопутная армия будет опираться на флот. Оба военачальника понимали, что исход войны будет решаться на суше, и они сами, и их штабы работали над планами совместных действий, однако их опасения оправдались.

В результате последовавших трагических событий главнокомандующий Е.И. Алексеев вынужден был предупредить А.Н. Куропаткина, чтобы он «продолжительное время не рассчитывал на содействие флота» и в беседе с ним «говорил: „Вот винули Старка, прислали Макарова, что же, дело лучше пошло? “Тут, по его словам, что-то фатальное, против чего борьба невозможна». Император предложил адмиралу Е.И. Алексееву ехать в Порт-Артур и вступить в командование флотом. А.Н. Куропаткин отметил, что, по всей вероятности, «такая воля государя, мудро и решительно выраженная, не нравится Алексееву и его приближенным»¹.

Таким образом, мнения в отношении роли флота и события развивались так, что сначала предполагалась победа над японским флотом, затем лишь поддержка сухопутных сил, а в результате Маньчжурская армия осталась без поддержки флота, а движение на помощь Порт-Артуру, в первую очередь, было вынуждено и обусловлено необходимостью выручки эскадры, что признавал как Е.И. Алексеев, так и А.Н. Куропаткин.

Опасаясь, что удар будет нанесен по Порт-Артуру, генерал обратился к главнокомандующему с просьбой усилить порт Дальний и приготовить один крепостной полк в случае, если японцы начнут высадку южнее Циньжоу. Адмирал полагал, что пункт высадки мог быть в Дагушане или в Бицзыво, не исключая, что японцы могли провести высадку и во Владивостокском районе.

Это последнее предположение оставило командующего в критический момент сосредоточения войск без подкреплений в течение апреля. Через неделю после гибели «Петропавловска», 6 апреля,

войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб., 1910. Т. 1. С. 4.

¹ Дневник генерала... С. 268–270.

А.Н. Куропаткин получил депешу от государя, в которой Николай II, признавая особо важное значение за Харбином, указывал на необходимость остановить в Харбине 1-ю Сибирскую дивизию (три полка), «дабы ее можно было двинуть в Приамурье, если японцы сделают там высадку»¹. Эта депеша была ответом на ходатайство Я.Г. Жилинского В.В. Сахарову задержать эту дивизию в Харбине. Руководствуясь вескими доводами и не признавая необходимости этой меры, А.Н. Куропаткин, подчиняясь приказу, выполнил указание и послал соответствующее распоряжение. Тем не менее, командующий считал, что Харбин лучше всего был защищен расстояниями (до Владивостока – 730 верст), а принятая мера ослабляла его: «В случае опасности со стороны Владивостока можно направить туда все подходящие с запада подкрепления, не задерживая 1-й дивизии. Если же она будет задержана, то я в течение всего апреля месяца не получу для подкрепления войск армии *ни одного батальона пехоты* (курсив в оригинале. – Авт.) А между тем в центре у меня слабо, и весь мой резерв заключается во 2-ом корпусе из 28 батальонов»².

9 апреля А.Н. Куропаткин отмечал, что в Порт-Артуре начали тревожиться сильнее, чем следовало: «Отозвали 15-й полк с позиций у Дальнего <...> Прежде все не хотели усиливать на Квантуне войск, надеясь на силу укреплений. Теперь Жилинский телеграфирует мне, что укрепления слабы местами по левой профили»³.

Неделю спустя, 16 апреля, считая, что была возможность препятствовать высадке неприятеля, генерал оставил запись о том, что, по его мнению, главнокомандующий действовал более пассивно, чем следовало: «Японцы сегодня усилились на правом берегу р. Ялу и на левом р. Эйхо. Угрожают левому флангу нашего расположения на Ялу <...> Казалось бы, была – и еще есть – полная возможность переходом в наступление по левому берегу Эйхо сбросить их с высот у Лизавена и высоты 146. Передвинутый полк вчера к Чатау плох, несколько усиленный из общего резерва, мог бы выполнить эту задачу»⁴. В тот же день генерал получил известие, что японцы бомбардировали Владивосток.

Тактика демонстрации и обхода с фланга была применена японцами еще во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. и

¹ Там же. С. 269.

² Дневник генерала... С. 269.

³ Там же. С. 270.

⁴ Там же. С. 274.

принималась А.Н. Куропаткиным во внимание. В почерке русско-японской войны просматривались усвоенные шаблоны той войны. А.Н. Куропаткин систематически изучал, анализировал и обсуждал материалы по Китаю, Корее и Японии, в том числе и труды по военному искусству, принимал активное участие в учениях на маневрах и часто присутствовал обозревателем на маневрах иностранных войск. Он заслуженно считался одним из видных военных деятелей того времени, пользовался авторитетом и был любим в армии. Можно видеть по записям в начале войны, как он относится к офицерам. Он писал: «доблестный Фок», «блестящий военный Штапельберг», он назначил генерала А.В. Каульбарса командующим (при исследовании удалось восстановить, что семьи Каульбарсов и Куропаткиных состояли в родстве), однако к концу кампании его отношение ко многим из них изменилось.

Генерал неоднократно делал записи в своих дневниках о невыполнении отданных им приказов. Так, 17 апреля 1904 г. он записал: «Разорван телеграф <...> Известий от ген.-лейт. Засулича нет в самые тревожные дни. Меры для быстрого восстановления разрушенного телеграфа заблаговременно приняты не были, хотя я уже предупреждал об этом неделю тому назад. Телеграфная линия не военная, но, очевидно, она должна стать военной»¹.

Не рассчитывая больше на поддержку флота, с одной стороны, генерал А.Н. Куропаткин, с другой стороны, как уже отмечалось, все время был «привязан» к железной дороге², а неизвестность обстановки, сил противника и района его действий в сочетании с географическими и климатическими условиями еще более осложняло положение. В одном случае Е.И. Алексееву пришлось согласиться отложить проведение операции до того, как был срезан с полей гаолян: «Войска в гаоляне совершенно потерялись, стреляли друг в друга и ходили друг на друга в штыки»³.

Помимо этого, сохранялась угроза со стороны китайских войск – в окрестностях Синьминтина стоял 40-тысячный корпус китайского генерала Ма, который вызывал серьезные опасения, о чем свидетельствовала запись, сделанная А.Н. Куропаткиным 10 апреля: «Выбрал Шахе, чтобы поближе иметь поддержку на Синьминтинском направлении, если

¹ Дневник генерала... С. 275.

² Панов В. А. Историческая ошибка. Отдельные оттиски из № 23–47 газеты «Дальний Восток». Владивосток, 1908. С. 22, 25, 31.

³ Дневник генерала... С. 314.

оттуда пойдут японо-китайские войска. Надо устроить платформу»¹. Эти опасения разделял и Е.И. Алексеев: еще в феврале – марте он серьезно рассматривал и давал указания Н.П. Линевичу на случай возможной быстрой операции в отношении китайских войск.

12–17 апреля 1904 г. японцы совершили переправу через р. Ялу. В условиях недостатка подкреплений 13 апреля А.Н. Куропаткин получил депешу от Я. Г. Жилинского, в которой ему передавалось указание наместника (в случае атаки Порт-Артура с суши), с Маньчжурской армией оказать Порт-Артуру возможно быструю и энергичную помощь. Реакция командующего была следующей: «Уйти из района сосредоточения – из Ляояна на 300 верст вперед, имея на фланге армию японцев по Ялу, – дело рискованное и противоречащее указанию государя, переданному наместнику Сахаровым, о том, чтобы мы в действиях войск соблюдали осторожность и приступили к решительным наступательным действиям только после сосредоточения достаточных сил. Приму решение, когда придет час, принимая во внимание по возможности всю сложную обстановку, в которой приходится действовать»².

Надеясь не отступать далее Ляояна, 14 апреля генерал записал: «Укрепления у Ляояна очень быстро растут. Если я успею получить еще 20 батальонов 1-й и 2-й Сибирской дивизий, то можно надеяться, что отступать далее Ляояна не будем. Принимаю меры получить эти батальоны. Прошу привезти мне 12 батальонов 2-й дивизии вместо трех Сибирских казачьих полков и прошу, как только выяснится наступление японцев, отпустить ко мне в Ляоян и окрестности 1-ю Сибирскую дивизию (10 батальонов), задержанную в Харбине по желанию государя императора, как общий резерв для направления к Владивостоку, если бы туда японцы направили свои силы»³.

Однако 18 апреля произошли кровопролитные бои под Тюренченом. А.Н. Куропаткин оставил краткую запись о том, что «пережил тяжелые двое суток». Еще ранее он телеграфировал генералу М.И. Засуличу, что неудачи, даже небольшие, были крайне нежелательны.

В ответ М.И. Засулич прислал депешу о том, что японцы бомбардировали Тюренчен из 120-миллиметровых и полевых батарей. 20 апреля поступила депеша начальника почтово-телеграфной конторы в Фынхуанчене о том, что он снимал аппараты и отступал в Ляоян, а комендант сообщал, что обозы охватила паника вследствие нападения

¹ Там же. С. 271.

² Дневник генерала... С. 271–272.

³ Там же. С. 272–273.

японской кавалерии. Как отмечал командующий, генерал П.М. Захаров нашелся и приказал оставаться. Командир 6-й дивизии генерал-майор А.А. Трусов был отозван в Ляоян за малодушие, командование было приказано принять генерал-майору М.С. Столице.

Из записи 27 апреля можно составить представление о тяжести боев и о потерях в составе войск: «Начинаем успокаиваться после неудачи 18 апреля. Чем более выясняется подробностей, тем более преклоняешься перед геройским поведением 11-го и 12-го стрелковых полков. При 84-рядном составе потеряли почти по 900 человек каждый. Есть роты, потерявшие много свыше половины состава и все сражавшиеся <...> Одна батарея из 100 лошадей потеряла 98. Бригадный ранен, два батарейных убиты. Большинство офицеров убиты или ранены. Нижних чинов в двух батареях выбыла большая часть. Тяжелая местность затрудняла спасение»¹. Ранее, осматривая местность и войсковые части под Мукденом, А.Н. Куропаткин отмечал, что батальоны «представлялись» хорошо, но офицеров было поразительно мало: «есть роты по одному ротному командиру, и то подпоручику из запаса. В двух батальонах всего 12 обер-офицеров с адъютантами». Командующий считал, что «японцы сделали большую ошибку, не преследуя наших войск. Могли бы нанести отряду окончательное поражение»².

Таким образом, генерал следовал изначальной стратегии, согласно которой следовало собраться с силами, а потом уже энергично идти вперед. Он считал, что до осени нельзя было предпринимать решительных действий, а Порт-Артур был уже укреплен и снабжен запасами на 16 месяцев. С учетом рекомендаций отправленных им ранее главнокомандующему, сила гарнизона могла дойти до 40 000 человек, а командиров А. М. Стесселя, К. Н. Смирнова и особенно Р. И. Кондратенко он считал выдающимися начальниками. Генерал также отдавал себе отчет в том, что если бы японцы заняли Цзиньжоускую позицию, они укрепили бы ее «чрезвычайно», и ему пришлось бы пролить много крови прежде, чем вновь занять ее³.

Через полтора месяца по прибытии в армию, на 30 апреля 1904 г., план действия японцев представлялся А.Н. Куропаткину следующим образом: «Поставив заслон против Порт-Артура, они решились действовать против Маньчжурской армии тремя армиями: одной с Ялу (быть может, усиленной двумя дивизиями), одной с юга (от Бицзыво) и

¹ Дневник генерала... С. 278.

² Там же. С. 277.

³ Дневник генерала... С. 280.

одну армию высадят в Гайчжоу и Инкоу. Соберется до 150 батальонов. Если подкрепления к нам не подойдут, то удержаться в Ляоянском районе с 75 батальонами будет очень трудно. Все же придется попытаться дать отпор, если они разбросаются. Вчера после месячного перерыва в Ляоян прибыло два батальона пехотного Верхнеудинского полка. Государь прислал мне депешу, в которой указывал на необходимость сосредоточиться, что мы и делаем <...> Алексееву государь телеграфировал, что я могу собрать 88 батальонов, с которыми могу дать отпор двум японским армиям. Горячится... Надо более спокойствия»¹.

Согласно дневниковым записям А.Н. Куропаткина, в Ляоян целый месяц не приходило подкрепление, в то же время командующий пытался выиграть время и рассчитывал на то, что, возможно, есть недельное преимущество во времени, благодаря действиям партизанского отряда полковника А.С. Мадритова. Генерал обоснованно считал, что позиции под Ляояном оставляли желать лучшего, так как на юге в 47 верстах находились высоты, с которых были отлично видны укрепления: «Позиций под Ляояном, собственно, нет. Их пришлось выдумать, чтобы прикрыть этот важный узел путей. Позиция у Айсандзяна тоже нехороша. Она слишком длинна (на два корпуса) и обходима, особенно с левого фланга. Несколько важнейших путей через Феншуйлинский перевал обходят эту позицию. Несколько дней идет дождь. Дороги опять растворились. Переход в наступление будет тяжел, особенно для артиллерии. С двумя японскими армиями силою около 100–108 батальонов пехоты я надеюсь справиться и не отступать от Ляояна. Борьба с тремя армиями, если до этого времени не успеют подойти подкрепления, будет, пожалуй, нам непосильна, если японцы не сделают ошибки. Особенно опасаясь превосходства их в артиллерии. При трех армиях они будут иметь артиллерии вдвое более, чем у нас. Заняв высоты над Ляояном и уставив их батареями, они сделают трудными сообщения с нашими опорными пунктами. Готовлюсь к решительному бою с твердостью, но иногда тревожусь за исход дела, если превосходство будет слишком велико. Стараюсь на всех действовать полным наружным спокойствием и хорошим, ровным расположением духа. Это удастся. Послал ген.-лейт. Ф.А. Келлера командовать Восточным отрядом вместо ген. М.И. Засулича. Его престиж подорван делом на Ялу. Рассказам нет конца, и, как всегда, очень много преувеличений»².

Еще ранее 26 апреля генерал отметил, что Е.И. Алексеев, при

¹ Там же. С. 281.

² Дневник генерала... С. 282.

существующем расположении и неизвестности, куда японцы могли направить остальные силы, признал, что направление за 300 верст 18 батальонов из Южно-Маньчжурского отряда (которые, по расчетам генерала, можно было выделить) составляло весьма опасную задачу. По мнению генерала, выделение этих сил лишило бы Маньчжурскую армию активности, в то время как эти силы могли оказаться недостаточными, чтобы помешать японцам блокировать Порт-Артур, а в случае отступления эти 18 батальонов могли лишиться своих сообщений, так как им «надо идти клином, имея море с двух сторон»¹.

В течение мая высадились три японские армии: 2-ая армия генерала Оку начала высадку 26 апреля у Бицзыво, 3-я армия генерала Ноги у Дальнего и 4-ая армия генерала Нодзу у Дагушаня. С тем, чтобы отрезать Порт-Артур, 25 мая 2-ая японская армия перешла в наступление. Армии генерала Ноги предписывалось взять Порт-Артур.

Однако в преддверии этого, 11 мая, А. Н. Куропаткин сделал следующую запись: «Вчера наместник прислал ко мне Жилинского с письмом, в котором указывает, что, по его мнению, наступило время Маньчжурской армии перейти в наступление или к Ялу, или к Порт-Артуру для выручки его. И этот совет дан, когда еще не определилось, куда высадится третья армия японцев! Воистину, мы создаем авантюристическую стратегию. Дали расшатать свой флот. Теперь принимаемся за армию. Ответил Жилинскому, что мы готовимся встретить удар трех японских армий. Что если удар определится не на нас, то помощь Порт-Артуру будет оказана, но что прежде всего надо определенно знать, куда японцы направят удар своих главных сил. Жилинский, сам подсчитав, признал, что более 20–24 батальонов мы не можем отделить для действий к Порт-Артуру»².

16мая А. Н. Куропаткин приехал к наместнику в Мукден с письмом, чтобы обосновать, что для собственных нужд Маньчжурской армии (при условии, что Порт-Артур мог бы продержаться не двухмесячный срок) не следовало переходить в наступление ни против генерала Куроки, ни против 2-й армии, а продолжать сосредоточиваться. Но по заявлению Е.И. Алексеева, что Порт-Артур может продержаться лишь 2–3 месяца, А.Н. Куропаткин был вынужден признать: «...как ни рискованно, как ни противно обычной (по книжкам) стратегии, но придется двинуться на помощь Порт-Артуру, как только определится, что японцы главный свой удар направляют на Порт-Артур. Движение

¹ Там же. С. 279.

² Дневник генерала... С. 284.

полагал начать после прибытия к армии 3-й Сибирской дивизии. Если бы против нас высадилась 3-я армия, то такое движение признавал бы рискованным до прибытия дальнейших подкреплений. Может получиться невероятный слоеный пирог, если мы наступлением японцев от Ялу будем отрезаны от корпуса войск, высланных к Квантуну»¹.

Анализируя положение, А.Н. Куропаткин отмечал: «Просто удивляться надо, как одна ошибка ведет за собой массу тяжких последствий. Выходит, что наш флот не только не помог в должной мере и в мере, как то рассчитывалось сухопутной армией, но еще может послужить причиной нового и тяжелого частного поражения части наших сил, двинутых к Квантуну. Мы, в сущности, что не скрывает и Алексеев, пойдем на выручку не крепости, а флота. Тяжело. Поживем – увидим, но жертву принести надо»².

Сосредоточение армии в 10 тысячах верст вдали от основной базы требовало времени, выдержки и терпения, однако от генерала ожидали быстрых действий и результатов: «Из Мукдена³ все тянут ту же ноту: скорее, скорее и побольше. Если бы их послушаться, то мы уже теперь навалились бы на беду. „Прости им, боже, ибо не ведают, что творят“ – неволью стоит в уме. Стыдно Жилинскому, проявившему такую податливость адмиральским бредням! Адмиралу, привыкшему плавать по морям, проходя сотни верст в сутки, простительно забывать, что пехотный батальон не быстроходный крейсер, но Жилинскому забывать это стыдно»⁴.

Информация о противнике, которой он располагал, была неполной, что также обуславливало сдержанность в принятии решений: «Собираю у Вафангоу корпус Штакельберга в 32 батальона. Авангард этого корпуса из 6 батальонов уже в Вафандяне. Куроки демонстрирует и крайне растягивается. При достатке сил и транспортных средств дает отличный случай переходом в наступление овладеть Фынхуанченом и разбить его армию по частям. Саймадзы очистил. От Сюняя, им занятого значительными силами, потянулся к востоку. Очень опасаясь, что действиями 3-й армии с юга и Куроки с востока корпус Штакельберга будет поставлен в тяжелое положение. Особенно боюсь прорыва нашего расположения от Сюняя на Гайчжоу. Принимаю меры дать отпор». Об этом также свидетельствовала зашифрованная депеша из Ташичао

¹ Там же... С. 285.

² Дневник генерала... С. 285.

³ В Мукдене в то время находилась главная квартира заместника Е.И. Алексеева.

⁴ Дневник генерала... С. 286.

от А.Н. Куропаткина наместнику Е.И. Алексееву в Мукден от 20 июня 1904 г.¹

Опасения генерала в отношении отряда генерала Г. К. Штакельберга, к сожалению, оправдались: 2 июня появилась запись о том, что опять выпал «несчастный» день. После успешно отбитой атаки Г. К. Штакельберг в донесении государю выразился так: «Завтра я атакую правый фланг противника». Это обещание, которое было дано заблаговременно и без проверки того, «кто стоял против него и каково было расположение», Г. К. Штакельберг сдержал, при этом «не дав развиться наступлению японцев, причем мы могли бы причинить им тяжелые потери, он отдал приказ бригаде 35-й дивизии обходить правый фланг противника, а 1-й стрелковой дивизии наступать в фронта. Всего Штакельберг располагал 36 батальонами, из которых 10 я ему подвез по железной дороге в последние два дня. Японцы сами перешли в наступление против нашего правого фланга. Штакельберг направил против них все свои резервы, но не мог удержать и вынужден был к отступлению. Потери должно быть большие...»².

11 июня приехал генерал Я.Г. Жилинский, чтобы рассмотреть «по документам» правильность действий Г.К. Штакельберга 1 и 2 июня. Документы оказались в его пользу: «Он принял неправильное решение, но все распоряжения были сделаны своевременно, и войска отступили в полном порядке. Но несомненно, что этот генерал вызвал к себе общую ненависть в командуемом им отряде. Сочиняют совершенные небывлицы. Наслушавшись их, наместник и послал Жилинского, высказав заранее решение, что Штакельберга надо сменить. Видел Штакельберга. Здоровье, хотя и слабое, но позволяет ему нести службу»³.

Все вышесказанное свидетельствует о неблагоприятном начале для Российской империи русско-японской кампании. Положение «двоевластия» на ТВД усугублялось также указаниями из Петербурга, и часто вмешательством великих князей, в частности вел. кн. Николая Николаевича.

Далее, в качестве дополнительного штриха к изложенному, – письмо

¹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 48–50.

² Дневник генерала... С. 287.

³ Там же. С. 289.

члена семьи Половцовых¹, адресованное А.В. Половцову² из Харбина, в котором автором дано его видение положения дел в высшем командовании на ТВД³, хотя критика отдельных лиц, как, в частности генерала Штакельберга может быть смягчена тем, что, выполняя свой долг, несмотря на плохое здоровье, он принял назначение в действующую армию, в то время как многие под разными предлогами отказывались.

«г. Харбин, 26.06.1904.

Дорогой дядя Толя!

Премного тебе благодарен за память обо мне и присылку брошюр, особенно, Polovtsovian'ы. Наконец, наша история увековечен, хотя в главных чертах.

Очень сожалею, что я лишен возможности вести записки об здешних событиях. У нас так много дела, что я прихожу домой совершенно измученным и едва успеваю прочесть газеты. Кроме того Харбин в этом отношении менее благоприятен, чем напр. Мукден, или, главное, Ляоян, где, действительно, совершается история; здесь же она лишь отражается в форме постоянно меняющихся, в зависимости от хода важных дел, распоряжений об срочном и экстренном усилении той или другой части дороги. Это дает массу работы, но мало материалов для записок. Интересные вещи доходят до нас (с)

¹ Автор письма по подписи не установлен (предположительно «П?» или «Б?») Половцов. Исходя из содержания письма можно предположить с большой вероятностью, что это – сын военачальника, генерал-лейтенанта Михаила Викторовича Половцова (1829 -1885), двоюродного брата государственного секретаря А.А. Половцова, и брата Анатолия Викторовича Половцова (1849 – 1905). (См.: Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. Том 1. С. 308. // URL: <http://readli.net/dnevnik-gosudarstvennogo-sekretarya-tom-1-1883-1886-gg/>; Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Выпуск III. Фонды русских деятелей XVIII – XX вв., Л., 1983. С. 213 // URL: <http://nlr.ru/domplekhanova/dep/artupload/dp/article/98/NA1419.pdf>

² Половцов А.В. (1849 – 1905) – видный петербургский чиновник, тайный советник, один из руководителей цензуры Императорского Двора (1890 – 1897), историк, археолог, литератор, драматург. Сын филолога и педагога В.А. Половцова и двоюродный брат государственного секретаря А.А. Половцова. Жена – Екатерина Николаевна Половцова (1860 – 1933), ур. Кравченко, – родная племянница П.А. Кропоткина (дочь его старшей сестры Елены Алексеевны). Дети – дочь Ксения Анатольевна Половцова (1886 – 1948) – с супругом А.А. Майером основала в Петрограде религиозно-философский кружок «Воскресенье»; сын – Кирилл Анатольевич, офицер 46-го армейского корпуса (Имена членов семьи упомянуты в конце письма. См. также: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти, 1831 – 1917. СПб., 2007. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia/encslov/?id=5868>)

³ ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовы). Ед. хр. 634. Л. 1-11. (Письмо Анатолию Викторовичу Половцову. Харбин. 26 июня 1904 г.)

помощью телеграмм или сплетен и редко мы получаем что-либо из прямых источников. И как же бывает безотрадно все, что до нас доходит! Не наша вина, если приходилось бы записывать почти исключительно грустные вещи.

Не имея возможности самому вести записки, могу для тебя выбрать несколько эпизодов, которые дошли их достоверных источников.

Первый, о поведении В. князей Кирилла и Бориса Владимировичей в момент гибели Петропавловска.

Про Кирилла известно только, что когда он находился в воде и увидел катера, которые разъезжали для розыска утопающих, то он начал кричать: «Меня, меня спасайте, я Великий Князь!» С утопающего трудно спрашивать особенной деликатности и едва ли можно доказать, что для человечества было бы важнее спасение вместо него какого-либо мичмана Дырки или безымянного матросика, так что он рассуждал правильно, требуя себе преимуществ.

Немного хуже обстояло дело в В.К. Борисом. В момент гибели Петропавловска он находился на Золотой горе и, когда увидел катастрофу, им обуял такой панический страх, что он пустился стремглав бежать с горы по направлению к станции, по дороге растянулся, спотыкнувшись обо что-то, поднялся и, наконец, прибежал на станцию и начал кричать, чтобы ему немедленно подали поезд. Его спросила, куда он хочет ехать. Он заявил, что куда угодно, только вон из Артура, хотя бы за 10 верст. Ему сказали, что поезд сейчас не готов и нужно время на его приготовление, на что получили целый каскад самых отборных бранных слов из богатого Российского лексикона площадных выражений. После этого В.К. не стал ждать, а пошел пешком по шпалам из Артура. Когда подоспели на станцию адъютанты, то он уже был далеко и свита нагнала его на извозчиках в 3-х верстах от города и едва уговорила вернуться. Только вернувшись, он поинтересовался узнать о судьбе своего брата и в тот же день вместе с ним уехали на север. Видимо, он надеялся проводить брата до самого Петербурга, но, должно быть, ему этого не позволили и он ограничился тем, что в Харбине потряс все Кафе-Шантаны до основания и, не заплативши денег, возвратился в Ляоян. (Об неуплате денег мне говорил местный полицеймейстер, которому жаловались содержатели заведений). В Ляояне Борис Вл. живет безотлучно в особом поезде, чем крайне удивляет всех иностранных военных агентов и корреспондентов, которые видят, что все наши дороги нуждаются в вагонах, и совершенно не желает понимать Куропаткина, который

постоянно делает ему тонкие намеки, что его место не в Ляояне, а на аванпостах. Впрочем едва ли аванпостная служба много потеряла от его отсутствия¹.

Пишешь такой рассказ, который носит характер злорадной сплетни, а у самого сердце обливается кровью. Да неужели в Петербурге не нашли послать кого-либо получше в тот момент, когда здесь решаются исторические судьбы России? Этот же вопрос задаешь себе при мысли о многих генералах. Напр. Барон Штакельберг.

Когда он сюда ехал, то поразил всех, что своими чадами и домочадцами занял целый большой вагон, несмотря на бедность в них и недостаток для перевозки войск. С ним ехала жена, компаньонка, три горничных и четыре ливрейных лакея. Казалось бы, что такого господина еще в Петербурге следовало бы посадить в сумасшедший дом, но, в виду его родства с придворным музыкальным начальством, ему дан корпус, которому было поручено весьма ответственное дело. Ну и он распорядился с этим корпусом так, как от подобного господина и можно было ожидать. Командовать отдельным отрядом он поехал в том же вагоне, с женою и домочадцами. Вещь неслыханная, но она имела место. В этом же вагоне он оставался и во время боя 2 июня и в разгар сражения очень продолжительно в нем завтракал, причем запретил передвигать его с места, почему санитарные поезда не могли доходить до мест сражения и оказались не в состоянии вывезти всех раненых, которые вследствие этого в большом количестве достались японцам в плен. Все его подчиненные начальники частей заявили после боя, что не получили от него никаких распоряжений и понятия не имели о местах нахождения и действиях соседних частей, так как диспозиции боя составлено не было. Когда от Штакельберга после боя потребовали предъявления диспозиции, то он просил своего Начальника Штаба составить ее и подписать, на что последний не согласился. Теперь Штакельберга все проклинают, но мы видели, что это за птица, когда он ехал через Харбин на войну.

А Стессель! Достаточно взглянуть на его натянутую физиономию

¹ Генерал А.Н. Куропаткин, имея три тяжелых боевых ранения до русско-японской войны, в момент, когда лично повел войска в бой под Ляояном, не был ранен, однако ранение, хотя и не очень серьезное физически, произошло при иных обстоятельствах еще до Ляоянского сражения и от руки великого князя Бориса Владимировича. (См.: В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / предисл. А. Попова // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 148–204; Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О. Р. Айрапетова. М., 2010. С. 308.)

на фотографиях и прочесть его напыщенные приказы, чтобы определить, что это не есть настоящий человек на настоящем месте. Теперь это увидало даже и его начальство и, кажется, сместили с должности начальника Артурского крепостного района. До войны он публично заявлял Куропаткину, что взялся бы в Артуре с его укреплениями выдержать двухгодичную осаду какой угодно неприятельской армии, а сейчас же после Цзинь-Чжоуского боя заявил, что не ручается и за месяц.

Адмирал же Витгефт своим бездействием в Артуре показывает, какое он бездарное ничтожество. Оба последние герои являются кретаурами Алексеева, которых он ценил за то, что они являлись вполне послушными и безответными его клеветами. Теперь же они показали, чего они стоят, ставши на собственные ноги.

Но настоящим злым гением России в этой войне является Алексеев. Самое его существование в Маньчжурии, наряду с Куропаткиным, представляет собой несчастье для России и преступление со стороны тех, кто его поставил. Наполеон говорил, что один посредственный генерал лучше, чем два хороших. Эта истина известна всему миру кроме, кажется, нашего высшего начальства. Из такой двойственной начальственности проистекает масса столкновений и гибельное отсутствие системы в ведении войны. Сюда приезжал Министр Путей Сообщения кн. Хилков, виделся с Алексеевым и Куропаткиным, а потом рассказывал нашим высшим чинам о своих разговорах с ними. Оба друг на друга жаловались. Это было скоро после Цзинь-Чжоуского боя. Куропаткин говорил, что Алексеев хочет его заставить непременно идти на выручку Порт-Артура, он же на это не соглашается, так как у него слишком мало войск и он рискует устроить слоеный пирог из слов русских и японских войск. Действительно, в Артуре русские, у Цинь-Чжоу японцы, затем наш отряд, посланный на выручку Артура, ему в тыл и фланг, конечно, японцы пошлют солидный отряд, а на выручку нашего отряда пойдем мы, и, так как у японцев войск более, чем у нас, то в конце концов японцы нас отрежут от нашей базы, то есть железной дороги. Куропаткин сказал, что он ни за что этого не сделает, как бы Алексеев ни требовал, разве что прикажет Государь. Видимо, что Государь приказал и совершилась крупная глупость, которая закончилась нашим поражением у Вафангоу, не имевшим гибельного результата только потому, что японцы не дали отряду Штакельберга достаточно удалиться и тем предоставили ему возможность отступить. Андрюша, который это время был в

Ляояне и жил в поезде Куропаткина, говорил, что был жуткий момент вскоре после этого боя, когда было неизвестно, успеет ли Штакельберг отступить и не отрежут ли его от Куропаткина японцы. Куропаткин должен был послать ему на выручку большую подмогу, причем оказался вынужденным совершенно ослабить те войска, которые защищали железную дорогу к северу от Ляояна от занятия ее японцами до того, что для защиты Ляояна и всей прилегающей жел. дороги у гр. Келлера было оставлено всего 2 полка. Хорошо, что японцы об этом не узнали вовремя, а то могло бы быть очень плохо. Когда же японцы узнали и направили значительный отряд на Ляоян, то Штакельберг успел уже отступить и часть войск спешно вернули в Ляоян.

Хоть бы этот случай послужил уроком Алексееву и Петербургу. Понятно, что нежелательно уступать японцам Порт-Артур. Но еще нежелательнее потерять всю армию, причем Артур все равно погибает. Теперь вся надежда на то, что Артур удержится. У нас слишком мало войск, чтобы быть достаточно сильными и в Ляояне и выручить Артур. Если же мы настолько усилимся в Ляояне, чтобы одержать верх над северной японской армией, то японцы принуждены будут снять осаду и с Артура.

До какой степени Алексеев любит окружать себя ничтожествами, лучше всего видно из слов, которые он сказал кн. Хилкову: «И зачем это ко мне присылали Макарова? Ничего хорошего не вышло. А вот после того, как Витгефт начал действовать по моим указаниям, японский флот наполовину и уничтожен». Это он намекал на гибель от мин нескольких японских судов. В действительности же, как только Витгефт принужден был начать действовать самостоятельно, он и показал все свое ничтожество. Теперь уже и Алексеев громко выражает свое недовольство им.

Какое странное совпадение, что у всех этих рыцарей печального образа: Штакельберга, Стесселя и Витгефта, а ранее Старка, все немецкие фамилии.

Грустно, что так мало в теперешних обстоятельствах светлых сторон. Вся надежда только на Куропаткина, если ему не будут мешать из Мукдена и из Петербурга.

Но видимо там еще не вполне поняли всю серьезность этой войны. Это видно по многим признакам. Например, ко времени начала войны всему миру было известно громадное значение скорострельной артиллерии и у нас есть корпуса, как напр. 1-й, которые уже сравнительно давно снабжены ею, между тем в первую голову сюда начали

привозить сибирские корпуса и корпуса 10 и 17, которые только после объявления мобилизации в первый раз увидели скорострельные орудия и теперь на войне принуждены будут обучаться их управлению. Между тем как, если бы 1-й корпус отправили раньше 10-го и 17-го, то последние имели бы несколько времени, чтобы обучиться обращению с новыми орудиями.

То же самое с перевозкой войск. Наша дорога утроила свою пропускную способность теперь сравнительно со временем объявления войны, между тем перевозка войск едва удвоилась. Оказывается, что в Главном Штабе не верили, что мы в состоянии так быстро усилиться, хотя и дали нам такую задачу, почему не успели приспособить так перевозки войск к нашей пропускной способности. Видимо, что у Петербургского Начальства есть миллион интересов помимо войны, почему об ее нуждах не думают достаточно серьезно.

Я увлекся и много и бессвязно написал. Дело в том, что война составляет для нас единственный интерес и потому мы относимся ко всему, что ее касается, крайне горячо. Приятно было бы, если бы можно было все хвалить и очень грустно, что приходится осуждать.

В Маньчжурии теперь находится Андрияш¹, живет частью в Ляояне, частью в Харбине у меня. Скоро сюда должен приехать Пит²

Я с грустью узнал из писем жены и отчасти из слов Андрияши, что ты нездоров. Судя по тону твоего письма, ты смотришь вперед бодро, а это очень важно в сердечных болезнях. Кланяйся, пожалуйста, тете Кате, Ксении и Кириллу. Кто бы подумал, что Ксения уже окончила гимназию. Моя жена с детьми теперь живет в Царском Селе, Леонтьевская, дом Ост³. Если будешь в Петербурге

¹ Половцов Андрей Петрович (1868 – после 1938) – генерал-майор Свиты, помощник управляющего Кабинетом Его Императорского Величества, заведующий земельно-заводским отделом // URL: ru.wikipedia.org/wiki/Половцов,_Андрей_Петрович

² Половцов Петр Александрович (1874 – 1964) – русский военачальник, востоковед, генерал-лейтенант, автор ряда военных и востоковедческих работ; младший сын государственного секретаря А.А. Половцова. // URL: ru.wikipedia.org/wiki/Половцов,_Пётр_Александрович; Половцов А.А. «Дневник Государственного секретаря: В 2 т. Том II (1887-1892). // URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/15052012-08a.html> – «Половцов Петр («Пит») Александрович (1874-1964), впоследствии ген., командующий войсками Петроградского воен. окр. в 1917 г., младший сын А.А. Половцова: I 9, 80, 99, 113, 115, 142, 152, 221, 222, 335, 359, 376, 461, 470, 512, 532, 543; II 60, 72, 94, 99, 112, 233, 246, 272, 292, 293, 309, 315, 332, 333, 347, 361, 400, 410, 420, 488»

³ Предположительно дом Ф. Каноббио (Леонтьевская ул., 18). Домовладельцы (1874 по 1905) – доктор медицины Иван Михайлович Ост и его сын доктор

свободен то заезжай, чем много обрадуешь Любящего тебя... подпись (П.? Половцова)».

В заключение следует отметить, что на девятый месяц войны в бюллетенях писали следующее: «... действия японцев на восточном фронте, с апреля по июнь, имели целью создать ловушку (курсив в оригинале. – О.Б.) для русских»¹. Об этой же опасности писал и генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович, начальник управления разведки и транспорта 1-й Маньчжурской армии: «Боевое чутье Куропаткина спасло Маньчжурскую армию от саморазрушения. Все изложенное приводит к заключению, что на юге Маньчжурии не следовало наступать по внутренним линиям, даже при возможности выполнить такую операцию»². Относительно наступления по внутренним линиям, являющимся одним из принципов военного искусства, было высказано немало критических замечаний, но вот что пишет об этом Н.А. Ухач-Огорович: «Относительно общей программы действий в Ляоянский период войны, барон Теттау³ утверждает, что можно было оперировать по внутренним линиям и бить японцев по частям. Положим, это господствующее мнение <...> Но если оставить полет фантазии и спуститься на Маньчжурскую землю, то получится, что... забыли про овраги!»⁴. Далее он применял этот общий принцип к Ляоянской обстановке, посвящая ее анализу Главу VIII своей работы, и, в частности, писал: «Если признать, что первая японская армия имела значение приманки (курсив в оригинале. – О.Б.), тогда станут понятны все события на Корейском фронте. И вот, в то время, когда мы истрепали бы свои войска на востоке, на юге японцы могли развернуть две свежие армии. Сопоставьте положение сторон, после выполнения русскими шаблона! Стратегия говорит – никогда не следует делать того, что желательно противнику. Исполнение желания японцев, в Ляоянский период войны⁵, давало: удар в воздух –

медицины, выпускник Императорской Николаевской Царскосельской гимназии 1880 года Александр Иванович Ост. // URL: tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/leontevskaja-18-dom-kanobbio.html#_WreGdR1ubIU

¹ Великая заслуга главнокомандующего гениального вождя А.Н. Куропаткина. Бюллетень. Октябрь 1904 г. М., 1904. – Об Императоре Николае II в то время писали «Державный Вождь» (Прим. – О. Б.).

² Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин... С. 64.

³ Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны: [в 2 ч.] СПб., 1913–1914.

⁴ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин... С. 47–48.

⁵ См.: Строчков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1976.

в оперативном отношении; громадные разрушения – в сфере административной; очень скверное стратегическое положение»¹.

Таким образом, краткий анализ опубликованных дневниковых записей А.Н. Куропаткина начального периода войны в сочетании с архивными и другими данными, в то время когда генерал находился в подчинении² главнокомандующего адмирала Е.И. Алексеева, позволяет увидеть, какие дополнительные факторы обусловили ход сухопутных операций в начальный период, каковы были действия командующего Маньчжурской армией и как сам он видел положение дел на первом этапе войны. В том, что касается личных качеств, генерал проявлял твердость, решительность, веру в победу и личную самоотверженность, понимая всю возложенную на него ответственность за сосредоточение войск и обеспечение защиты железнодорожной магистрали.

10. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире

В отечественной историографии русско-японской войны (1904-1905) вопрос о Портсмутской конференции и предшествовавшим ей обстоятельствам, несмотря на значительную историографию, все еще недостаточно освещен: неполно показана позиция военных и роль великих князей, С.Ю. Витте, группы А.М. Безобразова, адмирала Е.И. Алексеева, генерала О.-Ф.К. Гриппенберга, военного министра А.Ф. Редигера, Совета государственной обороны (СГО) во главе с Великим князем Николаем Николаевичем, а также министра финансов В.Н. Коковцова и ряда других государственных лиц. Тем не менее преждевременное подписание Портсмутского мира, включая его последствия, является ключевым историческим событием, аналог которому, хотя и при других глобальных исторических процессах и условиях, имел место уже в 1918 г., и его всесторонний анализ важен для понимания итогов русско-японской войны и последовавшей череды революционных событий. Однако при анализе неудачного для Российской империи исхода войны, эта составная часть нередко уходит на второй план, уступая место критике «оперативной упадочности» и поискам виновных.

В данной главе рассмотрены взгляды генерала А.Н. Куропаткина на

¹ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин... С. 63–64.

² После отступления под Ляояном и отзыва адмирала Е.И. Алексеева 13 октября 1904 г. А.Н. Куропаткин был назначен главнокомандующим всеми боевыми силами, действующими против японцев. В этой должности он находился около

Портсмутский мирный договор, подписанный 23 августа (5 сентября) 1905 г. в городе Портсмут, США, и то, как генерал к тому времени оценивал положение дел на сухопутном театре военных действий (ТВД), включая оценку военачальников и офицеров генерального штаба, которые остаются относительно малоизвестными, заключение В.Н. Коковцова о финансовом положении дел, а также даны выдержки из записки А.Н. Куропаткина 1906 г. «На Дальнем Востоке» и полный текст его телеграммы, адресованной П.Н. Трубецкому 29 мая 1905 г. в связи с возможным заключением, по его оценке, преждевременного мира.

В связи с рядом отмечавшихся годовщин той войны в последнее время были подняты новые, а также ранее опубликованные документы и сделаны заключения, свидетельствующие о вышесказанном¹. Вопрос о Портсмутском мире продолжает разрабатываться как отечественными, так и зарубежными исследователями, но их работы в большинстве своем фокусируются на роле С.Ю. Витте и посредничестве США. Мнение генерала А.Н. Куропаткина практически не принималось во внимание в силу сложившегося в советский период негативного отношения к нему как «полководцу, проигравшему войну».

Одна из причин этого заключалась в том, что многие исследователи основывали свои выводы на мемуарах и публикациях С.Ю. Витте, содержавших часто субъективную оценку многих событий и государственных деятелей. Согласно работам Б.А. Романова, Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, И.Ф. Гиндина и И.В. Лукоянова можно сказать, что в научных кругах преобладает мнение, что заслуги С.Ю. Витте во многих отношениях были завышены: «с размахом в 1999 г. отметили 150-летие со дня рождения С.Ю. Витте. В адрес графа прозвучало огромное количество похвал, и нельзя сказать, что все они были обоснованы. Конечно, не обошлось и без того, чтобы упомянуть о роли Витте в завершении русско-японской войны. В целом же в историографии значение его в подписании Портсмутского мира оценивается по-разному»². С.Ю. Витте явился не только государственным лицом, во многом ответственным «за дальневосточную политику империи в

¹ Гальперин А.Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком // Исторические записки. М., 1955. Т. 50; Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). М., 1961; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. М.: Мол. гвардия, 2004. С. 376–467.

² Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории, 2007. № 2. С. 16.

последнее десятилетие перед конфликтом», приведшей Россию к войне на Дальнем Востоке, но он уже в июне 1904 г. также выступал в беседах с английским послом Ч. Хардингом за ее «немедленное прекращение»¹.

В дальнейшем С.Ю. Витте не оставлял своей миротворческой деятельности. 20 января 1905 г., «зондируя почву», он обратился к А.Н. Куропаткину с вопросом: «не благоразумнее ли нынче же подумать о мире и искупить свои грехи?»² Вероятно, им подразумевалось и строительство, и потеря коммерческого порта Дальний, и как это сказало на положении Порт-Артура, не говоря о железнодорожной магистрали, проложенной на территории чужой страны и охраняемой министерством финансов. До сих пор не существует современного всестороннего исследования, показывающего прямые и косвенные потери России в результате проводимой политики С.Ю. Витте на Ближнем и Дальнем Востоке.

И.В. Лукоянов пришел к выводу, что: «Обращение к деталям русско-японских переговоров о мире заставляет оценивать роль Витте с большей сдержанностью, чем принято в литературе. Конечно, этот крупнейший государственный деятель рубежа XIX–XX вв. приложил немало усилий для завершения войны. Но при этом проявились не только его незаурядные дипломатические способности, но и жажда власти, стремление вернуться на первые роли любой ценой. Витте ради этого был готов пойти на куда более существенные уступки японцам, чем те, которые все-таки были зафиксированы в окончательном тексте соглашения. В нем отразилась позиция Николая II, учитывавшего настроения „военной партии“ и не просчитавшегося на этот раз в оценке реальности»³. Многие исследователи отмечали, что сдача Порт-Артура и начало первой русской революции, хотя хронологически близкие, непосредственно не были связаны.

В войне на суше Япония могла рассчитывать только на блиц-криг: «Начав войну с Россией, Япония сразу же задумалась о будущем мире, так как рассчитывала на быстротечную кампанию, на полный разгром русской армии в одном-двух сражениях. Летом 1904 г. в Токио развернулась деятельность по выработке условий мира. Длительные военные действия были не по силам, прежде всего, японской экономике»⁴,

¹ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 578.

² С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 20 января 1905 г. // Красный архив. 1926. № 6 (19). С. 76.

³ Лукоянов И.В. Портсмутский мир... С. 16–33.

⁴ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». С. 576.

и это понимали военачальники. Мнения о заключении мира генералов А.Н. Куропаткина и Н.П. Линеви́ча не получали должного анализа или полностью умалчивались. И.В. Лукоянов отмечал, что «вопрос о возможных условиях мира с новой силой стал обсуждаться Японией в конце 1904 г. начале 1905 г. до сдачи Порт-Артура и Мукденского сражения»¹.

28 февраля 1905 г. С.Ю. Витте обратился к Николаю II с очередным призывом в письме, в котором настаивал на скорейшем заключении мира, излагая возможные условия мира, фактически перечеркивая все, что совершалось под его руководством в течение десятилетия на Дальнем Востоке². Император оставил письмо без ответа.

Успехи на море и продвижение на суше привели к тому, что агрессивные амбиции японского руководства возрастали, раскрывая подлинные цели. Как и предвидел А.Н. Куропаткин, это «привело к составлению непомерных требований, недопустимых не только по конкретному содержанию, но и по общему смыслу, по тону. Япония сразу замахнулась на то, что ранее не было объектом ее притязаний и не являлось причиной войны с Россией – это Сахалин и фактическое господство во всем русском Приморье. Позиция Токио превращала войну за влияние в Корее и Маньчжурии также и в битву за дальневосточные владения России. Петербург становился жертвой агрессии, что позволяло ему, оказавшемуся к 1904 г. в своих дальневосточных притязаниях практически в полной изоляции, рассчитывать на международную поддержку. Резкое ослабление России на Дальнем Востоке, если бы Япония сумела его добиться, не устраивало ни Англию, ни США»³.

Президент Т. Рузвельт искал средства воздействия на Петербург, но Россия и до, и после Мукденского сражения не отвечала на его обращения. Согласно Б.А. Романову, позиция Комуры, изложенная им 12 января 1905 г. английскому послу К. Макдональду, подтверждала это: «До тех пор, пока Балтийский флот не разбит или не вернулся в Россию, и до тех пор, пока решающая победа не одержана японцами при Мукдене, русское правительство не захочет <...> сделать какое-

¹ Там же. С. 582–585.

² Всеподданнейшее письмо статс-секретаря С.Ю. Витте от 28 февраля 1905 г. // Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 573–574; Мещерский В.П. Записка о необходимости мира с Японией. // Исторический архив. 2005. № 6. С. 41–46.

³ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 577; Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. М.; Л., 1955. С. 323.

либо мирное предложение»¹. В феврале – марте 1905 г. была сделана очередная попытка установить контакт между враждующими сторонами, но в Петербурге отклонили предложение – было «несвоевременно начинать переговоры сразу после такой военной неудачи, как сдача Порт-Артура: положение русской армии еще не сделалось критическим, тогда как позиция России на возможных в дальнейшем переговорах резко ухудшилась бы»². Николай II желал, чтобы Япония сделала первый шаг.

После гибели эскадры З.П. Рожественского риск проиграть войну значительно возрос, но сухопутная армия не была разгромлена: «Дилемма была очевидна: продолжать ли сражаться с Японией или, пока не поздно, искать мира? Все остальные проблемы, в том числе революционное движение и предкризисное состояние российских финансов, отошли на время на второй план. Под впечатлением от Цусимы В.Н. Коковцов подготовил письмо Николаю II, в котором ставил вопрос исключительно в военной плоскости: в состоянии ли армия противиться натиску японцев и „тверд ли“ Владивосток? В случае положительных ответов войну, по его мнению, следовало продолжать. Если же военные ответят „нет“, то немедленно заключать мир, пока японская армия еще не стояла на русской земле»³.

24 мая 1905 г. император созвал военное совещание для обсуждения вопроса о продолжении войны и выразил свое согласие с мнением великого князя Владимира Александровича, который полагал, что Россия в таком положении, что «мы все сбиты с толку; так продолжать жить мы не можем. Мы все будем охотно и с радостью умирать, но нужно, чтобы от этого была польза для России»⁴. Далее последовало признание, подтверждавшее всё ранее сказанное военным министром А.Н. Куропаткиным в 1903 г. в отношении лесного дела на р. Ялу и в Маньчжурии: «Мы должны сознаться, что мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантун; мы поторопились;

¹ Лукоянов И. В. Портсмутский мир... С. 20.

² Там же.

³ Лукоянов И.В. Портсмутский мир... С. 20. – См. также: Белозерова О.А. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин и совещание 28 февраля 1905 г. // Труды Шестой международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 13–15 мая 2015 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Ч. 1. С. 144–157.

⁴ Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война... – Документы. Журнал военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 г. в Царском Селе. С. 397–410. – См. также: Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 191–204.

не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться; со временем мы дойдем» – такая ошибка стоила России огромных невозместимых людских и материальных затрат. Далее великий князь продолжил, что «теперь мы находимся в таком если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победа. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира <...> если условия будут неприемлемы, то мы пойдем все в ряды войск умирать за ваше величество и за Россию. Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России <...> если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну»¹.

Официального заключения на совещании не было принято, но дискуссия свидетельствовала о том, что «сильнейшие опасения, отчасти за внутренние дела, но также и связанные с ожиданием дальнейших военных неудач, все-таки возобладали, поэтому решено искать мира»². 30 мая Россия согласилась на встречу с японскими уполномоченными. После отказа двух послов (А.И. Нелидова – в Париже, Н.В. Муравьева – в Риме) Николай II, несмотря на свое нежелание, 29 июня назначил главным уполномоченным С.Ю. Витте³.

Военное министерство выступало против заключения мира, но если было суждено вступить в переговоры, то «следовало настаивать на независимости Кореи, возвращении Маньчжурии Китаю, а Ляодуна – России с последующей передачей полуострова Пекину. Это были условия непроигравшей стороны, что полностью соответствовало представлениям генералов. Моряки были скромнее и настаивали лишь на недопустимости каких-либо ограничений для флота на Тихом океане, а также передачи Японии судов, интернированных за время военных действий в нейтральных портах»⁴.

Министр финансов В.Н. Коковцов считал, что с финансовой точки зрения заключение мира было крайне желательно, но «в настоящее время для России не признается необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало». В своей записке «Финансовые ресурсы России для ведения войны» от 10 марта 1905 г. он, сделав

¹ Там же. С. 407, 410.

² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». С. 590.

³ Тарле Е.Ю. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. М., 1958. Т. 5. С. 509–566.

⁴ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». С. 595–596.

текущий анализ финансового положения России, пришел к выводу, что «для дальнейшего ведения войны необходимо изыскивать новые средства». Эти средства могли бы быть найдены во внешних займах, которые могли быть получены, когда «или в нашу сторону повернется столь изменившее нам военное счастье, или же, по крайней мере, во внутреннем положении государства уляжется та смута и тревога, которые принесли нашему кредиту более вреда, чем наши военные неудачи. В этом последнем отношении необходимо иметь в виду, что наш кредит с успехом противостоял всем бедствиям войны до падения Порт-Артура включительно. Каждая наша неудача истолковывалась заинтересованными финансовыми кругами как временный неуспех, за которым последует решительный поворот в нашу пользу, и даже такое событие печальной известности, как сдача Порт-Артура, не помешало нам заключить заем в Берлине <...> Решительный и притом самый глубокий удар нанесен был в начале 1905 г. возникшей внутренней смутой», при этом он подчеркивал, что «газеты самых различных оттенков не отстают от наиболее крайних социалистических и еврейских листков, пугающих малопосвященную публику призраком близкого банкротства России»¹.

По расчетам В.Н. Коковцова, военные расходы к весне 1905 г. в среднем составляли в месяц до 75 млн руб. Внешний заем был невозможен в силу обстоятельств, а внутренний давал в общем 350 млн руб., что было недостаточно для продолжительного ведения войны². Выход виделся в возврате к выпуску кредитных билетов, и Россия располагала запасом золота, «которым она не располагала никогда»³. Записка сопровождалась приложением «Заказы, сделанные, по имеющимся в Министерстве Финансов сведениям, за границей на военные надобности»⁴ – по военному ведомству смета в общем до 50 млн руб., а по морскому министерству – 114,7 млн руб., в эту сумму не входили расходы на содержание личного состава заграничных эскадр и расходов во время пути (кроме угля).

Мнение генерала А.Н. Куропаткина в отношении заключения мира было следующим – «решимость вести войну до победного конца», для чего необходимы были новые мероприятия и пополнения войск: «Мы если все это верно, почти лишились Тихоокеанской эскадры. Положение

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 160. Л. 47–48, 49.

² Там же. Л. 52 об.

³ Там же. Л. 59.

⁴ Там же Л. 55–57.

сухопутной армии усложняется. Война затянется. Без превосходства на море победить Японию очень трудно. Мы может оттеснить ее армию до Фузана, а эта армия сядет на суда и высадится где-либо у нас в тылу. Надо усиливать железную дорогу и прибавлять войска <...> Мы уже из третьего источника получаем известие, что японцы довели численность своих дивизий до 22 000 человек в каждой, а в гвардейских – до 27 000»¹.

Необходимо отметить, что генерал постоянно уведомлял о недостаточной комплектации русских войск: «Надо поставить целью, чтобы роты наши выводились в бой в составе 220 штыков, а при первой возможности в 250 штыков»². Он считал необходимым срочно принять меры, «дабы укреплять и поддерживать дух армии», а также «прекратить по возможности вредную для успеха военных действий деятельность нашей прессы»³. Миротворческие настроения также поддерживались рядом видных общественных деятелей, писателей и публицистов, в том числе толстовцами во главе с графом Л.Н. Толстым. А.Н. Куропаткин был вынужден выступить публично с осуждением таких настроений, поскольку армии требовалась моральная поддержка своего народа.

Позиция генерала отличалась в корне от позиции великих князей, в частности, Николая Николаевича и Владимира Александровича: «Но что меня всего более пугает – это как бы у нас не явилось желание покончить войну кое-как, только бы покончить. Это будет тяжелый непоправимый удар для России. Мы можем кончить войну только тогда, когда станем полными (курсив в оригинале. – О.Б.) победителями. Надо воевать несколько лет, но победить. Надо сейчас же делать заем на постройку новой эскадры. Главное, надо усиливать железную дорогу. Надо класть вторую колею и общее число поездов доводить до двадцати четырех, в том числе шестнадцать воинских. Мы попали из-за фантазии негодяев Безобразовых, Абазы, Вогака и прочих в скверную историю. Война и ныне ненавистна. Но если она не окончится победно, то положение внутреннее России так ухудшится, что можно будет ждать огромной важности внутренних беспорядков»⁴.

Генерал А.Н. Куропаткин считал, что искать мира было

¹ Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 310.

² Краткий очерк обстановки русско-японской войны до Мукденских боев включительно // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 139. Л. 48.

³ Там же. Л. 48 об.

⁴ Там же.

преждевременно. Сразу по окончании русско-японской войны вышел в свет четырехтомный отчет генерала А. Н. Куропаткина¹, в котором он дал «поисильные» ответы на обвинения в его адрес, а главное наметил главные выводы с целью исправления оказавшихся на войне «духовных и материальных» недочетов². Как офицер и человек долга и чести, занимая последовательно должности командующего Маньчжурской армией, главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, командующего I-й Маньчжурской армией, он не снимал с себя ответственности за исход войны и полагал насущным разобраться в причинах случившегося и вынести из этого соответствующие уроки. Он писал: «Я слишком близко стоял к событиям огромной важности, совершавшимся на Дальнем Востоке, являюсь одним из главных виновников неудач наших боевых действий <...> цель настоящего труда лишь в малой степени заключается в оправдании от возведенных на меня лично обвинений. Я смотрю на свой труд лишь как на материал, который поможет историкам минувшей войны правдиво выяснить причины наших неудач и этим дать возможность определить средства избежать подобных неудач в будущем»³.

Однако, взяв ответственность на себя, генерал полагал, что исторически это неверно и вредно для дела, поскольку могло уменьшить сознание важности всестороннего исследования всех причин «частных неудач» русской армии с тем, чтобы избежать их в будущем. Используя выражение «частных неудач», он считал, что о поражении российских сухопутных сил в Маньчжурии, подобно тому, как потерпели поражение морские силы, не могло быть и речи: после Мукденского боя, ко времени заключения мира, почти миллионная русская армия стояла на занятых ею позициях, готовая не только к обороне, но и к решительному наступлению⁴. Поэтому в своем труде А.Н. Куропаткин поставил задачу рассмотреть по отношению к нашей сухопутной армии лишь частный вопрос: «почему (курсив в оригинале. – О.Б.) наши войска в период до марта 1905 г. не смогли одержать победы над японцами», и дал исчерпывающий ответ на него, который не мог оставить никого равнодушным перед лицом раскрывающейся государственной, военной

¹ Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: [в 4 т.]. СПб., 1906.

² Куропаткин А. Н. // URL: <http://militera.lib.ru/h/kuropatkin/pre1.html>

³ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 16.

⁴ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ Барону Фон-Теттау. Умань, 1914. С. 4.

и личной драмы. Генерал А.Н. Куропаткин¹ считал, что война не была завершена, и что его главная вина была в том, что он не смог доставить царю и отечеству победу в отведенные ему сроки.

В годы, последовавшие за русско-японской войной, увидело свет большое количество работ, в которых часто не беспристрастно звучала критика высшего командования, офицеров генерального штаба и указывался главный виновник – генерал А.Н. Куропаткин.

В связи критикой русской армии бароном фон Теттау² генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович писал: «Отрешимся от шаблона, что каждая книга, в которой напечатано много скверного о Маньчжурских событиях, обязательно заслуживает похвалы, и взглянем на сочинения барона Теттау более трезво <...> Куропаткин и большая часть его помощников – всей душой русские люди. Нельзя поэтому требовать, чтобы они вели войну на иноземный лад; нельзя оценивать деятельность русских людей иноземным аршином. <...> Главнокомандующего и его помощников можно судить, судом истории, только по окончании войны. Русско-японская война не была закончена (курсив в оригинале. – О.Б.)»³.

Продолжая, автор проводил аналогию с войной 1812 г.: «В двенадцатом году война началась только после занятия французами Москвы; в японскую войну война началась только после занятия Сыпингайских позиций. До этого дня происходили подготовительные бои, значение коих следующее: Куропаткин и его помощники совершенно уничтожили японскую боевую силу, которую японцы тщательно готовили

¹ На посту главнокомандующего генерал А.Н. Куропаткин был 4,5 месяца – после Ляоянского сражения, когда армия еще восстанавливала силы и начала подготовку к Мукденскому сражению в условиях реорганизации войск в три армии. Но и в исходе Мукденского сражения генерал более всего винил себя, в частности за то, что вера его в победу не иссякла днем ранее, тогда войска, что также входило в планы, могли бы отступить в полном порядке, что в силу ряда причин и паники в войсках не имело место. Тем не менее Сыпингайские высоты все еще входили в изначальный план отступления, были хорошо укреплены, а армия сохранена. Как отмечал генерал Н.Н. Гродеков, генералу А.Н. Куропаткину не доставало «счастья». После Ляоянского сражения началась реорганизация Маньчжурской армии в две, а затем три отдельные армии и были назначены командующие этих армий, придерживавшиеся иных взглядов и еще не имевшие боевого опыта ведения войны со столь решительным и хорошо вооруженным противником.

² Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны: [в 2 ч.] СПб., 1913–1914.

³ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ барону фон-Теттау. Умань, 1914. С. 1, 3.

20 лет. На Сыпингайских позициях лицом к лицу стали: могущественная, весьма испытанная русская армия, и очень слабые остатки японских войск. Вот результаты нашего отступления; вот истинная ценность Ляояна, Шахе и Мукдена»¹.

А.Н. Куропаткин еще в 1900 г. во всеподданнейшем докладе от 14 марта 1900 г. дал общую характеристику русской армии за предшествующие 200 лет и указал на этот же исторический, свойственный для России прием борьбы. В 1910 г. он обобщил свой опыт и подвел итоги в одной из работ, посвященной русской армии².

В конце своего ответа Э. Теттау Н.А. Ухач-Огорович подчеркивал, что эпоха разоблачений, наступившая после войны, подействовала в моральном отношении еще более неблагоприятно, нежели сама война³. Но все же оставался вопрос, почему русская армия не атаковала. Этот вопрос генерал-майор считал далеко выходящим за пределы темы «Куропаткин и его помощники», а в отношении подписания Портсмутского мира писал: «В одной из своих книг я указывал, что ответственность ложится на ту часть общества, которая настойчиво требовала скорее заключить мир. В подобном стремлении Куропаткин и его помощники совершенно неповинны. Напротив, они-то и стояли за продолжение войны, стояли за тот исторический прием борьбы, какой присущ русскому народу и какой практиковался во все войны, начиная с девятого века»⁴.

Далее приведем высказывания генерала А.Н. Куропаткина из его статьи «На Дальнем Востоке» о подготовительных мероприятиях к войне с Японией⁵, в которой автор указывал на росте боеспособности русской армии, выделял наиболее отличившихся ее строевых командиров и офицеров генерального штаба, многие из которых преданы забвению, но чьи доблестные имена достойны памяти потомков, и указывал на их достижения в труднейших условиях.

В отношениях между офицерами и солдатами А.Н. Куропаткин отмечал следующее: «Славу Богу, до сих пор связь нашего офицера с нижним чином существует прочная, основанная на взаимном доверии. Но с самого начала войны эту связь пытались подрывать

¹ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники... С. 4.

² Куропаткин А.Н. Задачи русской армии: [в 3 т.]. СПб., 1910.

³ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники... С. 110.

⁴ Там же. С. 4–5.

⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Куропаткин А.Н. Статья (машинописная копия) Куропаткин А.Н. «На Дальнем Востоке» о подготовительных мероприятиях к войне с Японией. (1906).

<...> Получаемые газеты, читаемые нижними чинами и в госпиталях и на позициях, поносили начальствующих лиц и офицеров и подрывали доверие к ним со стороны нижних чинов. Работа по ослаблению дисциплины в армии велась энергичная и конечно не безрезультатная. Вожаки действовали при этом для достижения ясно поставленной цели – «чем хуже, тем лучше». По отношению к военной силе их идеалу служила история на броненосце «Потемкин». Другие по неразумию помогали этим врагам не только нашей армии, но и нашей родины. Можно представить себе негодование Меншиковых, Кирилловых, Куприных и других, если бы им сказали, что по отношению к армии они играли ту же роль, какую сыграли лица, возмутившие матросов против офицеров «Потемкина». Кириллов и другие обрушились и на наш генеральный штаб. Несомненно, что в настоящую войну очень многие офицеры генерального штаба работали самоотверженно и пользовались часто доброю славою, командуя частями войск или служа в штабах <...> В голове их помянем незабвенного героя Порт-Артура генерала Кондратенко. Приведем затем имена убитых: отважного ген. лейт. Графа Келлера, штаб-офицеров героев Запольского, Науменко, Жданова, Пекуты, Васильева, Можейко, умершего от ран Андреева, убитого на Путиловской сопке капитана Ягодкина и др. Большое число офицеров генерального штаба ранены. Назовем в числе их четырех начальников дивизий генерал-лейтенантов Ренненкампфа, Кондратовича, генерал-майоров Лайминга, Орлова, штаб-офицеров: Маркова, Клембовского, Гутора, Российского, Гурко, Пневского и др. Всего убито около 20 офицеров Генерального штаба и ранено около 40. Офицеров генерального штаба упрекают и в том, что войска не имели карт. Упрек не справедливый. Производство подробных инструментальных съемок дело весьма медленное и требующее многих лет работы, если приходится снимать обширные площади в роде Маньчжурии. Между тем, несмотря на краткость времени, мы успели сделать отличную 2-х верстную инструментальную съемку всей Квантунской области и всей южной Маньчжурии до Ляояна включительно. Далее к северу действительно был недостаток в точных съемках, но существовали оконченные до войны <...> карты <...> и обширные статистические описания всех провинций Маньчжурии, исполненные офицерами генерального штаба. Сделать более в картографическом отношении, не прекратив работ в других местностях России, где работы были неотложны, не представ-

лялось возможным по недостатку времени»¹.

Генерал продолжал: «Вынужденные к войне, мы медленно собирались в чуждой нам стране, окруженные недоброжелательным китайским населением, и шаг за шагом отстаивали чуждую нам землю. Признавалось не только возможным, но почти неизбежным, что отступление наших войск будет продолжаться до Харбина. Ныне мы стоим после 18 месяцев войны, уступив только южную часть Маньчжурии, и стоим твердо. Выше уже было указано, что решительные бои под Ляояном и на Шахе наша армия вела, имея на лицо менее 150.000 штыков. Мы отошли от Ляояна, нанеся противнику несравненно более тяжкие потери, чем понесли сами. Бой на Шахе имел не решительный характер. Нам не удалось продвинуться к Ляояну. Японцам не удалось отбросить нас к Мукдену. Под Мукденом 2-я Маньчжурская армия имела серьезную неудачу, что вынудила к отступлению 1-ую и 3-ю армии, несмотря на то, что 1-ая армия с успехом отразила нападение японцев. Но успех под Мукденом куплен японцами столь дорогою ценою, что они в течение шести месяцев не могут стронуться с места. Ныне наша армия, благодаря усилению железной дороги, достигла весьма большой силы. Материально (по численности) мы уже приобрели право на победу. Необходимо, чтобы и духовно мы были готовы к одержанию победы <...>...необходимо, чтобы работала не одна армия, а весь народ».

Тем не менее, принимая решения перед одним из очередных сражений той войны генерал в своих дневниках отмечал, что его «тревожили» его ближайшие помощники – командиры корпусов: «Не вижу должной в них опоры. Не вижу, чтобы они при равных условиях с полным успехом могли бы бороться в этой чуждой для них обстановке с японцами. В Европейской России на полях Польши, Литвы, Волыни они были бы не только не хуже, но лучше наших средних корпусных командиров, но тут, среди гор или даже в море гаоляна, они чувствуют себя сбитыми с толку, несколько потерянными и после первого неудачного для них столкновения с японцами начинают их усиленно побаиваться»².

По окончании войны и подводя ее итоги, он отдал должное русской армии: «Войсковые части, в первых боях не обнаружившие должной стойкости, в последних боях дрались прекрасно. Достаточно сказать, что например, полки 54-й дивизии, дравшиеся под начальством ген.-м. Орлова под Ляояном мало стойко, ныне по их поведению в последующих

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л. 29-30.

² Дневник генерала... С. 310-311.

боях по справедливости заслужили репутацию вполне надежных и отличных в боевом отношении частей. Копуса, составленные из Восточно-Сибирских стрелковых дивизий, с начала и до конца выказали и сохранили весьма большую стойкость и нане представляют грозную силу. Корпуса, позже на театр войны прибывшие, пройдя большую боевую школу, во многом улучшились, получили большой боевой опыт и готовы к самому упорному бою. Начальственный персонал во всех степенях значительно освежен. Много начальствующих лиц, не выдержавших боевого экзамена, под разными причинами (иногда и вполне законными – например болезнь) удалены или сами удалились из армии. Многие из начальствующих лиц заслужили в боях почетную репутацию и на них можно положиться и в будущем. В числе их указывают среди командиров корпусов: генералов Ренненкампа, Мищенко, Зарубаева, Церпицкого, Дембовского, Селиванова, Иванова, Гернгросса. Среди начальников дивизий генералов Гершельмана, Данилова, Самсонова, Артамонова, Васильева, Русанова, Чурина. Среди командиров бригад генералов Шилейко, Огановского, Лечицкого, Сычевского, Лисовского, кн. Туманова, Любавина, Петерова. Масса полковых командиров выделялась не только личным мужеством, но военными способностями, большой энергиею. Сотни штаб офицеров и ротных командиров оказали выдающиеся отличия. И вот, когда наша армия стала наконец грозною по численности, приобрела боевой опыт, выделила уже имена, на которых можно остановиться с упованием, готова к самому упорному бою, прочно стоит далеко впереди Харбина, отступление куда признавалось естественным, в России начали кричать: довольно, мы вам больше не верим, скорее мир, какую бы то ни было ценою, но только мир¹.

Указав, что война будет тяжелый и затяжной и предупредив, что потребуется время и терпение для сосредоточения сил и победы еще задолго до войны, генерал по ее окончании, настаивал и обращал внимание на то, что армия не была разбита: «Разве наша армия пережила Цусиму? Ничего подобного армия не испытала. Она всюду вела самый упорный бой, наносила врагу потери, даже бОльшие, чем сама несла; уступала превосходству сил и отступала. Даже Мукденская неудача была первое время раздута нами самими, по впечатлениям корреспондентов из обозов и с тыла, в самую решительную победу японцев. Надо принять во внимание, что в первых решительных боях под Ляояном и на Шахе мы ввели в дело только одну двадцатую часть

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л. 31-31об.

наших вооруженных сил, что под Мукденом мы имели менее одной десятой части всей нашей сухопутной силы, когда японцы уже напрягали крайние усилия. Не надо забывать, что мы воюем с 50 мил. воинственным и энергичным народом, дружно с своим Императором добивающимся победы. Для победы над таким врагом требуется большое и продолжительное напряжение сил и не одной армии, а и России»¹.

Заканчивая свою записку «На Дальнем Востоке» и ссылаясь на опыт предшествующих поколений, он указывал, что единение народа и армии – основное условие победы: «Русский народ для борьбы с Карлом и Наполеоном тесно единился с Царем и твердо переносил все испытания, твердо нес жертвы, усиливая, совершенствуя свою родную армию, относясь к ней с ласкою, доверием, доброжелательством и с глубоким уважением к подвигу армии. Народ сознавал необходимость победы и не останавливался перед жертвами, не смущался временем, необходимым для победы. Дружные усилия Царя и народа дали нам в начале 18 и 19 столетий полную победу. Нет и ныне нам другого пути для достижения победы, как путь, указанный нашими предками в тяжелые первые годы 18 и 19 столетий. Пусть великая Россия в единении с Царем твердо и единодушно пожелает победы над японцами, не убоится для охраны целости и достоинства России жертв, и доблестная русская армия, подкрепляемая доверием Царя, доверием русского народа, станет бестрепетно сражаться, не жалея сил и жизни, до тех пор, пока враг не будет побежден»².

Хотя А.Н. Куропаткин не раз говорил о том, что война будет затяжной, в общественных кругах не было понимания всей сложности ситуации. Подписание мира, публицистическая деятельность С.Ю. Витте³, в которых он старался показать свою положительную роль и снять с себя ответственность, призывы к окончанию войны, работа средств массовой информации, в том числе и зарубежных (особенно английских), – все это создавало в общественном сознании впечатление, далекое от реальности. Стал также уходить на второй план и тот факт, что революционное движение набрало силу лишь во

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л.31 об.-32. См. также: Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А.Н. Куропаткина / О.А. Белозерова // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 154–163.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л.32-32об.

³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. 1) С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; 2) С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999; 3) Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. 1963. С. 298–374.

второй половине 1905 г., уже после подписания Портсмутского мира и особенно после подписания Манифеста 17 октября 1905 г.

А.Н. Куропаткин неоднократно предупреждал об опасности преждевременного подписания мира и о возможности последующих внутренних выступлений и мятежей. Однако при подписании Портсмутского мира мнение командующих не было запрошено, и к ним не прислушались, и Сыпингайская и Гунжулинская укрепленные линии были отданы, по мнению А.Н. Куропаткина, напрасно. В связи с заключением мира следующая запись, сделанная А.Н. Куропаткиным в его дневниках свидетельствовала в очередной раз о положении главнокомандующего и о несоответствующих решениях, которые были: «При ведении переговоров в Портсмуте Линевица игнорировали. О необходимости сохранить за нами все занимаемые к августу нами позиции, о важности их для нас никто не справлялся. Линевица ошельмовали этим и подорвали его авторитет. Отдали зря наши две оборонительные линии, Сыпингайскую и Гунжулинскую»¹.

В то же время, деньги, требовавшиеся на продолжение войны, ушли на подавление нескончаемых беспорядков. Сам генерал, будучи признанным военным администратором с большим опытом, хорошо понимал финансовую составляющую военных действий.

А.Н. Куропаткин еще в начале войны неоднократно предупреждал о возможности «бунтов», предвидя, что мир может быть заключен преждевременно. Вопреки тому, что армия не желала мира, рекомендация была дана Советом государственной обороны (СГО) во главе с великим князем Николаем Николаевичем, и мир был все же заключен, при этом уже третьего по счету главнокомандующего этой кампании генерала Н.П. Линевича держали в стороне от переговоров и в дальнейшем даже отдали под следствие: «Теперь его гонят, как штрафного, дабы он облегчил положение Гродекова, „возможно скорее“ из армии». И это после того, как «задача, возложенная на Гродекова – сменить Линевича, тщательно скрывалась от него. Его могли свободно предупредить, чтобы он приготовился к отъезду. Это было бы и полезно, и вежливо. В армии идет ропот по поводу такой странной бесцеремонности по форме с главнокомандующим. О себе не говорю <...> И вот при таком обращении с главным начальником хотят твердой дисциплины в войсках, возможной только тогда, когда старшие начальники поставлены высоко и относятся к ним и к их заявлениям с уважением»².

¹ Дневник генерала... С. 389.

² Дневник генерала... С. 389.

Куропаткин пишет о самовольном отъезде генерала Гриппенберга¹, вспоминая, как был подорван тогда его авторитет главнокомандующего, о Линевице, как его игнорировали при проведении переговоров в Портсмуте².

В русско-японскую войну Россия была первой из великих держав, столкнувшейся с радикальными изменениями в военном деле: то была война новой тактики и стратегии, новых вооружений и фортификационных работ, огромной протяженности фронта в недостаточно изученном районе действий, требующая иной организации тыла и коммуникаций и многого другого. Н.П. Линевиц писал военному министру А.Ф. Редигеру 23 августа 1905 г.: «2) Вы и представить себе не можете, сколь трудно ныне воевать с настоящим противником. Он не только предприимчив и отважен, но он и многочисленный, и сидит в укреплениях. Чуть только наши передовые части выдвинутся вперед, японцы тотчас же убираются в свои укрепленные позиции. 3) В настоящее время для обороны мы возводим не одни только мелкие окопы, как бывало в старину, а строим настоящие форты, причем, по моему указанию, из форта в обе стороны выводятся длинные усы в виде глубоких траншей с блиндажами. В усах вмещается 600–800 стрелков. Этот форт опоясан колючей проволокою, волчьими ямами, фугасами и глубоким рвом. Проволочные заграждения в 50–75 шагах перед фронтом. Таким же проволочным заграждением форт прикрыт с горжи. В форте и в усах имеется множество ручных гранат. Все подступы к форту обстреливаются с особых траншей, построенных иногда в два и три яруса. Между фортами имеются соединительные траншеи с блиндажами. Артиллерия где-либо сзади за горою, – ее и не найти. Такой силы позиции у нас и такой же силы позиции и у японцев. Лезть на них с фронта не представляется никакой возможности. По фронту <...> 120–140 верст почти сплошь покрыты у японцев опорными пунктами и траншеями. За этой первой линией, в одной или двух верстах, вторая линия, за нею третья линия и т. д. в глубину. То же самое и у нас»³.

¹ Там же. – «При отъезде Гриппенберга мое ходатайство относительно него не уважили. Он уехал, как триумфатор, в особом экстренном поезде, задерживая эшелоны, делая истории в Иркутске. Авторитет мой был подорван. Каульбарсы и Бильдерлинги подняли голову и изменили тон».

² Там же.

³ Письмо Н.А. Линевица военному министру А.Ф. Редигеру от 23 авг. 1905 г. // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. № 21. С. 169–174.

Все это приковывало интерес военных обозревателей¹, а в дальнейшем стало темой исследования в военных академиях многих стран.

Письменное обращение А.Н. Куропаткина к А.Ф. Редигеру после подписания Портсмутского мирного договора, в частности, по вопросу общественного мнения, позволяет увидеть в генерале волевого и уверенного в себе полководца, считавшего, что, во всяком случае, не стоило уступать Сыпингайскую и Гунжулинскую оборонительные линии: «...считаю нужным высказать Вам, что мы в армии первоначально прислушивались к общему мнению Петербурга со вниманием, потом с недоумением, наконец, с негодованием. История разберется, кто прав, но позор Портсмутского договора во многом относим к этому так называемому общественному мнению <...> Возбуждение в армии против Витте большое <...> Несомненно, японцы пошли бы на мир даже без половины Сахалина, пошли бы на мир, не трогая <...> тех позиций, которые ныне занимаем мы <...> Пишу Вам <...> потому, что так, как думаю я, думает армия, а с этим надо считаться»².

Известно, что генерал только 3 февраля 1906 г. был освобожден от должности командующего 1-й Маньчжурской армией, последней занимаемой им в русско-японскую войну. В это время он писал: «Если бы несколько лет тому назад кто-либо сказал, что в 1905 году на Маньчжурском театре и в Приамурье Россия соберет почти миллионную армию, обеспеченную всем необходимым, вполне благоустроенную, сильную и здоровую, наши присяжные кабинетные критики сказали бы, что это совершенно невозможно и противно всем правилам военного искусства, что для сбора и питания такой армии требуется несколько сильных железнодорожных линий и пр. А между тем, это чудо свершилось. В результате в высокой степени напряженной, самоотверженной работы Министерств Путей Сообщения и Военного построена во время войны Кругобайкальская дорога и настолько усилен железнодорожный путь, связывающий Россию с Дальним Востоком, что мы можем получать ныне ежедневно в четыре раза больше войск и грузов, чем получали, когда война началась. Благодаря достигнутому усилению железных дорог подвоз укомплектований и запасов в последние шесть месяцев пошел весьма быстро <...> В будущем

¹ Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Серия. СПб.: изд-во В. Березовского, 1908. 32 вып.

² Ильина Н.В. Накануне первой русской революции (Из переписки русских военных деятелей А.Н. Куропаткина и А.Ф. Редигера в 1905 г.) // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 93–95.

оценят, какую огромную работу выполнило Военное Министерство (на которое так много раздается ныне укоров), собрав миллионную армию на Дальнем Востоке. Повторяем, все зависело от силы железной дороги»¹.

В заключение, в качестве дополнения к вышеприведенным взглядам и оценкам генерала А.Н. Куропаткина в связи с Портсмутским миром, приводим текст телеграммы А.Н. Куропаткина на имя П.Н. Трубецкого², датированную 29 мая 1905 г., тогда как 30 мая Россия согласилась на встречу с японскими уполномоченными по вопросу заключения мира.

Телеграмма Командующего 1-й Маньчжурской армией Генерал-Адъютанта Куропаткина на имя Московского Губернского Предводителя Дворянства князя Петра Николаевича Трубецкого, поданной из Херсу 29 мая, в 10 часов 55 минут пополудни.

«Тяжелое впечатление в армии производят доходящие из России известия об стараниях многих мало мужественных деятелей скорей заключить мир; забывается при этом, что мир, заключенный до победы, не может быть почетным, поэтому не будет и прочным, между тем наша армия никогда еще не была так сильна и готова к самому упорному бою как теперь; победа много ближе к нам, чем это кажется издали: войска относятся с полным доверием новому своему главнокомандующему, войска прочно обеспечены всем необходимым и их санитарное состояние отлично. Мы радостно встретим весть, что японцы двинулись на нас и сами готовы, когда последует на то приказ, с верою в свои силы двинуться на них. Войска закалились в боях, даже части войск, которые по разным причинам не оказали в первых боевых столкновениях должной стойкости ныне представляют вполне надежные части: массы раненых офицеров и нижних чинов спешат вернуться в свои части с еще незажившими вполне ранами. Мы лишились флота, но наша армия в Маньчжурии сохранена и, повторяю, более сильна, чем когда бы-то ни было. Наше положение сравнительно с положением, которое мы занимали под Ляояном и Мукденом значительно более выгодное, напротив японцы уже не имеют охватывающего нас положения, их армии, правда, растут как и наши, но масса признаков указывает, что крепость японских войск не увеличивается; в их ряды (призываются) признававшиеся к службе совершенно не способными, дух японских войск тоже не прежний, пленные

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4802. Л. 30 об.

² ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовы). Ед. хр. 1014. Л. 4. – Печатная копия телеграммы А.Н. Куропаткина, приложенная к письму Александра Николаевича Голощапова к Екатерине Николаевне Половцовой от 22 июня 1905 г.

попадаютя чаще, артиллерия и конница слабее наших, в снарядах недостаток; захватываемые нами письма японских солдат с родины указывают, что в населении растет недовольство войною, все вздохнуло и население терпит большие лишения. И вот при таких-то обстоятельствах я прочел сего числа в агентской депеше, что 25 мая в Москве в городской думе обсуждался вопрос о созыве народных представителей для рассмотрения в первую очередь вопроса о прекращении войны. В феврале прошлого года Вы, князь Петр Николаевич, от лица всех представителей Москвы напутствовали меня на войну с доверием к мощи России, считаю поэтому своею обязанностью именно к Вам обратиться с этою депешою. И, если москвичи не чувствуют себя по прежним примерам в силах послать к нам на помощь для скорейшего одоления врага своих лучших сынов, то пусть они по крайней мере не мешают нам исполнить свой долг на полях Маньчжурии до победного конца. Хотя содержание настоящей депеши и не составляет тайны, но появление ее в печати за мою подписью представляется не желательным. Куропаткин».

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ А.Н. КУРОПАТКИНА В ШЕШУРИНО

11. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии

После кончины Алексея Николаевича Куропаткина 16 января 1925 г. его имя в России стало предаваться забвению. Многие годы прошлого столетия большой фонд генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина в Российском Государственном Военно-историческом Архиве (РГВИА) оставался почти невостребованным. Человек, который отдал более 60 лет служению Российской империи, боевой офицер, участвовавший во всех войнах своего времени, который на своей малой родине озаботился строительством для крестьян Наговской волости Холмского уезда больничного комплекса, сельскохозяйственной школы, почтового отделения, открытием музея в Холме и библиотеки в Шешурино, был назван «царским сатрапом». Его имение в с. Шешурино и могила пришли в запустение и упадок.

Просветительская и краеведческая деятельность генерала и его труды по «родиноведению» известны узкому кругу специалистов, которые всегда признавали важность «куропаткинской тематики» в деле познания и осмысления исторических, политических и экономических сторон жизни Холмского и Торопецкого уездов, некогда колыбели русского дворянства, давшей России многих видных представителей.

Большая часть работ по военной истории, географии, экономике и сельскому хозяйству, включая и воспоминания, была написана генералом в периоды его жизни в Шешурино. 12 февраля 1910 г. Алексей Николаевич закончил в своем имении труд «Русская армия», в котором изложил взгляды на прошлое и будущее русской армии и сделал вывод, что ее величие и сила находились в полной зависимости от внутреннего развития России. Поскольку основу армии составляли крестьяне, нужны были меры по укреплению материальных, физических и духовных сил народа. Опираясь на личные наблюдения жизни и быта

крестьян Тверского и Холмского уездов Псковской губернии (сегодня – Тверская область), генерал решил внедрить и осуществить необходимые меры по его переустройству в отдельно взятой Наговской волости.

ОСНОВАТЕЛЬ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ. Псковские земли относились к зонам рискованного ведения сельского хозяйства, о чем А.Н. Куропаткин знал из личного опыта. Бедные подзолистые почвы, неудобицы, овраги, грозные явления природы сводили на нет усилия земледельцев. Так, летом 1908 г. дожди шли непрерывно. Реки Ловать, Кунья и Сережа обратились в коварные потоки. Два моста смыты целиком. Восемь основательно повреждены. Немногочисленные хлебные поля, расположенные по склонам, оказались в низинах. Реки разрушили мельницы, повредили плотины, унесли вниз по течению целые деревни. Из-за нехватки фуража скот отдавали за бесценок. Свиристествовал ящур. Повсеместно отмечались также несвоевременные заморозки.

Согласно статистическим данным в Холмском уезде в 1909 г. бы зарегистрировано 1339 деревень, а в Торопецком – 1653. Население, в основном, бедствовало. Чиновник, проехавший по Холмскому тракту, отмечал: «Деревни, за редким исключением, встречаются с убогими, искривлёнными от времени строениями. Избы и надворные постройки с провалившимися крышами, из которых, как рёбра скелетов, торчат стропила. Настроение людей уныло – апатичное, чувствуется глухое раздражение...»¹.

Уездные и губернские газеты были переполнены объявлениями о продаже земельных наделов. Покупателей не находилось. Из дворянских имений держались те, чьи владельцы имели накопленные за годы государственной службы, средства. Они вкладывали их для поддержания хозяйств. В одной из газет отмечалось: «На наших глазах свершается крупная земельная эволюция. Крупные владения распадаются на мелкие, общины на хутора. Вековые леса нещадно вырубаются на покос и пахоту, а прежние пахоты и покосы покрываются мелким лесом. Вырастают, как грибы, новые деревни из пришельцев других уездов, а старые бесследно исчезают»².

Сельскохозяйственный кризис привёл А.Н. Куропаткина к идее создания специализированного учебного учреждения – «Наговской низшей сельскохозяйственной школы первого разряда», в дальнейшем,

¹ Попов Ю.Г. Куропаткин в Шешурино. Торопец. 1998. С. 11.

² Псковская жизнь. 1910. 30 декабря.

имени генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина¹. Предстояло доказать преимущество перехода на хуторное ведение хозяйства, освоить научные агрономические мероприятия и обратиться к опыту наиболее развитых сельскохозяйственных регионов России.

Осуществление замысла потребовало сил и средств. В июне 1907 г. от имени своей матери Куропаткиной (ур. Арбузова) и себя генерал составил докладную записку на имя председателя Холмской земской управы Ивана Петровича Калитина (1871 – после 1937), родственнику генерала по линии матери. Для образования школы Куропаткины были готовы передать 27 десятин земли. Зимой 1908 г. был оформлен дарственный договор, при условии, что если школа не будет выстроена и не начнёт работать, или прекратит своё существование, земли должны отойти к наследникам дарителей. Государственная поддержка была оказана через Департамент Земледелия, который выделил 61 десятину лесной дачи. Департамент поставил свои условия: лес идёт только на нужды школы, где в течение 5 лет заводится образцовое культурное хозяйство. В противном случае должно было возвратиться в казну стоимость строевого леса. К участку школы примыкал Никольский хутор дворянки А.Л. Подерни площадью в 66 десятин. Помещица уступила землю по цене 150 рублей за десятину.

Холмское земство и дворянство при участии А.Н. Куропаткина не единожды обсуждали проблему создания сельскохозяйственной школы. Продажа казённого леса дала средства на строительство зданий и приобретение сельхозинвентаря.

Заведующим школой был назначен «учёный-специалист» И.В. Мадзверист, законоучителем – священник местного погоста П.А. Пятницкий. И.В. Мадзверист предполагал сделать школу образцовой в течение 5-10 лет. Выпускники заведения должны были стать пропагандистами новых, высокоэффективных методов ведения сельского хозяйства.

Продолжительность обучения в школе составляла 3 года «в единении теории и практики». Все виды сельско-хозяйственных работ выполнялись учениками. Изучались общеобразовательные предметы, естественные науки и сельское хозяйство с приоритетами в сторону землеремного дела, земледелия и скотоводства. Отдельные курсы посвящались столярному ремеслу и устройству крестьянского быта.

Наговская сельскохозяйственная школа была открыта в сентябре 1908 г. На первом курсе обучалось 14 человек в возрасте от 16 до

¹ Коломыцева Н.В. Сын России // Псковская правда. 1994. 2 апреля.

22 лет. Это были дети дворян, мещан и крестьян, ранее закончившие городские училища или школы Министерства народного просвещения. Первый выпуск состоялся 31 августа 1911 г. Педагогический совет аттестовал 11 учеников. Шестерых, наиболее способных из них, А.Н. Куропаткин отправил на курсы повышения квалификации при Департаменте Земледелия со стипендией 50 рублей в месяц. В том же 1911 г. было принято 26 учеников, из них 14 русских. Желавших было намного больше. Через Земство А.Н. Куропаткин добился увеличения бюджета на 1800 рублей¹.

Сохранились имена первых выпускников. Шестеро, что прошли дополнительное обучение, с июня 1912 г. трудоустроились следующим образом: И. Калитин и Г. Воробьёв как животноводы, А. Худяков и Н. Замыслов как льноводы, М. Афанасьев – в пчеловодстве, В. Филиппов – по культуре болот и луговодству².

Постепенно Наговская школа приобретала авторитет. Под председательством А.Н. Куропаткина, 6-7 ноября 1911 г. здесь прошло совещание по теме как сделать доходным скотоводство в местных условиях. Были приглашены: инструктор по скотоводству, ветеринарный врач, агрономы, земские гласные, сельские хозяева. Участники совещания отметили, что в крупных и мелких хозяйствах разводить скот было убыточно. В средних, где стадо крупного рогатого скота достигало 10-15 голов, имелся положительный эффект. В числе причин неудачного хозяйствования названы: ограниченность площадей под луг и выгоны, отсутствие травосеяния и посадок корнеплодов, недоверие к минеральным удобрениям, малая молочность и жирность скота, отсутствие рынков сбыта мясомолочной продукции и недостаток специалистов. Доходность регламентировалась привлечением знатоков своего дела, улучшением лугов, введением севооборота, приобретением породистого скота с большей жирностью молока. Земство должно взять на себя строительство маслозаводов и контор по сбыту самой разнообразной животноводческой продукции³. Затрагивались проблемы, сохраняющие актуальность и в наши дни.

Участники совещания ознакомились с «улучшенными способами ведения сельского хозяйства» в Наговской школе и личном хозяйстве генерала. По итогам в г. Холме прошло внеочередное земское собрание. Рекомендации совещания были одобрены, и агрономам

¹ Правда. Псков. 1911. № 73.

² Холмитянин. 1911. 21 августа.

³ Псковская жизнь. 1911. 13 октября.

школы им. А.Н. Куропаткина было разрешено «заведовать небольшим хуторским участком в целях сближения с населением» и выдавать им «разъездные суммы для поездок по уездам». А.Н. Куропаткин работал над увеличением денежных средств на содержание школы. Бюджет 1912 г. был определен в 6836 руб. Из них от Департамента Земледелия поступило 2200 руб., а от губернского и уездного ведомств 3600 руб. Сумму в 1036 руб. генерал доплачивал из своих личных сбережений.

А.Н. Куропаткин несколько раз избирался почетным председателем комитетов по устройству сельскохозяйственных выставок в г. Холм. Эти выставки, как и создание школы, – звенья одной цепи просветительской деятельности генерала, и открылись они в один и тот же месяц и год. В 1908 г. оргкомитет возглавлял отличавшийся большой инициативой генерал-лейтенант в отставке А.А. Фон-Цур-Миллен. В состав комитета входили такие известные в уезде специалисты, как: А.Г. Чириков, К.М. Шаховской, В.Л. Кушелев, А.А. Сапожников, Ю.И. Витоль, Б.Г. Якубович, К.К. Антонов, В.А. Завалишин, А.И. Дрейман, П.П. Томилин, Р.П. Тылак, М.К. Гогейзель, Н.М. Челпанов, И.М. Казаков, А.Ф. Кокеш и др.

На выставке практиковалось устройство отделов полеводства, скотоводства, коневодства, молочного хозяйства, птицеводства, садоводства и огородничества, пчеловодства, охоты, кустарных промыслов. Лауреаты награждались золотыми, серебряными и бронзовыми медалями Главного управления землеустройства и земледелия, Московского общества сельского хозяйства, Санкт-Петербургского собрания сельских хозяев, Псковского и Холмского обществ сельских хозяев. Вход на выставку был платным. В 1909 г. в первый день пришло 900 человек, во второй – 400. На третий день вход был бесплатным для всех желающих. Каждый посетитель мог обратиться в оргкомитет и высказать свое мнение по поводу выставленных экспонатов. Экспертная комиссия подводила итоги, награды вручались на торжественном закрытии выставки, и обязательно присутствовал А.Н. Куропаткин¹.

Остались имена лауреатов, среди которых были и родственники генерала: Р.Х. Пурвин – шведский овес, Н.В. Арбузов – трехлетняя культура ржи, К.И. Зеленой – культура хлебов, А.И. Борисенко – овес «Шатиловский» и овес «Золотой дождь», братья Карклинь – рожь «Ивановская», М.Л. Баневич – корова айрширской породы, П.А. Краус – бык ярославской породы, Ю. Омелько – масло, А.Р. Земляков,

¹ Попов Ю.Г. Холм и Куропаткин // Маяк. Холм. 1999. 26 июня.

В.И. Кукин – фрукты, Н.А. Бауэр – мед, М.И. Михайлова – образцы холстов и т.д. Лауреатом был и Воронцовский женский монастырь.

В 1910 г. Наговская сельскохозяйственная школа получила три награды: золотую медаль Холмского общества сельских хозяев за образцовую культуру разных овощей и две серебряные (от того же общества) – за опыты с минеральными удобрениями под картофель и за элитную телку по кличке «Красавица»¹.

Благоустроительная деятельность генерала коснулась и озера Говья. При сельскохозяйственной школе он открыл «рыборазводный завод» как наглядное пособие по рыбоводству и рыболовству. Уже в 1911 г. из икры было выведено полмиллиона мальков сига, а в 1912 г. было получено от Юрьевского казенного завода четыреста тысяч икринок сига. Также достали сто тысяч икринок ряпушки. Из Жижецкого озера завезли судака. А.Н. Куропаткин составил план зарыбления ряда озер. На рыбоводство Департамент Земледелия выделял ежегодно по шестьсот рублей².

Школа, расположенная на границе Холмского и Торопецкого уездов, стала и своеобразным центром культуры. Сохранились свидетельства современников. Корреспондент псковской газеты Мануйлов сообщал: «19 февраля в день 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости в Наговской сельскохозяйственной школы им. генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина состоялся литературно-музыкальный вечер. Вечер начался в 6 часов чтением управляющего школой В.Ю. Сиверского, в котором он ознакомил присутствующих с дореволюционным бытом крестьян и историческим ходом событий, предшествующих великой реформе. Хор учеников под аккомпанимент балалаечников исполнил народный гимн. Затем учениками школы дружно и старательно выполнена литературно-музыкальная программа из четырех отделений. Постановка сцен из «Бориса Годунова» (сцены «В келье Пимена» и «Корчма на литовской границе») и «Бежина луга», декламация, пение, игра балалаечников были проведены безукоризненно. По окончании номеров программы следовали танцы, продолжавшиеся очень оживленно до трех часов ночи. Присутствующим были предложены: чай, холодный ужин, сладости. Всего было 400 человек: учителя и учительницы земских, церковно-приходских школ, местные помещики, много окрестных крестьян, крестьянок, как родственников учеников школы, так и посторонних. На вечере были почетный

¹ Холмитянин. 1910. 23 сентября.

² Правда. Псков. 1912. 4 апреля.

попечитель школы А.Н. Куропаткин с сыном, уездный предводитель дворянства князь К.М. Шаховской с супругой и член земской управы И.П. Калитин. На устройство вечера, вполне удовлетворившего посетителей не мало было положено трудов В.Ю. Сиверским, педагогическим персоналом и учениками. Последние произвели благоприятное впечатление выдержкой и воспитанностью, что следует поставить в заслугу заведующему учебным пунктом»¹.

Обратимся к событиям 26 августа 1912 г. По всей России торжественно отмечалось столетие Бородинского сражения. В церквях звучали молебны и панихиды в честь воинов. Священники раздавали популярные брошюры с картинками, отражающими историю Отечественной войны 1812 г. В Наговской школе также к вечеру собрались представители различных социальных слоев. Лекцию-очерк об Отечественной войне 1812 г. прочел В.Ю. Сиверский. Хор учеников традиционно исполнил народный гимн. Учащиеся показали спектакль на тему действий «крестьянских партизан» в тылу врага. Были танцы и угощения, на что А.Н. Куропаткин передал администрации сто рублей.

Праздники привлекали внимание всей интеллигенции округа. На них встречались и беседовали: земский начальник 3-его крестьянского участка К.К. Антонов, заведующий Лебедевским ветеринарным пунктом фельдшер К.П. Сахаров, его медицинские коллеги из Волока Д.М. Махаев и С.П. Кособрюхов, агрономы Д.С. Сергеев, И.Г. Безденежных, А.А. Карпов и др.; объединялись учителя земских школ: Княжесельской – Е.П. Смирнова, Краснополецкой – Е.П. Данилова, Наговской – Н.Н. Подерня, а также преподаватели церковно-приходских школ: от Бологовской – С.Е. Покровский, от Бончаровской – А.П. Афанасьева, от Бельковской – В.А. Кособрюхова, от Волокской – Л.И. Просовецкий, от Воронцовской – О.П. Захарова, от Матенецкой – А.А. Миленко, от Княжесельской – З.А. Покровская и др.

С началом первой мировой войны последовал отток из школ преподавателей и учащихся, и появились трудности с финансированием. Положение в Наговской школе усугубилось отъездом в 1916 г. на военную службу ее попечителя А.Н. Куропаткина. В конце 1917 г. занятия в школе были прекращены, отбыли последние учителя: Г.И. Даниленко, В.И. Калинин и М.И. Байков.

Холмский уездный исполком, однако, решил восстановить Наговскую сельскохозяйственную школу, но без А.Н. Куропаткина

¹ Правда. 1911. 2 марта.

обойтись не смогли. 23 июля 1918 г. его пригласили в г. Холм: «Нам дорог Ваш голос, как опытного педагога». Генерал ответил, что готов действовать незамедлительно. Отсутствие средств задерживало возрождение учебного заведения, и его новое становление проходило с трудом. А.Н. Куропаткин был настроен оптимистично, подкрепляя свои слова деловыми расчетами: «Могу помочь, как консультант в разработке новых оснований переустройства Наговской сельскохозяйственной школы, так и в проведении новых оснований в жизнь». Он составил план ремонта всего комплекса зданий: требовалось обновление главного школьного корпуса и дома для преподавателей. Капитальному ремонту подлежали крыши и печи. Предстояло восстановить скотный двор и собрать заново молочное стадо; немедленной работы ждала запущенная земля на школьном огородном участке и подготовка ее под посадки картофеля, капусты и свеклы¹.

Директор школы Ф.В. Лобов принял А.Н. Куропаткина на работу в качестве консультанта 21 мая 1919 г. Предварительно это решение одобрил Псковский губернский земельный отдел, однако любое действие генерала, каждый его шаг были под контролем. Проблемой для него был выезд из своего имения Шешурино. Приобрести железнодорожный билет от станции г. Торопец можно было только с разрешения Холмского исполкома по предъявлении сопроводительного письма, как, например, от 18 июня 1919 г.: «Дано сие консультанту по устройству и организации Наговской сельскохозяйственной школы А.Н. Куропаткину, откомандированному в город Великие Луки по условиям службы, касающейся Наговской сельхозшколы. Зав. школой Ф. Лобов. Делопроизводитель В. Беляев»².

После событий 1917 г. Наговская сельскохозяйственная школа находилась в ведомстве Народного комиссариата земледелия. По решению Совнаркома 19 февраля 1920 г. школьные сельскохозяйственные заведения из Наркомзема были переданы в Народный комиссариат просвещения³.

А.Н. Куропаткин был вызван в г. Псков. Ему поручили осуществить процесс перехода школы в новые структуры и помочь возобновить занятия. Губернские власти планировали на базе школы создать Наговский сельскохозяйственный техникум, на что у них были веские основания: только в Холмском уезде 24 бывших выпускника школы

¹ РГВИА. Ф.165. Д. 1604. Л.1-8.

² РГВИА. Ф.165. Д. 1604. Л.9.

³ РГВИА. Ф.165. Д. 1604. Л.12.

занимали ответственные должности землеустроителей, агрономов и признавались высококлассными специалистами, что подтверждалось данными сопроводительной справки от 6 ноября 1921 г.

С января 1922 г. стал действовать Наговский сельхозтехникум. Он «унаследовал» учебное здание, дом для служащих и мастерскую со скотным двором. Перед А.Н. Куропаткиным встали проблемы: необходимы одежда, обувь и учебные пособия, требовались дрова, телеги и упряжь, 3 ящика стекол, 15 топоров, 5 пил и земельные орудия; из Бологово техникуму отошел «племенной рассадник» из 10 быков и 5 лошадей, не обеспеченных кормами.

Техникуму «нарезали» 143 десятины земли. Из них 117 десятин ранее принадлежали генералу, 13 - купцу Захарову и еще 13- крестьянину Харитонову. Под пашни отведено – 54,5 десятин, под луг – 37,5, под выгон – 7, под усадьбу и разные строения – 10 десятин. Остальную площадь занимали лес и неудобицы. А.Н. Куропаткин предлагал присоединить и большой надел в Лебедево, самовольно захваченный во время революции крестьянами: «Необходимо увеличить покосы, для чего прирезать 24 десятины из моих бывших владений у деревни Родионово. После мелиорации я там собирал до 1800 пудов сена. Необходимо ввести семипольный севооборот с применением удобрений, развивать огородничество. При техникуме должно быть хорошо поставлено рыболовное дело. Озера Наговье, Яновищи, Хвощи следует закрепить за техникумом...»¹.

А.Н. Куропаткин считал, что на первый курс следовало принять не более 20 человек. Первый экзамен состоялся 5 ноября 1921 г. В приемную комиссию ввели генерала. Явилось 6 человек; экзамен выдержало двое. Со временем число студентов было доведено до 17 человек. А.Н. Куропаткина утвердили членом педагогического совета; он стал преподавать курс экономической географии. В техникуме проходили также русский язык, алгебру, геометрию, физику, химию. Из специальных предметов изучали животноводство, растениеводство, черчение, земледелие и машиноведение.

Экономическое положение Псковской губернии сдерживало нормальную работу техникума. Холмский уездный продовольственный комитет стал отказывать в поставке необходимых товаров и продуктов питания. Техникуму было предложено перейти на самообеспечение. А.Н. Куропаткин в очередной раз 14 февраля 1923 г. обратился к

¹ РГВИА. Ф.165. Д.1604. Л. 13–20.

губернским властям с просьбой «Наговское озеро предоставить техникуму для рыболовных целей». Одновременно усилия были приложены к развитию животноводческой базы, в которой стало насчитываться: 9 рабочих лошадей, стадо крупного рогатого скота ярославской породы и десять овец.

Положение техникума все же оставалось крайне тяжелым. В опустошительное для страны время урожаем 1922 г. не смогли убрать, и он сгнил. 14 декабря 1923 г. Псковский губисполком принял решение сократить число учебных заведений. Закрыли и Наговский сельскохозяйственный техникум. Имущество и инвентарь передали в село Наумово (сегодня это Куньинский район Псковской области). Так появился Наумовский сельскохозяйственный техникум им. Карла Маркса.

Вместо закрытого сельхозтехникума создали Лебедевскую общеобразовательную школу II степени, а А.Н. Куропаткина в связи с преклонным возрастом освободили от всех обязанностей. Это произошло 21 января 1924 г. – за год до кончины генерала. Так завершилась 15-летняя история сельскохозяйственного заведения, основателем, попечителем и консультантом которого был Алексей Николаевич Куропаткин¹.

Генерал не афишировал свой вклад в работу школы. Но однажды у него как бывшего помещика потребовали уплатить единовременный чрезвычайный революционный налог в сумме 70 тысяч рублей. Не выдержав, А.Н. Куропаткин подвел свой итог: «Мною внесено Псковскому губернатору 25 тысяч рублей на создание Наговской сельскохозяйственной школы моего имени. Для школы купил участок земли в 24 десятины за 4000 рублей и пожертвовал еще 4 десятины моего участка в Яблоново стоимостью в 2000 рублей. Затем прикупил для школы еще 14 десятин на 2600 рублей и 66 десятин в Никольском за 10 тысяч рублей. Купил еще 86 десятин лесной дачи на топливо для сельскохозяйственной школы. . .»². Генерал оставил в стороне ежегодные расходы, как доплата в бюджет школы, помощь ученикам, проведение праздников и др. Столько страсти, желания и средств, вложенных генералом А.Н. Куропаткин в любимое свое детище, объяснимо только его беззаветной любовью к своей отчизне, которой он был готов служить и на военных постах, и как простой гражданин, несмотря на свой возраст и условия жизни. Это трудно оценить и понять даже сегодня.

¹ РГВИА. Ф.165. Д. 1676.

² РГВИА. Ф.165. Д.1611.

Шешуринская БОЛЬНИЦА. История строительства Шешуринской участковой больницы, действующей и настоящее время мало известна. Первоначально А.Н. Куропаткин за 2000 рублей построил здание фельдшерского пункта. Затем поблизости возвел дом для врача и оплатил половину расходов на дом для obsługi, что стоило еще 4000 рублей. Впоследствии здание фельдшерского пункта стало использоваться как начальная школа. Благодаря А.Н. Куропаткину в Шешурино стали работать высококлассные специалисты. Это – врачи Яков Федорович Глоба и Михаил Эрастович Жеребцов; фельдшеры Александр Николаевич Красильников, Франц Ювелианович Ракитский, Дмитрий Павлович Смирнов и Василий Григорьевич Гусев; акушерка Рипсилия Ивановна Раздеришина. Врачебный пункт стал действовать с 1908 г. Обслуживался третий крестьянский участок Холмского уезда в составе Даньковской, Лучанской, Наговской, Загорской, Княжесельской и других волостей. До настоящего времени, хотя и требующие ремонта, уцелели почти все здания больницы¹.

ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. Еще одним важным событием в жизни Шешурино явилось открытие почтово-телеграфного отделения. Хлопоты на себя взял А.Н. Куропаткин. Это произошло 14 июня 1913 г. В Шешурино собрались все окрестные дворяне, помещики, землевладельцы. Из Санкт-Петербурга прибыл известный государственный деятель, бывший предводитель Холмского уездного дворянства, депутат Государственной Думы 4 созыва князь К.М. Шаховской (1869–1942). Торжествами руководил начальник Холмской почтово-телеграфной конторы П.И. Дмитриев. Первым начальником Шешуринского почтово-телеграфного отделения был назначен М.Г. Челпанов. Здание благополучно пережило долгие годы и является ныне жилым домом. Пожертвования А.Н. Куропаткина выразились суммой 4000 рублей².

ЖИЗНЬ В ШЕШУРИНО. А.Н. Куропаткин рассчитывал, что «ветер перемен» дойдет до крестьян с помощью земства, правительства и его собственных усилий и средств. Не случайно приезжали в далекий Холмский уезд в гости к шешуринскому отшельнику и новатору известные государственные деятели. В дневнике А.Н. Куропаткина за 6 октября 1910 г. оставлена такая запись: «Вчера убыли из Шешурино Председатель Государственной Думы Алексей Иванович Гучков (1862-1936) и член Государственной Думы Герман Германович Лерхе

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1387; 1392.

² Псковский голос. 1913. 18, 30 июня.

(1868-1963). Они прибыли в пятницу 1-го октября. Погостили у меня четыре дня. За три дня многое показал...»¹.

Генерал продемонстрировал культурные и сельскохозяйственные объекты, возникшие в результате его заботы, попечительства и помощи. Второго октября гости осмотрели больницу, сельскохозяйственную школу, Наговское волостное правление и нанесли визит вежливости соседке помещице А.Л. Подерне. С утра третьего октября присутствовали на служении в Наговской церкви. Вел церковную службу священник Пятницкий. На легких тарантасах проследовали в деревни Зубари и Песчанка, где беседовали с крестьянами. Была поездка и в Матенецкую церковно-приходскую школу. В селе Борок обратили внимание на склады купцов Любомировых. Насыщенным оказался и день четвертого октября. В программе – Наговская церковно-приходская школа, имение помещиков Калитиных, хутор Старово, где работала питейная казенная лавка. А.Н. Куропаткин «удостоверился по книгам, что пьянство увеличивалось». Большую часть дня провели в Бологом. Здесь делегацию принимали учителя местной церковно-приходской школы священник Дмитрий Хребтов и Сергей Покровский. Визит продолжался около четырех часов. Дети были пропеты «Отче наш», «Спаси, Господи, люди твоя», «Многие лета». Школьники показали свое усердие в занятиях чтением и арифметикой. Из классной комнаты пошли в комнату учителя. Беседовали, расспрашивали о нуждах школы. Из школы проследовали в церковь Воскресения Господня и осмотрели внутреннее убранство древнего храма, постройки 1787 года. Особое внимание обратили на полотно картины «Страшный суд».

Пятого октября состоялось своеобразное подведение итогов обследования сельскохозяйственного уклада жизни местных крестьян. Государственные деятели согласились с А.Н. Куропаткиным о сложном положении на Псковщине в части продовольствия. Из года в год крестьянам не хватало хлеба, а в случае военных действий могло обернуться голодом. Уходила в прошлое общинная система землепользования. Создание хуторов только начиналось, но уже появился ряд надежных крестьянских хозяйств в Яновищах и Борках, которые показали преимущество перехода от общинного владения землей к хуторскому. Не востребована была и масса естественных богатств края, в том числе торф, лес и воды.

Свое хозяйство А.Н. Куропаткин сделал в округе образцом

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1963.

рациональных, передовых методов, как в части земледелия, так и животноводства. Второго апреля 1918 генерал написал обстоятельную записку о имении. Он особо подчеркнул, что «в марте исполнился 8-ой год после приезда моего в Шешурино. За это время вне деревни прожил не более года». Генерал подвел итоги своих усилий и забот. Это – занятия сельским хозяйством, строительство сельскохозяйственных построек, устройство и попечительство сельскохозяйственной школы, врачебного пункта. Началось близкое соприкосновение по разным вопросам с крестьянами окрестных деревень: Зубари, Песчанка, Узванец, Борисово, Кузнецово, Галичина, Малый Лох. Постепенно познакомился с землевладельцами-дворянами, стал бывать на совещаниях Холмского дворянства и Холмского земства.

А.Н. Куропаткина можно было считать земледельцем «средней руки», хотя его мать принадлежала к крупным помещикам. До переселения в Шешурино у него в Псковской губернии было всего 13 десятин с покосами и дубовой рощей. Из этого участка он отдал под сельскохозяйственную школу четыре десятины и купил у помещицы А.Л. Подерни 24 десятины пашни. От матери генерала остались 1500 десятин, но были и наследники: три сестры, три брата, племянники. По разделу А.Н. Куропаткин унаследовал 200 десятин. Затем он стал прикупать землю по частям: у сестры Марии, брата Петра, помещицы А.И. Калитиной, у крестьянина латыша Липа и крестьянина эстонца Радзапа. Так образовалось 450 десятин земли. Из них 150 занимал лес. Генерал провел таксацию лесных угодий, и весь «спелый» лес был принят к учету. Итоги были следующими: ель – 71000 штук, береза – 20000 штук, осина – 9500 штук, клен -1400 штук, ясень – 500 штук, дуб – 860 штук, осина -110 штук. Отмечены и такие культуры, как дикая яблоня – 12 штук и рябина -10000 штук. От продажи леса генерал имел устойчивый доход, который во многом покрывал расходы на ведение хозяйства, которые составляли 3500 рублей в год.

Пахотной земли имелось немного, но А.Н. Куропаткин обрабатывал 40 десятин по методу семипольного севооборота. Были куплены плуги, дисковые и луговые бороны, рядовая сеялка, конная молотилка, веялка, сортировка, соломотряска. Для прокорма 13 лошадей и 20 коров в хозяйстве собиралось до 5000 пудов сена и клевера. А.Н. Куропаткин также развил птицеводство, построил современные теплицу и парники, посадил 300 фруктовых деревьев. Хозяйство обслуживали 7 человек: старший рабочий, разнорабочий, лесник, кучер, садовник и две коровницы. Это были семейные люди, кроме одного. Семейным было

положено жалование 250 рублей в год, а холостому 180 рублей. В счет зарплаты выдавались чай, сахар и мыло. Каждый работник имел по корове, а некоторые по две.

Генерал с горечью отмечал, что, несмотря на его пример, улучшения в хозяйствах крестьян идут очень медленно. Систематический недород стал нормой в их жизни. Но уже все больше крестьян отказывалось от курных изб и сооружали печки с трубами. В окнах появились двойные рамы. Соломенные крыши заменялись на драночные. Керосин вытеснял лучину, некоторые приобрели самовары, мебель, городскую посуду, сапоги и ботинки. «Появились занавески, цветы на окнах, но присутствия книг заметно не было», – отмечал генерал. По-прежнему крестьяне праздновали свои заветные дни по несколько дней, даже в самое горячее для полевых работ время: «Шло неумеренное потребление водки. Пропивали не только заработок, но и предметы инвентаря, одежды, скота».¹

ДЕЛА, МЫСЛИ, НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Чем более отдалится от нас эпоха А.Н. Куропаткина, тем отчетливее видны его просветительские устремления, его глубокое понимание русской истории и души русского человека. Патриотическое отношение проявлялось во многих его поступках, делах и планах. Он с горечью писал: «В школах, мною посещенных, в Холмском уезде, не знают о подвигах псковичей при защите Пскова, не знают, что в местности, в которой школа находится, шли в прежние время битвы русских с финнами, литовцами, ливонцами и шведами. Многочисленные курганы у самой школы ничего не говорят детскому уму и детскому воображению. О том, что озеро, на котором находится школа, связано непрерывным водным путем с Петербургом, детям тоже неизвестно, что вблизи озера в древности проходил великий торговый путь из варяг в греки». Как же воспитать патриотические чувства у детей? Они должны расти на почве привязанности детей к своим местам. Полезно иметь небольшие учебники с описанием событий, близко связанных с уездом².

А.Н. Куропаткин незамедлительно откликнулся в декабре 1908 г. на просьбу Холмского уездного предводителя дворянства Анатолия Георгиевича Чирикова (1846-1914). Владелец имения Бончарово просил помочь в организации в г. Холме музея, посвященного Отечественной войне 1812 г. Генерал помог денежной суммой, книгами и картинами. Восьмого сентября 1910 г. на плацу городских казарм г. Холма состоялся

¹ Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб. 2003. С.75.

² Там же. С. 415 – 416.

смотр роты «потешных войск» из двухсот детей. А.Н. Куропаткин вручил детям специально изготовленное знамя, рассказал о славных победах русской армии. Модой назвать это событие – неправильно. Традиционно потешным войскам придавалось государственное значение: считалось, что мальчики, играющие в войну, поднимали патриотический и национальный дух.

На следующий день было отмечено важное событие в жизни г. Холма: в первый раз открылись двери женской гимназии в новом здании. После молебствия и освещения учебного заведения А.Н. Куропаткин обратился к воспитанницам с отеческим словом. Он обратил особенное внимание на то, что девушки, получив образование, не должны пренебрегать физическим трудом и всячески помогать родителям в домашнем хозяйстве. «Всякий труд честен и благороден, – сказал высокий гость, – и пренебрегать им нельзя». Он также поблагодарил за помощь в открытии среднего учебного заведения члена Государственной Думы 3-го созыва Н.И. Микляева (1859-1912). Затем А.Н. Куропаткин передал слово начальнице гимназии, княжне А.Н. Шаховской. В целях преемственности поколений важны имена первых преподавателей. Это – Г.А. Лоренц, Н.А. Зряновский, М.В. Девятова, В.М. Палибина, В.П. Обьедова, В.В. Мячкова, О.Ф. Михайловская, Е.И. Казакова, В.М. Жемчужина (зав. библиотекой) и Л.А. Розенберг (врач)¹.

Современники не всегда могут оценить по праву действия того, кто живет рядом. Так, в 1907 г. А.Н. Куропаткин выслал в адрес Холмского уездного воинского начальника В. Масленникова денежную сумму в 1300 рублей и просил распределить ее между воинами русско-японской войны, награжденных Георгиевскими крестами. В своем дневнике 30 декабря 1907 г. генерал отметил: «Вчера у меня был стрелок четвертого Восточно-сибирского полка Матвей Богданов. Два георгиевских креста. Ранен. Он из числа тех семи георгиевских кавалеров, которым я выдал пособие. На Богданова приходится 200 рублей. Он крестьянин из деревни Снопово Ельно-Ровненского прихода. Деньги ему кстати. Его сосед Яков Павлов продает за 350 рублей 12 десятин земли»². Речь идет не столько о материальной помощи: своим поступком А.Н. Куропаткин поддержал и воскресил имена отважных сынов России.

При чтении дневников А.Н. Куропаткина становится очевидным, что автор оставил потомкам важные и достоверные наблюдения событий начала XX века. В качестве примеров – несколько характерных

¹ Холмитянин. 1910. 19 сентября.

² РГВИА.Ф. 165. Д.1962.

записей, в которых упоминаются и родственники генерала: «19 августа 1914 года. Сейчас ушел наш земский начальник А.В. Арбузов, поручик запаса кавалерии. Взяли его в ополчение, в дружину, формируемую в Великих Луках. Ничего не было приготовлено. Люди – 1000 человек – хороши. Снаряжения, обуви, одежды еще нет <...> 24 февраля 1915 года. Приехал из 10-ой армии мой племянник Нил Куропаткин. Командует 6-ти дюймовой батареей <...> 17 июля 1917 года. Пробыл в Шешурино две недели. Население возбужденное, но кроме отдельных личностей, не в пользу погромов. Говорю только за наш приход, в котором я имел возможность ознакомиться с состоянием умов. Говорили и выборные: председатель земской управы Жуков и судья Толстов. Оба агрономы. Недовольство анархией и отсутствием твердой власти растет. Чаще и чаще, как мне говорили, и сам я слышал, что прежде было лучше. Солидные работники, земледельцы в особенности, недовольны обесценением результатов их труда. Волостной продкомитет отбирал у них хлеб по ценам ниже его действительной стоимости. Хлеб раздавался тем, кто работал, имея землю, не с землею, а был на заработках, особенно по заготовке в лесу. Там в день вырабатывали по 15 рублей на человека. Платя дешево за отобранный хлеб, земледельцу отпускали все, что ему нужно, по очень завышенной цене <...> 18 сентября 1917 г. Когда я был в Холме в августе, беседовал с очень солидным крестьянином, жаловавшимся мне на беспорядки и своеволие, явившиеся в деревне в результате отсутствия твердой власти и солдатского засилья. Вместо выражения “когда произошла революция”, он несколько раз произнес выражение “когда произошло распушение”, очень характерно и верно. Вчера зубаревский житель, солдат, солидный, так определил значение дарованных свобод. «Который до свободы был совестливый, тот и остался таким же и после свобод, а который совести не имел, тот теперь стал разбойным». В деревне продолжается «правление», но оно принимает уродливую форму. Говорят: «Хоть бы немец скорее пришел. Все же с ним придет и порядок». От упродкома последовало распоряжение реквизировать весь хлеб (рожь) урожая сего года, оставив владельцам только на два месяца. Но волпродкомы относятся неодобрительно к этой мере <...> 2 октября 1917 года. Местный земволком, продволком и уездные земельный и продовольственный комитеты продолжают держаться в своих распоряжениях и действиях политики классовой борьбы. В деревне идет засилье мужика над баринном. Действия, направленные с самого начала революции к подрыву частновладельческих хозяйств, продолжаются...Разорение

частновладельческих хозяйств – это гибель землевладельческой России <...> 5 октября 1917 года. В деревне в нашем уезде встречаю массу бед. От земельного Холмского комитета в вежливой форме просят давать бесплатно дрова нуждающимся крестьянам из валежника и сухостоя. Разрешил уже до 20 кубов по запискам моему леснику. Горело на днях гумно в деревне Городищи. Приехал ночью на лодке. Машину провести нельзя было ночью по бездорожью. Спасли деревню, но гумно и сложенный в нем хлеб – 1000 снопов ржи сгорели. Погорельцу Егору дал 50 рублей и сто бревен из моего леса. Приходили из земельного комитета осматривать амбары, записывать намолоченную рожь и овес. Признали нужду в выписке для села 120 пудов ржи, кроме той, которой я располагаю. Работали вежливо. <...> 8 октября 1917 года. В деревне в нашем уезде встречаю массу солдат, вполне здоровых, но сидящих под разными предлогами дома. Голод надвигается на наш уезд. В нем всегда не хватало ежегодно свыше 300000 – 500000 пудов ржи. Теперь не хватает еще больше, вследствие уменьшения запасов. О подвозе хлопочут. Деньги готовы платить какие угодно, но больших надежд на подвоз при современном расстройстве транспорта нельзя питать. На почве голода возникли самые серьезные беспорядки и убийства. Недавно в одной из окрестных деревень был самосуд над молодым вором, попавшимся в воровстве несколько раз. Его расстреляли, и первым выстрелил в него родной брат»¹.

Полный список публикаций А.Н. Куропаткина все еще остается невыявленным. Его работы печатались на немецком, французском и других языках. Начальник штаба вооруженных сил Франции обратился к генералу с просьбой написать статью. Так, была опубликована на французском языке, сначала в Париже, работа «Влияние произведений графа Л.Н. Толстого на умственное развитие наших офицеров и нижних чинов», которая потом была напечатана в России. Сегодня не каждый почитатель наследия великого русского писателя знает, что анализом его творчества занимался и А.Н. Куропаткин.

В период установления советской власти «шешуринский отшельник», как иногда называл себя генерал, занимался научной работой и опубликовал ряд исследовательских работ. В записках генерала упоминается труд «Семиречье», частично опубликованный в ташкентском журнале «Новая мысль» за сентябрь 1920 г. Статья «Холмский уездный народный музей», высоко ценимая местными

¹ Дневник генерала А.Н. Куропаткина // Исторический архив. 1992. № 1. С. 154-170.

краеведами, напечатана как приложение к отчету Псковского отдела народного образования за 1919 г. Десятого августа 1922 г. генерал обращался в Псков в редакцию журнала «Новая жизнь», в шестом номере которого была напечатана его статья «Очерки экономического быта городов Новгорода и Пскова», с просьбой выслать гонорар на его адрес.¹

Если систематизировать научные рукописи А.Н. Куропаткина того периода по сельскому хозяйству, образованию, экономике и «родино-ведению и другим вопросам, получится солидный фолиант. Судя по выявленной корреспонденции и черновикам, его работы носили следующие названия:

«История вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Учебное пособие для учительского персонала школ I ступени: 12 глав, 25 печатных листов. Закончено в начале 1920 года. Отослано в Псковский губернский отдел народного образования.

«Начальное образование сельского населения Холмского уезда с 1850 по 1917 год». Учебное пособие: 12 глав, 20 печатных листов.

«Продовольственные средства и продовольственные нужды сельского населения Холмского уезда в период 1861-1920 годов». Написано по просьбе Холмского упродкома на материалах архивов Холмской уездной управы. Объем два печатных листа.

«Шешуринская библиотека в 1922 году». Отчетная записка. Передана Адаму Яковлевичу Лынкису в Холмский уездный отдел народного образования.

«Отчет по Шешуринскому опытному полевому хозяйству за 1921-1922 годы». Передан в руки Э. Ю. Глузе 5-го февраля 1923 года.

«Историческая справка по созданию Наговской сельскохозяйственной школы». Выслана заказной бандеролью на имя председателя Холмского уисполкома.

«Отчет по Шешуринскому опытному полевому хозяйству за 1924 год». Отравлен в Холмский уисполком с приложением четырех разных документов. Дата отправки 23 декабря 1924 года. Исходящий номер 115.

«Население Псковской губернии». Имеется план брошюры, состоящей из 13 глав. Составлено в Шешурино 25 октября 1919 года.

«Границы Холмского уезда». Записка составлена в начале 1920 года. А.Н. Куропаткин был сторонником составления такой карты уезда,

¹ РГВИА. Ф.165. Д. 2072.

которая бы учитывала географию местности, административное устройство с нанесением всех поселений, хуторов и объектов исторического характера для посещения их отдельными группами учащихся и гостями. В этот период в уезде имелся единственный геодезист Андрей Яковлевич Федоров. Помочь ему могли, по мнению А.Н. Куропаткина, учителя местных школ и ученики Наговской сельскохозяйственной школы.

«Экономическая записка о необходимости проведения железной дороги через Холмский уезд». А.Н. Куропаткин – один из ее авторов.

КОНСУЛЬТАНТ ХОЛМСКОГО МУЗЕЯ. В 1974 г., 20 апреля, москвич З.Л. Лаврентьев, член ВКПб с 1928 г. через газету «Маяк» обратился к землякам-холмичам со статьей «Слово к краеведам». Призывал местных патриотов общими усилиями расширить летопись Холмского края. Еще в 1819 г. в Холме было положено начало сбора отдельных древних предметов. Энтузиастом выступил дворянин С.А. Чириков. Его поддержали помещики А.С. Зеленой, А.В. Кушелев, князя Шаховские. «После твердого установления Советской власти в городе вновь был организован музей, – указывал Лаврентьев, – Председателем Совета любителей краеведения был заведующий УОНО Васильев. Главным консультантом музея назначен известный всем Куропаткин...».

Есть небольшая неточность: А.Н. Куропаткин не был главным консультантом, а просто консультантом, причем единственным на весь музей. В наши дни в Холмском музее существует уголок памяти А.Н. Куропаткина, где выставлены архивные материалы дающие представление о нем и его эпохе, а также научных интересах генерала, которые касались не только его Родины, но и Туркестанского края. Так, в последние годы генерал был воодушевлен идеей проведения в жизнь экономических рекомендаций по его развитию. Завершенный им солидный труд «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению» состоял из 839 страниц, 19 приложений и карт. Автор был благодарен правлению Семиреченской железной дороги, востребовавшей его знания.

В то же время А.Н. Куропаткин, собирая разнообразные данные, вдумчиво изучал многовековую историю Холмского уезда, соседнего с ним Торопецкого, и в целом Псковской губернии. Его библиотека более 10 тысяч томов включала в себя редчайшие исторические и краеведческие материалы. Алексей Николаевич слову «краеведение» предпочитал термин «родиноведение». К счастью широта кругозора, блестящее образование, аналитический склад ума, потрясающая работоспособность и

энергия генерала даже в его преклонные годы оказались востребованными: в Холмском отделе народного образования нашлись люди, не одержимые духом классово-ненавистной и не побоявшиеся обратиться за помощью к бывшему царскому министру и помещику. А.Н. Куропаткин весь ушел в проблемы создания «Холмского народного уездного музея с отделом родиноведения»¹.

Буквально в считанные дни были составлены: «Проект основания Холмского уездного музея» и план работы на 1919 и 1920 гг. Все документы появились в январе 1919 г. Они обширны и обстоятельны, включают десятки глав и параграфов. Существует предисловие, которое генерал начал с обзора музейного дела в России до 1917 г., и суть которого состояла в следующем²:

В России старинные предметы, рукописи, разные издавна хранились редкости при церквях и монастырях и царских казнохранилищах. В 18-19 вв. надзор за реликвиями вели археологическая комиссия, Академия художеств и Московское археологическое общество. В 1873 г. был открыт музей Псковского археологического общества, куда попали свитки 17-18 вв. В штат был введен ученый секретарь. Существовал Российский Императорский музей в Москве. Здесь в зале № 9 можно было видеть коллекции древностей из Пскова и Великого Новгорода. Подробно разобрал А.Н. Куропаткин и деятельность периферийных музеев: Тобольского и Минусинского: «Кому же нужен Холмский народный уездный музей? – спрашивал автор и сам отвечал: «Музей должен служить на пользу главной массе населения, а главная масса населения состоит из земледельцев. Поэтому музей должен помочь населению в его земледельческой деятельности». В Холмском уезде главный недостаток земледелия заключался в малой доходности, которая зависела от ряда причин: отсутствие железных дорог, неумелое использование природных ресурсов, неумение получить от почвы и климата всего того, чего можно было добиться с приложением должного труда и знаний. Пополнить знания на основании опыта более культурных областей – главная задача Холмского музея»³.

¹ Осипова Н.П. Холмский уездный народный музей // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к научно – практической конференции. Псков.1990. С.15-17.

² РГВИА. Ф.165.Д. 1619-1; 1619-2; 1621.

³ Куропаткин А.Н. Холмский народный музей //Отчёт о съезде заведывающих волотделами нар. обр. с приложением докладов инструкторов на Съезде учащих Холмского у., Псковской г. (авг.-сент. 1919). Типография Холмского Совдепа, 1919. – С. 81-97.

В уездах огромные богатства были сосредоточены в лесных дачах. Население имело хороший заработок при заготовке и сплаве леса, что, однако, носило примитивный и случайный характер. Постоянную работу могла принести глубокая переработка леса, но ее не существовало. Другие резервы, как крестьянский местный рогатый скот, улучшался очень медленно, обеспечивая в основном поля природным удобрением. Музей должен был показать образцы более выгодного использования рогатого скота на примере улучшения качества молока и сыроварения. Следовало также создать организацию по контролю качества молока.

Генерал отмечал, что ничтожное развитие в данной местности получило садоводство. Между тем, плоды, ягоды и орехи могли составить важное подспорье не только для стола крестьян, но и стать предметом экспорта. Музей не должен был забывать и про расширение сферы пчеловодства. Опыт отдельных крестьянских хозяйств показал, что вести его можно было с большой выгодой. В отношении рыболовецкого дела уезд был богат озерами, но рыбные запасы в них были истощены. Музей был призван взяться за восстановление рыбных богатств, воспитать стремление к искусственному разведению рыбы. Отмечались и очень сложные погодные условия, особенно неравномерность изменения климата по временам года и ежегодно. Ритм сельскохозяйственных работ нарушался. Задачей музею ставилась пропаганда кустарных промыслов, а в зимний период особый упор делался на производство хлопчатобумажных льняных тканей.

Затем А.Н. Куропаткин переходил к образованию. У крестьян существовало серьезное недовольство в части обучения детей. Начальные и средние школы были запущены. Специальных профессиональных школ в крае не было совсем. Из-за этого хозяева не умели производительно пахать, содержать орудия, выгодно пользоваться лугами, шорничать, сапожничать, столярничать и т.д. Хуторяне не имели никакого представления о составе почв на своих участках. В ходу были удобрения, не приносившие существенной пользы. Был необходим строгий лабораторный анализ всех используемых земель. По мнению автора не была решена и проблема с семенами культур и трав. Завозимые образцы не все подходили для местных почв и климата. Следовательно, при музее была необходима селекционная станция. Еще в большей степени для сельского хозяйства требовались метеорологические наблюдения с прогнозом погоды.

Заключение было следующим: поскольку Холмский уезд ежегодно

нуждался в завозе более полумиллиона пудов хлеба, «музей важнейшей задачей своей деятельности и долга должен был поставить освобождение населения от услуг в подвозимом хлебе».

По проекту А.Н. Куропаткина музей состоял из трех отделов: исторического, географического и культурно-просветительского. Исторический имел следующие подотделы: «Псковская земля и Холмский уезд до вступления в подданство Москвы»; «Крепостное право»; «Земская Русь»; «Холмское земство» и «Холмское городское управление». Этот же отдел аккумулировал археологические, нумизматические и бытовые коллекции, имел архив с рукописями, планами, картами, грамотами и т. д.

Географический отдел должен был дать представление о растительном и животном мире: через статистику цифр показать развитие сельского хозяйства, ввоз и вывоз сельскохозяйственной продукции, состояние кустарных промыслов, проанализировать уловы и количество переработанной рыбы.

Третий, культурно-просветительский отдел, был задуман как главный с рекомендациями по землепользованию, лесоводству, садоводству, рыболовству, пчеловодству, семеноводству, народному образованию и культуре. Обязательна была библиотека с читальным залом. При этом же отделе на специальных договорных началах должны были работать: лаборатория анализа почв, селекционная станция, метеостанция, склад сельхозмашин и сельскохозяйственное общество.

По замыслу музей должен был стать большим культурным центром, проект которого удалось осуществить частично. Идея получила одобрение в ряде мест. План работ Холмского музея был отослан на рецензию в Петроградский Дворец искусств, бывший Зимний дворец. Заключение поступило 11 марта 1919 г.: «Музейный отдел по рассмотрении проекта основания Холмского уездного народного музея и сметы на его основание и постоянные расходы признал желательным основание в Холме, как уездном городе, музея <...> Считаю возможным выделить Холмской музейной комиссии пособие в размере 50000 рублей».¹

20 марта 1919 г. финансовая коллегия Холмского исполкома рассмотрела и утвердила смету на текущий год. 21 марта был принят Устав. Было выделено и помещение, но где, не указано. Было предложено очистить здание от мусора, начать ремонт, используя чердак как склад

¹ РГВИА. Ф.165. Д.1619-1.

музейных экспонатов. А.Н. Куропаткин предложил для музея часть своих шкафов в Шешурине и составил список книг, содержащих материалы по Псковской губернии. Их следовало немедленно собрать и тем самым положить начало музейной библиотеки¹.

3 июня 1919 г. музей сообщил в уездный отдел народного образования, что для сбора коллекций «выбраны три лица со специальной подготовкой». Они специализировались на флоре, кустарных промыслах и геологических коллекциях. На практике к разъездам привлечены четыре человека. За растительность, земледельческие культуры, образцы трав отвечали преподаватели 4-ой советской школы Федор Иванович Заутман и Роман Антонович Рудзит. Они же по своей инициативе доставляли суррогаты хлеба, чая и табака. Кустарные промыслы взял на себя преподаватель 3-ей советской школы А.Д. Нащекин. Здесь обращалось внимание на смолу, деготь, драпку, сани, дровни, бондарные поделки, ульи и сундуки.

В.Н. Зрянковский от музея был направлен в Мисино и Билово за образцами глин и известняка. Когда-то на этом сырье работал фаянсовый завод Н.А. Раздеришина. Кроме Билово глина высокого качества имелась в Подмолодь Медовской волости, в Волоке Галибецкой волости, в Любино Наговской волости. Здесь производили глиняную посуду и огнеупорный кирпич. В.Н. Зрянковского, однако, скоро призвали в армию, и сборы сырья прекратились. Но по просьбе Союза потребительских обществ в уезд пригласили из Петрограда специалиста по глинам, на которого музей очень рассчитывал².

Из-под пера А.Н. Куропаткина появились еще несколько новых документов. Это и «Положение об учреждении Псковского губернского народного музея», и «Обязанности и права уездного инструктора по музейной части» из 18 параграфов, и обращение к священникам и учителям – направлять предметы старины в Холмский музей.

20 сентября 1920 г. заведующему Холмского УОНО Попову поступила телеграмма из Пскова: «По состоянию здоровья надеюсь быть в Холме в конце будущей недели. Подробный план всем отделам по организации музея мною составлен и утвержден. Дальнейшее руководство возможно вести с успехом после ремонта печей, устройства чердачного помещения, назначения энергичного заведующего музеем, о чем еще

¹ Попов Ю.Г. Холмские годы генерала Куропаткина// Маяк. 1997. 18,22 января. 8 февраля. 1, 15 марта. 2 апреля. 18, 21 июня. 30 июля. 16 августа. 10 сентября.

² РГВИА. Ф, 165. Д.1619-2. Л. 95-105.

раз усиленно прошу. Консультант музея Куропаткин».¹

Сохранил А.Н. Куропаткин и следующий документ, считая его важным для музейных работников: «Всем учреждениям Холмского исполкома! Составить обзор всех хранящихся архивов по состоянию на 25 октября 1917 г. и передать их в губернский архивный фонд г. Пскова».²

Кто еще кроме А.Н. Куропаткина был энтузиастом создания музея? Некоторое представление дает протокол Холмского исполкома от 3 февраля 1919 г. От земельного отдела присутствовали – Арсентьев, Тимофеев, Филиппов, Афанасьев, Калитин, Чехов; от отдела народного образования – Адам Яковлевич Лынкис (1881-1941), Килебах, Заутман. А.Н. Куропаткин записан председателем музейной комиссии. Вероятно, он занимал эту должность до назначения заведующего музеем, а на совещании в тот день А.Н. Куропаткин предложил на средства земельного отдела создать сеть метеостанций в г. Холме, Наговской, Княжесельской, Даньковской, Галибецкой и Хлавицкой волостях.

А.Н. Куропаткина можно назвать и первым советским лектором на «Псковщине». Лекции он начал читать еще в конце 1918 г. и быстро приобрел популярность в разной среде слушателей: «Холмский уездный комитет Российской коммунистической партии (большевиков). 15 января 1919 г., № 47. г. Холм. Гражданину А.Н. Куропаткину. Комитет партии предлагает сообщить, имеете ли вы возможность сделать лекцию в г. Холме, в помещении клуба «Коммуна» на экономико-хозяйственную тему при социальном строе или может имеете ряд лекций на научно-популярные темы. О Вашем согласии благоволите уведомить». Уездная организация РКП (б) заслушала генерала 27 января 1919 г. в шесть часов вечера в клубе «Коммуна»³.

Скоро фамилия А.Н. Куропаткина попала на страницы газеты «Псковский набат». Крохотная заметка «Генерал читает лекции» на пять строчек прошла в номерах за 21 и 28 февраля 1919 г.: «В Холмском уезде известный герой русско-японской войны генерал Куропаткин читает лекции о жизни на Дальнем Востоке. Лекции всегда интересны и собирают много слушателей». Сохранились черновики лекций А.Н. Куропаткина, даты его выступлений. Так, в Наговской сельскохозяйственной школе он выступал 9 ноября 1919 г., 24 января и 24 августа 1920 г. Темы: «Первые обитатели Псковской земли» и

¹ РГВИА. Ф.165. Д.1619-2. Л.103.

² РГВИА. Ф.165. Д.1619-2. Л.99.

³ РГВИА. Ф.165. Д.1649. Л.1.

«Исторический очерк землевладения и земледелия в Холмском уезде». В мае 1920 г. в Холме принял участие в диспуте «Земельная политика Советской власти и царского правительства». В клубе служащих (бывшая аптека) г. Холма 22 декабря 1920 г. генерал прочел лекцию «Начальное народное образование в Холмском уезде», а для крестьян в помещении Наговского исполкома прочитал два доклада: «Значение Сибири для России» и «Значение Туркестана для России», тем самым выполнил просьбу местных землевладельцев, которые решили оставить местные болотистые неудобицы и переселиться на вольные черноземные, пустующие поля в Сибири и Семиреченской области. По словам А.Н. Куропаткина, там были целинные земли, а на «мужскую душу» выделяли по 10-15 десятин земли. Нашлись смельчаки, рискнувшие в этот крайне тяжелый период уехать. Еще можно встретить третье поколение потомков тех людей, приехавших в гости в родные места из Сибири. Благодарили А.Н. Куропаткина, не обманувшего их предков речами о богатстве Сибирской стороны. Должностью консультанта музея А.Н. Куропаткин очень дорожил. Она позволяла ему обращаться в самые разные организации, не как частному лицу, а как служащему советского учреждения.

БИБЛИОТЕКА. 12 февраля 1998 г. в культурной жизни Торопецкого района Тверской области произошло неординарное событие. По инициативе руководства местной Централизованной библиотечной системы сельской библиотеке в селе Наговье было присвоено имя царского генерала Алексея Николаевича Куропаткина (1848-1925), который последние почти 20 лет жизни провёл в своем имении, в соседнем селе Шешурино. Собрание депутатов Торопецкого района решило таким образом сохранить память о генерале, внесшем личный вклад в дело образования, культуры и медицины¹.

Этой библиотекой пользуются все желающие на протяжении почти столетия. 2 февраля 1923 г. А.Н. Куропаткин сообщал своему первому воинскому начальнику М.Ю. Ашенбреннеру: «Заведую волостною (основанною мною в 1917 году) библиотекой, читаю лекции по экономике России и Псковского края <...> Устраиваю Холмский народный музей»².

Горячо любящий свою родину и увлеченный краеведением, генерал А.Н. Куропаткин много лет вёл дневники, коллекционировал

¹ Архивный отдел Администрации Торопецкого района. Ф. Р-19. Оп.1. Ед. хр.253, 258.

² «Каторга и Ссылка».1927. № 3. С. 202-204.

книги по родному краю, собирал редкие рукописи. В его архиве часть дел непосредственно связана с библиотекой. Это – каталог, опись недостающих книг, отчёты о состоянии библиотеки и история её возникновения (РГВИА. Д.112, 113 и др.).

Относительно библиотеки было обнаружено следующее письмо, которое А.Н. Куропаткин получил 11 августа 1922 г.: «Многоуважаемый Алексей Николаевич! Петроградским институтом внешкольного образования поручено мне собрать материалы о развитии и состоянии библиотечного дела в Холмском уезде. Особое место в моей работе должна занять Ваша ценная библиотека. Материалов о ней УОНО не имеет, выехать на место нет возможности. Остаётся одно: просить Вас дать справки письменно. Является ли Ваша библиотека фамильной? Кем из ваших предков заложено её основание? В каком состоянии находилась она, когда вы приняли её по наследству? Если библиотека создана лично Вами, то когда начали собирать, какие задачи при этом преследовали, как комплектовали? На какие годы падает особенный рост библиотеки и когда он начал сокращаться? В каком положении находится вопрос о пополнении библиотеки?

Где обычно находилась Ваша библиотека в бытность Вашу администратором Туркестана, главнокомандующим армиями? Когда библиотека перенесена в Шешурино, когда выстроили для неё специально приспособленное помещение? Как на сохранении Вашей библиотеки отразилась революция и национализация частных книгохранилищ? Какая вами принята система классификации сочинений? Каков состав по отделам, каково общее количество томов? Доступность Вашей библиотеки для посторонних граждан, местного населения, учителей и учёных специалистов республики. Когда Вами основана «расходная» библиотека, как велика, и результаты деятельности её? Где зарегистрирована Ваша библиотека основная? Получает ли поддержку от советских органов и какую? Какими редкостями и особыми ценностями располагает библиотека? Буду вам очень благодарен, если вы найдёте возможным осветить ещё и другие стороны возникновения и существования библиотеки»¹.

Письмо написал заведующий Холмским уездным отделом народного образования Адам Яковлевич Лынкис. Генерал А.Н. Куропаткин откликнулся и подготовил записку, в которой, в частности, сообщил, что основание библиотеки в Шешурино положил его отец в 1845 г. К

¹ Попов Ю.Г. Библиотека генерала Куропаткина // Материалы 4 Международной научной конференции «Библиотека в контексте истории». М. 2001. С.319 – 325.

сыну по наследству перешло сто названий. Лично А.Н. Куропаткиным было собрано около 8000 названий. Хранится до 400 названий книг, принадлежащих покойному сыну, и в образовании библиотеки участвовали три поколения Куропаткиных.

А.Н. Куропаткиным начал собирать книги в 1858–1864 гг. во время пребывания в кадетском корпусе. Получены в награду за благонравие и успехи в науках сочинения Пушкина, Гоголя, Некрасова, Крылова и Кольцова. Эти книги хранятся в Шешуринской библиотеке».¹ Далее А.Н. Куропаткин сообщал, что, как и вся молодёжь, увлекался учением народолюбцев: Чернышевского, Добролюбова, Белинского, Писарева. Но победила любовь к естествознанию. В библиотеке появились книги Льюиса, Бока, Фёдоровского. Часть из них А.Н. Куропаткин забрал в Туркестан, куда уехал в 1866 г., где началась его собирательская деятельность военных трудов, в т. ч. писателей Драгомирова и Обручева. Особенно активно приобретались книги в 1878–1879 гг., когда генерал преподавал в Академии Генерального штаба. Ещё были периоды 1882–1889 гг. – служба в Главном штабе; в 1890–1897 гг. – начальник Закаспийского края; в 1898–1904 гг. – военный министр Российской империи. В эти годы были подарены книги с автографами видных учёных и военных лиц. После возвращения с русско-японской войны в Шешурино в 1906 г. Алексей Николаевич стал приобретать книги по сельскому хозяйству и экономике. Привёз из Петрограда все оставшиеся там книги. Когда в 1916 г. он снова был направлен в Туркестанский край, генерал взял с собой часть научных трудов по тематике той провинции.

Была и так называемая «расходная» библиотека. В 1907 г. А.Н. Куропаткин собрал около тысячи книг беллетристики и научно-популярной литературы. Эта библиотека предназначалась для общего пользования. Генерал лично исполнял обязанности библиотекаря. В 1915–1920 гг. библиотека, подверглась хищениям. «Расходная» библиотека находилась в деревянном доме, там же были книги основной библиотеки под №№5751 по 6512: «Хищения в моё отсутствие, в особенности, когда я был арестован как заложник, значительны. В особенности пострадали карты. Их уничтожили, чтобы получить коленкор, которым они были подклеены»².

Все книги основной библиотеки генерал разбил на 52 отдела, в которых имена авторов были помещены в алфавитном порядке. Так

¹ РГВИА. Ф.165.Д.2012. Л.47.

² РГВИА. Ф.165. Д.113.

появился каталог. Первый печатный каталог был издан в Ашхабаде в 1893 г., второй, рукописный, – в Шешурина в 1914 г. В него было внесено 4105 книг по военной тематике. Много книг было по странам Азии. Всего в каталоге – 10982 номера. Из них оставлены для будущего пополнения 2976 номеров. Таким образом, число названий достигло 8000 единиц.

Далее отмечалось, что расходной библиотекой пользовались сотрудники врачебного пункта, почтовой конторы, исполкома. Выпускникам школы в Лебедеве он давал книги и из основной библиотеки. В 1919 г. в библиотеке работал профессор К.Н. Маркин, в 1920 г. – горный инженер Л.Н. Цымбаленко. В мае 1922 г. «расходной» библиотекой пользовались: 27 мужчин, 7 женщин и 22 школьника. Взято – 42 книги. Наиболее посещаемым был месяц март: посещений – 92; взятых книг – 230.

Шешуринская библиотека была зарегистрирована Наговским волисполкомом и Холмским отделом народного образования, и с 1918 г. А.Н. Куропаткин числился в ней заведующим библиотекой. В 1919–1920 гг. Псковский губисполком бесплатно отпускал библиотеке дрова, но потом было отказано. В 1922 г. сократили должность сторожа, появилась сырость, и генерал стал перемещать книги в свой дом на верхний этаж.

Далее генерал перечислял свои печатные труды, написанные им на основании дневников. Он подготовил к печати воспоминания «60 лет моей жизни» в двух томах и ряд рукописей о сельском населении Холмского уезда: «В настоящее время продолжаю на основе дневников, книжного и архивного материала, собранных в Шешурино, свою работу «60 лет моей жизни» (известна в трех вариантах: «60, 70 и 75 лет моей жизни» – Ю.П.). Заканчиваю на этих днях 47 главу (1880–1886 гг.) и составляю записку по курсу экономической географии России. Этот предмет я преподавал в Наговском техникуме. Заведующий Наговской волостной библиотекой А. Куропаткин. 19 августа 1922 года».¹

Еще один документ свидетельствовал о имевших место пропажах книг:

«Следователю Холмского уезда В.Н. Кузьмину. Заявление. Проверка наличности книг в волостной библиотеке была произведена мною 4 июля и 15 сентября. За эти два месяца число посетителей библиотеки было незначительно, и все взятые книги были записаны по

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 113.

библиотечным карточкам. Проверкою 15 сентября обнаружена недостача 20 книг и свыше 20 брошюр. Подозреваю, что в пропаже книг могла принимать участие малолетняя (14–15 лет) Леонида Лосева, грамотная, убиравшая библиотеку и помогавшая мне в сортировке и выдаче книг посетителям. За неимением сторожа библиотеки похищенные книги, вероятно, проданы и подарены на курительную бумагу. Часть же может запрятана в избе матери Леониды Лосевой – Акулины Лосевой даже без её ведома и при обыске может быть некоторое число недостающих книг обнаружено. Прошу вас в установленном порядке произвести обыск жилища матери Леониды Лосевой, где ночует и Леонида Лосева. Заведующий Шешуринской волостной библиотекой А. Куропаткин. № 75. 18 сентября 1923 года»¹.

Были потери и другого порядка. Иван Пойкин (библиотечная карточка № 102) задерживал сдачу 30 брошюр. В отдельном шкафу хранились растрёпанные и изъятые из обращения книги. Особой популярностью пользовался отдел № 10 (беллетристика), где находилось более 500 книг. Всего же, по данным на 8 ноября 1923 г., в библиотеке было 1058 книг, из которых на руках у читателей – 121 книга. Одновременно А.Н. Куропаткин заведовал и избой-читальней. Сюда поступала газета «Красный набат» и брошюры – 113 единиц.

Были востребованы сочинения Кнута Гамсуна, Гоголя, Данилевского, Короленко, Конан Дойля, Оскара Уайльда, Рубакина, Мольера, Бунина и других, менее известных авторов. Из брошюр брали «К познанию огородничества», «Молочное хозяйство» и другие. Имена читателей тоже сохранились. Это – директор Лебедевской школы К.П. Пятницкий, Егор Голубев, Ольга Соолятэ, Николай Савельев, Дмитрий Семёнов, Николай Ездаков, Ида Пурас.

Вторично А.Н. Куропаткин принял «расходную» библиотеку 1 февраля 1922 г. Он собрал Библиотечный совет, стал приводить в порядок фонд, вновь составили утраченный каталог. С 1 апреля 1923 г. открыли в с. Шешурине избу-читальню.

Алексей Николаевич, вероятно, руководил волостной расходной библиотекой до 8 ноября 1923 г. Имеется сдаточная ведомость книг на это число. А.Н. Куропаткин составил и отчёт о работе библиотеки за 1922-1923 гг. В нём много данных статистического характера о движении книг, о их состоянии, о поступлениях новой литературы и т.д. А.Н. Куропаткин во многих своих дневниковых и рабочих

¹ Попов Ю.Г. Куропаткин и Шешурино. Торопец. 2002. С.68 – 69.

записях подчеркивал, что он в полной мере использовал свой богатейший книжный фонд: «Главные печатные труды, которые мною исполнены на основании дневников и материалов, собранных в моей библиотеке, следующие:

«Алжирия». Военно-статистический очерк и письма из Алжирии, издание 1877 г., получена серебряная медаль.

«Кашгария». Историко-географический очерк страны, её военная сила, промышленность и торговля, издание 1879 г. Получена золотая медаль.

«Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877-1878 годов», «Ловча и Плёвна», издание 1886 года. Получена премия Генерального штаба.

«Блокада Плёвны и бой 26 ноября 1877 года». Издание 1889 г.

«Переход через Балканы отрядом генерала Скобелева и бой у деревни Шейно 28 декабря 1877 года», издание 1889 г. Два последних труда напечатаны в «Военном сборнике» и отдельными изданиями не вышли.

«Очерк военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год и поход в Ахал-тепе». Два издания 1889 г. и 1899 г.

«Итоги войны», издание 1906 г. Имеется ещё Берлинское издание и труд, озаглавленный «Заметки генерала Куропаткина».

«Россия для русских: Задачи русской армии». Три тома. Издание 1910 года.

«Русско-китайский вопрос». Издание 1913 г.

Приготовлены к печати, но по техническим и иным причинам не изданы следующие мои труды:

«60 лет моей жизни», тома 1 и 2, 42 главы (период 1858-1881 гг.).

«Пролог маньчжурской трагедии». Из дневников А.Н. Куропаткина.

«Население Семиреченской области: Деятельность, нужды и способы к их удовлетворению». Девять глав с приложением и картой. Окончено в Шешурине в 1918 году.

«История вольных городов Великого Новгорода и Пскова: Учебное пособие для учительского персонала школ». 11 глав. Окончено в Шешурине в 1919 году.

«Начальное образование сельского населения Холмского уезда с 1850 по 1914 год». 13 глав. Окончено в Шешурине в 1921 г.

Кроме этих больших трудов мною, при содействии Шешуринской библиотеки, исполнены следующие научные труды:

«Сельское население Холмского уезда в период 1859-1917 гг. в связи

с его экономическим положением». Окончено в 1921 г. Передано в Петроград в Центральный Географический музей, при котором состоял учёным корреспондентом.

«Семиречье: Из дневников А.Н. Куропаткина». Статья напечатана в журнале «Военная мысль», сентябрьская книжка, 1920 г., издающемся в Ташкенте.

«Очерк экономического быта вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Статья напечатана в 1920 г. в июньской книжке журнала «Новая жизнь», издающегося в Пскове.

«Краткий исторический очерк борьбы на Западе с черезполосицами, общинным владением землею и трёхпольем».

«Опытное полевое хозяйство в Шешурине с 1907 по 1921 г.».

«Соображения к плану работ по землепользованию и землеустройству сельского населения Холмского уезда на 1922-1923 гг.». Три последние работы исполнены мною для земельного отдела Холмского уезда и ныне вытребованы в Псков...».¹

Судьба куропаткинской библиотеки сложилась печально. Ценная библиотека после кончины генерала стала понемногу сокращаться: книги «растекались» по Псковщине. В Шешурино срочно выехал заведующий Псковским губернским музеем А.К. Янсон. О результатах обследования им библиотеки генерала газетный листок «Псковский набат» сообщил только 1 октября 1925 г., хотя время поездки пришлось на июль месяц.

Выяснилось, что книгохранилище после смерти А.Н. Куропаткина было проверено специальной библиотечной комиссией из г. Холма. Здание опечатали, так как видимые следы хищения были налицо: со стороны сада ставня на окне сорвана, а на подоконнике осталась дорожка от обуви, предположительно – сапог. Едва убыла одна делегация, как появилась другая из хозяйственного отдела Холмского уездного исполнительного комитета. Она вывезла из имения все шкафы и полки. Книги же свалили на пол в двух этажах генеральского дома, забрали и часть книжного фонда. Куропаткинские книги видели потом на Холмском рынке в руках спекулянтов. Особенно ценились тома в кожаных переплётах. Обложки шли на домашние поделки.

В Государственном архиве Псковской области существует ряд документов. Президиум Псковского губисполкома 4 июля 1925 г. заслушал доклад о результатах обследования состояния библиотеки

¹ РГВИА.Ф.165.Д.113.

гражданина А.Н. Куропаткина. Предложено привлечь к ответственности лиц, виновных в расхищении библиотечного имущества. 1 сентября 1925 г. Губисполком удовлетворяет ходатайство Губоно об отпуске средств на перевозку библиотеки А.Н. Куропаткина в сумме 274 рубля. Перевозкой книг занимался от Губисполкома некто Газов. Однако из-за несогласованности действий с Холмским уисполкомом ему было поставлено на вид¹.

16 сентября 1925 г. президиум Холмского уисполкома снова возвращался к библиотечному вопросу. «Информацию Пятницкого принять к сведению. Довести до сведения президиума губисполкома о нетактичности действий представителей губисполкома, выразившуюся в вывозе из имения Шешурино всякого мелкого имущества, вплоть до игры в крокет, а равно в намерении вывезти коляску».²

Итоги обследования книжных развалов, оставшихся практически без присмотра, были неутешительны. «Псковский набат» указывал: «До войны 1914 года библиотека была приведена в порядок. Составлен каталог специалистом из Публичной библиотеки. Комиссия ограничивалась подсчётом в 12000 томов. Дом был опечатан. Наблюдение за ним поручено медицинскому отряду, квартировавшему в Шешурино. Ценность библиотеки очень велика. Есть легенда о том, что в 1914 году американцы предлагали за неё 4 миллиона долларов. За редким исключением, собрана военная мировая литература, на десятках языках – европейских и азиатских. Самый поверхностный обзор позволяет сказать, что среди книг найдутся такие, которые в лучших мировых книгохранилищах насчитываются единицами. Следует указать на роскошные издания иностранных обществ по японской и англо-бурским войнам, отчёты ведомств царского правительства...»³.

В декабре 1925 г. в Пскове произошло важное событие. Центральная библиотека губернии переместилась в новое здание. Очевидец указывал, что читальный зал был украшен портретом В.И. Ленина, вставленным в оригинальную рамку большой художественной ценности восточного исполнения. Рамка эта попала в Псков из куропаткинского имения Шешурино. Сюда же был доставлен из имения и объёмный круглый стол, за которым генерал ещё недавно принимал сельских читателей.⁴ Псковским книголюбам куропаткинский стол показывали как объект

¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп.1. Д. 1506.

² ГАПО. Ф. Р-590. Оп.1. Д. 1533. Л. 157.

³ Попов Ю.Г.Торопецкий культурный слой. СПб. 2016. С.78.

⁴ Псковский набат. 1925.12 декабря.

развлечения: за ним псковская элита убивала время за картами. Однако известно, что А.Н. Куропаткин не увлекался картёжными играми.

В Пскове историей передачи государству библиотеки А.Н. Куропаткина занималась сотрудница Музея-заповедника Н.А. Бабарыгина. По её розыскам, книжное собрание поступило в сентябре 1925 г. в Псковскую губернскую центральную библиотеку в количестве свыше 8000 томов.

Многие высшие советские организации, особенно военные, имели свой интерес в библиотеке. Книжные богатства стали дробиться. В Пскове осталась незначительная часть собрания в количестве 150-180 единиц. Во время оккупации города фашистами часть книг из коллекции А.Н. Куропаткина была ими вывезена. Некоторые книги вернулись в фонды музея: на сегодняшний день в Древнехранилище Псковского музея-заповедника хранится 51 книга и 6 рукописей из собрания А.Н. Куропаткина. На каждой из них есть штамп, экслибрис или инициалы владельца¹.

Точного ответа на вопрос – где основная часть куропаткинских книг – пока нет. В фондах Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна республики Марий Эл в г. Йошкар-Ола обнаружены издания из личной библиотеки А.Н. Куропаткина. Книги переправлены сюда в 1937 г. из резервных хранилищ крупнейших библиотек страны. Среди них полный комплект 89 томов первой всеобщей переписи населения обширной Российской империи 1897 года (СПб, 1899–1905 гг.). Уникальное издание состоит из 119 выпусков – сборников по отдельным губерниям и областям. Другие издания принадлежат перу самого А.Н. Куропаткина. Внутри книг – книжный штампель с надписью «Библиотека А.Н. Куропаткина»².

У Алексея Николаевича Куропаткина со временем образовались целые полки книг с автографами знаменитостей: «Высылаю Вам свою «Монголию и Уссурийский край». Если будете свободны в субботу вечером, то заходите хоть на часок. Я буду дома. Искренне уважающий Вас Николай Пржевальский. Среда 25 октября 1878 г.»³.

Примерно с мае 1918 г. А.Н. Куропаткин снова обосновался в Шешурино с тем, чтобы пользоваться своей богатой библиотекой

¹ Бабарыгина Н.А. Значение фондов древнехранилища в изучении книжного и документального собрания генерала А.Н. Куропаткина// Псковская губерния и ее архив: история и современность: материалы научн.- практ. конф. Псков. 2001. С. 148-151.

² Мансурова Л.Р. Генерал от инфантерии. Книжное собрание А.Н. Куропаткина// Библиотечное дело, 2010, №6, С. 17-18.

³ РГВИА, Ф. 165. Д. 3481.

для научных работ. Возвращение генерала не всем пришлось по душе. Фигура независимого, уверенного в себе человека дворянского происхождения многих раздражала. Был подхвачен лозунг «Грабь награбленное», и к А.Н. Куропаткину зачастили непрошенные гости, которые требовали отдать или «подарить» то одно, то другое, порываясь продолжить начатое в дни его отсутствия воровство. Генерал направился в военный комиссариат Наговского волостного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, полагая отыскать там защиту. 23 июня 1918 года за № 32 генералу было выдано удостоверение: «Принимая во внимание боевые заслуги бывшего генерал-адъютанта, генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, ныне проживающего в Шешурино Наговской волости и зная его непрестанные заботы об улучшении быта местного населения Наговской волости, военный комиссариат предписывает местному населению оказывать внимание и уважение, как общественному деятелю и старому, боевому генералу, заслуженному солдату и не чинить самостоятельных обысков и выступлений против генерала, что подписью и приложением печати утверждается»¹.

Главная опасность поджидала генерала, однако, со стороны стражей революционной законности. После покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. большевики объявили красный террор. Над А.Н. Куропаткиным и членами его семьи нависла угроза физического уничтожения: 8 сентября 1918 г. А.Н. Куропаткин был арестован, а летом 1919 г. был арестован и отправлен на Лубянку его сын Алексей. Генерала доставили к председателю Холмского ЧК И.Г. Рубельту, который впоследствии вспоминал: «Арестовали А.Н. Куропаткина как заложника. У меня с ним состоялся разговор. Генерал лично знал меня по школе в Наговье, где я обучался. Вот его слова: “Я знаю, вы меня расстреляете. Я монархист, с 10 лет одел погоны, дослужился до генерала, занимал высокие посты...”. Он обратил внимание на кожаный саквояж, наполненный рукописями: “Если вы думаете хозяйничать, то написанное мною пригодится”. Я ответил: “Обещаю, что рукописи будут в сохранности. Вас направлю в тюрьму.”»². Генерал взял научные конспекты, надеясь с ними поработать, но рукописи конфисковали, а А.Н. Куропаткина по инстанции отправили в г. Великие Луки. В тюрьме он просил одного – не мешать работать. Осознавая, что его труды будут нужны стране, генерал был готов служить ей как мог по мере своих сил: «Председателю Великолуцкой ЧК. Прошу возвратить мне

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1602. Л. 1.

² Попов Ю.Г. Куропаткин и Шешурино. Торопец. 2002. С. 37.

из документов, кои я представил в Холмскую ЧК, вторую главу моего труда по Семиреченской области, касающегося русского населения этой области. Глава эта ожидается в Петрограде, в правлении Семиреченской железной дороги, куда и будет направлена <...> Здоровье мое плохое: головокружения на почве ослабления деятельности сердца, продолжаются <...> Еще раз повторяю свою просьбу: отпустить меня, 70-летнего старика к моим книгам в Шешурино. Это в Вашей власти и Ваших правах. Там, в своей библиотеке я буду полезен 10 миллионному населению Туркестана моими знаниями, опытом, работая на пользу слабых и угнетенных туземцев. Проживая в Шешурино, я в тоже время буду находиться в полном вашем распоряжении А.Н. Куропаткин. 15 сентября 1918 года. Великие Луки»¹.

Обращение осталось без внимания. А.Н. Куропаткина перевели в Петроградскую ЧК, откуда он был вызволен благодаря следующему ходатайству: «РСФСР. Местный комитет Семиреченской железной дороги. 24 сентября 1918 г. № 574. Петроград, Итальянская улица, 11. Председателю Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Местный комитет Семиреченской железной дороги настоящим удостоверяет, что Алексей Николаевич Куропаткин, как знаток Туркестанского края и администратор, постоянно защищавший беднейшее земледельческое и кочевое население края от эксплуатации скупщиками и посредниками, спекулянтами, был приглашен правлением Семиреченской железной дороги в качестве консультанта по экономическим и бытовым вопросам, причем к осени 1917 года давал компетентные заключения, а с начала поступления на постоянную службу с 1 мая 1918 года исполнил ряд ценных работ. Ввиду вышеизложенного, местный комитет Семиреченской железной дороги просит Вас, товарищ, освободить А.Н. Куропаткина из-под стражи, возвратить ему отобранные черновики трудов, исполненных им работ и разрешить вернуться для дальнейшей работы в библиотеке в селе Шешурино, где у него имеется редкие первоисточники по Туркестанскому краю. Со своей стороны местный комитет дает поручительство за лояльное отношение А.Н. Куропаткина к постановлениям правительства Российской Советской Социалистической Республики. Председатель комитета К. Смоленинов. Комиссар правления В. Стрекалов»².

А.Н. Куропаткин был немедленно освобожден, но не сразу возвратился в Шешурино из-за дел и сложных семейных обстоятельств.

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1608.

² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 42. Л. 129.

Генерал занялся оформлением справок и свидетельств. От домового комитета Кировной 32/34, где жил его сын Алексей, получил удостоверение личности о ненахождении под судом. От домового комитета по Таврической, 19 (здесь жила его супруга) – справку на право въезда и выезда из Петрограда. Добился и более серьезных охранных грамот: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском Совете Рабочих и Крестьянских депутатов. 9 октября 1918 года. № 12434. Удостоверение. Чрезвычайная комиссия сим удостоверяет, что к выезду гражданина Алексея Николаевича Куропаткина в Холмский уезд Псковской губернии со стороны ЧК препятствий не встречается. Председатель Г. Бокий¹». На удостоверении была приписка: «Со стороны окружного комиссариата по военным делам препятствий к проживанию гражданина А.Н. Куропаткина в пределах Холмского уезда Псковской губернии не встречается. Управляющий делами комиссариата по военным делам А. Ильин (Женевский)². Исходящий № 20480. 14 октября 1918 г.»³.

В Наговской волости арест А.Н. Куропаткина вызвал нездоровое оживление. Уверенные, что генерал будет расстрелян, грабители, невзирая на прислугу, проникли в дом и нанесли серьёзный урон редким коллекциям, в том числе старинного оружия. Были также похищены вещи домашнего обихода, азиатская сбруя тонкой ручной работы с украшениями, съестные припасы. А.Н. Куропаткин узнал об этом после освобождения и 29 сентября из Петрограда письменно обратился в народный суд 3-го участка Холмского уезда, Наговский исполком и Торопецкий уголовный розыск и просил принять необходимые меры, чтобы вернуть украденное.

Перед выездом в Шешурино он также направил в Наговской исполком заявление – мера не лишняя в те времена – в котором описал обстоятельства ареста и перечислил свои заслуги, послужившие

¹ Бокий, Глеб Иванович (1879-1937). С марта 1918 г. заместитель председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого, с гибелью которого с августа по ноябрь 1918 г. председатель ЧК Союза коммун Северной области и Петроградской ЧК. В 1918-1919 гг. – член коллегии НКВД РСФСР. В 1919 г. – начальник Особого отдела Восточного фронта, с сентября 1919 г. по август 1920 г. – начальник Особого отдела Туркестанского фронта, одновременно член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, с апреля по август 1920 г. – полпред ВЧК в Туркестане.

² Ильин-Женевский, Александр Федорович (1894-1941) – известный шахматист, партийный деятель, участник подпольного большевистского движения и штурма Зимнего дворца, советский литератор, журналист.

³ ГАПО. Ф. Р – 590. Оп.2. Д.45.Л. 128 об.

поводом к освобождению: «Арестованный 8 сентября без предъявления обвинения в селе Шешурино, чем была прервана моя ученая работа в Шешуринской библиотеке, я был доставлен после пребывания в Холме и Великих Луках в Петроградскую ЧК 24 сентября. Рассмотрев все пункты моего ареста и ознакомившись с учеными трудами, исполненными и начатыми в Шешурино, Петроградская ЧК 25 сентября освободила меня из-под ареста с правом возвращения в село Шешурино. При этом была принята во внимание долголетняя деятельность моя в Туркестанском крае по защите слабых. Принято во внимание и то, что в 1906-1916 гг. я трудился на пользу крестьян Наговской волости. Мною основаны Наговская сельскохозяйственная школа, кредитное товарищество, сельскохозяйственное общество <...> На моей земле построены больница, Шешуринская почтово-телеграфная контора <...> Открыта Шешуринская библиотека. Петроградская ЧК уведомила Холмскую ЧК – принять меры к спокойному проживанию моему в Шешурино <...> ЧК выдала мне за подписью Г. Бокия удостоверение за № 12434 <...> 10 октября 1918 года. Петроград. А.Н. Куропаткин. В Шешурино выезжаю 17 октября сего года»¹.

Исполком Наговского Совета депутатов, получив заявление, принял оперативные меры по встрече генерала А.Н. Куропаткина. Жителю Шешурино Николаю Филатову 14 октября вручили специальное удостоверение, разрешающее ему «съездить в Торопец за Куропаткиным на двух комитетских лошадях». Возвращение А.Н. Куропаткина в Шешурино пришлось на 18 октября. Спокойной жизни для научных занятий, однако, не вышло. Генерал чувствовал постоянный контроль и давление со стороны Холмской ЧК и был вторично арестован, о чем свидетельствуют, высланные им телеграммы. Первая телеграмма – «Великие Луки. Председателю Чрезвычайной комиссии Матисону. Вторично арестован [без] малейшего повода. Прошу быстрой защиты. Алексей Куропаткин». Вторая - «Петроград. Таврическая, 19. Срочная. Куропаткину [сыну]. Вторично арестован несмотря [на] удостоверение Бокия 12434 и Ильина-Женевского 20480. Необходима быстрая помощь. Алексей». Третья телеграмма – «Петроград. Окружной комиссариат [по] военным делам, управляющему делами Ильину-Женевскому. Вторично арестован [без] малейшего повода несмотря [на] удостоверение Ваше 20480. Прошу быстрой защиты депешью [в] Холмскую Псковской губернии ЧК. Алексей Куропаткин». Четвертая – «Петроград. Гороховая

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1611. Л. 3.

2. Председателю ЧК. Вторично арестован [без] малейшего повода несмотря [на] удостоверение Ваше 12434. Опасаюсь насилия. Прошу быстрой защиты депешью [в] Холмскую ЧК. Алексей Куропаткин»¹. Эти телеграммы были переданы начальнику Шешуринского почтово-телеграфного отделения с предварительной оплатой и просьбой разослать по адресам в случае повторного ареста. Больше А.Н. Куропаткина не арестовывали, тем не менее, согласно О.А. Белозеровой, изучавшей переписку генерала с его невесткой Ольгой Ивановной Куропаткиной, она и ее двое малолетних сыновей все же были арестованы после расстрела сына генерала².

А.Н. Куропаткин также отправил письмо информативного характера в Псков: «Председателю Псковского исполкома Совета рабочих-крестьянских и красноармейских депутатов. Доношу, что я возвратился в Холмский уезд, Наговскую волость, село Шешурино, и возобновил научные работы по Туркестанскому краю по основной Туркестанской библиотеке. Препровождаю при сем для сведения копии с:

- 1) Удостоверения Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Г. Бокия от 9 октября сего года за № 12434;
- 2) Надписи управляющего делами Комиссариата по военным делам А. Ильина (Женевского) от 12 октября за №20480;
- 3) Отзыва местного комитета Семиреченской железной дороги председателю Петроградской ЧК по борьбе с контрреволюцией от 24 сентября за № 574.

Гражданин Алексей Николаевич Куропаткин. № 165. 7 ноября 1918 г. с. Шешурино»³.

А.Н. Куропаткин вернулся в Шешурино. В районе был голод, и росло недовольство. Генералу пришлось подсчитывать убытки и составлять «Справку об имущественных потерях» за 1917-1918 гг. Затем ещё несколько. В итоге появился документ «Справки и решения об отобранных и краденных вещах А.Н. Куропаткина в 1918-1920 гг.».

Холмский чекист И.Г. Рубельт⁴ писал о том, что за генералом

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 2142. Л. 1-3.

² Куропаткин, Алексей Алексеевич (1892-1919?) – сын генерала А.Н. Куропаткина от второго брака с Александрой Михайловной Щербинской. Женат на крещеной Ольге Ивановне Куропаткиной (дев.фам. Кубилос). В браке – двое сыновей, о судьбе которых и их матери достоверно ничего неизвестно.

³ ГАПО. Ф. Р-590. Д. 45. Л. 117.

⁴ Рубельт, Иван Григорьевич (1896-1975) Партийный деятель. Родился в селе Анишево Холмского уезда. Закончил Наговскую сельскохозяйственную школу, основанную генералом А.Н. Куропаткиным. Работал председателем Холмской

следили: «ЧК получила секретное распоряжение. Бывший царедворец генерал А.Н. Куропаткин освобождён из-под ареста, возвращается в Шешурино <...> Предлагается вести за ним наблюдение <...> В конце 1918 г. в волостях, смежных с Наговской, вспыхнуло восстание. Участвовало до 7 тысяч человек <...> Куропаткин отказался примкнуть к мятежникам».¹ Последний раз судьба свела А.Н. Куропаткина и И.Г. Рубельта в 1922 г., который возглавлял комиссию по изъятию ценностей. Генерал передал Советской власти драгоценные вещи и большой ковер – дар императрицы Александры Федоровны.

Современница А.Н. Куропаткина А.М. Туманова в своих рукописных воспоминаниях указывала, что в связи с разразившимся голодом, А.Н. Куропаткин обращался за помощью к В.И. Ленину: «После гражданской войны были тяжелые годы, голодные. Ели мякину, липовые листья, цветы осоки, крапиву. Куропаткин пишет письмо В.И. Ленину. Ленин прислал на нашу местность вагон с хлебом. Из Торопца зерно привезли на лошадях, и Куропаткин раздавал его голодным на посеvy. В годы Советской власти по распоряжению В.И. Ленина Куропаткину разрешили иметь конюха, скотниц (лошадь и корова оставлены) и две прислуги...»².

Информация о вагоне с зерном или мукой также присутствует в разговорах со старожилами. Так, в беседе в Краснопольце 16 ноября 1996 г. 83-летний И.Н. Русаков сообщил: «Слухов о Шешуринском барине было много <...> пожаловал голод. А.Н. Куропаткин добился, чтобы вагон с хлебом прислали через Торопец. Вроде бы, в Совнарком к Ленину обращался.»³.

Положение действительно было тяжелым. Весной и летом 1918 г. на Псковщине разразился жесточайший продовольственный кризис. К январю даже посевные семена были исчерпаны. Псковские большевики направили своих делегатов в Москву к В.И. Ленину с просьбой оказать продовольственную помощь. 10 апреля 1918 г. В.И. Ленин написал записку Д.П. Боголепову и А.Д. Цюрупе: «Податели этой записки, представители Губ. Совета Псковского, не могли до сих пор добиться помощи, продовольственной и финансовой, крайне и

уездной ЧК, председателем Торопецкого уисполкома, продкомиссаром. Автор рукописных мемуаров «Некоторые воспоминания о царском генерале А.Н. Куропаткине». Один из организаторов установки надгробия на могиле генерала летом 1964 г.

¹ Фонды Торопецкого краеведческого музея.

² Торопецкая ЦБС. Фонды отдела краеведения.

³ Архив автора.

абсолютно им необходимой. Положение Псковской губ. отчаянное. Прошу чрезвычайно – обдумать, какими бы экстренными мерами помочь им, и позвонить мне для переговора об этом. Ленин»¹. Результат был следующим: с апреля по август 1918 г. в Псковскую губернию было доставлено 187 вагонов хлебных грузов. Для заготовки семян выделено 10 миллионов рублей. Следовательно, вагоны с продовольствием действительно были. Один, а, может быть, и несколько, поступили в адрес Наговской волости. Но молва приписывает это А.Н. Куропаткину. Вероятно, ответ следует искать в хозяйственных книгах, которые вел генерал. В Торопце генерал все покупки оформлял через братьев Милохиных. Заранее передавал им деньги, на которые потом выбирал товары. Иногда, выступая благотворителем, направлял в адрес Милохиных вместе с просителем записки следующего содержания: «Отпустите учителю деревни Сухлово Кузьме Александрову 3 пуда ржи» или «А. Корчакову 20 пудов», или «Ивану Петрову один пуд ржи из моего запаса». Возможно, что со временем эти дела были преувеличены до масштаба целого вагона², но могут появиться и подтверждения слов старожилов.

ЧЕРНОВИК ПИСЬМА К В.И. ЛЕНИНУ. В фонде А.Н. Куропаткина в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве (РГВИА), согласно специалистам архива, писем В.И. Ленина к генералу нет. Один черновик письма А.Н. Куропаткина к В.И. Ленину известен и указан в «Путеводителе РГВИА» 1979 г. как «Письмо Куропаткина В.И. Ленину (15 декабря 1919, черновик)», но в связи с ходатайством генерала о сыне и следующего содержания: «Владимир Ильич. В 1917 году при переходе власти в руки Советов, я занимал должность члена Александровского комитета о раненых. С упразднением Комитета поступил на должность консультанта при Правлении Семиреченской железной дороги. Арестованный в сентябре 1918 года в качестве заложника я был доставлен в Петроград на Гороховую. По ходатайству Союза служащих на Семиреченской железной дороге я был освобожден из-под ареста с разрешением возвратиться в деревню, где я работал в собранной мной обширной, доверенной моему управлению, библиотеке. В прошении, поданном от Союза служащих Председателю Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией (от 24 сентября 1918 г. № 574) значилось, что я постоянно защищаю беднейшее земледельческое и кочевое население Туркестанского края от эксплуатации

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 58.

² Попов Ю.Г. Гражданин на все времена // Тверская жизнь. 2002. 14 сентября.

скупщиками и посредниками-спекулянтами. Возвратившись в село Шешурино (Холмского уезда Псковской губернии), я закончил обширный труд, носящий название «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению». В этом труде я преследовал две главные задачи: 1) примирить русское население в 300 тысяч душ с киргизами (1 млн. душ) и 2) освободить трудовое русское и киргизское население от кабалы со стороны многочисленных хищников, ставших между производителями и потребителями. В январе 1919 года я получил приглашение от уездного отдела народного образования взять на себя труд по организации музея в Холме. Искренне сочувствуя начинаниям Советской власти к подъему образования всей массы населения, я охотно принял это предложение и теперь состою Консультантом организованного при моем содействии Холмского уездного народного музея. Составленные мною основы устройства Музея, Устава Музея, Устава Музейного общества одобрены в Петрограде и Великих Луках. На «Съезде» представителей школьного и внешкольного образования в Великих Луках постановлено работы эти, а также мою записку по Холмскому уезду «размножить» и разослать в другие уезды Псковской губернии. В городе Холме и Наговской волости, где я проживаю, мною прочитано довольно значительное число лекций по картографии, по экономике как Псковской губернии, так и Туркестана. В настоящее время я занят составлением учебника для преподавательского персонала Холмского уезда, но который будет полезен несомненно в Новгороде и Пскове. С августа месяца 1919 года по предложению Губернского Земельного отдела, я, кроме того состою Консультантом по устройству на новых началах Наговской сельскохозяйственной школы, основанной при моем содействии и носящей мое имя, – далее генерал приступил к изложению сути своего обращения, – Сознание приносимой мною пользы трудовому населению дает смелость утруждать Вас, Владимир Ильич, следующей просьбой. Сын мой Алексей Алексеевич, по профессии химик, три месяца тому назад арестован в Петрограде и переведен в Москву, где содержится до настоящего времени. Невестка моя, Ольга Ивановна, проживает в Москве в надежде чем-нибудь облегчить положение мужа. Мои внуки: 10 месяцев и трех лет оставлены в Москве под призор няньки, где медленно ослабевают от холода и голода. Сын, по полученным сведениям, так одно время ослабел, что не мог передвигаться без посторонней помощи. Будьте добры: прикажите дать справку по делу моего сына и, если, как я надеюсь, вина его незначительна, подействуйте освободить

его ради детей его и в уважение просьбы старого солдата, четыре раза раненого, 71 года от роду, но и теперь отдающего остатки сил своих на служение трудовому населению Холмского уезда. Адрес мой: Псковская губерния, Холмский уезд, почтовое отделение Шешурино, Алексею Николаевичу. Искренне уважающий Вас, А.Н. Куропаткин. Сын сидит в камере на Лубянке. Адрес невестки Ольги Ивановны: Пречистенка, 28, квартира 3.15 декабря 1919 г. Село Шешурино»¹.

В этом – личная трагедия А.Н. Куропаткина. Арестован его единственный сын, который в скором времени будет расстрелян. Предчувствуя это, А.Н. Куропаткин обратился в последнюю инстанцию в надежде спасти ему жизнь. Резолюция В.И. Ленин не известна. В фонде А.Н. Куропаткина ответ не найден.

О сыне генерала Алексея Алексеевича Куропаткина известно не многое. В справке о рождении указано: «В метрической книге Сергиевского всей Артиллерии Собора за 1892 год о родившихся мужского пола под № 11 записано: 1892 года, февраля двадцать девятого родился и того же года апреля двадцать третьего крещен Алексей. Родители его: начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин и законная его жена, Александра Михайловна, оба православного вероисповедания и второбрачные. Восприемниками были: тайный советник Я.А. Веретенников и жена действительного статского советника О.Н. Рукавишникова. Таинство крещения совершил Протоирей Николай Покровский. Санкт-Петербург, января 3 дня 1987 года. Член Духовного правления Протопресвитер военного и морского Духовенства Протоирей Григорий Словцов»².

Сын прославленного генерала Алексей проходил обучение в привилегированном Петербургском Пажеском корпусе, основанном в 1795 г. Воспитанники несли дворцовую службу, участвовали в дворцовых церемониях. В июне 1909 г. Алексей, вероятно по состоянию здоровья, был уволен из корпуса на попечение родителей. Позднее он окончил Петербургский университет (математический факультет, химический отдел). В Первую мировую войну к воинской службе он был признан непригодным, и поступил в отряд Красного креста шофером. Затем он был членом правления общества «Пулемет», работавшего на армию. При Советской власти занимал должность технического руководителя на ряде заводов военного ведомства. В Петрограде жил по Таврической улице 19, квартира 16. Женат. Имел двоих детей: Алексея (1916 г.р.) и

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2129.

² ГАПО.Ф. Р-590.Д. 477. Л. 33.

Георгия (1919 г.р.)¹.

Во втором томе «Красной книги ВЧК»² (С. 242 и С. 475) упоминается Алексей Алексеевич Куропаткин. Сын генерала входил в подпольный «Национальный центр», который объединял военных, ученых и инженеров Москвы и Петрограда. Один из руководителей «Петроградского национального центра» В.И. Штейнингер в письме в штаб Юденича сообщал: «В Петрограде три военных организации <...> Во вторую входят Ховен и Куропаткин, сын друзей Валерсон». Алексей Алексеевич Куропаткин был расстрелян в 1919 г. (согласно О.А. Белозеровой дата и место – 13 или 14 января 1920 г., Лубянка – Ю.П.).

Судьбы Ольги Ивановны и ее детей Алексея и Георгия неизвестны. На сегодняшний день осталось лишь следующее: «Домовой Комитет Бедноты дома № 32/34 по Кирочной улице. 6 мая 1920 г. № 65. Удостоверение. Настоящим Домовой Комитет Бедноты удостоверяет, что семья А.Н. Куропаткина, проживающего в деревне Шешурино Холмского уезда Псковской губернии, состоит из его жены Александры Михайловны Куропаткиной, невестки Ольги Ивановны, внуков Алексея Алексеевича и Георгия Алексеевича, сестры невестки Ядвиги Ивановны Кубилюс, няни вышеуказанных внуков Анны Хватовой, которые проживают в квартире № 30. Председатель Домового Комитета Бедноты»³.

Шешуринскими старожилыми упоминалось участие Ольги Ивановны в похоронах генерала в январе 1925 г., а также что она хлопотала о наследстве, которое полностью конфисковали согласно решению Президиума Холмского уисполкома от 10 мая 1925 г. В тот же год, 28 декабря, «Псковская губернская комиссия по выселению бывших помещиков и лиц нетрудового элемента» решила вернуть жене генерала Александре Михайловне мебель и вещи домашнего обихода. О вышеупомянутых сестре невестки генерала и няни детей сведений также нет. Можно предположить, что если бы внуки или правнуки генерала А.Н. Куропаткина были живы, они обязательно бы приехали поклониться его могиле (но таких случаев старожилы ни в Шешурино, ни в Наговье, ни в Бологом не помнят⁴, а также того, что после смерти генерала Ольга Ивановна Куропаткина с детьми уехала за границу). В настоящее время Д.Ю. Логунов, потомок семьи Калитиных,

¹ РГВИА. Ф. 165. Д. 1421.

² Содержит документы о раскрытых заговорах против Советской России периода 1918-1919 гг. В двух томах. Издана в 1922 г.; переиздана в 1990 г.

³ РГВИА.Ф.165.Оп.1. Д.58. Л.1-1об.

⁴ Попов Ю.Г. Где вы, внуки генерала Куропаткина?//Тверские губернские известия. 1999. 10-16 февраля.

родственной Куропаткиным и Арбузовым, готовит к публикации письмо, обнаруженное им недавно в фонде А.Н. Куропаткина (РГВИА), из которого вытекает предположение, что внуки генерала умерли еще при его жизни, однако это предстоит еще подтвердить.

Трудовая артель и повседневная жизнь генерала. В материалах фонда А.Н. Куропаткина не один раз встречаются его размышления о том, что конец своей жизни он встретит в Шешурино. Несмотря на возраст и подорванное здоровье А.Н. Куропаткин продолжал трудиться в тяжелых условиях. В письме, направленном в Холм 2 сентября 1923 г., он писал: «В 75,5 лет по состоянию здоровья приехать не могу, плохо действует левая рука <...> тряска в экипаже запрещена врачами».

Хотя после революции помещик А.Н. Куропаткин лишился большей части своей земли, скота, инвентаря, и рабочие покинули его, он, несмотря на нездоровье, до конца своих дней был занят на разных крестьянских работах и не мог не заниматься хозяйством, считая, что показателем сельско-хозяйственной деятельности была урожайность. О создания А.Н. Куропаткиным трудовой артели свидетельствует следующий документ: «В Наговский земельный комитет. Мною 31 октября 1918 года было подано прошение создать трудовую артель из 9 душ: Николая Филатова, жены его Матрёны, Екатерины Павловой, Татьяны Михайловой, меня, моей невестки, Анны Хватовой и двух детей. Все проживают в Шешурино <...> Я выбран председателем этой трудовой артели <...> Уволенный в отставку 24 января 1918 года, я до сих пор не получаю пенсии <...> 17 марта мне исполнилось 70 лет. Остаток своей жизни я посвятил учёным работам в Шешуринской библиотеке по Туркестанскому краю, важность которой признается Советской властью. Но нужда заставила меня приняться за физический труд. Я в лето с Н. Филатовым и Е. Павловой косил и убирал сено в отведённом мне для пользования Шешурином саду. Немного помогаю артели пилкою дров и в других хозяйственных работах. Весною и летом буду в огороде и в поле. Невестка моя Ольга Ивановна исполняет все домашние работы, готовит пищу, убирает жилые помещения, работает с сепаратором <...> Прошу оказать поддержку и сообщить об этом в Холмский уездный земельный отдел. Председатель Шешуринской трудовой артели Алексей Куропаткин. № 116, 8 ноября 1918 года»¹.

В Шешуринской трудовой артели А.Н. Куропаткин работал в 1919, 1920 и в 1921 гг. и «помогал ей сельскохозяйственными знаниями».

¹ РГВИА. Ф.165. Оп.1.Д. 1616.

В 1922 г. он на базе артели решил организовать «Шешуринское трудовое опытно-полевое хозяйство». В Холмский уездный земельный отдел генерал подал прошение, обоснованное проводимой в стране новой экономической политикой. А.Н. Куропаткин просил передать ему в постоянное пользование земли, живой и мертвый инвентарь, снять с учёта мебель и другие домашние вещи. В свою очередь обязался «вести опытное полевое хозяйство с записями научного и хозяйственного характера». Просьбу его удовлетворила комиссия Холмского уездного земельного управления в составе Лукьянова, Н. Савельева, А. Гаврилова и заведующего Наговским сельско-хозяйственным техникумом Телковым. Хозяйство располагало семью десятинами земли. А.Н. Куропаткин передал сюда и весь свой скот: 3 дойные коровы, бык, 2 овцы, 2 свиньи. Из членов хозяйства известны имена Акима Васильева из Песчанки, Авдотьи Голубевой из Шешурино и многодетная семья Петра Андреева. У Андреева было четыре взрослых сына. Семье из восьми душ отвели всего восемь десятин земли. А.Н. Куропаткин помогал Андреевым инвентарем, семенами, в том числе и огородных культур. Ежегодно в 1922, 1923 и 1924 гг., в декабре месяце, А.Н. Куропаткин составлял научно-производственные отчёты об опытах с полевыми культурами, сопровождая их данными по наблюдению за погодой. Надеялся он и на определённые налоговые льготы, как аргарник-опытник, но отстаивать свои права ему удавалось не всегда, о чём свидетельствует переписка с различными организациями.

А.Н. Куропаткин по декрету СНК РСФСР от 23 сентября 1919 г. подлежал особой регистрации, как ответственное лицо при царском режиме. На присланные вопросы он ответил 22 октября 1919 г.: «Алексей Николаевич Куропаткин. 71 год, Наговской волости. Село Шешурино. В Холму – Кузнечная улица, дом Орехова. Последние занимаемые мною должности: Туркестанский генерал-губернатор и член Александровского комитета о раненых. В октябре 1917 года занимал последнюю из этих должностей и Советскою властью уволен в отставку. Владел в Холмском уезде земельным участком около 500 десятин, из которых до 100 десятин входили в состав школьного участка основанной мною Наговской сельскохозяйственной школы, носившей мое имя.

Занимаю должности: консультанта при Холмском народном музее и консультанта при Наговском техникуме низшего порядка. Живу на получаемое по первой из этих должностей содержание. Исполняю поручения по ученой части московских советских властей, касающихся

Туркестанского края. Прочел 6 лекций в Холму и 3 лекции в Наговской волости по родиноведению.

Живу в Шешурине в одиночестве, дабы пользоваться обширной библиотекою. Жена, Александра Михайловна, 60 лет, по болезненному состоянию проживает постоянно в Петрограде на Фурштатской улице, дом 49, кв. 7. Сын 28 лет от роду, Алексей Алексеевич, окончил курс в Университете по математическому факультету, химическому отделу. Член профессионального союза. Как техник работал при советской власти на заводах. Ранее состоял членом правления общества «Пулемет», работавшего на армию. Жена его, Ольга Ивановна, 23 лет. Дети: Алексей 2-х лет и Георгий 10 месяцев. Живут в Петрограде на Таврической улице в доме № 19, кв. 16. От сына не имею известий более 4-х месяцев»¹.

Генерала оставили в относительном покое только за 5 месяцев до кончины. 11 августа 1924 г. состоялось заседание Псковской губернской контрольной комиссии по рассмотрению вопроса о выселении бывших помещиков. Присутствовали Экштейн (Губ ОНО), Смирнов (ГПУ) и Дмитриев (Губ ЗУ). Алексей Николаевич Куропаткин охарактеризован так:

«Бывший генерал-адъютант, около 70 лет, совместно с ним проживает жена. До революции служил на военной службе, имение свое обрабатывал посредством найма рабочих рук, эксплуатируя последних. К крестьянам, как они говорят, относился хорошо, мягко стлал, но жёстко было спать. За версту заставлял снимать шапку, за малейшие потравы в имении заставлял работать, по отношению к крестьянам очень скуп, в общем, жил так, как ему нравилось. В имении было все, что требовалось, имел большую свиту слуг. Во время Сов. власти служил в Холме зав. музеем. В настоящее время нигде не служит. Один сын в 1919 году или 1920 расстрелян за участие в заговоре. Остался в своём имении, где дана в полное пользование часть постройки и 5 десятин земли, каковую обрабатывает посредством найма рабочих рук.

К крестьянам относится удовлетворительно. В 1923 году написал книгу, которую свез в Москву, где ему отпустили вагон ржи, каковую он раздавал в долг и за работу, беря за это большие проценты, а часть продавал за старые золотые или серебряные деньги. В открытой агитации против Сов. власти, дискредитировании её и подрыве авторитета не замечался, но где только можно усердно старается подорвать

¹ ГАПО, Ф. Р-590, Оп. 2. Д. 32. Л. 163.

авторитет ее, называя распоряжения власти глупыми и необдуманными; человек весьма тонкий. В Германии проживают близкие родственники, которые уехали туда во время революции, но поддерживает ли с ними связь – неизвестно.

Живёт на средства, получаемые от сельского хозяйства, от продажи вещей прежней роскоши и на средства, отпускаемые за сочинения книг, каковые он посылает в Москву.

Его основная специальность – военная служба.

Группировки попов, бывших монархистов и других лиц около него не замечается, с местными помещиками в дружбе не состоит, занимается ведением показательного хозяйства. Проживает в своём бывшем имении Шешурино Наговского сельсовета Октябрьской волости. Земля разверстана среди бывших его рабочих и крестьян¹.

Комиссия вынесла весьма благоприятное для А.Н. Куропаткина решение – оставить генерала на постоянном месте жительства в Шешурино.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ. Последние годы жизни А.Н. Куропаткина характеризовались кипучей энергией во благо людей и напряженной умственной работой. Выросло число его корреспондентов по всей стране и особенно с Петроградом:

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Совет Центрального Географического музея возложил на меня приятную обязанность уведомить Вас об избрании корреспондентом Музея по Псковской губернии. Зная Ваши глубокий интерес к родиноведению, позволю себе выразить надежду, что Вы не откажете Музею в Вашем учёном сотрудничестве. Подробная инструкция корреспондентам разрабатывается, будет Вам выслана. Музей получил в своё распоряжение от Комиссариата Народного Просвещения дворец и парк в имении Михайловское близ Стрельны, где он устроит постоянную географическую выставку и представит характерные образцы русской природы.

Препровождаю при сем копии объяснительной записки о задачах Музея и Положение о Центральном Географическом музее. Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам свое глубокое уважение и искреннюю признательность.

Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

Петроград. Васильевский остров, 3-я Линия, 12, кв. 4.

¹ Документ выявлен Н.В. Коломыцевой в Государственном архиве Псковской области.

10 августа 1920 года»¹.

Подписал письмо заведующий Музеем, известный в России географ, сын знаменитого путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского. Документ еще раз подчеркнул ценность многолетних усилий шешуринского энтузиаста на ниве родиноведения, его популярность и признание в широких научных кругах. А.Н. Куропаткину ответил 29 августа 1920 года: «Охотно принимаю на себя обязанности корреспондента Центрального Географического музея». В дальнейшем он вёл переписку с заведующим сетью провинциальных корреспондентов Музея бывшим дворянином Б.Н. Моласом (1874-1938), который 20 июля 1921 г. сообщил А.Н. Куропаткину, что такие его работы, как «Хлопок и зерновые культуры Туркестанского края», «Изменение границ Холмского уезда», «Холмский уездный народный музей» и «Продовольственное дело в Холмском уезде» записаны в число «ценных приобретений Географического музея»².

Характерны письма А.Н. Куропаткина к Б.Н. Моласу:

«28 сентября 1921 г. Шешурино.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Ваше письмо от 4 сентября 1921 г. за № 706 я получил, возвратившись из Холма вчерашнего числа. В Холму пробыл свыше двух недель. Очень благодарю за присланные отзывы в Псковский Губтор и Холмский Упратком. Деньги – 20000 руб. на текущие расходы – получил.

В Холму прочел три лекции на тему: «Призыв на помощь голодающим». Одна из лекций прочитана на съезде уполномоченных для пере-выборов, другая на съезде учителей (до 300 человек). Участвовал в экспертной комиссии на сельхозвыставке и хлопотал по музею, переводимому в другое помещение. Музейная библиотека и музейный архив скоро могут быть открыты, но надежда получить с выставки достаточное число экспонатов для сельскохозяйственного отдела Холмского музея не оправдались. Выставка была бедна и очень мало поучительна. Приобрести что-либо для Центрального Географического музея мне не удалось. За самую пустую работу, например, в кустарном отделе – деревянную чашку – просят уплатить мануфактурой или хлебом.

Когда выяснится вопрос, что поступит в наш Холмский музей, можно будет решить и вопрос, что можно будет выделить для Центрального Географического музея. В числе экспонатов кустарного отдела выставки самое видное место занимают изделия «Коммуны»

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1646. Л.7-8.

² Там же. Л. 18.

Воронцовского монастыря: большой ковер, отличные вышивки шелками по сукну, кружевные изделия. Я просил зав. музеем войти в переговоры о приобретении для Холмского музея некоторых из этих предметов, но результат еще не известен.

Если Ваша поездка в Холмский уезд состоится, что очень желательно, то, конечно, не обходите и Шешурино. Очень буду рад быть Вам полезным. Прилагаю карту, из которой Вы усмотрите, что Воронцовский монастырь лежит в стороне, к западу от прямого бывшего тракта Торопец – Холм, а Шешурино лежит к востоку от этого тракта.

Мне кажется, Вам из Торопца надо ехать в Воронцовский монастырь, оттуда в Холм. Обратнo из Холма ехать в Торопец не по тракту, а через Шешурино, где передохнете от наших дорог, сколько пожелаете. Имейте с Петрограда документ с правом взимать подводы, ибо нанять лошадь с телегою нельзя. Установлен прогон по 200 руб. с версты. На прогонные деньги Вам придется иметь до 50000 руб. Дороги очень плохи – осенняя распутица. Экипаж – телега и даже двухколесная колымага, на которой возят навоз. При счастии можно получить небольшую линеечку в одну лошадь.

Мне представляется, что Вам следует держаться пунктов, где помещаются ВИКи. Они между собой и с Холмом соединены телефоном. Наряд на подводу делается по телефону, но прибытие наряженных подвод совершается неисправно, с промедлением. Идут переговоры о неправильности наряда, о неисправности телег, отсутствии лошадей и пр. Быстрота езды около четырех верст в час. Расстояние от Холма до Шешурино 50 верст. Я ехал с 11 часов утра до 3 часов ночи, т.е. 16 часов с остановками для перемены лошадей на 2 часа.

В Торопце я советую обратиться к моему родному брату Петру Николаевичу. Он старый торопчанин, уездный лесничий, знает все порядки и все места. Живет в своем доме довольно далеко от вокала – три версты. Квартиру его все знают. На вокзале нанять до его квартиры возницу можно. С ним Вы приедете в уездный “Контруд”, откуда и сделают распоряжение о подводе от Торопца по большому тракту через станцию Пожня до исполкома Канищево, лежащего уже в пределах Холмского уезда. Из Торопца надо заказать подводу в Канищеве, чтобы следовать на ней через исполком Галибицы в Воронцовский монастырь. Из монастыря Вам надо брать подводу нарядом из Галибецкого исполкома или монастырскую подводу до Зуёва, а из Зуёва до Холма. В Холме посмотрите наш музейный склад, ибо

музей еще не устроен, попросите дать Вам из дела № 31 прочесть составленный мною план организации музея и помогите Вашим советом, как идти далее. В Холму заведует отделом народного образования вновь назначенный Добролюбов. Временно заведует музеем Петр Пименович Пименов, он же архивариус. Музейною библиотекою заведует Тамара Александровна Мейер. Заведует сельхозотделом Кукин. Уездным земельным отделом заведует Максим Степанович Лукьянов. Отведенное под музей помещение не очищается, ибо это помещение ныне занято ОНО, а приисканные для переезда отдела другие комнаты требуют ремонта.

Из Холма Вам надо получить подводу до Теслова и просить распоряжения по телефону, чтобы от Теслова Ровенский исполком назначил Вам подводу до Шешурино. От Шешурино Наговский исполком должен назначить подводу до Чистое, уже в пределах Торопецкого уезда. В бытность в Торопце надо Вам обеспечить наряд подводы от Чистое до Торопца.

Дороги плохие. Но хуже всего участок в 6 вёрст на перегоне Холм – Теслово, так называемое Батутинское болото. Трудно, но все же ездим и трясемся на рытвинах. Имейте с собой непромокаемый плащ, теплую одежду, калоши. Имейте и небольшой запас провизии, ибо при остановке трудно что-либо достать. Просите брата Петра Николаевича проверить составленный мною маршрут. В Холму есть плохая гостиница Генделя, но там часто нет номеров.

Буду надеяться, что Вы преодолеете все трудности, и мы увидимся в Шешурино. Искренне уважающий Вас А. Куропаткин.

Для товарообмена лучше всего идет мануфактура и сапожный товар».

Приведем еще одно письмо генерала к Б.Н. Моласу, написанное несколько месяцев спустя:

«20 февраля 1922 г. Шешурино.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Письмо Ваше от 15 декабря прошлого года, к которому было приложено сообщение об изменении условий работы корреспондентов Центрального Географического музея, получил. С удовольствием и на новых условиях буду сотрудничать. Прилагаю карту-схему Холмского уезда, которая покажется Вам стоящей для передачи в Центральный Географический музей. Распорядитесь ею по Вашему усмотрению. Прилагаю при сем исполненную для Центрального Географического музея работу: «Сельское население Холмского уезда

в период 1859-1917 г.г.» (три главы, 113 стр.). Пытался прислать Вам экземпляр этой работы в переписанном виде, но переписчики просили вознаграждение по 2 фунта за переписанную страницу. Отдел народного образования Холма не признал возможным дать такое вознаграждение, а другими средствами я не располагаю.

Рассмотрите этот труд и сами оцените его по существующим у вас другим оценкам. Если напечатаете его, что было бы очень желательно, то уведомите, на какое число экземпляров могу я рассчитывать для передачи библиотекам и управлениям Холмского уезда.

Я отыскал в своей библиотеке труд покойной О.П. Семёновой-Тян-Шанской «Жизнь Ивана» (Труды ИРГО по этнографии, Т. XXIX, 1914) – очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний и прочел его с захватывающим интересом. Очень многое в жизни сельского населения Холмского уезда схоже с тем, что записано было Ольгой Петровной. Не приходится ли она племянницей Вениамину Петровичу?

Комиссией по улучшению быта ученых мне назначен «ученый паек», который я и получил за два месяца. Будьте добры, посодействуйте, чтобы не рассчитывали на мой преждевременный переезд на мою городскую квартиру в Петрограде: Кирочная, 32, квартира 30. Временно вся моя научная работа сосредоточена в моей обширной библиотеке в Шешурино. Условия переезда в Петроград по железной дороге настолько трудны, что для меня, старого человека, просто непосильны. Да и в Петрограде пришлось бы обречь себя на недоедание, ибо «ученый паек» для жизни в Петрограде недостаточен. Ко всему этому я принял на время моего пребывания в Шешурино заведование волостной Шешуринской библиотекой.

Эта библиотека была выделена мною из моей основной библиотеки, как «расходная библиотека» в 1907 г. До 1918 г. я сам был и библиотекарем в ней. В 1918 г. я передал все книги «расходной библиотеки» для основания Шешуринской волостной библиотеки. До настоящего времени этой библиотекой заведует жена приходского священника В.И. Шароя – Жозефина Осиповна.

Похлопочите, чтобы «ученый паек» был за мною закреплен с непрерывным пребыванием в Шешурино для продолжения моих научных работ.

Дабы Центральный Географический музей имел прямое обоснование хлопотать за меня, прилагаю к сему письму перечень моих уже напечатанных трудов. Из них «Алжирия» и «Кашигария» географического характера. Первый из этих трудов есть результат моего годовичного

пребывания в Алжире в 1874-1875 годах. Второй труд основан на собранных мною сведениях за время посольства в Каишгарию к Якуббеку – правителю Каишгари, исполнен мною в 1876-1877 годах. От ИРГО получил за «Алжирию» серебряную, за «Каишгарию» золотую медали.

За время с 1917 по 1922 гг. в Шешурино мною исполнены и подготовлены к печати следующие труды:

«Население Семиреченской области», 9 глав. Труд выполнен по первоисточникам и по очень редким личным данным. В числе первоисточников мои дневники при посещении Семиречья в 1876, 1879, 1880 и 1916 гг. Последний раз посетил Семиречье в качестве Туркестанского генерал-губернатора.

«Краткая история вольных городов Великого Новгорода и Пскова», 11 глав и примечания. Учебное пособие для учительского персонала школ первой ступени.

«Начальное образование сельского населения Холмского уезда в связи с его экономическим положением в 1850-1917 гг.». Труд из 13 глав, составлен на основе архивных материалов. Передан мной в Холмский отдел народного образования для выяснения вопроса: не может ли он быть напечатанным на местные средства. Сомневаюсь, однако, в такой возможности.

Так как содержание трудов № 2 и № 3 соответствует присланной мне «Краткой программе» для сбора сведений и материалов для Центрального Географического музея, то благоволите сообщить мне Ваше мнение. По указанию Вашему, я могу выслать программы глав этих трудов или выслать на рассмотрение оказией, но не почтой, труд по Семиречью.

Две самые последние работы, исполненные по поручению Холмского земельного отдела, только что отвезены в Холм и сданы земельному отделу. Они имеют заголовки:

«Опытное и посевное хозяйство в Шешурино в 1906-1921 гг. включительно».

«Соображения к плану работ по землепользованию и землеустройству на 1922 и 1923 годы».

В работах заключаются сведения, интересные для Центрального Географического музея, как согласно «Краткой программе», так и согласно «Инструкции для корреспондентов...», но нужда заставила меня продать эти работы земельному отделу в его полное распоряжение. По договору с ним я получу за эти труды лошадь, телегу, сани и 90 пудов сена.

Если работы, переданные мною земельному комитету, будут напечатаны, то приму меры, чтобы отпечатанные экземпляры переправить к Вам.

*Приложение: перечень печатных трудов А.Н. Куропаткина.
Искренне уважающий Вас А. Куропаткин»¹.*

А.Н. Куропаткин был оформлен на работу в Географический музей в качестве постоянного корреспондента. Получал зарплату в сумме 5610 рублей с 1 марта по 1 ноября 1921 г. Затем штат периферийных корреспондентов был ликвидирован. Они стали выполнять отдельные поручения специального характера по заданию Ученого совета музея.

Письмо сотрудника Географического музея Л. Цымбаленко свидетельствует о том, что А.Н. Куропаткину как члену клуба ученых назначен академический паек. А.Н. Куропаткин был прикреплен к ПетроКУБУ. Так именовался Петроградский Комитет по улучшению быта ученых. Он находился на Миллионной улице и был создан А.М. Горьким. Ученым выдавался еженедельно паек из конины, соли, табака, суррогатов жира, плиток шоколада и т. д. А.Н. Куропаткин отправлял это пособие семье сына².

А.Н. Куропаткин мечтал через Географический музей напечатать часть своих краеведческих работ. Не получилось. Но удача пришла к нему на родине. Издаваемый в Пскове журнал опубликовал его статью «Очерк экономического быта вольных народов Великого Новгорода и Пскова»³.

Статья состоит из разделов: пути сообщения и торговля, охота и рыболовство, обрабатывающая промышленность, землевладение, земледелие, благосостояние населения. Автор разбирает время давно минувших лет, когда ни Великий Новгород, ни Псков не входили в состав Московского княжества. Богатое видение событий, древние свитки, анализ жизни людей позволили А.Н. Куропаткину показать своеобразный уклад двух старейших городов Российской земли. В частности, он называет великими годами голода 1170, 1188, 1214, 1228, 1230, 1303, 1309, 1314 и другие годы. Главный вывод заключался в том, что Псковский регион сложен по погодным условиям и только умелое хозяйствование было способно бороться с природными катаклизмами.

А.Н. Куропаткин писал также редактору журнала «Военная мысль» К.В. Хромых (письмо от 14 мая 1922 г.). В 1924 году генерал

¹ РНБ. ОР. Ф. 492. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-8.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 2. Д. 3819.

³ Наша жизнь. 1922. № 6. С. 81-102.

переписывался с редакцией журнала «Огонек» по поводу публикаций своих материалов к 20-летию русско-японской войны. Он был связан с Псковским губернским обществом краеведения, намеревался в своем послании от 8 октября 1924 г. выслать туда ряд своих статей для опубликования в трудах общества.

А.Н. Куропаткин помнил многих людей, с кем сводила его судьба, и старался поддерживать с ними связь. Его первым воинским начальником в Туркестане был Михаил Юльевич Ашенбрэннер, впоследствии народоволец, отбывший 20-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости, и который даже после кончины генерала ходатайствовал за членов семьи генерала. А.Н. Куропаткин 2 декабря 1923 г. из Шешурино отправил ему письмо с теплыми словами о Среднеазиатском периоде их совместной деятельности и общих знакомых. Концовка письма характеризует душевный настрой генерала: «Лично ни на что и ни на кого не жалуюсь. Живу в своем бывшем (родовом) имении. По договору с «УЗО» (зем. отделом) веду небольшое опытно-показательное хозяйство, читаю лекции по истории Псковского края; красноармейцам читал лекции о милиционной системе и другие. Устраивал Холмский народный музей. В моей работе меня поддерживает вера в то, что переживаемое нами время составляет большой шаг вперед в истории всего человечества»¹.

Первого декабря 1924 года Алексей Николаевич завершил составление «Исторической справки об экономическом положении сельского населения Холмского уезда в период 1859-1917 годов». Свой труд он переправил в Холм на имя председателя Холмского уисполкома Г.Д. Дмитриева, который был напечатан во втором выпуске сборника краеведческих материалов «Холмский уезд Псковской губернии» в 1927 г. Холмским обществом краеведения. Ее содержание составляют четыре самостоятельных главы по земледелию, налогам на надельные крестьян, народному образованию и деятельности земства. Даны основные выводы по всему тексту.

Ценность данного исследования – в достоверности. Автор использовал не только личные многолетние наблюдения и записи. Даны ссылки на два десятка опубликованных работ по Холмскому уезду. Среди них: «Памятные книжки по Псковской губернии» за разные годы, журналы Земского собрания, статистические ежегодники, результаты «Первой всеобщей переписи населения Российской империи

¹ Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 202-204.

1897 года», труды М. Семевского, П. Соковнина, Н. Кислякова и т.д. Указанные источники имелись в личной библиотеке А.Н. Куропаткина. Выводы автора ценны и в наше время как в историческом, так и экономическом планах. Торопецкий и Холмский уезды были бедны в результате плохой земли, крепостного ига и отсутствия для населения возможности заработка. Общинное владение землей было неэффективным. Только в 1903 г. начался переход отдельных сел к отрубному и хуторскому владению. Первые девять таких «приговоров» были составлены в Княжесельской волости. Однако к 1911 г. число хуторских хозяйств в Холмском уезде превысило 1300 единиц. Для уплаты налогов крестьяне арендовали часть земель, отдавали в батраки одного из членов семьи, продавали скот, а в зимнее время уходили на заработки.

А.Н. Куропаткин пришел к выводу, что «школа не помогла сельскому населению окрепнуть духовно и материально». В крепостной период в Холмском уезде школ было всего три: в с. Зезюлино Троицкой волости, в с. Краснопольце Столопенской волости и в с. Матенце Наговской волости. В с. Матенец школа была основана в 1850 г. помещиком Александром Сергеевичем Зеленым. Придерживаясь либеральных взглядов, он составил проект всеобщего обучения крестьянских детей за счет помещиков и «лично был преподавателем, составителем учебников и воспитателем девочек и мальчиков, живших в его имении и в интернате»¹.

Уже в конце 1917 г. в Холмском уезде действовало 105 земских школ. Из них только шесть имели собственные здания. Церковно-приходских школ было 62. Из этих 167 школ только две были двухклассные – в с. Волоке и с. Тухомичах. По условиям жизни занятия начинались в октябре, заканчивались первого мая. В среднем число учебных заведений не превышало 150, но и не опускалось ниже 120. Выходило, что трехлетний курс одноклассной школы сводился к полуторогодичному.

Программа одноклассной школы позволяла «привить детям бойкое чтение, чистописание с диктантом, пересказ урока, знание четырех правил арифметики». Но выпускники, не имея практики дома, забывали почти все приобретенные знания. Далее учиться могли не все. Из-за бедности доступ крестьянскому населению, за весьма редким исключением, в среднюю и высшую школу был закрыт: «Много даровитых детей, детей с задатками, способных стать высоко полезными работниками на всех поприщах слова и дела были потеряны для России».

¹ ОР РНБ. Ф.638. Д.1.

Важным выводом было то, что экономически большинство сельского населения Холмского уезда к 1917 г. было недостаточно обеспечено, а в земельном отношении не устроено.

Существуют письма А.Н. Куропаткина бытового характера, характеризующие жизнь того времени. Так, 18 ноября 1919 г. он просит Наговский волостной продовольственный отдел отпустить несколько фунтов керосина «для окончания работ по составлению учебника истории для учителей Холмского уезда». Хотя керосина в волости был в дефиците, генерал добился того, что Псковский губернский комиссар по военным делам 4 ноября 1920 г. дал распоряжение «отпустить Куропаткину ежемесячно по 30 фунтов керосина». Он же, в основном, получает корреспонденцию с разными требованиями. Так, Холмский чекист Мартынов просит сдать револьвер системы «Наган» за № 34078. Оружие А.Н. Куропаткину было официально выдано для личной защиты¹.

Различного рода слухи, превратившиеся в «легенды», сопровождают имя А.Н. Куропаткина. В Военно-исторический журнале (№ 6. 1965) Д.К. Кунстман, инженер-экономист из г. Кировска Мурманской области, сообщил подробности о последних годах жизни бывшего генерала царской армии А.Н. Куропаткина. «Французский посол Нуланс предложил Куропаткину переехать во Францию. Основанием для такого предложения было то, что Куропаткин, будучи еще молодым офицером, служил во французской армии в Алжире и получил орден Почетного Легиона, а в бытность военным министром имел знакомство с государственными и военными деятелями Франции, являлся сторонником союза России с Францией. Однако на предложение Нуланса Куропаткин ответил решительным отказом».

Нет подтверждения того, откуда Д.К. Кунстман получил эту информацию. Он «лично знал А.Н. Куропаткина и встречался с ним с 1920 г. до его смерти», у него хранился экземпляр его брошюры «Холмский народный музей». Существует письмо Д.К. Кунстмана к А.Н. Куропаткину от 01.07.1921 г. Возможно, что семья Д.К. Кунстмана сохранила не только эту брошюру, но и другие материалы связанные с генералом.

Жозеф Нуланс был послом Франции в России с декабря 1916 г., пережил Временное правительство, один из организаторов борьбы против Советской власти. Нина Берберова в «Железной женщине»

¹ РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д. 1611. Л. 13-20.

писала: «В Вологде настроения были обусловлены твердой неприимостью опытного дипломата Нулланса, жаждавшего крови Ленина, интервенциониста и реакционера». Ходили слухи, что Жозефу Нуллансу (1864-1939) удалось освободить царскую фамилию. В поэме «Адмиральский час» (1924) поэт Л.Н. Мартынов посвятил французскому дипломату следующие строки:

*«Мсье Нулланс царскую семью
Увез в автомобиле крытом –
Так уверяет интервью
С архангельским митрополитом».*

Действительно, Ж. Нулланс выехал в Архангельск навстречу десанту Антанты, а оттуда отплыл во Францию. В 1922 или 1923 гг. он издал в Париже свои мемуары о своей дипломатической службе в России. Вполне вероятно, что в них есть страницы, связывающие имена А.Н. Куропаткина и Ж. Нулланса.

Непростые отношения сложились у А.Н. Куропаткина с Центральным архивом. Советский историк М.Н. Покровский (1868-1932) в журнале «Красный архив» издал частично дневники А.Н. Куропаткина. В предисловии он указал, что А.Н. Куропаткин передал свои дневники в 1915 году в Московский архив в Лефортово, и отмечал: «В январе 1918 года в архив явился бывший член Военного совета генерал Нищенков, снабженный соответствующими полномочиями от военных властей и увез из куропаткинских бумаг только дневник. Все прочее осталось в неприкосновенности: дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни. Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше военных действий, чем какой-либо генерал нашей эпохи, кончил для такой карьеры весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя. Есть все основания думать, что Нищенков действовал по поручению более крупных и ответственных белогвардейцев, чем превратившийся в заурядного обывателя автор дневника».

Приведенная цитата содержит ложную информацию: во-первых, А.Н. Куропаткин был жив, и дневники вышли без его разрешения; во-вторых, генерал превратился в белогвардейца, кем никогда не был; в-третьих, сам А.Н. Куропаткин представлен недалеким, заурядным обывателем, видимо, потому, что своей «наивной преданностью государю он ужасен».

Публикация, однако, привлекла внимание к А.Н. Куропаткину: в центральных газетах и за рубежом появились сообщения, что генерал жив. Откликнулся на публикацию и А.Н. Куропаткин, обратившейся в редакцию «Красного архива» с требованием выплатить гонорар за дневники. Аналогичное письмо он отправил и в Нижегородский Госиздат, напечатавший вышеупомянутые дневники отдельной книгой без ведома генерала¹. Сотрудники Центрархива завязали переписку с А.Н. Куропаткиным, которая длилась почти два года. 27 сентября 1923 г. А.Н. Куропаткин согласился принять сотрудника архива для передачи своих рукописей и разных бумаг. В мае 1924 г. он выехал в Ленинградское отделение Центрархива для переговоров. В записной книжке остались заметки о поездке, в том числе о приобретении необходимых товаров для деревенской жизни как: ремня для молотилки, паяльника, бумаги, перьев, фартуков и т. д. – всего 20 наименований. В Ленинграде генерал беседовал не только с заведующим архивом Т.И. Харченко, но и с заведующими отделами К.В. Максаковым, И.Л. Таторовым, А.М. Зайончковским. Были оговорены условия передачи архива А.Н. Куропаткина, и он был временно оформлен на работу в Ленинградское отделение Центрархива в качестве старшего архивариуса. В работе по разборке личных бумаг он должен был руководствоваться «Указаниями по приведению частных архивов в порядок».

В Шешурино А.Н. Куропаткин сформировал свой архив, разбив его на шесть частей: в первую часть вошли документы за 1819-1889 гг., во вторую – за 1890-1897 гг., в третью – за 1898-1903 гг., в четвертую – за 1904-1905 гг., в пятую – за 1906-1914 гг. и в шестую – за 1915-1917 гг.²

Собрание бумаг А.Н. Куропаткина сегодня бесценно для истории Псковской и Тверской областей. В первом разделе содержались ревизские сказки крестьян сел Кошнево, Кунавино, Крючково, Родионово за 1819-1853 гг. Есть список лиц, приглашенных на похороны скончавшейся в 1829 г. А.Д. Арбузовой, двоюродной бабушки матери А.Н. Куропаткина. Уцелели расписки, квитанции Арбузовых и Куропаткиных по многим хозяйственным делам, информация о том, что П.П. Арбузов был введен во владение селцом Шешурино, а над девицами Арбузовыми 16 мая 1840 г. был утвержден опекунский совет в связи со смертью их родителей. Затем 27 декабря 1846 г. составлен разделительный акт на наследство между сестрами Арбузовыми³.

¹ РГВИА. Ф.165. Оп.2. Д.4879. Л. 1.

² РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1677. Л.1-3.

³ РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.72, 73, 80, 82.

Документы первого отдела составили 873 единицы. Помимо документов ранних лет личного свойства А.Н. Куропаткин включил сюда ряд «секретных тетрадей», подлинные письма знаменитых российских генералов К.П. фон Кауфмана, М.Д. Скобелева, Н.М. Пржевальского и 9 фотоальбомов за 1858-1890 гг¹.

Весь 1924 г. А.Н. Куропаткин продолжал напряженно работать. Ленинградское отделение Центрархива обещало выпустить в свет рукопись генерала «70 лет моей жизни». Отзыв на нее дал знаток военной истории Российской империи генерал А.М. Зайончковский (1862-1926). Объем составил 2200 страниц печатного текста на машинке и только разделы за 1858-1896 гг., а оставались еще 1897-1917 гг.

А.М. Зайончковский отметил в частности следующее: «Рукопись А.Н. Куропаткина я прочел с большим интересом. Может быть, еще и потому, что вся описываемая им эпоха и люди были мне хорошо известны. Жизнь А.Н. Куропаткина в тех пределах, как предлагается ее издать, прочтется всеми с интересом, а для историков дает много тех черт, которые они не найдут в документах»².

Отзыв был составлен 4 января 1925 г., за несколько дней до смерти А.Н. Куропаткина. Некоторые газеты указывали, что смерть генерала произошла 14 января 1925 г. Газета «Псковский набат» от 25 января 1925 г. сообщала: «Смерть А.Н. Куропаткина. 14 января на ст. Шешурино, Псковской губ., скончался бывший царский генерал А.Н. Куропаткин, герой русско-японской войны. После поражения под Мукденом А.Н. Куропаткин, попав под опалу Николая II, поселился в Холмском уезде, в своем имении. После революции Куропаткин числился на службе в Центрархиве, которому и оставил свои исторические записки и мемуары. Вместе с этим, Куропаткин вел культурную работу в своей деревне, заведывая избой-читальней».

В другой публикации газеты «Псковский набат» от 31 января 1925 г. говорилось:

«Незнамов (псевдоним К.А. Иеропольского – Авт.). А.Н. Куропаткин. В прошлом году, собирая материалы для «Словаря писателей-псковичей», я обратился к Куропаткину с просьбой прислать соответствующие данные о себе как о писателе. Тогда старик жил в своем Шешурине, куда он переселился после февральской революции, тут он и умер 14 января.

Шешурино – красивая глушь. От Холма – 60, до Торопца – 50 верст.

¹ РГВИА. Ф.165. Оп.2. Д.3481, 5182, 5184 и др.

² РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1678. Л.1-10.

Уисполком оставил старику его небольшой домик, наполовину занятый книгами и огромным архивом. Куропаткин имел хорошую привычку – снимать копии со всех бумаг, поступающих как в его канцелярии, так и «секретных». Если иметь в виду, какие должности он занимал, можно представить – какие ценности хранятся в этом архиве, главная часть которого передана теперь в Москву, в Центрархив, а остальное переводится в Ленинград.

Старик с гордостью рассказывал, что при Временном правительстве одно американское книгоиздательство предлагало ему громадные деньги за его дневники, но что он отверг это предложение, желая, чтобы они были напечатаны в России.

Куропаткин тихо жил в Шешурина, на берегу живописного Наговского озера, в котором часто ловил рыбу, занимался сельским хозяйством, читал, проводил в порядок архив, писал изо дня в день «заметки», заведовал одно время читальней (в неё он передал дубликаты своей богатой библиотеки), оборудовал в Холме недурной музей, читал там же лекции по географии, а в сущности делился своими интересными воспоминаниями о «днях минувших», когда ему приходилось жить и в Турции, и в Сахаре, и в Туркестане, и в Японии.

К Куропаткину хорошо относились крестьяне, помня, что он и при царе не зазнавался и всегда был прост и благожелателен. Местные власти тоже были к нему предупредительны. Умный старик еще давно понял, что песня самодержавия спета и падение Романовых обеспечено, а реставрация немыслима и нежелательна.

Весной 20-ого года, когда в России все бурлило, беспокойно было и в одной из волостей Холмского уезда – Лучанской. Брожение замечалось и в других, смежных с нею волостях. «Зеленые» просили Куропаткина стать во главе восставших, но он горячо убеждал их бросить опасную и вредную затею и помогать всеми мерами Советской власти. Это дало повод говорить некоторым, мечтающим о восстановлении царского строя, что Куропаткин «красный».

Со смертью его сошёл в могилу последний из могижан дореволюционной России, отошла целая эпоха.

Куропаткин – в походах с 1867 г. Начальствует штабом в отряде Скобелева и несколько раз получает ранения. Потом – поход Закаспийский, штурмует Геок-Тепе, дальше злосчастная японская война и катастрофа, предотвратить которую уже нет сил. Затем опала, Шешурино. В 1915-1916 гг., еще раз на войне. Затем наместничество в Средней Азии. Еще раз Шешурино, годы маленького дела, полезной культурной

работы в Холмской глуши, смерть на 77 году жизни.

У старика были «свои» литературные вкусы. Он пишет в моей анкете: до 15 лет любил сказки, «Робинзона», «Хижину дяди Тома», Марлинского, Пушкина, Лермонтова, из Гоголя «Тараса Бульбу»; в зрелых годах «Что делать?» Чернышевского, «Университетскую науку» Писарева, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого. Из военных писателей – Драгомирова, Обручева.

Написано Куропаткиным много. Из крупных работ: «Алжирия» (1877 г.), «Кашгария» (1879 г.), «Русско-Китайский вопрос» (1913 г.) и много других. В революционное время писал в «Военной мысли» и «Новой жизни» – «Очерк экономического быта вольных городов Новгорода и Пскова». В Центрoarхиве печатаются его «Пролог русско-японской войны» и «75 лет жизни А.Н. Куропаткина».

О А.Н. Куропаткине вспомнила и газета «Известия центрального краеведческого бюро» (1925. № 3, сентябрь, с. 94-95):

«Куропаткин-краевед (15 февраля 1925 г.).

Со смертью Алексея Николаевича Куропаткина сошел в могилу не только крупный военный деятель и писатель, но и человек, весьма вдумчиво относившийся к вопросам краеведения. Немало ценных сведений краеведческого характера содержатся в его работах: «Очерк военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год и поход в Ахал-Тепе»; «Семиречье» – статья, изданная в Ташкенте; «Кашгария» – историко-географический очерк страны.

Живя в глухом уголке Холмского уезда Псковской губернии, Алексей Николаевич развил удивительную в его годы культурно-просветительскую работу. Его единоличными трудами в Холме был создан краеведческий музей с архивом и библиотекою, куда были собраны ценные материалы из канцелярий правительственных учреждений и книги из библиотек помещичьих усадеб. На принципе изучения Псковского края он строил свои лекции и в сельскохозяйственном училище, которое находилось в его имени, было им оборудовано и содержалось на его средства. В результате его занятий вопросами экономики явилась статья «Очерк экономического быта вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Помимо того, Алексеем Николаевичем была приготовлена к печати монография «История народного образования в Холмском уезде от древнейших времён до наших дней», написанная исключительно на основании изучения архивного материала.

Верный своей привычке заносить впечатления на бумагу, Алексей

Николаевич до последних дней жизни вел дневник, интересный данными о том, как воспринималась революция в глуши. В селе Шешурино – имении, отданном Куропаткину советской властью в пожизненное пользование-владение, Куропаткиным был сосредоточен архив, наиболее ценная часть которого передана Центрархиву, остальная же после смерти Куропаткина вывезена в Ленинград. Краеведческая часть богатой библиотеки Куропаткина, содержащая 7-8 тысяч книг, будет передана Псковскому обществу краеведения. Комиссия из представителей Губисполкома и центра, выезжавшая в июне сего года в Шешурино, констатировала факты расхищения книжных богатств в библиотеке, что указывает на беспризорность как библиотеки, так и вообще дома Куропаткина».

Подпись отсутствовала.

ВОСКРЕШЕНИЕ ПАМЯТИ. После 1925 г. признать заслуги А.Н. Куропаткина ни Холмские, ни Торопецкие власти не решались. Робкую попытку проявили только в Холме члены местного Общества краеведов. Во втором выпуске альманаха «Холмский уезд Псковской губернии» за 1927 год поместили труд генерала «Историческая справка об экономическом положении сельскохозяйственного населения Холмского в 1959-1917 годах». Статья вызвала недовольство. В газете «Псковский набат» за 26 июня 1927 г. вышла критическая публикация.

Прошло еще 35 лет пока генерала не вспомнили в Пскове¹. Преданным поклонником генерала остался его ученик, выпускник Лебедевской школы 1924 г. Дмитрий Константинович Кунстман (1904-1969), который еще до войны начал обширную переписку с музеями и редакциями газет и журналов. Он писал участнику русско – турецкой войны К.В. Хруцкому, генералу А.А. Игнатьеву, В.Д. Бонч-Бруевичу, лидеру монархистов В.В. Шульгину, писателям А.И. Сорокину, П.Л. Далецкому, Д.И. Петрову, П.Е. Чередниченко. Ему прислали воспоминания М.Э. Жеребцов, И.Ф. Марков, И.М. Щедров, И.Ф. Прутковский, М.А. Иеропольская. Его заслугой явилась статья «Мемориальная доска на могиле А.Н. Куропаткина». Она вышла в «Военно–историческом журнале» (1965. № 8), и была своего рода укором современникам. В ней говорилось, что к началу 1960 годов место упокоения генерала находилось в запустении. Родственники его сюда не навещали, у властей были свои проблемы, крестьяне попросту боялись. Вырвать из забвения имя А.Н. Куропаткина

¹ Куриленко Г. Забытый путешественник//Псковская правда.1962. 30 сентября.

решили выпускники Наговской сельско- хозяйственной школы: И. Щедров, М. Понизовский, В.И. Остроумов, В.С. Филиппов, О.Я. Дрейман и И.Г. Рубельт. Они установили на могиле генерала в 1964 г. надгробную плиту с надписью «Высокая честь любить землю и научно уметь трудиться на ней» – слова, которые генерал имел обыкновение повторять своим ученикам. Благородное дело энтузиастов не получило поддержки и прошло незамеченным. В книге В.А. Антонова «Холм» (Л. 1984. 87 с.) имя А.Н. Куропаткина не упоминалось ни разу.

С 1990 г., благодаря усилиям псковичан, имя А.Н. Куропаткина снова зазвучало на его родине. Появились публикации Н. Осиповой,¹ Н.В. Коломыцовой,² Н.А. Бабарыгиной,³ Л. Русановой⁴ и др.

В 1995 г. в г. Торопце также наступила пора реабилитации генерала как патриота, просветителя и общественного деятеля⁵ В марте 1998 г. усилиями торопецких властей, местной воинской части (под командованием полковника А.А. Козлова) и небольшого краеведческого сообщества могила А.Н. Куропаткина была реконструирована, и установлены железная ограда и мраморный памятник. Состоялся митинг, на котором выступил глава Торопецкой районной администрации В.С. Ткачев⁶.

Энтузиасты и почитатели генерала продолжают заниматься возрождением его доброго имени. Но в бывшем имении А.Н. Куропаткина двухэтажный дом генерала почти разрушен, а другие строения, в советский период использованные в больнично-оздоровительных целях, находятся в ужасном состоянии. Построенный недавно у озера Наговье комплекс отдыха представляет собой резкий контраст с жизнью местного населения. Открыт ресторан «У Куропаткина». Остается надеяться, что Алексей Николаевич Куропаткин будет жить в памяти потомков как человек, который проливал кровь на полях сражений, неустанно трудился и которого до последних минут жизни не покидали мысли и забота о благе своего отечества и своей малой родины.

В результате данного исследования создан образ Алексея

¹ Осипова Н. Отставной генерал, краевед, ученый // Новости Пскова.1992. 31 января.

² Коломыцева Н.В. Сын России:памяти Алексея Николаевича Куропаткина // Псковская правда. 1994.2 апреля.

³ Бабарыгина Н.А. Реконструкция библиотеки А.Н. Куропаткина // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к научно – практической конференции 1995/1996 гг. Псков.1996. С.28 – 32.

⁴ Русанова Л. Опальный генерал // Новости Пскова. 2000.19 июня.

⁵ Казюлин Н. Шешуринский затворник // Мой край. 1995. 28 мая.

⁶ Мамаева В. Открыт памятник генералу Куропаткину // Тверская жизнь.1998. 21 марта.

Николаевича Куропаткина, разрушающий существующие стереотипы, развенчивающий мифы о жизни и деятельности генерала в целом и в послереволюционные годы лихолетья. В последнее время появляются публикации, исследования и телепередачи, обращающие внимание на необходимость выявления и сохранения для потомков ценнейшего историко-культурного наследия, оставленного А.Н. Куропаткиным, и следует ожидать новых исторических находок.

ПРИЛОЖЕНИЯ

12. Личный фонд А.Н. Куропаткина в Российском государственном военно-историческом архиве¹

Ничто не характеризует государственного и военного деятеля как собрание документов и бумаг, им оставленное. Наличие значительного количества опубликованных трудов не может в полной мере очертить весь круг интересов и занятий, их полноту и глубину, как это может сделать сохранившийся архив. Можно только сожалеть о небрежном и неразумном отношении (а порой злонамеренном уничтожении) во все времена у нас в России к каким-либо собраниям документов и архивам.

Личный фонд военного министра (1898–1904), главнокомандующего действующей армией в годы русско-японской войны, генерал-адъютанта, генерала-от-инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина (1848 – 1925) один из самых больших в российских архивохранилищах, и самый большой в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Ф. 165). Он насчитывает 5358 архивных дел с общим количеством листов более 850 тысяч и хронологически охватывает период с 1849 по 1926 гг. С этим гигантским собранием документов не может сравниться ни одно другое в РГВИА, ни собрание светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического (3574 дел), ни князя М. Б. Барклай-де-Толли (3118 дел), ни графов и князей Разумовских (2198 дел), ни князей Суворовых-Италийских (1810 дел). Роль и значение деятельности перечисленных лиц в истории России всем хорошо известна.

Только идеологическими и советско-административными установками можно объяснить почти полное отсутствие до недавнего времени интереса как к самой личности А.Н. Куропаткина, так и к его наследию, которое не только велико, но и поразительно разнообразно. Даже беглое знакомство с описью фонда вызывает удивление: официальные бумаги, отчеты, рапорты и докладные записки, официальная и личная переписка (в том числе с советскими учреждениями и органами власти и, в частности, черновик письма к В.И. Ульянову (Ленину) от 15 декабря 1919 г.), описания военных действий, военно-исторические очерки

¹ А.А. Шумков. URL: <http://www.vgd.ru/K/kurptkn.htm>

и фундаментальные труды (в том числе рукописи опубликованных), материалы о вооруженных силах иностранных государств, программы, уставы и брошюры российских политических партий, собрание документов о революционном движении в 1905–1917 гг., многочисленные очерки и статьи по самым разнообразным вопросам, записки по истории Первой мировой войны (дела 1770–1773, 5256 и другие), дневники за 1900 – 1904 гг. и дневниковые записи (дела 1827–1977 и другие), воспоминания («70 лет моей жизни» – дела 1740–1764), каталог шешуринской библиотеки (Д. 111, 113), личные документы и материалы (метрическое свидетельство о рождении и крещении – Д. 1, послужной список – Д. 11, анкета – Д. 57, грамоты на ордена и дипломы – дела 9, 12, 13, 19 и другие) А.Н. Куропаткина, его семьи (дела 18, 65, 128 и другие) и родственников (дела 64, 71, 80–84 и другие), хозяйственно-имущественные документы Куропаткиных: купчие (опись купчих, 1913 г. – д.162), ревизские сказки, завещания (дела 98 и 126) и другие документы по имениям в Псковской губернии, материалы о деятельности А.Н. Куропаткина в Торопецком и Холмском уездах Псковской губернии в до и послереволюционное время: о строительстве Наговской сельскохозяйственной школы, о создании Холмского краеведческого музея (дела 1619–1622) и другом, разнообразные материалы по истории и общественной жизни Торопецкого и Холмского уездов (дела 181, 229, 1394, 1422, 1480, 1591, 1680, 1783–1790 и другие).

Каждое место службы отражено своим комплексом документов; официальные бумаги и материалы, отражающие личные действия и качества А.Н. Куропаткина на том или ином посту, в той или иной деятельности. Здесь будет уместно кратко напомнить о служебной и общественной деятельности А.Н. Куропаткина и еще раз подчеркнуть, что его личный фонд хранит свидетельства не только служебной и общественной деятельности, но материализованные свидетельства пытливого и любознательного, не равнодушного к жизни других людей, характера фондообразователя. 1865–1871 – служба в Туркестане, 1871–1874 – учеба в Академии Генерального штаба, 1874–1875 – заграничная командировка, в том числе участие в военной экспедиции в Алжир, 1875–1877 – служба в штабе Туркестанского военного округа, участие в боевых действиях против Кокандского ханства, 1877–1878, русско-турецкая война – начальник штаба 16-й пехотной дивизии, 1879–1890 – командир Туркестанской стрелковой бригады и начальник Туркменского отряда, участник штурма Геок-Тепе и покорения Ахал-Текинского оазиса, 1890–1897 – начальник и командующий войсками

Закаспийской области, 1 января 1898 – 1904 – Военный министр, с 1901 г. генерал-от-инфан-терии, с 1902 г. генерал-адъютант, 1904 – 1905, русско-японская война – с 7 февраля 1904 г. главнокомандующий Маньчжурской армией, с 13 октября 1904 г. главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке, с 3 марта 1905 г. уволен от командования, 1906 – член Государственного Совета, большую часть времени живет в своем имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии, построил и опекал Наговскую сельскохозяйственную школу, 1914 – февраль 1916, Первая мировая война – командир Гренадерского корпуса, февраль 1916 – июль 1916, Первая мировая война – главнокомандующий 5-й армией Северного фронта, июль 1916 – июнь 1917 – Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, июнь 1917 – член Александровского комитета о раненых, с мая 1918 – живет в Шешурино.

Как уже было отмечено, фонд хранит черновики и рукописи опубликованных трудов А.Н. Куропаткина (смотри приложение 1). Опубликовались так же дневники и записи дневникового характера за разные годы (смотри приложение 2). Но большая часть документов, особенно личного и семейного характера, еще ждут своего исследователя и публикатора.

Приложение 1.

Список опубликованных работ А.Н. Куропаткина.

1. Алжирия. СПб., 1877.
2. Очерки Кажгарии. СПб., 1878.
3. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.: Ловча и Плевна. Ч. 1 – 2. СПб., 1885.
4. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 г. для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения. СПб., 1895.
5. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880 – 1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1881 г. СПб., 1899.
6. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 1 – 4. СПб., 1906 – 1907.
7. Задачи русской армии. Т. 1 – 3. СПб., 1910.
8. Записки г. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Berlin. 1911.
9. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
10. Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта

Куропаткина и критика их графом Витте. Пг., 1915.

11. Каталог книг библиотеки А.Н. Куропаткина. [без места и года].

Приложение 2.

Опубликованные дневники А. Н. Куропаткина.

1. Из дневника (28.02.1898 – 12.01.1899)//Красный архив. 1932. Т. 5- 6.
2. Дневник (11.11.1902 – 07.02.1904)// Красный архив. 1922. Т. 2 и отдельным выпуском Пг. 1923.
3. Дневник (14.02.- 24.03.1904)// Красный архив. 1924. Т. 5.
4. Дневник (31.03.-21.11.1904)// Красный архив. 1935. Т. 1.
5. Из дневника (25.10.-23.12.1905; 23.12.1905 – 12.03.1906)// Красный архив. 1924. Т. 7, 1925. Т. 1.
6. Выдержки из дневника 1914 – 1915 гг.//Разложение армии в 1917 г. М. – Л. 1925.
7. Из дневника (06.03.-15.05.1917)// Красный архив. 1927. Т. 1.
8. Японский дневник А.Н. Куропаткина.// Военно-исторический журнал. 1991. № 12.
9. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год.// Исторический архив. 1992. № 1.

13. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина

В марте 2018 года исполняется 170-лет со дня рождения генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, военного министра Российской империи (1898 – 1904) Алексея Николаевича Куропаткина (17 (29).03.1848 – 16.01.1925).

По прошествии десятилетий советской эпохи «невнимания» к генералу в последние годы появились не только новые научные статьи и исследования, раскрывающие малоизвестные стороны его государственной и военной деятельности но и краеведческие и публицистические работы, а также выставки и широко известные телевизионные проекты, посвященные непосредственно А.Н. Куропаткину. Были опубликованы новые фрагменты дневников и воспоминаний генерала, а также переиздан ряд его работ, в том числе и дневниковые записи, издававшиеся в научно-историческом журнале «Красный архив». Все больше появляется новых материалов о нем как востоковеде, разведчике, геополитике, ученом, просветителе и общественном деятеле. Ход исторических событий показал, что его расчеты, прогнозы и выводы,

содержащиеся в официальных докладах, отчетах, записках и документах, а также в его военно-исторических работах в своей основе были правильными.

Однако о частной жизни А.Н. Куропаткина и о судьбе его семьи, внуках и близких родственников, все еще мало известно.

А.Н. Куропаткин отличался незаурядными способностями, феноменальной памятью, широтой кругозора, аналитическим складом ума и потрясающей работоспособностью. Он получил блестящее образование, свободно владел французским, немецким, знал английский и турецкий языки, был меломаном, любил верховую езду, рыбную ловлю и увлекался шахматами. В его имении, в с. Шешурино, была собрана библиотека, насчитывавшая около 12 тысячи томов, большей частью редких книг по военной истории, статистике, топографии, географии и экономике, которой генерал пользовался в своей научной работе, а также находилась уникальная коллекция оружия и другие ценные предметы, которые большей частью исчезли после смерти генерала в 1925 году.

Среди этих предметов были шахматы генерала А.Н. Куропаткина, которые сегодня занимают достойное место в коллекции д-ра Джорджа Дина и Вивиян Дин, насчитывающей свыше 1000 шахматных наборов и предметов из более, чем 100 стран. Этот шахматный набор сегодня один из самых дорогих в мире.

Юрий Львович Авербах (род. 8 февраля 1922, Калуга), старейший среди ныне живущих гроссмейстеров, известный советский шахматист и деятель российского и международного шахматного движения вспоминал: «В самом начале 1990-х годов, просматривая книгу «Иллюстрированный путеводитель по миру шахматных фигур» известного английского коллекционера шахмат Виктора Китса, в главе, посвященной русским шахматам, я натолкнулся на описание шахматной доски, выполненной знаменитой ювелирной фирмой Фаберже. Одни ее квадраты выложены темным сибирским нефритом, другие – бледно-абрикосовым серпентином. Доска заключена в литую серебряную раму, на одной стороне которой выгравировано по-русски: «Горючо любимому и дорогому начальнику генерал-адъютанту Куропаткину на память о Маньчжурии в 1904–1905 г. от преданных и благодарных ему». <...> Как известно, эта война, крайне непопулярная в народе, сложилась для России неудачно. После поражения под Мукденом Куропаткин

был снят с поста главнокомандующего¹ Как раз в то злосчастное время сослуживцы, «преданные и благодарные», преподнесли Алексею Николаевичу драгоценный подарок – шахматы Фаберже, выразив тем самым доброе к нему отношение»².

Фаберже. Россия, 1905. Шахматный набор, доска и футляр А.Н. Куропаткина (Fabergé Kuropatkin Chess Set, Board, and Case).

Футляр: 3 1/8 x 25 3/4 x 19 1/4 дюйм.

Доска: 25 x 25 x 2 дюйм.

Высота фигуры короля: 3 1/8 дюйм.

Нефрит, джаспер, серпентин, авантурин, кварц и серебро.

Фирмой Фаберже было изготовлено два набора шахмат. Царская семья заказала данный набор для генерала Алексея Николаевича Куропаткина в знак благодарности за верную службу. Серебряное основание доски оформлено безупречным акантом в виде рельефа, скульптурной работы, и украшено лавровыми листьями. В честь генерала выгравированы имена двенадцати или более лиц царской фамилии, офицеров и других крупных государственных деятелей. Сама доска сделана из квадратов зеленоватого сибирского нефрита и серпентина абрикосовых оттенков и обрамлена кварцем (авантюрином). [Выставка «Животные, растения и минералы: Природные богатства из коллекции шахмат д-ра Джорджа Дина и Вивиан Дин». Сан-Луис, США, 2016. (Chess Hall of Fame (WCHOF). Animal, Vegetable, Mineral: Natural Splendors From the Chess Collection of Dr. George & Vivian Dean. Saint Louis, USA, 2016)]³.

Ю.Л. Авербах далее сообщал интересные факты: «В 1994 году, во время проведения в Санкт-Петербурге конгресса «Chess Collectors International» – международной организации, объединяющей коллекционеров и историков шахмат, мне повезло. Когда я обратился с волнующим меня вопросом к первому, а ныне почетному президенту этой организации доктору Джорджу Дину (США), он с улыбкой ответил:

¹ До Мукденского сражения, в связи с преобразованием Маньчжурской армии в три самостоятельные армии и имевшей место несубординации и расхождению взглядов ряда командующих лиц, генерал А.Н. Куропаткин обращался к Николаю II с просьбой об отставке, что было удовлетворено с подачи вел. кн. Николая Николаевича, назначенного председателем Совета Государственной обороны (СГО), после Мукденского сражения вопреки решениям, принятым на Совещании 28 февраля 1905 г.

² Авербах Ю.Л. «Шахматы Фаберже» // Русское искусство. № 2. 2005.

³ См.: URL: <https://worldchesshof.org/exhibit/animal-vegetable-mineral-natural-splendors-chess-collection-dr-george-vivian-dean>

«Вы угадали. Эти шахматы – одна из жемчужин моей коллекции!». Д-р Дин оказался обладателем не только доски, но и всего набора шахматных фигур, также производства Фаберже. Белые фигуры были вырезаны из рыжевато-кварца в тон к бледно-желтым полям доски, черные – из темной калганской яшмы. Подставки, на которые крепился камень, сделаны из литого орнаментированного серебра. Весь комплект фигур с доской выглядел очень эффектно. Впрочем, наряду с клеймом Фаберже, на дне подставок фигур можно было прочесть две буквы: ЯА, т.е. их создал мастер, имевший собственное клеймо. Удалось установить его имя – Ялмар Армфельд¹. Он работал для фирмы Фаберже с 1904-го по 1916 год. Это позволило определить примерную дату изготовления шахмат: 1904–1905 годы. <...> В 1996 году на конгрессе «Chess Collectors...» в Вашингтоне меня ждала приятная неожиданность – когда после моего доклада о шахматах Фаберже один из старейших коллекционеров США Давид Хаффлер сообщил: «Наверное, Вам будет интересно узнать, что у меня тоже есть шахматы Фаберже. Они называются «Ассирийцы против египтян. <...> В книге Китса я видел черно-белую фотографию этих шахмат, но без указания, где они находятся и кому принадлежат. Когда в прошлом году я вернулся к теме шахмат Фаберже, оказалось, что Давид Хаффлер скончался. Встретившись через два года на конгрессе коллекционеров шахмат в Мадриде с доктором Дином, я узнал, что и второй комплект Фаберже теперь тоже у него. Спустя некоторое время он прислал мне дискету с изображением фигур этого комплекта. На коробке, в которой находились фигуры, была надпись: «К. Фаберже Петроград». Это означало, что фигуры изготовлены не раньше 1915 года <...> У фигур этого набора выгравированы те же буквы ЯА, что означало: их создателем является

¹ Армфельд Карл Густав Ялмар (Armfelt, Karl Gustav Hjalmar, 1873–1959). В Санкт-Петербурге с 1886 г., ученик золотых дел мастера Пауля Зольмана (Шольмана). Учился в немецкой школе и в училище барона Штиглица. С 1891 г. работал у Фаберже под руководством А. Невалайнена, в 1904 г. купил мастерскую у Виктора Аарне и работал по контрактам на фирму Фаберже, в 1920 г. уехал в Финляндию. Для работ этого мастера характерно сочетание ценных пород дерева с литыми серебряными накладками в классическом стиле. URL: <http://www.znak-art.ru/archive/3/0/16.htm>; См. также: URL: <http://skurlov.blogspot.com/2013/05/1849-1917.html> – АРМФЕЛЬДТ Карл Густав Ялмар (1873–1959). В СПб с 1886 г. Учился в немецкой художественной школе и ЦУТР бар. Штиглица. Мастер с 1904 г. В том же году купил мастерскую у В. Аарне, который рекомендовал ему работать по – прежнему на фирму Фаберже. Возвратился в Финляндию в 1920 г. Клеймо: ЯА. АРМФЕЛЬДТ Яльмар Августович, потомственный дворянин, серебро. См.: URL: <http://skurlov.blogspot.com/2013/05/1849-1917.html> –

тот же самый мастер Ялмар Армфельд. <...> Этот комплект, созданный уже во время Первой мировой войны, разительно отличался от первого, фигуры которого воплощены в «мягких» пластических формах. Фигуры первого комплекта, за исключением коня, абстрактные, они ничем не напоминают, что шахматы – это игра военная. Фигуры второго комплекта конкретизированы – здесь ассирийские воины во главе с царем выступают против египетских воинов во главе с фараоном <...> Но какой путь «прошли» оба комплекта шахмат, прежде чем оказались в Америке? Вопрос остается открытым...” (Приведенные иллюстрации – из статьи Ю.Л. Авербаха «Шахматы Фаберже» // URLs: <http://www.rusiskusstvo.ru/journal/2-2005/a379/>; <http://www.russiskusstvo.ru/authors/Averbax/a379/>)

В заключение необходимо отметить, что личность, деятельность и военно-историческое наследие А.Н. Куропаткина, продолжая привлекать интерес общественности, военных и научных кругов России и многих стран мира, интерпретируется в связи с неудачным для России исходом русско-японской войны (1904 – 1905) как отечественными, так и зарубежными исследователями неоднозначно. Однако появляются новые данные и факты, и открываются ранее не известные страницы его жизни, которые позволяют приблизиться к более объективному историческому образу этого видного государственного и военного деятеля Российской империи, хотя влияние политических установок прошлого в отношении генерала в наше время все еще остается сильным, и в существующих биографических очерках, ряде научных статей и в информационной сети можно найти много неточностей, умолчаний и неоправданной критики.

14. Скрещение судеб: Куропаткин и другие...

О генерале А.Н. Куропаткине (1848 – 1925), занимавшем пост военного министра в период с 1898 по 1904 годы, не утихают споры как историков и военных, так и историков-краеведов, стремящихся как можно более полно воссоздать масштаб личности одного из видных государственных и военных деятелей Российской империи, близко стоявшим ко многим важным государственным решениям своего времени.

Алексей Николаевич Куропаткин сочетал высокие чины и звания с вполне мирными занятиями меломана, библиотекаря, музейоведа, архивариуса, садовода и даже дачника на берегу Финского залива.

Для жителей Курортного района, вблизи Санкт-Петербурга, он интересен вдвойне, поскольку часть его жизни проходила на этой земле. Дачи Русской Финляндии сегодня остались лишь в воспоминаниях, фотографиях и фильмах. Заросшие травой фундаменты интересны только краеведам и туристам. На 21 километре Приморского шоссе в поселке Песочное Выборгского района Ленинградской области рядом со старым фундаментом сохранилась лестница, названная Куропаткинской лестницей. Несколько десятков лет назад на тумбах лестницы красовались чугунные светильники, возможно, советских времен. Сегодня они украшают чьи-то новые коттеджи. От пребывания Куропаткина в этих местах осталось очень мало: кроме лестницы и фундамента – кедровая сосна, заросли сирени и туевая аллея. В финских архивах не удалось обнаружить свидетельства на покупку участка, но в документах строительства форта ИНО обозначен лазарет на даче Куропаткина, что подтверждает его пребывание на Карельском перешейке. Несмотря на обилие государственных и военных дел, Алексей Николаевич находил время для садоводства и рыбалки на берегу Финского залива и для дружеского общения.

На финляндской даче генерал бывал периодически с 1899 по 1904 годы. Этот факт подтверждает запись 1903 года в дневнике Марии Крестовской, которая была знакома с Куропаткиным 20 лет. Казалось бы, что могло связать видного военачальника с молодой актрисой, писательницей и владелицей соседнего имения Мариоки?.. Запись из дневника: «Осенью наступает Куропаткинский сезон», когда хозяин «начинает чувствовать ко мне умиленную почему-то слабость, и то сам летает сюда, то шлет рыбу и яблоки своего сада. Это всегда длится от августа до зимы, пока снега, морозы и министерские дела не приведут его опять в равновесие и вернут в обычный ритм» (С. 178). Еще одна запись: «Приезжал Куропаткин, опять почти не скрывал своей маленькой слабости ко мне, гостил Ванечка Глинка, ну и разные другие наши *habitués*». Иван Николаевич Глинка (1870 – 1919) – сын известной баронессы Варвары Ивановны Иксуль (Гильденбрант). Ее портрет кисти Репина украшает сегодня зал Третьяковской галереи. Светский салон Варвары Ивановны, где собиралось высшее общество Петербурга, описал в одном из своих романов писатель И. Потапенко, близкий друг А.П. Чехова. Варвара Ивановна Иксуль активно занималась общественной деятельностью, стояла у истоков создания Общины Святой Евгении, лично отправляла вагоны с продовольствием и санитарные отряды с медицинскими сестрами на фронт русско-японской войны.

За патриотизм она была награждена боевым орденом Георгиевского креста.

Что касается подруги Иккуль Марии Крестовской, то она родилась в семье писателя Всеволода Крестовского и молодой актрисы Вареньки Гриневой в 1862 году. Брак Крестовских распался вскоре после рождения дочери. За разводом последовали скандалы, газетные сплетни, дуэли, интриги сторонников бывшей жены, от которых Всеволод Крестовский добровольно уехал работать в Польшу, чтобы глубже понять причины и следствия Польского восстания 1863 года. Так к его статусу писателя добававился – военный корреспондент в чине унтер-офицера. На военной службе он познакомился с русскими генералами и вошел в круг друзей Дмитрия Ивановича Скобелева, полковника Грекова, генерала И.С. Плаксина, графа П.А. Шувалова, графа Кулешова-Безбородько и других военных и политических деятелей. Всех этих людей можно было встретить в доме Варвары Ивановны Иккуль (1852 -1928) у Аларчина моста, где бывал и Куропаткин. Большинство из них приняло участие в русско-турецкой войне.

Писатель Всеволод Крестовский летом 1877 года организовал «летучую» типографию и отправился редактором «Военного летучего листка» на боевые действия российских войск против турок на Балканы. Там он вел записи боевых действий в качестве официального корреспондента газеты «Правительственный вестник». Результатом двадцатимесячного пребывания в действующей армии был дневник, или сборник писем с фронта. В томе VI Собрания сочинений Всеволода Владимировича Крестовского мы находим эпизод, напрямую связанный с участием Куропаткина в военных действиях: «Капитан Куропаткин приступил к укреплению артиллерийской позиции <...> Взрыв прошел около него, почти рядом <...> Капитана Куропаткина тоже подхватило вместе с другими, но, к счастью, только подбросило, слегка контузило и опалило ему голову. Нимало не смутясь этим ужасным случаем, он едва лишь успел встать на ноги, как совершенно спокойно скомандовал: «Первое – пли!», и продолжил, как ни в чем не бывало, свое дело». Из дневника мы узнаем, что в этом бою был убит командир 16 дивизии генерал – майор Тебякин, и начальником штаба был назначен Куропаткин. К этой же дивизии был приписан летучий санитарный отряд братьев Рыжовых. Так случилось, что в этом же отряде корреспондентом «Северного вестника» служил студент Медико-хирургической академии Владимир Михайлович Бехтерев (1857 – 1927). Он был знаком с Всеволодом Крестовским.

Бехтерев вел собственный дневник госпитальных событий и печатался под псевдонимом «Санитар». А Крестовский был редактором «Военного летучего листка». Сотрудничество двух корреспондентов длилось недолго. Бехтерев заболел малярией в тяжелой форме и был отправлен в Россию. Ему удалось провести на фронте только 6 месяцев, тогда как Крестовский участвовал в боевых операциях почти два года войны. Будущему светиле российской медицины Бехтереву в Медико-хирургической академии вернули подорванное здоровье. Владимир Михайлович благодарил Бога за исцеление и дал себе зарок – никогда не бриться и не стричься. Лейб-медик при царской ставке Сергей Петрович Боткин (1832 – 1889) в книге «Письма из Болгарии. 1877 год», изданной в СПб в 1893 году, отмечал, что особенность военной медицины состояла в особенности быта солдат.

Взаимоотношения двух медиков, Бехтерева и Боткина, с капитаном Куропаткиным на Балканской войне еще неизвестны досконально, но позднее все эти знаменитости окажутся летними обитателями Русской Финляндии. И у всех будут собственные имения на Карельском перешейке, где проводили свободное время морские адмиралы Скрыдлов и Эссен, генералы Плаксин и Редигер. Знал ли их генерал от инфантерии, а позднее военный министр Алексей Николаевич Куропаткин? Однозначно – знал. Подробности дачного быта, более точные сведения о дружеском общении на Карельском перешейке ждут своего исследователя. Но дружеское дачное общение на Карельском перешейке остается белым пятном в личной жизни Алексея Николаевича Куропаткина. Однако дружба генерала с Марией Всеволодовной Крестовской подтверждена документально ее дневниками. (ЦГАЛИ. Ф. 2474 оп. 1.2).

В 1904 году появляется еще одна запись: «Это время была два раза и у Куропаткина, а на днях опять поеду. Он едет 23-го, и мне хочется до сих пор побольше видеть его. Я ведь чувствую к нему большую симпатию, а главное, знаю его уже 20 лет. Это всегда невольно связывает. Когда мы с ним видимся, наши симпатии друг к другу тотчас же пробуждаются, и я расстаюсь с ним под самым хорошим впечатлением. А теперь ввиду долгой предстоящей разлуки и его трудной миссией, которая как бы отделяет его от других людей своим помазанием – это чувствуется гораздо нежнее и глубже. Я даже придумывала сделать ему маленький подарок, который он возьмет с собой. Ему все дарят образа, и столько уже наподносили их, что он мог бы устроить уже целый иконостас. А что же будет еще дальше, по мере движения его вперед? Хватит, верно, на две церкви. Я же придумала ему подарить записную книжку.

Он имеет во время похода обыкновение делать в таких книжках свои заметки, и от прежних войн у него осталась их целая коллекция. Но, конечно, книжка эта будет в то же время и символом. Я разыскала для него медаль Петровских времен с Георгием Победоносцем, и у меня был рубль 12-го года, которые и будут вделаны в переплет. На карандаше же, круглом и черном, как пушка, лежит золотой меч. В среду все это должно уже быть готово, и я отвезу ему с моим автографом; только, как просит он, и мне так смешно, что моя подпись и пожелание могут казаться ему автографом. Несомненно, что, если есть в данный момент человек, на которого буквально с надеждой и волнением смотрит вся Россия, то это, конечно, он, и надо отдать ему справедливость, что он остается точно таким же, каким и был, и какого я знаю 20 лет и, пожалуй, даже еще проще, еще лучше и сердечнее – потому, что счастлив своим назначением, как юный мальчик. Вообще в их домашнем обиходе царит не только простота, но даже некоторая богемность, особенно милая в доме министра, где она всегда такая необычайная гостья. Эту заслугу и честь надо уже приписать Ал. Мих. (Александре Михайловне – Н.Г.), его жене. Ведь, главным образом, тон в доме всегда наводит женщина, и если за эти 20 лет он изменился мало, то она не изменилась уже совсем, и какой я помню ее со всеми ее свойствами, достоинствами и недостатками в 4-ом этаже их маленькой квартирке на Знаменской, точно такой же она сохранилась и теперь, внеся свою черту богемности, присущую ее натуре во все последующие свои дворцы, в которых заставила ее проживать вот уже 12 лет баловница судьба. Но она мало ценит их и еще меньше пользуется ими, ненавидя всякие приемы и выезды и почти не сходя с верху своей половины, где принимают без церемоний всех своих более интимных знакомых и друзей в то время, как раззолоченные парадные палаты внизу стоят пустыми, пышными и холодными. Наверху же приносится такой же простой, как и в старину, ужин, какое-нибудь холодное мясо, печеный картофель, винегрет, для постников и готовится, как попало, на круглом столе, к которому тут же все прилаживаются, весь ареопаг наших вождей и генералов, имена которых вчуже звучат так значительно и таинственно, которые тут почти с неутраченными еще до сих пор кадетскими аппетитами и нетребовательностью запросто делят между собой тарелки и вилки, которых всегда почему-то не хватает – усердно уничтожают весь этот незатейливый ужин. ... Но что за дурацкие письма я Вам пишу, то исписываю целые листы о Куропаткине... Что Вам до всего этого?»

Да, на самом деле, что нам до того, что происходило сто лет назад? Жизнь и деятельность военного министра А.Н. Куропаткина со всеми их сложными поворотами – предмет изучения военных историков. Однако лирические страницы, которые посвятила ему женщина с непростой судьбой – М.В. Крестовская – заставляют увидеть личность генерала в большем объеме, взглядеться в него пристальнее, а также позволить себе невольные предположения о том, как могли на рубеже веков сложиться судьбы русских интеллигентов, вписанных в историю своей страны.

Настроение на финляндских дачах на начало русско-японской войны было особенно патриотичным. В каждом доме висели портреты Куропаткина и Линеви́ча. Даже финские жители переняли моду старых русских и украсили свои жилища плакатами еще незаконченной войны. Генерал Куропаткин был командующим сухопутными войсками, об этом знали все дачники на Карельском перешейке. Даже дети играли «в войнушку». Мастерили из шишек кораблики и в лужах устраивали морские бои с японцами. На настоящий морской бой от берегов Кронштадта отправилась 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала Зиновия Рожественского. На одном из кораблей под именем «Светлана» служил молодой мичман Всеволод Евгеньевич Картавцов (1883 – 1961) – сын Марии Крестовской. Цусимское сражение было трагическим; почти весь русский флот был потерян. Северная столица осталась без боевой защиты. Тогда император Николай II распорядился модернизировать старые форты и построить новые береговые укрепления по обеим сторонам Финского залива. В 1908 году было принято решение дополнить Кронштадтскую крепость еще одним береговым фортом на 60-ом километре западнее Санкт-Петербурга по северному побережью на мысе Инониemi. Дачи этой местности были выкуплены Военным ведомством – так дачи художника-гравера В.В. Матэ, политика П.Н. Милюкова, предпринимателя-домовладельца В.А. Савельева, купца Фофанова, а также дача Куропаткина пошли под отчуждение. Для нужд форта ИНО была построена железная дорога, теплый бетонный завод, полковая церковь. Форт имел конструкцию из 4 батарей, расположенных на расстоянии 2 км друг от друга на возвышенной террасе берега залива на протяжении 3 км. Фортификации прошли по участку генерала. Официальной хозяйкой участка была его жена – Александра Михайловна Тимофеева.

Куропаткин на Карельском перешейке больше, по всей видимости, не появлялся. Да и Марии Крестовской в 1910 году не станет. Но

каждый оставил свой след на земле Карельского перешейка. В парке имени Мариоки останется красивая мраморная лестница – соперница бетонной Куропаткинской, и будет воздвигнут православный храм. Церковь была создана в память М. Крестовской. По рассказам старожилов несколько старинных икон в храм Богоматери Всех Скорбящих Радость была подарена генералом А.Н. Куропаткиным.

В военной политике для А.Н. Куропаткина не все складывалось удачно. По моему убеждению, хотя я не военный историк, в русско-японскую войну командующий Маньчжурской армией действовал стратегически грамотно, в соответствии с заранее разработанным планом, и в тяжелых условиях пытался сохранить армию, за что я отношусь к Алексею Николаевичу с особым уважением. На тот момент, когда русская армия была готова к контрнаступлению и находилась в стратегически выигрышном положении – царское правительство преждевременно прекратило войну. Война была не окончена. В 1945 году уже советские войска поставили точку в русско-японском противостоянии. Русская армия и генерал Куропаткин расплатились кровью и унижением за неудачную политику своей страны.

15. Выставка отдела рукописей Российской Национальной библиотеки: К 170-летию со дня рождения военного министра Алексея Николаевича Куропаткина

В марте 2018 года отмечается 170-летняя годовщина со дня рождения генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, военного министра Российской империи (1898 – 1904), четырежды раненого боевого офицера, участника всех военных кампаний своего времени, в том числе русско-японской (1904-1905) и Первой мировой (1914 – 1918) войн, кавалера всех российских и многих иностранных орденов Алексея Николаевича Куропаткина (17 (29).03.1848 – 16.01.1925).

В связи с этой датой в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) 1 марта 2018 года состоялось открытие выставки «К 170-летию со дня рождения военного министра Алексея Куропаткина. Документы из отдела рукописей РНБ.»¹

Выставка организована при участии и поддержке Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ (ВИМАИВиВС) и была дополнена редкими экспонатами

¹ ОР РНБ. URL: http://nlr.ru/cms_nlr/vid_news_str.php?id=4207#top

из коллекций этого музея, в частности, золотой драгунской шашкой – наградным оружием, которое генерал А.Н. Куропаткин подарил генералу К.В. Церпицкому за храбрость. На открытие выставки приехала правнучатая племянница генерала А.Н. Куропаткина Галина Георгиевна Соколова (ур. Куропаткина; по линии одного из младших братьев А.Н. Куропаткина подполковника артиллерии Нила Николаевича Куропаткина).

На выставке представлены рукописи, фотографии, рисунки, репродукции картин, а также прижизненные издания трудов генерала. Среди экспонатов редкая фотогафия А.Н. Куропаткина и репродукция «Раздача наград ген. Куропаткиным раненым под Вафангоу» из собрания Отдела эстампов и другие; автобиография, датированная генералом 25 февраля 1922 г.; фотография М.Д. Скобелева с дарственной надписью Н.И. Гродекову, датированная 28 февраля 1878 г.; редкая фотография адмирала Е.И. Алексеева; карты, схемы, а также представлен план окрестностей г. Плевно (октябрь 1877 г.); картины и рисунки периода русско-турецкой войны (1878-1879), Ахал-текинской военной экспедиции (1880-1881), русско-японской войны (1904-1905); копия телеграммы А.Н. Куропаткина на имя П.Н. Трубецкого; письмо Половцова П. Анатолию Викторовичу Половцову. Харбин. 26 июня 1904 г. (из фонда Половцовых).

Большой интерес представляют отчеты, доклады, отношения, в частности, следующие: 1) Семенов В., штабс-капитан л.-гв. саперного батальона. «Поездка по Малой Азии в 1901-1902 гг.» Отчет, адресованный военному министру А.Н. Куропаткину. Ноябрь 1903 г. (из фонда П.А. Картавова); 2) Масловец Н.А. Доклад военному министру А.Н. Куропаткину о результатах исследования положения Забайкальского казачьего войска. 1904 г. (из фонда Н.А. Маслаковец); 3) Куропаткин А.Н. Всеподданнейший секретный отчет об экономическом, политическом и территориальном положении Закаспийской области в 1893 г., направленный для ознакомления Ивану Давыдовичу Делянову. Гектографическая копия (из фонда И.Д. Делянова); 4) отношение из канцелярии Начальника Закаспийской области Аполлону Александровичу Майкову по вопросу о награждении участников Среднеазиатской выставки в Москве. 19 июня 1892 г. (из фонда Майковых); 5) Алексеев Е.И., адмирал, наместник на Дальнем Востоке. Всеподданнейший отчет о событиях на Дальнем Востоке с мая 1903 г. по 10 октября 1904 г. [1904 г.]. Черновой экз. Машиноп. С правкой. (из фонда Г.С. Габаева); 6) Всеподданнейший

отчет Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения. На выставке также представлены редкие книги: Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб., 1879; Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1887, и другие.

Как справедливо отметили организаторы выставки в исторической памяти российского общества имя генерала А.Н. Куропаткина связано в основном с неудачным исходом русско-японской войны (1904-1905): «он стал одним из главных олицетворений несчастливой для России правления Николая II. Между тем он зарекомендовал себя храбрым офицером, незаурядным администратором, талантливым и плодовитым писателем, сторонником просвещения и модернизации страны», а исследования последних лет выявляют все новые факты периода той войны, а также новые факты и сведения о самом генерале и его семье. В исторической науке государственная и военная деятельность генерала А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны интерпретируется неоднозначно.

Выставка была открыта д.и.н. А.И. Алексеевым, который обратил внимание присутствующих на ряд трудностей в ее организации, как относительно незначительный объем материалов, хранящихся в ОР РНБ по теме экспозиции и малоизученность деятельности и жизни генерала А.Н. Куропаткина, сказав что: «Выставка была сложная, потому что большее количество документов Алексея Николаевича отложились в Российском государственном военно-историческом архиве, там больше 5300 документов. У нас нет фонда Куропаткина, но у нас богатые архивные фонды. И в фондах многих частных лиц оказались документы: либо автографы Алексея Николаевича, либо письма, адресованные к нему», что несомненно делает выставку еще более интересной, и выразил слова благодарности ВИМАИВиВС за участие в ней и надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество РНБ с ВИМАИВиВС.

Затем слово было предоставлено д.пед.н. В.Р. Фирсову, заместителю генерального директора РНБ по научной работе, президенту РБА, члену Общественного совета при Министерстве культуры РФ, и полковнику в отставке В.М. Крылову, директору Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, академику Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Заслуженному работнику культуры Российской Федерации. Оба выступающих подчеркнули, что открытие выставки является особенно важным событием

для наших современников, открывающих по-новому все еще малоизвестные страницы военной истории своего Отечества конца XIX – начала XX вв. Впервые за многие десятилетия экспозиция позволяет посетителям глубже познакомиться с одним из выдающихся государственных и военных деятелей Российской империи генералом А.Н. Куропаткиным. Они обратили внимание на многоплановость и малоизученность деятельности генерала, подчеркнув, что в конце своей жизни он выступал как общественный деятель и просветитель, делясь своими знаниями и опытом не только как преподаватель на своей малой родине в с. Шешурино, Псковской губернии, но и как библиотекарь и распорядитель собственной большой библиотеки, насчитывавшей около 12 тысячи томов, большей частью редких книг по военной истории, статистике, топографии, географии и экономике, которой генерал пользовался в своей научной работе.

Затем выступила к.и.н. О.А.Белозерова, биограф и исследовательница государственной и военной деятельности генерала А.Н. Куропаткина, которая отметила, что имя генерала Куропаткина окружено множеством легенд, и документы, фотографии и экспонаты, представленные на выставке, в новых деталях раскрывают его жизнь и деятельность, а также то, что А.Н. Куропаткин несомненно заслуживает большего внимания современников, и более объективного изучения его военно-исторического наследия. Исследовательница остановилась на отдельных биографических малоизвестных фактах, а также обратила внимание на существование не известных в настоящее время работ генерала, о чем свидетельствует представленная на выставке автобиография, написанная рукой генерала, где даны краткие биографические сведения и перечень работ, которые генерал считал наиболее важными, и указано, что его «труды географического характера: «Алжирия» и «Кашгария» награждены Императорским Географическим Обществом: «Алжирия» серебряною, а «Кашгария» золотой медалями».

Гостем выставки был к.т.н. Ю.Г. Попов, известный историк-краевед, почетный гражданин Казахстана. Благодаря его подвижническому труду в конце XX в., вопреки «отсутствию в то время интереса к личности генерала как царскому сатрапу», до нас дошли сведения о последнем «Шешуринском периоде» жизни генерала и его большой семье. Обобщая результаты своих поисков, он опубликовал историко-краеведческое исследование «Шешуринский шатер Алексея Николаевича Куропаткина» (СПб., 2017).

К сожалению о семье и близких родственниках А.Н. Куропаткина

почти ничего неизвестно. После октября 1917 г. генерал решил не покидать Родину, что в итоге привело к тому, что многие члены его семьи были расстреляны или репрессированы, а о судьбе его невестки Ольги Ивановны Куропаткиной (ур. Люся Кубинек, 1896 г.р.) и двух внуках Алексее (сентябрь (?), 1916, Петроград) и Георгие (31.12.1918, Петроград), ничего не известно. Недавно по письмам невестки генерала было установлено, что его сын Алексей Алексеевич Куропаткин (29.02.1892–13/14.01.1920). был расстрелян в январе 1920 г. в Москве.

В заключение, в связи с присутствием на выставке родственницы генерала А.Н. Куропаткина по линии его младшего брата, необходимо остановиться на некоторых биографических данных семьи Нила Николаевича Куропаткина (25.05.1851- 21.06.1881), подполковника, артиллериста, который также как А.Н. Куропаткин начал службу в Средней Азии, участвовал в походах Скобелева, был командиром батареи 2-ой Туркестанской артиллерийской бригады; а также состоял советником посольства в Кашгарском ханстве, во время которого спас всех членов этой миссии во главе с А.Н. Куропаткиным от неминуемой смерти.

Сотрудниками Государственного архива Псковской области было восстановлено, что по линии матери братья принадлежали к известной большой военной семье Арбузовых, которая породнилась и была в дружественных отношениях со многими известными семьями. Н.Н. Куропаткин был женат на Марии Николаевне Кожинной, которая часто жила на своей даче в районе урочища Артек в Крыму. В 30 лет он скоропостижно скончался, не дожив один месяц до рождения своего сына, которого назвали в честь отца также Нилом и который является дедушкой Г.Г. Соколовой. Нил Нилевич пошел по стопам отца, став артиллеристом, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, но в 36 лет в октябре 1917 г. (в чине полковника) был убит толпой восставших матросов. Он был женат на сестре милосердия Анне Васильевне Арбузовой, и у них было пять детей. Все они были репрессированы и их постигла, как и многих других их современников, трагическая судьба. Помня преждевременно скончавшегося брата, некогда спасшего его жизнь, А.Н. Куропаткин заботился о своих племянниках, и они обращались к нему в письмах «дорогой дедушка». В интервью телевизионному каналу «Санкт-Петербург» (Новости) Г.Г. Соколова сказала, что ее отец, «как пострадавший от того, что он родственник Алексея Николаевича, был выслан из Ленинграда. Поэтому мы узнали

о том, что это наш родственник, уже в зрелом возрасте».¹

Выставка явилась уникальным явлением в жизни Санкт-Петербурга: во-первых ее организаторы решили посвятить ее генералу А.Н. Куропаткину, что нигде ранее не отмечалось (за исключением малой родины генерала г. Торопца и с. Шешурино); во-вторых это был первый успешный опыт совместной работы РНБ с ВИМАИВиВС, и, как надеются организаторы, не последний. Выставка продолжит работу до начала апреля.

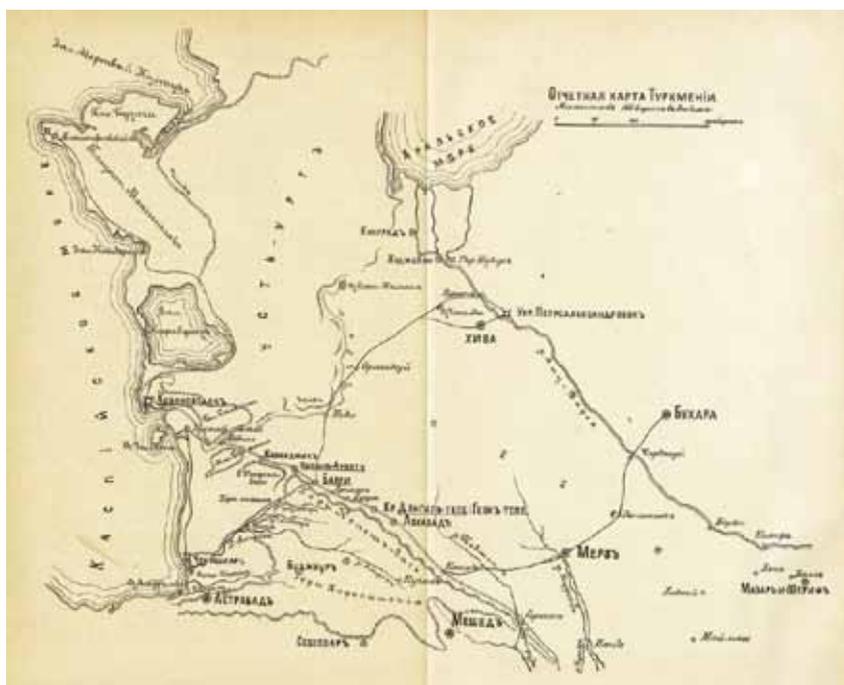
В ближайшее время в ОР РНБ также планируется проведение презентации коллективной монографии, посвященной 170-летию генерала А.Н. Куропаткина и раскрывающей малоизученные стороны его жизни и деятельности, которая явится естественным продолжением настоящей выставки.

¹ Выставка, посвященная кавалеру всех орденов царской России, открывается в РНБ. URL: <https://topspb.tv/news/2018/03/2/vystavka-posvyashennaya-kavaleru-vseh-ordenov-carskoj-rossii-otkryvaetsya-v-rnb/>

Центральноазиатские владения Российской империи в начале XX века
 (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Central_Asia_1900.svg)

АХАЛТЕКИНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Йомуды. Занимаемые территории.

Туркмены

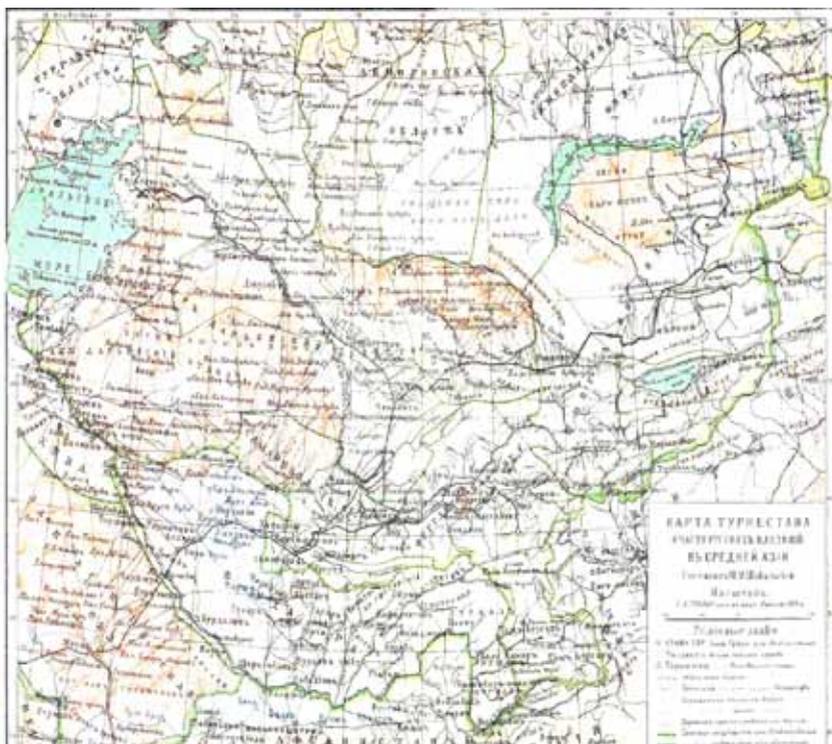

Уездное управление в Асхабаде

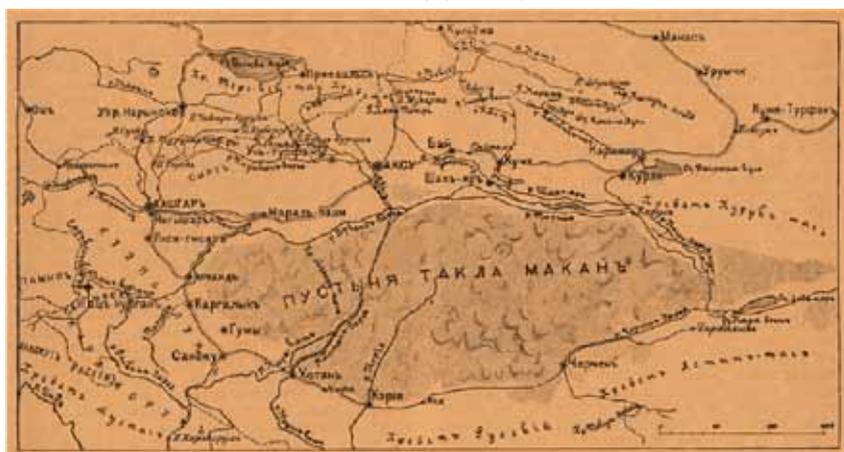

Синьцзян-уйгурский автономный район Китая

URL:http://liv.piramidin.com/politica/starikov_n/starikov_n_geopolitika_kak/starikov_n_geopolitika_kak.htm

Карта Туркестана
<http://www.foto.kg/giperssylka.html>

Кашгария или Восточный Туркестан с граничной линией
 URL: <http://www.runivers.ru/mp/maps-detail.php>

КАШГАРИЯ

ИЛИ

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

Опытъ военно-статистическаго описанія.

Подъ редакціей Начальника Штаба Туркестанскаго военнаго округа Генерал-лейтенанта
Сахарова

составилъ

Генеральнаго Штаба Подполковника
Портисовъ.

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Штаба Туркестанскаго военнаго округа

1902.

Труд (обложка) А.Н. Куропаткина «Кашгария или Восточный Туркестан».

А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

А.

МАРШРУТЪ

СЛѢДОВАНІЯ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ КАШГАРІЮ,

отъ города Оша до города Курля въ 1876 и 1877 годахъ.

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунк- тами ночле- говъ, въ вер- стахъ.
Городъ Ошъ.		
1876 года.		
7-го октября.	Селеніе Мады	11
8-го >	Урочище Талыкъ	29
9-го >	Укрѣпленіе Гульча	27¼
10-го >	Урочище Янги-арыкъ	22¼
11-го >	„ Суеи-курганъ	17
13-го >	„ Сары-кучукъ	15
14-го >	„ Ташъ-уй	18
15-го >	„ Ине-инеякъ	16
16-го >	Постъ Ирештамъ	17
17-го >	„ Егинъ	20
18-го >	Укрѣпленіе Улугчатъ	18
20-го >	Постъ Уксамиръ	40
21-го >	Рабать Курганинъ-нани	27
22-го >	Постъ Капъ-джуганъ	22

Чокан Валиханов
URL:<http://old.unesco.kz/heritagenet/kz/content/history/portret/yalihan.htm>

Александр Васильевич Каульбарс
URL:<http://www.forum.antique-photos.com/topic/1316>

Якуб-бек правитель Йэttiшара
URL:<http://www.vostlit.info/Texts>

Кауфман Константин Петрович
URL:<http://il-ducess.livejournal>

А.Н. Куропаткин во втором ряду второй слева, со шлагой в руке

Фаберже. Россия, 1905. Шахматный набор, доска и футляр А.Н. Куропаткина (Fabergé Kurapatkin Chess Set, Board, and Case).
Футляр: 3 1/8 x 25 3/4 x 19 1/4 дюйм.
Доска: 25 x 25 x 2 дюйм.
Высота фигуры короля: 3 1/8 дюйм.
Нефрит, джаспер, серпентин, авантурин, кварц и серебро.

Шахматы А.Н. Куропаткина в составе выставки «Искусство шахмат» впервые были показаны Москве в 2008 г.
URL: <http://etud-otradnoe.ru/content/view/308/>

Лестница в усадьбе А.Н. Куропаткина в пос. Приветненском

Внуки генерала А.Н. Куропаткина Алексей (1916) и Георгий (1918)

Фото О.А. Белозеровой. 26 декабря 2006 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии

1. Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). – М.: Европа, 2006. – 672 с.
2. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война. Военно-политическая история. – М., 2015.
3. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учетно-судного банка Персии). – Л: Наука, 1975. – 211 с.
4. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.
5. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999.
6. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.С.Ю. Витте и его время. – СПб., 1999.
7. Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. – Ч. 1. – 56+205 с.; Ч. 2, 1897. – 4+206 с.
8. Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. – 456 с.
9. Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. – Тифлис: Б.и., 1889. – 193 с.
10. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. – М.: Наука, 1991. – 391 с.
11. Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. – 294 с.
12. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. – М.: Новый хронограф, 2014.
13. Боронин О.В. Двоеднанничество в Сибири. – Барнаул: Азбука, 2003. – 218 с.
14. Бюлов Б. Воспоминания. – М.-Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. – 564 с.
15. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – М., 2002.
16. Великая заслуга главнокомандующего гениального вождя А. Н. Куропаткина. Бюллетень. Октябрь 1904 г. – М., 1904.
17. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 471 с.
18. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. – М. 1963.
19. Витте С.Ю. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте / Под ред. Б.Б. Глинского. – Пг., 1916.
20. Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого. – СПб., 1911–1915.
21. Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). – Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1938. – 319 с.
22. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. – М., 2001.
23. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. – СПб., 1991.
24. Генерал Калитин: страницы жизни / Подг. Д.Ю. Логунов. – Челябинск, 2014.
25. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала

- в России. – М., 1948.
26. Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти, 1831–1917. – СПб., 2007.
 27. Григорьева Н.В. Судьбы. Карельский перекресток. – СПб, Любавич, 2012.
 28. Грулев М.В. В штабах и на полях. [В 2-х т.]. – СПб., 1908–1909.
 29. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. – Париж, 1930.
 30. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 гг. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 480 с.
 31. Двухсотлетие Военного министерства, 1802–2002 гг.: Очерки истории Воен. министерства. – М., 2003.
 32. Деникин А.И. Старая Армия. Офицеры. – М., 2006.
 33. Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. Военный аппарат России в период войны с Японией (1904–1905 гг.). – М., 2005.
 34. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. – London; М., 1999.
 35. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О. Р. Айрапетова; предисл. М.Н. Покровского, С. Л. Будкевича. – М., 2010.
 36. Дневники императора Николая II. – М.: ORBITA, 1991. – 736 с.
 37. Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер. с англ. Н.В. Банниковой. – М.; Рязань: П.А. Трибунский, 2013. – 287 с.
 38. Дусинский И.И. Геополитика России. – М., 2003.
 39. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? – М., 2000.
 40. Елец Ю. Биография В.В. Крестовского. – СПб, 1898.
 41. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – Изд. 2-е доп. – М.: АН СССР, 1951. – 608 с.
 42. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий: 1881–1903. – М.: Мысль, 1973. – 355 с.
 43. Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Персии. – СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. – 205 с.
 44. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989.
 45. Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сб. матер. к 100-летию со дня окончания войны / Авт.-сост. Е.М. Османов. – СПб., 2005.
 46. Известия о военных действиях с 25 по 31 января 1904 г. из Правительственного вестника. – СПб., 1904.
 47. Иснев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар. – М., Наука. 1981.- 89 с.
 48. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М.: Международные отношения, 1999. – 384 с.
 49. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М.: Международные отношения, 1997. – 674 с.
 50. Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы — 1905 год). – СПб., 2012.
 51. Калитины: страницы жизни / Публ. Д.Ю. Логунова. – Челябинск, 2012.
 52. Караш Хан Оглы (Йомуд-хан [Йомудский Н.Н.]) Местный суд в Закаспийской области (Народный суд). Историко-критический очерк. – Ташкент: Типография ОГПУ Туркеспублики, 1922. – 59 с.
 53. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. – М, 1993.

54. Кияшко И.И. Военный обзор Закаспийской области. – Асхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1896. – 12+600+221 с.
55. Кладо Н.Л. Этюды по стратегии. – М., 1997.
56. Ковалев В.Е. Российское военное министерство в конце XIX–начале XX в., – М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003.
57. Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. – М. 1997.
58. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М., 2001.
59. Командующий Маньчжурской армией, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин / Николаевская военно-инженерная академия. – М., 1905.
60. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М., 2010.
61. Крестовский В.В. Собрание сочинений, тт. V, VI. – СПб.: Издательство товарищества «Общественная польза», 1899.
62. Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. – 116 с.
63. Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). – М.: ИД Ключ-С, 2010. – 271 с.
64. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. II. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. – СПб.: Изд. В. Березовский, 1910. – 526 с.
65. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. – 435 с.
66. Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. – СПб.: Изд. В. Березовский, 1899. – 224 с.
67. Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. – Варшава, 1906.
68. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879. – 435 с.
69. Куропаткин А.Н. Русская армия. – СПб. 2003.
70. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. – СПб., 2002.
71. Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. – СПб., 1913.
72. Куропаткин А. Туркмения и туркмены. – СПб.: Типография В.А. Политики, 1879. – 57 с.
73. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. – М., 1988.
74. Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). – М., 1961.
75. Лапин В. В. Дж. В. Стейнберг. «Все люди царя: Российский генеральный штаб и падение империи: 1898–1914» [Рец.] // Cahiers du monde russe [En ligne] // URL: <http://monderusse.revues.org/7371>
76. Левитов И.С. Желтороссия как буферная зона. – СПб., 1905.
77. Левитов И.С. Желтая раса. – СПб., 1900.
78. Левитов И.С. Желтая Россия. – СПб., 1901.
79. Левицкий Н.А. Русско-японская война. – М.; СПб., 2003.

80. Леонтьев М. Большая игра. – М.: АСТ; Спб.: Астрель-СПб. – 319 с.
81. Лосев А. Владимир Соловьёв и его время. – М., 1990.
82. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. – Спб., 2008.
83. Любинский А.И. Русская армия и генерал Куропаткин как полководец. Из опыта русско-японской войны. – М., 2012.
84. Макнил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество XI-XX веках. – М.: Территория будущего, 2008. – 456 с.
85. Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г. Кн. 1. – М., 1973.
86. Могильнер М. Номо impērii: История физической антропологии в России... – М., 2008.
87. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864-1877 гг.). – Барнаул, 2006. – 198 с.
88. Моисеев С.В. Русско-кашгарские отношения в 60-70х гг. XIX в. Документы и извлечения. Барнаул, 2008. – 234 с.
89. Мы должны победить японцев или не возвращаться домой. 28 мая 1905 г. – М.: Бюллетень тип. Филагова, 1905.
90. Низамутдинов И. «Сеистанский вопрос»: Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. – Ташкент: Б. и., 1958. – 67 с.
91. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Феникс, 1992. – 382 с.
92. Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. – Спб.: Военная типография, 1902. – 147 с.
93. Очерки новой истории Ирана / Под ред. Л.М. Кулагинной. – М.: Наука, 1978. – 203 с.
94. Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. – Спб.: Сенатская типография, 1909. – 311 с.
95. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М., 1999.
96. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2002.
97. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М., 2000.
98. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
99. Панов В.А. Историческая ошибка. Отдельные оттиски из № 23–47 газеты «Дальний Восток». – Владивосток, 1908.
100. Петров Б.Д. С.П. Боткин. Жизнь и деятельность. – М., Медицина, 1982.
101. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 10. Отд. 1, 1890. – Спб.: Гос. Типография, 1895.
102. Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. // URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/15052012-08a.html>
103. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. С указаниями, опубликованными по октябрь 1903 г., решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения. Сост. Б.Н.Каплун. – Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1903. – 212 с.
104. Попов Ю.Г. Куропаткин в Шешурино. – Торопец, 1998.
105. Попов Ю.Г. Куропаткин и Шешурино. Документы, воспоминания, публикации.

- Торопец. 2002.
106. Попов Ю.Г.Торопецкий культурный слой. – СПб. 2016.
107. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Очерки истории военно-политических отношений. М., 2004.
108. Попов И.М. Россия – Китай: документальное приложение. Дополнение к книге «Россия и Китай: 300 лет на грани войны». Документ № 13 // URL: <http://www.milresource.ru/Russia-China-Documents.html>.
109. Попов Ю. Г. Шешуринский шатер генерала Алексея Николаевича Куропаткина. – СПб, 2017.
110. Порт-Артур: Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. В.П. Козлова; сост. И.В. Карпеев и др. Сб. док.: [в 2 т]. – М., 2008–2009.
111. Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 77 с.
112. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: Памятники исторической мысли 2001. – 415 с.
113. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 384 с.
114. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Т. I. – СПб., 1910.
115. Ратцель Ф. Народоведение. – СПб., 1900.
116. Редигер А.Ф. История моей жизни. – М., 1993.
117. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. – М., 1999.
118. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. – Омск, 2004.
119. Рёрберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений: записки участника Русско-японской войны 1904–1905 гг., члена воен.-ист. комис. по описанию Русско-японской войны, 1906–1909 гг. – Мадрид, 1967.
120. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. – М.; Л., 1947.
121. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928.
122. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. – М., 1999.
123. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. – Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1946. – 327 с.
124. Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под ред. В.А. Золотарева, В.И. Шеремета. – М., 1994.
125. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. – М., 1958.
126. Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: международный исторический сборник / Под ред. О.Р. Айрапетова. – М., 2004.
127. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии / Авт.-сост. В. В. Глушков, К. Е. Черевко. – М., 2006.
128. Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. – СПб.: изд-во

- В. Березовского, 1908.
129. Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица / Предисл. М.Н. Покровского. – Л., 1925.
 130. Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. – М.: РОССПЭН, 2012. – 582 с.
 131. Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. – М.: РОССПЭН, 2005. – 392 с.
 132. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906.
 133. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
 134. Сергачев А.С. Хроника строительства и гибели форта «ИНО». Реферат. – СПб, ВВИТКУ, 1997
 135. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. 286 с.
 136. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.
 137. Сикорский И.А. Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросом русско-японской войны. – Киев, 1904.
 138. Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903). Ч. I–III. – СПб., 1910.
 139. Сеницкий Л.Д. Политическая география (по Ратцелю). – М., 1899.
 140. Сладковский, М.И. Китай и Англия. – М., Наука, 1980. – 351 с.
 141. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). – Омск, 1999.
 142. Столетие Военного министерства. – Т. III. Отд. VI. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год / Сост. Н. М. Затворницкий. – СПб.: Типография товарищества М.О. Вольф, 1911. – 316 с.
 143. Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг.). – М., 1976.
 144. Сухомлинов В. А. Воспоминания. – Берлин, 1924.
 145. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифо-творчество привело Россию к войне с Японией. – М., 2009.
 146. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 352 с.
 147. Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны. [В 2 ч.] – СПб., 1913-1914.
 148. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 240 с.
 149. Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ барону фон-Теттау. – Умань, 1916.
 150. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. – СПб., 1900.
 151. Формирование границы между Россией Цинским Китаем. Кн. 5. – М., 1970. – 887 с.

152. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. – М., 2001.
153. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.
154. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 480 с.
155. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. – М.: 1979. – 128 с.
156. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
157. Чудиновских А.Г. В.М. Бехтерев. Жизнеописание. – Киров, 2000.
158. Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. – 1914 г. – М. : Наука, 1992. – 268 с.
159. Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. – М.: Молодая гвардия, 2004.
160. Шокарев Ю.В. Артиллерия. – М.: АСТ; Астрель, 2001. – 270 с.

Научные статьи

161. Авдеев В.А. Терновый венец генерала А.Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 4. – С. 68–75.
162. Авербах Ю.Л. Шахматы Фаберже // Русское искусство. – № 2. – 2005.
163. Айрапетов О.Р. Вступ. ст.: Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А.Н. Куропаткина. – М., 2010.
164. Аминов И.И. Развитие правового статуса Закаспийской области в составе Российской империи (1834–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2. – Ч. 1. – С. 13–16.
165. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность «бездобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX начале XX в. – Л., 1989. – Вып. 4. – С. 59-78.
166. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю.Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М.; Л., 1963. – С. 298-374.
167. Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. – 1933. – Т. 1 (56). – С. 33–64.
168. Артамонов Л.К. Исследование, произведенное в 1891-92 годах Генерального Штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хоросана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее – СМА). – 1892. – Вып. 51. – С. 124–138.
169. Аспидов А. Высокая честь любить Россию // Санкт-Петербургские ведомости. – 2006. – № 207. – 03 ноября.
170. Бабарыгина Н.А. Значение фондов древнехранилища в изучении книжного и документального собрания генерала А.Н. Куропаткина// Псковская губерния и ее архив: история и современность: материалы науч.- практ. конф. – Псков. 2001. – С. 148-151.
171. Бабарыгина Н.А. Реконструкция библиотеки А.Н. Куропаткина // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к научно-практической

- конференции 1995/1996 гг. – Псков. 1996. – С. 28-32.
172. Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. – 1896. – Вып. 63. – 367 с.
173. Белозерова О.А. Взгляды военного министра А.Н. Куропаткин на корейский и маньчжурский вопросы в 1903 г. // Реформы и реформаторы как предмет исследования социальных и гуманитарных дисциплин: матер. междунар. науч. конф. 22 апреля 2016 г. / Под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева и др. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. – С. 29-32.
174. Белозерова О.А. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны / О. А. Белозерова // Труды Пятой международной научно-практической конференции «Война и оружие». 14–16 мая 2014 г. — СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. — Ч. I. — С. 141–153.
175. Белозерова О.А. Выставка отдела рукописей Российской Национальной библиотеки: К 170-летию со дня рождения военного министра Алексея Николаевича Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3.
176. Белозерова О.А. Генерал А.Н. Куропаткин во главе Маньчжурской армии в начальный период русско-японской войны (1904 – 1905) и «двоевластие» на театре военных действий // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9.
177. Белозерова О.А. Генерал А.Н. Куропаткин о государственной деятельности С.Ю. Витте // «Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года»: Матер. междунар. науч. конф. 14 апреля 2017 г. / под ред. В.М. Доброштан и др. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. – С. 31-34.
178. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8.
179. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о целях и задачах военного министерства в конце XIX столетия // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 17–19 мая 2017 г. — СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. I. С. 220–232.
180. Белозерова О.А. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин и совещание 28 февраля 1905 г. // Труды Шестой международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 13–15 мая 2015 г. Ч. I. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. – С. 144–157.
181. Белозерова О.А. «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий в Русско-японскую войну (1904-1905). Генерал Куропаткин о возможности Порт-Артура обороняться // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 18–20 мая 2016 г. Ч. I. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. – С. 194–208.
182. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
183. Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А. Н. Куропаткина в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 154-163.
184. Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в

- связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905) // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1.
185. Белоконь И.В. Туркестан в геополитических и колониальных конструкциях А.Н. Куропаткина // Омский научный вестник. – 2008. – № 6 (74). – С. 64-67.
186. Белоконь И.В. «Дивилзационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8.
187. Бирюков С.В. Россия и Центральная Азия. Политика России в отношении новых независимых государств: проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана) // Восток. – 2001. – № 1. – С. 84-96.
188. Бурдужук В.И. «Властное многоголовье» и как его ликвидировали. Что препятствовало масштабным преобразованиям высшего и центрального управления русской армии в ходе военной реформы 1905-1912 гг. // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 5. – С. 4-10.
189. В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / предисл. А. Попова // Красный архив. – 1930. – Т. 4-5 (41-42). – С. 148-204.
190. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. – Алма-Ата, 1985. – 414 с.
191. Васильев А. «Алжирия», или Североафриканский вояж капитана Куропаткина // Родина. – 2013. – № 6. – С. 88-90.
192. Верещагин А.В. Дома и на войне // Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. – М., 2000. – С. 172-173.
193. Витол А.В. Генерал А.Н. Куропаткин – писатель и востоковед // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. Ч. I. 17-19 мая 2017 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. – С. 482-491.
194. Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерезгезскому, Кучанскому и Бужнурдскому // СМА. – 1893. – Вып. 52. – С. 1-46.
195. Власов П.М. Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по сев. округам Хорасана // СМА. – 1893. – Вып. 52. – С. 229-250
196. Власов П.М. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. – 1894. – Вып. 56. – С. 176-190.
197. Власов П.М. Статистические сведения о Дерезгезском, Кучанском, Бужнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. – 1894. – Вып. 56. – С. 126-175.
198. Временная оккупация Маньчжурии (1900-1901 гг.) // Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). – М.; Л.: 1947. – С. 92-115.
199. Гальперин А.Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком // Исторические записки. – 1955. – Т. 50.
200. Ганелин Р. Ш. Совет министров Российской империи и революционный процесс // Тезисы докладов международной научной конференции 30-31 мая 2013 г. – СПб., 2013. – С. 14-15.
201. Генерал А.Н. Куропаткин о Туркестанской ревизии // Туркестанский сборник. – Т. 495. – Ташкент: Б.и., 1908. – С. 127-129.

202. Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. – 2006. – № 12; 2007. – № 1–11.
203. Глушков В.В., Долгов Е.И., Шаравин А.А. «...Между властью и народной массой легла трудно устранимая пропасть» // Военно-исторический журнал. – 1999. – № 4. – С. 85-90.
204. Гоков О.А. Поездка К.-О.Г. Баумгартена в Иран в 1894 г. // Питання сходознавства в Україні. Тези доповідей Всеукраїнської науково-практичної конференції 6–7 квітня 2017 року. – Харків, 2017. – С. 31–32.
205. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
206. Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. – 2015. – № 5. – С. 187–197.
207. Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1.
208. «Для облегчения бремени вооруженного мира». Предложения об отказе от войн впервые выдвинула Россия // Источник. Документы русской истории. – 1996. – № 2 (21). – С. 25-37.
209. Дневник А.Н. Куропаткина / Предисл. М. Покровского // Красный архив. – 1922. – Т. 2. – С. 5–47.
210. Дневник генерала А.Н. Куропаткина // Исторический архив. – 1992. – № 1. – С. 154-170.
211. Зубов А.Ю. Русское офицерство в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 711–713.
212. Зуев В. Генерал от поражений // Советский патриот. – 1991. – № 48.
213. Зуев В.Н. Генерал Куропаткин. К 150-летию со дня его рождения. // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 81-93.
214. Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1997. – С. 134–140.
215. Из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина (1867–1882) / Публ. подгот. И.В. Карпеев // Исторический архив. – 1994. – № 4. – С. 185–195.
216. Ильина Н.В. Накануне первой русской революции (Из переписки русских военных деятелей А.Н. Куропаткина и А.Ф. Редигера в 1905 г.) // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 6.
217. Истягин Л. Г. Иван Блюх и российская инициатива по ограничению вооружений в конце XIX в.: актуальные аспекты исторического опыта // Пути к безопасности. – 2002. – № 1-2 (23-24). – С. 65-91.
218. К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. – 1935. – Т. 2/3 (69/70). – С. 3–39.
219. К истории первой Гаагской конференции 1899 г. // Красный архив. – 1932. – Т. 1-2 (50-51). – С. 64-96.
220. Казюлин Н. Шешуринский затворник // Мой край. – 1995. – 28 мая.
221. «Как я стал офицером»: из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина «70 лет моей жизни» // Отечественные архивы. – 1996. – № 2. – С. 67-93.
222. Камаровский Л. А. Вопрос о сокращении вооружений // Русская мысль. – 1899. – № 5. – С. 74-86.

223. Камберг А.И. Действия Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции // Военный сборник. – 1906. – № 1.
224. Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России // Научно-практический, историко-краеведческий журнал г. Псков. – 2006. – № 25. – С. 156–158.
225. Кожирова, С.Б., Моисеев, В.А. Торговля России с мусульманскими государствами Сындыяна 1860-1874 гг. // Вестник Алтайского государственного университета. – 1997. – № 2.
226. Коломыцева Н.В. Алексей Николаевич Куропаткин // Александро-Невские чтения; сост. протоиер. О.Г. Тэор. – Псков, 2010. – № 2.
227. Коломыцева Н.В. Сын России: памяти Алексея Николаевича Куропаткина // Псковская правда. 1994.2 апреля.
228. Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. – 1905. – Вып. 78. – С. 1–24.
229. Котюкова Т.В. Во имя истинных интересов государства. Отношение Государственной думы и А.Ф. Керенского к восстанию 1916 года в Туркестане // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 8. – С. 60-63.
230. Краткий очерк обстановки русско-японской войны до Мукденских боев включительно // ГАРФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 139. – Л. 48.
231. унстман Д.К. О последних годах жизни А. Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 6. – С. 116–117.
232. Куриленко Г. Забытый путешественник // Псковская правда. – 1962. – 30 сентября.
233. Куропаткин А.Н. «Холмский народный музей» // Отчёт о съезде заведывающих волотделами нар. обр. с приложением докладов инструкторов на Съезде учащихся Холмского у., Псковской г. (авг.- сент. 1919) . – Псков: Типография Холмского Совдепа, 1919. – С.81-97.
234. Куропаткин Алексей Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XVII. Кур Кях / Ст. В. В. Водовозова. – С. 94.
235. Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. – Л., 1925.
236. Лессар П.М. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) // Записки Кавказского отдела Императорского русского исторического общества. – Кн. XIII. – 1884. – С. 161–211.
237. Лихарев Д.В. О некоторых тенденциях в современных российских исследованиях Цусимской темы// Россия и АТР. – 2009. – № 4. – С. 76–86
238. Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана // Родина. – 2009. – № 1. – С. 61–64.
239. Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. – 2007. – № 2. – С. 16.
240. Мамаева В. Открыт памятник генералу Куропаткину // Тверская жизнь. – 1998. – 21 марта
241. Мансурова Л.Р. Генерал от инфантерии. Книжное собрание А.Н. Куропаткина// Библиотечное дело. – 2010. – № 6. – С. 17-18.
242. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // «...хорошо забытое старое». Из истории отечественной военной мысли / Сб. ст. Е.И. Мартынова, А.А. Свечина, С.Ф. Ахромеева. – М., 1991.
243. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // Молва. – 1905. – № 7.

244. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэйтишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
245. Моисеев С.В. Дипломатическая и научная миссия А.Н. Куропаткина в Кашгарии в 1876-1877 гг. // Востокведные исследования на Алтае. – Вып. II. – 2000. – С. 95–104.
246. Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. — январь 1902 г.) / предисл. И. Ерухимовича; подг. М. Н. Гершевич // Красный архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 3–54.
247. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
248. Николаев Н.Ю. Выработка Россией программы к Гагской конференции 1899 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4. История. Философия. – Волгоград : ВолГУ, 1999. – Вып. 4. – С. 22-31.
249. Николаев Н.Ю. Германия и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2005. – Вып. 10. – С. 43-47.
250. Николаев Н.Ю. Европейское общественное мнение и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2003. Вып. 8. – С. 92-96.
251. Николаев Н.Ю. Идеи пацифизма и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Философия. – Волгоград: ВолГУ, 2000. – Вып. 5. – С. 50-56.
252. Осипова Н. Отставной генерал, краевед, ученый // Новости Пскова. – 1992. – 31 января.
253. Осипова Н.П. Холмский уездный народный музей // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к научно-практической конференции. – Псков, 1990. – С.15-17.
254. Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904–1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 144–157.
255. Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: междунар. ист. сб. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов (пер. с англ.). – М., 2004. – С. 111–138.
256. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) / предисл. А. Л. Попова; подг. А. Л. Попов и С. С. Димант // Красный архив. – 1932. – № 3 (52). – С. 34–124.
257. Перхин В.В. Э.Э. Ухтомский – редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в письмах (1897–1919) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 5. – С. 58-68.
258. Письма С.Ю. Вите к Д.С. Сипягину (1900-1901 гг.) // Красный архив. – 1926. – Т. 5 (18).
259. Письмо военного министра А. Н. Куропаткина упр. мин. ин. дел. В.Н. Ламздорфу. Боксерское восстание / предисл. А. Л. Попова // Красный архив. – 1926. – № 1(14).
260. Поддержание приятных отношений с Китаем должно быть целью нашей

- политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева председателю Совецания об управлении Квантунской областью Д. М. Сольскому 1898 г. / публ. подг. М.Х. Яргаев // Исторический архив. – 2006. – № 4.
261. «Подполковник Куропаткин, начальник штаба 16-й пехотной дивизии» // Иллюстрированная хроника войны. Прил. к «Всемирной иллюстрации». – 1878. – Т.2. – № 70. – С. 153-154.
262. Покровский М. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. – 1927. – № 1(20). – С. 56–77.
263. «Политическое успокоение» Маньчжурии // Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Очерки истории военно-политических отношений. – М., 2004. – С. 346–347.
264. Попов Ю.Г. Библиотека генерала Куропаткина // Материалы 4 Международной научной конференции «Библиотека в контексте истории». – М. 2001. – С. 319 – 325.
265. Попов Ю.Г. Где вы, внуки генерала Куропаткина? // Тверские губернские известия. – 1999. – 10-16 февраля.
266. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
267. Попов Ю.Г. Холм и Куропаткин // Маяк. Холм. – 1999. – 26 июня.
268. Попов Ю.Г. Холмские годы генерала Куропаткина// Маяк. – 1997. – 18,22 января. 8 февраля. 1, 15 марта. 2 апреля. 18, 21 июня. 30 июля. 16 августа. 10 сентября.
269. Попов Ю.Г. Гражданин на все времена // Тверская жизнь. – 2002. – 14 сентября.
270. Почекаев Р.Ю. Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты) // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докладов Международной научно-практической конференции. Москва, 18 сентября 2015 г. – М.: Б.и., 2016. – С. 156-170.
271. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
272. Почекаев Р.Ю. Российские и британские путешественники об административных преобразованиях Якуб-бека в Восточном Туркестане (1860–1870-е гг.) // Общество и государство в Китае. – Т. XLVII. – Ч. 1. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. – С. 170–178.
273. Пушкарь Дм. Генеральское счастье// Московские новости. – 2001. – № 3. – 30 января.
274. Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала «Ab Imperio»). – Казань, 2004. – С. 223–242.
275. Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания России: новые подходы и интерпретации. – М., 2001. – С. 97-125.
276. Ремнев А.В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего

- министра Куропаткина // Родина. – 2004. – № 9. – С. 32–34.
277. Ремнев А.В. «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Европа: Международный альманах. Вып. IV. – Тюмень, 2004. – С. 56–78.
278. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. – 2000. – № 3–4. – С. 343–358.
279. Ремнев А.В. Российский Дальний Восток и имперская география власти: историографические и методологические наблюдения в контексте современности // Россия и островной мир Тихого океана. Вып. 2. – Южно-Сахалинск, 2010. – С. 5–29.
280. Ремнев А.В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи. XIX – начала XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей. – М., 2004. – С. 286–320.
281. Ремнев А.В. Русский «Дранг нах Остен» на рубеже XIX–XX в. // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий. – М., 2004. – С. 97–137.
282. Российское военное министерство в конце XIX — начале XX в. // Двухсотлетие Военного министерства, 1802–2002 гг.: Очерки истории Военного министерства–М.: РИЦ ГШ ВС РФ., 2003.
283. Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны. Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // «Россия и Запад»: Сб. ст. по русск. ист. – Пг., 1922.
284. Русанова Л. Опальный генерал // Новости Пскова. – 2000. – 19 июня.
285. Рыбаченок И.С. «Граница между Россией и Японией одна — океан». Секретная записка князя А.М. Волконского // Источник. Документы русской истории. – 1995. – № 5 (18). – С. 4–16.
286. Рыбаченок И.С. Россия и Гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 169–192.
287. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43–46.
288. Самойлов Н. А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия / Под ред. А. В. Лукина. – М., 2013. – С. 50–89.
289. Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Сборник материалов III межвузовской научной конференции. – Саратов, 2010.
290. Сапрыкин Р.В. Из дневников генерала А.Н. Куропаткина: назначение на пост военного министра // Проблемы истории российской цивилизации. Сб. науч. ст. 2005. Вып. II. – С. 192–210.
291. Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 3–15.
292. Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы. С кафедры президиума РАН // Вестник Российской Академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 4. – С. 301–308.
293. Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // Вестник Челябинского Университета. – 1999. – № 2 (10). – С. 104–116.
294. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй

- половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 3–15.
295. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 82–91.
296. Симанский П.Н. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. – 1925. – № 1.
297. Слонимский Л. З. Вооруженный мир и проекты разоружения // Вестник Европы. – 1898. – № 10. – С. 778–792.
298. Стрельбицкий. Записка о Восточном Хорасане: По рекогносцировке 1891 года // СМА. – 1895. – Вып. 62. – С. 43–255.
299. Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году // СМА. – 1892. – Вып. 51. – С. 139–165.
300. Стрельбицкий. Поездка по восточному Хорасану в 1890 г. // СМА. – 1891. – Вып. 46. – С. 135–266.
301. Субботин Ю.Ф. Куропаткин и Дальневосточный конфликт // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX начале XX в. Очерки. – М., 2003.
302. Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения. Т. 5. – М., 1958.
303. Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. – 1896. – Вып. 65. – С. 1–130.
304. Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Транспортное обеспечение Маньчжурских армий во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 2. – С. 60–62.
305. Хакимов Н. К истории внешнеполитических сношений Туркестанского генерал-губернаторства: миссия А.Н. Куропаткина в Кашгарию в 1876–1877 гг. (дипломатические и научные результаты) // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 18. – С. 18–24.
306. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33.
307. Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. / Предисл. М.Н. Покровского; подг. А.Л. Попов // Красный архив. – 1926. – № 5 (18).
308. Череванский В.П., Рихтер О.Б. Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией. 1905 г. // РГА ВМФ. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 34.
309. Чугуевский Л. И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – № 3.
310. Чуканов Ю. Золото форта «Ино» // Новый Петербург. – 2007. – № 20. – 3 мая.
311. Шаров А. Забытый генерал Куропаткин // Коммунист вооруженных сил. – 1991. – № 12. – С. 61–67.
312. Шаццлло К.Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 224–233.
313. Шерих Дм. Высокая честь любить Родину // Санкт-Петербургские ведомости. – 2006. – 3 ноября.
314. Японские дневники А. Н. Куропаткина Т. VI // Публ. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. – М., 1995.

Диссертации и авторефераты

315. Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2013.
316. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015. – 354 с.
317. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А. Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – СПб., 2015. – 36 с.
318. Белоконов И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Автореф. ... канд. ист. наук.– Омск, 2012. – 23 с.
319. Белоконов И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. – 197 с.
320. Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999.
321. Гаврилов К.В. С.Ю. Витте и общественное мнение о его государственной деятельности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.
322. Мартыненко Ю. А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001.
323. Николаев Н.Ю. Россия и Гагская мирная конференция 1899 года: Дис.... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001.
324. Николаев Н.Ю. Россия и Гагская мирная конференция 1899 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001. – 30 с.
325. Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 220 с.
326. Суворов В.В. Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2011.

Литература на иностранных языках

327. Barcroft S. The Hague Peace Conference of 1899 // *Irish Studies in International Affairs*. – Vol. 3. – No. 1. – 1989. – P. 55-68.
328. Davis C. D. The United States and the First Hague Peace Conference. – N. J., Ithaca, Cornell University Press, 1962. – 236 p.
329. Dülffer J. Die Haager Friedenskonferenzen von 1899 und 1907 im internationalen Staatensystem // *Die Friedens-Warte*. – Bd. 74. – 1999. – H. 1-2. – S. 98-112.
330. Dungen van den P. From St. Petersburg to The Hague : Bloch and the First Hague Peace Conference (1899) // *The Future War*. – The Hague : Kluwer Law International, 2000. – P. 69-83.
331. Eyffinger A. The 1899 Hague Peace Conference. The Parliament of Man, the Federation of the World. – The Hague ; Boston : Kluwer Law International, 1999. – 472 p.
332. Ford T. The Genesis of the First Hague Peace Conference // *Political Science Quarterly*. – Vol. 51. – No. 3. – P. 354-382.

333. Kowner, Rotem, author. *Historical dictionary of the Russo-Japanese War* / Rotem Kowner. Second edition. Lanham: Rowman & Littlefield, 2017.
334. Kuropatkin, A.N. *Kashgaria (Eastern or Chinese Turkistan): Historical and Geographical Sketch of the Country; Its Military Strengths, Industries and Trade* / Transl. from Russ. by W.E. Gowan. – Calcutta: Thacker, Spink and Co., 1882. – 255 p.
335. Lone, Stewart. “Japan’s First Modern War: Army and Society in the Conflict with China, 1894-1895.” London: Macmillan, 1994.
336. Lone, Stewart. “The Japanese Military during the Russo-Japanese War, 1904–05: A Reconsideration of Command Politics and Public Images.”: URL: <http://www.russojapanesewar.com/documents.html>; Towle, Philip A. “British Observers of the Russo–Japanese War.” In *Aspects of the Russo–Japanese War*, ed. Stewart Lone and Philip Towle, 23–34. London: Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines, 1998.
337. Marshall A. *Russian General Staff and Asia, 1860–1917*. – London – New York: Routledge, 2006.
338. Morrill L. D. *Nicholas II and the Call for the First Hague Conference // The Journal of Modern History*. – Vol. 46. №. 2. – 1974. – P. 296-313.
339. Nish, Ian. *The Origins of the Russo-Japanese war*. London, New York: Longman. 1989.
340. Pozefsky, Peter C. “General Aleksei Nikolaevich Kuropatkin and the Imperial Russian Army.” *UCLA Historical Journal* 6 (1985): 50-82.
341. Robinson J., Robinson J. *Handbook of Imperial Germany*. Bloomington: – Author-House, 2009. – 336 p.
342. Rogger, Hans. «The Skobelev Phenomenon: The Hero and his Worship» *Oxford Slavonic Papers* 9 (1976): 46-78.
343. Steinberg John. *All the Tsars Men. Russia’s General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Washington, D.C. 2010.

*Проект реализован при финансовой поддержке ООО
“ЛИДЕРКОНСАЛТ”*

ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

К 170-летию со дня рождения

Коллективная монография

Под общей редакцией

Виктора Петровича Сальникова,

доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

Белозерова Ольга Александровна, кандидат исторических наук;

Белоконь Ирина Васильевна, кандидат исторических наук;

Гокв Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент;

Григорьева Нина Васильевна, историк-краевед;

Моисеев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент;

Николаев Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент;

Попов Юрий Григорьевич, историк-краевед, кандидат технических наук;

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент;

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор.

Редактор-составитель О.А. Белозерова, к.и.н.

Главный редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.

Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

Выход в свет 24.04.2018 г. Формат 60x84 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23,1 п.л. Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета авторов. Заказ № 354.

Фонд содействия науке и образованию в области
правоохранительной деятельности «Университет»

Санкт-Петербург, 198261, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
Тел. (812) 755-56-58 E-mail: fonduniver@bk.ru www.fonduniver.ru